

Гай Юлий
Орловский

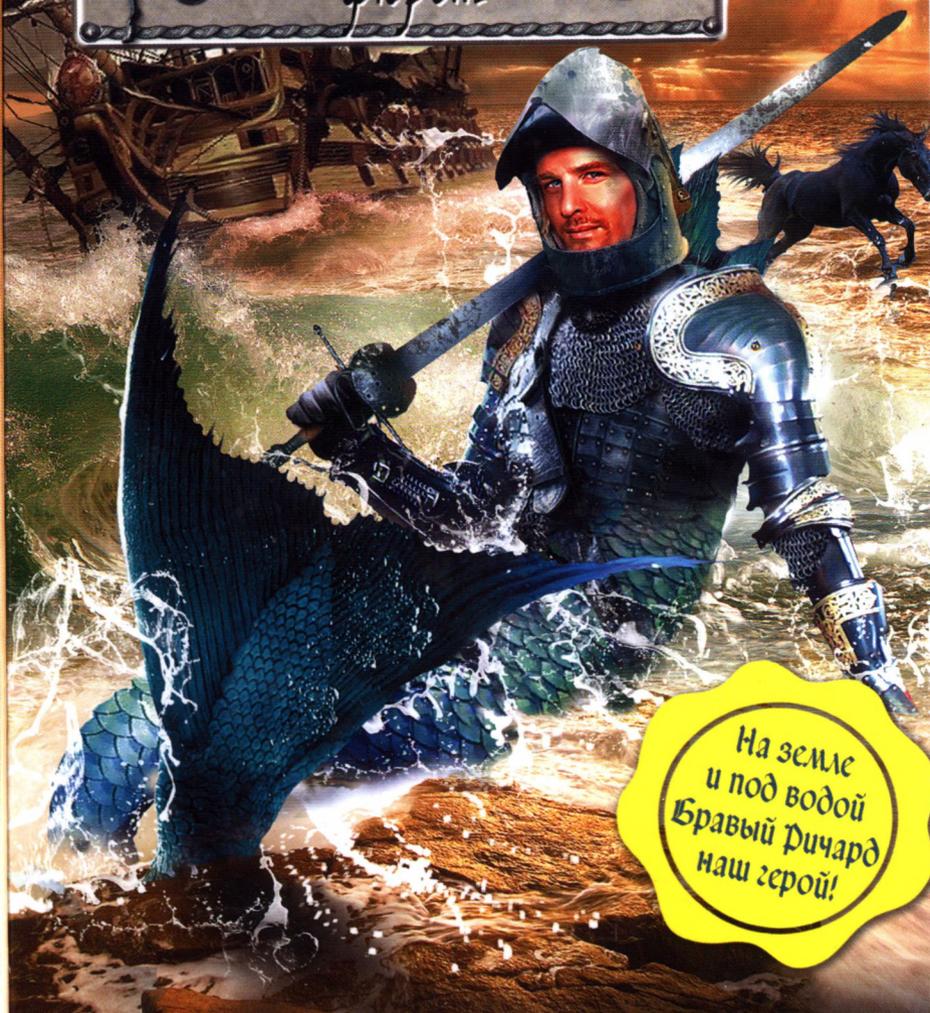

Ричард Длинные Руки —
фюрст

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
фюрст

На земле
и под водой
Бравый Ричард
наш герой!

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурцграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гростграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог

Ригард Длинные Руки —
фюрст

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
фюрст

ЭКСМО
Москва
2011

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — фюрст : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2011. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-48909-1

Каравелла под всеми парусами, свежий морской ветер, игривые дельфины, в каюте принцесса Констанция Бретонская из династии Керлингов... Все предвещало сэру Ричарду прекрасное легкое путешествие после трудных боев в пыльных степях Гандерстейма.

Он и планировал отдых. Но кто хочет рассмешить Бога, пусть расскажет ему о своих планах.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Орловский Г.Ю., 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-48909-1

На помощь, герцог, поскорей на помощь!
Король наш чудеса творит в бою,
Он рвется всем опасностям навстречу
И бьется пешим — конь под ним убит,
И Ричмонда он ищет в пасти смерти.
Скорей, скорей, милорд, иль бой проигран!

Входит король Ричард.

Король Ричард

Коня! Коня! Корону за коня!

Кетсби

Спасайтесь, государь! Коня добуду!

Король Ричард

Прочь, раб! Я здесь поставил жизнь на карту
И буду ждать, чем кончится игра.
Шесть Ричмондов, как видно, вышли в бой!
Я пятерых убил — и все не он.
Коня! Коня! Корону за коня!

Часть I

Глава I

А люблю устраивать неожиданности другим, но не люблю, когда их по-свински подкладывают мне. В голосе Ордоньеса прозвучала неподдельная зависть, когда сообщил о пассажирке, и пока я стоял с раскрытым ртом, он повернулся и подчеркнуто деловито начал присматриваться к слаженной работе матросов на каравелле, а я, напротив, ошалело смотрел на быстро скользящий мимо берег.

Даже каравеллы Ордоньеса, не имея надлежащих инструментов, уверенно плавают только вдоль берега, как аргонавты какие-то, а переход через океан — что-то дико экстремальное, в сле-

пой надежде не промахнуться мимо огромного материка на другой стороне.

И пока корабль не повернул в открытый океан, надо что-то решить. Быстро. Берег этот принадлежит, если не ошибаюсь, королевству Брегония, чья принцесса у меня на борту. Более того, в моей каюте.

Конечно, королевства уже не существует с момента, как в него вошли мои войска, точно так будут упразднены и все прочие карликовые государства, а принцесса фактически уже перестала быть ею... но пока этого не знает, потому надо не забыть поклониться, для меня это ничего не стоит, тем более — красивой женщине.

— Ну, граф, — сказал я в сердцах, — и подсунули вы мне свинью!.. А я-то думал, на ваш корабль и мышь не пролезет!

Ордоньес обернулся, огромный, лицо в белых и багровых рубцах шрамов, в глазах грозное веселье.

— Ваша светлость, — сказал он с чувством, — я всегда говорил, вам везет, как уж и не знаю!

— В чем на этот раз?

Он вздохнул.

— Если бы в мою каюту пробралась такая красotka... клянусь всеми богами моря, я бы отбиваться не стал!

— Точно?

— Могу поклясться и своим кораблем! А вас вон как перекосило, будто лимон сжевали... Как можно таким обожраться?

— А вот можно, — сказал я сварливо. — Что женщины?.. Одно и то же. Мне бы что-нить рыбное... Ладно, пойду поговорю.

Я начал спускаться с качающегося мостика, стараясь не промахиваться мимо ступенек, а он сказал в спину с фальшивым сочувствием:

— Да-да... поговорите.

Я открыл дверь в каюту, сошел по ступенькам. Леди Констанция вскочила из-за стола, прекрасная и реши-

тельная, с раздумывавшимся лицом и блеском самопожертвования в ясных глазах.

— Сэр Ричард!

Я указал пальцем наверх.

— Слышите, наверху шум? Матросы подступили к капитану с оружием в руках. Назрел бунт, народ жаждет выбросить вас за борт. Женщина на корабле — к беде, знают все.

Она охнула:

— Но как же...

— Предрассудки, — согласился я сочувственно. — Дикий у нас еще народ, темный! В гороскопы верит. Представляете, идиоты? С виду вроде люди, а на самом деле козлы, скорпионы, овны. Но таких, увы, большинство. А когда у этого большинства еще и оружие, нельзя не считаться, хоть у нас не совсем демократия. Я попросил Ордоньеса договориться насчет высадки вас на берег, но простой трудовой народ настроен очень уж решительно. Мол, и у нас есть права, потому за борт, кричат, и все.

Ее глаза стали огромными, в них впервые проступил ужас.

— Это ужасно!

— В какой-то мере я с вами согласен, — ответил я. — Хотя и должен учитывать волеизъявление народных масс. Вот до чего доводит чистота и благородство помыслов. Вы по детскости своей...

Она пылко возразила:

— Я взрослая, сэр Ричард!

— Но знаете ли, — спросил я, — что на море действуют совсем другие законы? А сухопутные... так их здесь зовут, не имеют на кораблях силы? Это я к тому, что ваша жертвенность здесь напрасна.

— Как это?

— Не будет засчитана, увы.

Она вскрикнула, как раненая птица:

— Почему?

— То, — объяснил я, — что толкнуло вас сюда явиться, может быть признано осуществившимся либо в вашем королевстве, грубо захваченном жестоким... э-э... захватчиком, моей светлостью то есть, либо в его лагере, в моем, значит. Вблизи стен вашей столицы. Таковы каноны юриспруденции, дорогая принцесса! Не я ее придумал, это все грубый Рим с его гладиаторами, а затем папской властью. Потому и говорю, вы многого еще не знаете...

Голос мой звучал мудро и проникновенно, и хотя эту чушь выдумываю на ходу, но вижу, как ее лицо изменилось, поверила, ужаснулась, опечалилась, даже оглянулась на дощатую стену, за которой вот-вот начнет отдаляться берег.

Раскрасневшиеся щеки побледнели, она наконец проговорила дрожащим голосом:

— Ну тогда... Изнасилуйте меня побыстрее да выбросьте на берег... Чтобы мои подданные увидели, как я честно разделила со своим народом его скорбную участь.

— От вашего королевства уже далеко.

— Расскажут, — вздохнула она. — О таком рассказе, вы же знаете, в первую очередь.

— Неужели и ваши подданные такие?

— Все люди, — сказала она сердито, — такие! Но на этот раз и я не буду скрывать.

— Не доплывете, — сказал я безжалостно. — А поворачивать корабль не стану.

Ее глаза радостно заблестели, она сказала с просветленным лицом:

— Прекрасно! Вы хорошо придумали. Пойдет слух, что вы меня зверски изнасиловали и убили, а обезображенный труп сбросили за борт. Мое имя войдет в святцы, мой портрет повесят в тронном зале! Может быть, даже сделают барельеф со сценами... ну, моей мученической смерти в гнусных лапах жестокого тирана,

хотя, надеюсь, без лишних подробностей и не слишком реалистично, все-таки детям будут показывать и учить на моем примере стойкости и верности долгу... а также великой любви к своим подданным. Возможно, на что не смею и надеяться, поставят небольшую статую в самом дворце... или хотя бы в саду у фонтана?

— Да, — сказал я, — рядом с Гераклом, разрывающим пасть писающему мальчику. Вы все продумали, как я вижу.

— Я принцесса, — ответила она с достоинством, — я обязана продумывать свои слова и действия наперед.

— Леди Констанция, — сказал я с холодной учтивостью, — мы на корабле, а здесь, как я уже упомянул, другие законы. Закон тайги, в смысле закон моря. Здесь женщин не насилуют, а сразу топят. Почему? А потому, что едва на корабле появляется женщина — крысы в панике бегут на берег. Они умные, знают, чем это кончится.

— И... что же... — прошептала она, — меня сейчас утопят? Вот так сразу?

Я ответил со вздохом:

— Хотел бы сказать, что не вот так сразу, но, боюсь, врать как-то неуместно, хотя вы женщина — надо бы врать. Если Ордоньес не договорится...

— Но он же адмирал!

— Увы, — сказал я, — есть общие законы для всех, которые не волен нарушать даже адмирал. Впрочем, я выйду и попробую вместе с ним уговорить разбушевавшуюся чернь в исполнении их демократических прав просто выбросить вас на берег.

— Выбросить?

— Есть разница, — напомнил я, — быть выброшенной в море или на берег.

— Ох, простите...

— Будьте готовы, — сказал я.

Она нашла силы присесть в грациозном поклоне.

— Ваша светлость...

— Леди Констанция.

Я неспешно вышел, стараясь не ускорять шаг, а то неверно будет истолковано, аккуратно прикрыл за собой дверь. Пол под ногами ощутимо наклоняется то в одну сторону, то в другую, но с такой неспешностью, что организм вскоре сам приноровился, и я перестал замечать качку, к которой адмирал Нельсон так и не мог привыкнуть до конца жизни.

Ордоньес вскинул брови, в глазах недоверие, но спорить не стал, отдал приказ, матросы начали опускать за борт лодку. Я проинструктировал тех, кто будет на веслах, как держаться и что говорить, Ордоньес взвеселился и сам спустился за принцессой, а когда поднялись на палубу, лицо его было жестоким и жаждущим утешения, а она трепетала и смотрела непривычно пугливо.

Когда шлюпка отчалила и быстро пошла к берегу, Ордоньес посмотрел вслед с жалостью.

— Ваша проблема не решена, — буркнул он, — ваша светлость, только отодвинута.

— И то дело, — ответил я. — Все проблемы делятся на те, которые решить невозможно, и на те, что решаются сами. Нужно только отодвинуть их на время.

— Кто-то решит за вас?

— Или решения не понадобится. Жизнь непредсказуема, адмирал! Боюсь, на островах в этом убедимся.

Он даже не заметил, как я хитро увел разговор от щекотливой темы, сразу оживился, потер ладони.

— Да, на островах всегда неожиданности! Люблю.

— Но ведь непредсказуемость — это плохо?

Он изумился:

— Кто вам такое сказал? Если все предсказуемо — это не жизнь, а так... Даже не знаю, что.

— Жить необязательно, — сказал я, — а вот плавать... так?

— Золотые слова, — сказал он горячо. — Плавать — это... я не могу даже сказать, это больше, чем жить.

Посмотрите на «Ужас Глубин», разве есть что-то прекраснее, чем каравелла по всеми парусами?

Глаза стали масляными, а губы сложились трубочкой, вот-вот засюсюкает. «Ужас Глубин» идет впереди против солнца, и оно то скрывается за туго натянутыми парусами, делая их обжигающе пурпурными, то неожиданно находит между ними щель и остро бьет по глазам. В такие мгновения весь мир вспыхивает, уходит ощущение реальности, мы плывем не то по волнам, не то по облакам...

«Ужас Глубин» гордо несет две мачты, а «Богиня Морей» — три, но все равно та и другая — малые каравеллы, о чем, конечно, Ордоньесу не скажу. Огромными кажутся только потому, что все так называемые корабли нашего побережья — это просто лодки с одним-единственным парусом.

Правда, драккары викингов ухитрились ходить даже через Атлантику в Новый Свет, но уж не знаю, сколько выходило в путь и сколько доплывало, к тому же викинги никогда не дрались на море, не умели просто, а для нашего флота драться — это жить.

Прежде чем торговать с Югом, дорогу надо рассчитать. Да и для вторжения хорошо бы промести перед собой океан, чтобы вместе с кораблями не погиб и цвет крестоносного рыцарства.

На этой каравелле пятьдесят два человека, хотя стандарт для таких судов — сорок, однако после гибели остальных кораблей остатки поредевших экипажей Ордоньесу пришлось перебросить на эти два оставшихся.

У обоих длина по двадцать ярдов, ширина — шесть, осадка — чуть больше двух, а перевозить могут шестьдесят тонн, что позволит решать ого-то какие задачи...

Ордоньес, словно угадал мои мысли, сказал тепло:

— Нам для короткой разведки хватит и двух каравелл. Это же настоящие гиганты, не так ли, милорд?

— Если сравнивать с лодчонками пиратов, — сказал я, — то да.

Он покосился, уловив нечто недоговоренное, но смолчал. Третий корабль, «Синий Осьминог» сейчас старательно ремонтируют в бухте Тараскона, заодно на практике постигая секреты пропорций большого корабля.

Я дал указание мастерам сделать чертежи, но даже Ордоньес пока не догадывается, что в моих планах на самом деле есть что-то еще, помимо ремонта и попытки построить такую же каравеллу своими силами.

Ордоньес остался на мостике, я начал спускаться вниз, по ходу слышал смешки матросов, кто-то спросил:

— Ну почему Господь Бог не создал человека с жабрами?

— Зачем?.. — спросил другой голос. — Хотя да, понятно. Ты бы убежал с корабля к этим морским девам?..

— Не убежал бы, — возразил другой голос, — а так... сплавал бы пару раз. Или больше.

— Как тебе не стыдно, бабник.

— Не всем же так везет, — возразил им третий голос, — как нашему лорду! К нему бабы сами слетаются...

Суровый голос посоветовал:

— Прикуси язык. Он лорд, понял?

— Ну...

— Станешь лордом, — произнес тот же голос, — и к тебе прилетят. А пока на тебя слетаются только навозные мухи.

Уже знают, мелькнула сердитая мысль. Ну да, еще бы, принцесса Констанция Брегонская явилась же открыто. Может быть, брякнула в своей самоотверженности, какой именно долг собирается исполнить, теперь у матросов будет беспокойный сон, хотя она уже давно на берегу.

Корабль — не дворец или замок, здесь засыпаешь и просыпаешься под топот матросов, за тонкой стеной из досок шумят волны, иногда ухитряются зайти сбоку, тогда деревянный борт жалобно поскрипывает, а сам корабль мелко вздрагивает.

Будь это нужно только императору, я бы и думать не стал про эти острова. Однако именно с архипелага хлынули две или три волны переселения в Гандерсгейм, а может, и больше. Всякий раз страну разоряли, а остатки уцелевшего населения покоряли.

Я все равно заинтересовался бы островами со временем, но император подвигнул чуть раньше. Возможно, хитроумный замысел в том, чтобы приучить меня к мысли, что желания наши совпадают, и в следующий раз постараться толкнуть в авантюру, хоть и полезную, но менее желательную...

«Богиня Морей», похоже, была на Юге не простой каравеллой, а кораблем высоких императорских чиновников, что зачем-то передвигались морскими путями. Во всяком случае, об этом говорит слишком уж высокая корма, где много помещений для лиц, я бы сказал, не совсем простых, и даже очень непростого звания.

Даже моя каюта огромная, это непрактично, хотя, признаю, настолько удобно, что я больше сидел за столом, чем торчал на мостике. Сейчас, развернув карту Сен-Мари и Гандерсгейма, я всматривался в единственный тоннель, соединяющий с северными королевствами, где и моя Армландия, и до треска мозгов продумывал, как все это слить воедино через одну-единственную артерию.

Снаружи донесся едва слышный вопль:

— Слева по борту... обломки!

Не утерпев, я выскочил наверх. Солнце ударило в глаза, на самом верху мачты, где «воронье гнездо», матрос размахивает руками и, едва не подпрыгивая, орет:

— Там человек!.. Даже два... Нет, один точно!

Тут же простучали по палубным доскам подошвы башмаков, кто-то закричал еще громче и начал тыкать пальцем в блестящую, как живое серебро, даль.

Один из младших командиров проревел зычно:

— На браздах стоять!.. Шлюпку на воду!

На мостик поднялся Ордоньес, тоже смотрел, как и я, с интересом, но ни во что вмешиваться не стал,

значит, все по плану, ситуация не новая, все поступают согласно давно установленным правилам.

Заскрипели блоки, шлюпка пошла вниз, я слышал, как плюхнулась днищем о воду, затем послышались дружные удары весел.

Через минуту она показалась из-за громады корабля уже далеко, четыре пары весел гонят ее уверенно и быстро к темнеющим вдали обломкам.

Ордоньес пробормотал с удовлетворением:

— Ну вот, что-то да узнаем про острова...

— До них уже близко?

— Рукой подать, — заверил он.

— Если не крестьянин, — сказал я, — те правую руку от левой ноги отличить даже не пытаются.

— Крестьян в море не берут, — ответил он и добавил почтительно: — ваша светлость.

— Вы правы, — сказал я, — граф. Что ж, ему не повезло, зато нам...

Он засмеялся:

— Я всегда считал вас везунчиком, ваша светлость!

— О неудачах умалчиваю, — ответил я честно. —

Только и всего.

Он ухмыльнулся, но промолчал и продолжал наблюдать, как лодка наконец приблизилась к плавающим обломкам. Матросы протягивали руки, что-то долго вылавливали, опасно раскачивая шлюпку.

Ордоньес начал хмуриться, наконец там развернулись, весла дружно ударили о воду, лодка легла на обратный курс.

Глава 2

Подручные Ордоньеса, Юрген и Мишель, поднялись на корабль первыми, повернулись, перегнувшись через борт, протянули руки, однако спасенный ловко

перепрыгнул на палубу, быстро окинул нас с Ордоньесом цепким взглядом и довольно элегантно поклонился, распределив поклон строго на двоих.

Чуть выше среднего роста, крепко сбитый, с красным обветренным лицом, близко посаженными глазами и хвастливо поднятыми кончиками коротких усов, что ухитрились не опуститься, даже намокнув. Еще короткая бородка от ушей, везде одинаковой длины, что значит, бдительно стрижет и подбривает в нужных местах.

— Что у вас за корабль? — сказал он ошалело. — Это же... целый дворец! Я даже не знал, что такие бывают!

— Неплохой корабль, — согласился Ордоньес довольно. — Мне он тоже как бы нравится.

— Еще бы!

— Кто вы, сэр?

Спасенный гордо выпрямился:

— Магистр-капитан корабля «Бессмертный» Вебер Кронберг из рода... старинного и почтенного рода, смею вас уверить!..

— Нисколько не сомневаюсь, — заверил Ордоньес, — это был ваш корабль?

— Увы, сэр...

Ордоньес подсказал с покровительственной ноткой:

— Ордоньес, адмирал, к вашим услугам. Это — сэр Ричард, эрцгерцог, маркиз, маркграф и что еще... Насколько знаю, увы, тоже не магистр, как и я. Вы на моем корабле, где окажут весьма теплый прием...

— Благодарю вас... адмирал.

Ордоньес распорядился громогласно:

— Сэр Юрген, проводите гостя, помогите обсушиться, дайте другую одежду.

Сэр Вебер с достоинством поклонился.

— Весьма признателен, адмирал.

— Потом жду на ужин, — сказал Ордоньес.

— Сочту за честь!

Когда спасенного повели вниз, Ордоньес проговорил вполголоса:

— Если скажет, что буря перевернула его корабль — не поверю.

— Даже я не поверю, — согласился я. — Но если начнет рассказывать о Великом Кракене...

— А что это?

— Такой огромный осьминог, — пояснил я. — Или кальмар.

Он поморщился:

— Каких только вы страшилищ насмотрелись, ваша светлость! Противно и завидно.

— Еще встретите, — пообещал я.

Он хмыкнул.

— Вообще-то больше поверю, что с кем-то подрался, и его притопили. Больно вид у него... драчливый.

— Как могли притопить, — спросил я, — корабль с таким названием?

Он довольно хохотнул в ответ.

В кают-компании, так я назвал небольшое помещение, где за столом поместились мы с Ордоньесом, трое из высшего эшелона команды и сэр Вебер Кронберг, тесно, но только на мой взгляд. Для команды Ордоньеса это нормально, а капитан Вебер в диком восторге то и дело крутит головой.

«Богиня Морей» в прошлой жизни, как я уже заметил, явно была не простой каравеллой, для адмирала эскадры помещения обычно расширяют, украшают их изнутри дорогими породами дерева, изысканной резьбой, дорогими коврами, потому сейчас Вебер не находит слов, глаза уже, как у морского рака, вылезают из орбит.

Ордоньес, хитро улыбаясь, послал стюарда, это слово тоже я ввел в употребление, за ромом. Не знаю, не

сглупил ли я, но уж очень как-то хотелось похвастаться, и я наделал его с запасом, теперь у Ордоньеса целый бочонок.

Вебер держался гордо и с великим достоинством и за столом. Ордоньес угостил его ромом, Вебер едва не задохнулся от первого же глотка, решив, что обычное вино, на мой вкус кислое и очень слабое. Ордоньес сам колотил его по спине и довольно ржал, как табун степных коней.

Я пить не стал, отлучился на палубу, где долго бродил от борта к борту, прикидывая, что здесь можно поставить для обороны и нападения, нельзя же, чтобы такой громадный корабль оборонялся мечами и топорами.

Когда я наконец вернулся, Вебер уже возбужденно и со злостью рассказывал:

— У них было три корабля против моего одного! А еще мой перегружен зерном и говядиной, что мы везли на остров Каменные Рога. В общем, шансов у меня почти не было, но не мог же я сдать проклятым кребесам, что лягушек жрут?.. Они потребовали сдать-ся, представляете эту наглость? Я принял бой, они не могли взять нас на абордаж, я заранее укрепил сетки, знаю их нехитрые приемчики, а тех идиотов, что все-таки пытались перепрыгнуть к нам и тут же запутывались, легко перебили...

— Ого!

— Вот-вот, — сказал подбодренный Вебер. — Потеряв треть нападавших, они пришли в ярость и начали расстреливать нас из арбалетов, что пробивают борта. На море от них совсем мало толку, с качающегося на волнах корабля попасть почти невозможно, болты идут то выше голов, то совсем в воду... я уж совсем уверился, что вот-вот кончатся, сколько там они могут стрелять без толку, но последними, увы, искрошили в двух местах борт ниже ватерлинии.

— Сочувствую, — сказал Ордоньес.

Вебер отмахнулся.

— Да, это обидно, мы ж почти отбились... Они как раз начали отказываться от попыток захватить нас! Но корабль, увы, перегруженный зерном, накренился на один бок, и мы уже ничего не могли сделать. Одно утешает, этим сволочам не достался мой груз, который они так жаждали захватить!

Ордоньес кивнул.

— Да, это было отважно. А как насчет команды?

Вебер переспросил в недоумении:

— Что насчет нее?

Юрген уточнил:

— Кто-то уцелел?

Вебер отмахнулся с великолепной небрежностью:

— Был бой, кто о таких мелочах думает?

— Гм, — сказал Ордоньес, — все-таки... не знаю... может быть... были и другие способы решить проблему? Все-таки потеряны и люди... и корабль...

Вебер проглотил кусок жареного мяса, потом сообразил, что именно спрашивает капитан огромной каравеллы, икнул, глаза стали круглыми, а челюсть отвисла.

— Это как понимать, — переспросил он в надменном недоумении, — вы на моем месте... конечно же, сдались бы?

Ордоньес побагровел, челюсти сжались, но увидел, что слезу за ним, некоторое время боролся с собой, обещал же научиться держать себя в руках, именно этим благородный человек отличается от всех прочих.

В кают-компании наблюдали за ним, кто открыто, кто с чувством неловкости за капитана, исподтишка, наконец Ордоньес бросил на меня злой взгляд и картинно выпрямился за столом.

— Я, — проговорил он неспешно, — я... гм... все-таки на своем... довольно высоком месте. У нас говорят, капитан на корабле — первый после бога. Мне трудно

представить себя на мостике такой крохотной лодчонки... простите, корабля, у вас было то, что называете кораблем, верно?.. Потому не берусь судить, верно поступили или неверно. Я так давно вырос из детских штанишек, что даже и не помню их... Теперь мне кажется, я всегда был капитаном моей красавицы «Богини Морей». Как она вам?

Вебер нехотя кивнул.

— Впечатляет, — произнес он сквозь зубы. — Весьма. Строители создали просто чудо. Уверен, любого дурака поставь на мостик, все равно такой корабль не возьмут на бордаж.

Все ждали, что Ордоньес взорвется, однако тот уже взял себя в руки, снисходительно улыбнулся:

— Надеюсь, вы правы, сэр Вебер. Такой корабль ничем не взять, даже если на мостике будет стоять полный идиот. Даже если.

Я поднялся, Ордоньес и все, кроме Вебера, незнакомого с нашими порядками, почтительно встали.

— Отдыхайте, — сказал я доброжелательно. — Взгляну, как там море... Говорят, волны вечером особенно похожи на песчаные барханы?

— Это точно, — воскликнул Ордоньес бодро, — только у нас эти барханы живые.

Вебер добавил:

— Не понимаю, как вообще можно жить на суше?

Ордоньес взглянул на него уже с одобрением. Я кивнул всем и вышел наверх, на палубу, а оттуда поднялся на мостик.

Отсюда хорошо видно, как корабль тяжело взбирается на волну, а потом так же по-динозаврьи неторопливо сползает с горки, но выглядит это страшно, когда вот так рушится, нацелившись острым носом, в водяную бездну и даже зарывается в нее клювом бугшприта, однако в самой опасной точке, когда остается только утонуть, с трудом упирается пузом в поверхность воды и

начинает мучительное всползание на следующую водяную гору. И не знаешь, взберется или же не хватит сил, и тогда заскользит назад все быстрее и быстрее...

Я не знаю, по морской классификации сейчас дует ветер свежий, сильный, крепкий или очень крепкий, но не слабый или умеренный точно, как и не штормовой, к счастью...

Пока я вживался в мир новых единиц измерения, сильное волнение, как это часто бывает в море, упало до слабого, это с пяти ярдов сразу до одного, и корабль пошел, как балерина по паркету.

Я в который раз напомнил себе, что надо будет изобрести подзорную трубу. Это так просто, ее могли бы создать еще в Древнем Египте, и нельзя сказать, что тогда рабский труд и все такое, высокая техника была не нужна. Подзорная труба нужна всегда и везде там, где воюют, за нее полководцы древности отдали бы любые сокровища.

В общем, как только вернусь на берег, так сразу.

Тот, кто полагает, что пираты только и делают, что плавают по морям и грабят чужие корабли, упускают из виду, что награбленное нужно где-то продавать, к тому же любой шторм повреждает судно, не говоря уже о сопротивляющемся противнике, а ремонт можно провести только на берегу, где пополнить запас новых парусов взамен изодранных бурями, строевой лес для мачт и заменить истерзанную обшивку на корпусе...

Существовали целые пиратские республики, знаменитая Тортуга была не единственной, просто ей больше повезло с романистами. Вообще-то на многих островах пашут землю и сеют пшеницу, так как и пиратам нужен хлеб, разводят овец и стада коров, держат виноградники, вовсю работают кожевенные мастерские, оружейные и прочие-прочие, как и в любом большом городе.

Более того, местные власти, даже поставленные королями, сотрудничают с пиратами, где тайком, а где и

открыто, все-таки пираты дают работу островитянам, щедро платят за провиант и хозяйственные товары. Более того, власти сами скупают у пиратов награбленное, а взамен снабжают заранее приготовленными харчами и всем необходимым, дают опытных плотников для ремонта.

Насколько помню, уничтожение пиратства больно ударило по таким республикам, потому мне, наученному горьким опытом предшественников, хорошо бы заранее придумать, чем занять этих людей взамен, иначе пиратами станут даже те, кто никогда не думал о грабежах.

В синем небе появились темные точки, сперва одна, потом сразу три, вот их уже четыре... Я ощутил недоброе, слишком уж вырастают в размерах, не сдвигаясь в сторону, а это значит, идут прямо на нас.

— Тревога! — вскрикнул я. — Воздух!.. В смысле морды к небу!

На корабле сперва все затихло, даже рулевой поднял голову и начал всматриваться в приближающихся странных птиц. Оперение поблескивает металлом, размах крыльев еще не определить, но явно побольше даже самых крупных орлов...

Юрген прокричал:

— Ваша светлость!.. На всякий случай...

— Что?

— Вам бы укрыться...

Я опрометью скатился с мостика, ворвался в каюту, схватил лук Арианта, а когда выметнулся на палубу, огромные птицы, красиво наклонив книзу правые крылья, уже пошли над кораблем в неспешном полукруге, как истинные короли небес.

От их движений пробрал холод, а когда увидел их хищные морды, пришла страшная догадка, которую еще не успел оформить в слова, но заорал во весь голос:

— Всем в укрытие!.. Всем!.. На палубе не стоять!

Птицы зашли на новый круг, приноравливаясь к ветру, так делают для точности сбрасывания некого гру-

за, я вскинул лук и, наложив стрелу, повел им, захватывая ближайшую в прицел.

Юрген вскинул голову, я видел, как переменялось его лицо, такого откровенного ужаса еще не видел.

— Все вниз!.. — прокричал он. — Все!

Сам он, однако, метнулся к грот-мачте, прижался спиной, закинув голову. Птицы разом резко взмахнули крыльями, даже не взмахнули, а с силой ударили по воздуху, словно попытались не взлететь выше, а прыгнуть, как гигантские кузнечики.

Под ними блеснуло, и этот блеск стремительно понесся к нам, разбившись на множество ярких солнечных зайчиков, что играют на... падающих перьях, похожих на огромные ножи!

Птицы пронеслись дальше и начали медленно заходить на второй круг. Рядом со мной сухо треснуло. Доску расщепило, в ней задрожало, быстро успокаиваясь, перо длиной с локоть. Остальные перья со зловещим свистом и со стуком обрушились на палубу, и та обрела дикий и причудливый вид.

Раздались испуганные вопли, мимо моих глаз пронеслось нечто сверкающее, плечо резануло болью. Перо, порвав рубашку и оставив глубокий порез, с силой ударилось в деревянный пол и осталось там торчать, как дротик.

Юрген кричал от мачты:

— Не высовываться!.. Не бегать!

Сцепив зубы, я как можно быстрее заращивал рану, руки дрожат от жажды спустить тетиву, однако птицы сделали круг на высоте, потом опустились далеко за пределами выстрела из лука и понеслись стремительно, быстро-быстро работая крыльями.

Я понял, что пронесутся даже ниже клотика, сцепил зубы и затаил дыхание. Как только первая оказалась в пределах досягаемости, я с мстительным наслаждением спустил тетиву.

Птица дернулась, ее чуть подбросило, и она пронеслась над палубой... я не поверил глазам, даже нераненая. Моя стрела, отскочив, упала и запрыгала на середине палубы.

Тяжелые перья простучали по палубе, словно град. Утыканная ими, она стала еще страшнее, а птицы унеслись вдаль. Я торопливо ухватил перо, что рассекло мне плечо, пришлось напрячь мышцы, чтобы вытащить из дерева глубоко погрузившееся острие.

Остье металлическое, заостренное, дальше идет странная помесь металла и, да, пера, а верхушка от настоящего пера, что дает устойчивость в полете и точность в метании.

— Снова заходят! — прокричал кто-то.

Я ухватил лук, быстро наложил перо. Птицы идут на той же высоте, я прицелился, но на этот раз выстрелил не в грудь, что блестит, как панцирь сэра Растера, а в живот, там у любого зверя, рыбы и даже насекомого самое уязвимое место.

За выстрелом проследить не успел, но птица, как и та, которую ударил в грудь, не успела метнуть перья-ножи, ее пронесло над кораблем, трое поднялись, а эта пошла вниз и с шумом рухнула в воду.

Кто-то заметил, заорал ликующе, но тут же умолк, птицы развернулись и пошли в новую атаку. Я надергал из палубы несколько отсвечивающих металлом смертоносных перьев и приготовился, точно так, как и Юрген, укрываясь от прямого удара за мачтой. Когда на миг блеснуло не защищенное металлической чешуей белое брюхо, спустил тетиву.

На палубе слышались стоны, ругань, однако и вторая птица пролетела не дальше первой, а там на скорости нырнула под волну.

Остались две, я снова взял их на прицел, ждал, неужели нападут снова, двух все-таки нет, однако они тупо и молча ринулись в атаку.

Люди вскрикивали, но на этот раз ни одно перо никого не задело, зато мой выстрел ударил точно, хотя не совсем в брюхо, а чуть ближе к заднице, если не в задницу. Эта попыталась даже подняться, но сил не хватило, рухнула в воду, там барахталась и кричала, но тяжелая чешуя утащила под воду.

Последняя оставшаяся тупо пошла в новую атаку. Я приготовился к стрельбе, для верности даже вышел из-за мачты. Птица на этот раз смотрела только на меня, а когда взмахнула крыльями, я понимал, что все оставшиеся перья нацелены мне в грудь.

Перо сорвалось с тетивы, я тут же сдвинулся обратно, и мачта загудела от шелчков. Четвертая перьяеметельница не дотянула даже до воды, ее пробил почти насквозь, и она рухнула на палубу возле самого борта, дергалась и пыталась взлететь.

Юрген выскочил с диким криком и добил ее мощными ударами. Из-за мачты выскочил Вебер, рубашка разодрана, кровь на щеке, глаза дикие.

— Они все убиты!

Я отмахнулся.

— Да ну? Помогите осмотреть раненых.

Ордоньес прокричал с мостика:

— Доложить о повреждениях!

Вебер подбежал с ликующим воплем, в глазах восторг и то, что я не надеялся увидеть, — ликование и преданность воина более сильному воину.

— Сэр! — прокричал он. — Они обычно топили корабли!..

— В этом районе?

— Да, это их охраняемое место!

— Значит, — сказал я, — охранники из них хреновые.

— Нет, — возразил он, — это у вас не корабль, а целый город!

Я кивнул, эти тяжелые перья-ножи, падающие с огромной скоростью, в самом деле легко пробьют днище

лодки, и та, конечно, пойдет ко дну. Даже когти очень уязвимы, там не такие толстые доски обшивки, как на тяжелой каравелле, перья могут пробить борта, а если туда начнет заливаться вода, такое чревато.

Мачту, если и не собьют, то могут серьезно повредить, а первый же сильный ветер довершит остальное.

— Осмотреть, — велел я. — Ощипать... если кому и зачем. Если мясо годное — сварить или зажарить, надо же потом бахвалиться, каких птичек на ужин настреливали.

Упавшую на палубу приволокли и бросили мне под ноги. Стрела, угодив в незащищенный живот, пробила внутренности и почти вылезла из спины, вот там вздулся горбик, на птичьей морде так и застыло недоумение...

Ордоньес обошел ее вокруг, ткнул пару раз носком сапога.

— Что за мерзость...

— Стимфалийские птицы, — сказал я деловито. — Довольно распространенная порода... правда-правда! Их раньше было хоть пруд пруди!.. Они не только убивают людей и скот, но и портили урожай... пометом.

Юрген вскочил.

— Пойду посмотрю, — сказал он встревоженно, — вдруг какая напоемтила...

— Они раньше обитали на лесном болоте, — пояснил я, — около города Стимфала в Аркадии. Потом, когда Геракл часть перебил, улетели в другие края, расширяя ареал охоты. Известно, нападали еще на аргонатов, а это было далеко от их прежних мест. Теперь вот здесь... Сэр Вебер, они давно здесь прижились? И летают, как будто несут службу?

Он кивнул:

— Да. Потому корабли с этой стороны никогда к островам не подходят.

— Гм, — сказал я, — тогда кто-то их приручил. По крайней мере кормит, дает приют. У нас много раненых?

— Один тяжело, семеро легко. А как вы, ваша светлость?

Я отмахнулся.

— Меня, как Оилея, то был один из аргонавтов, задело по плечу. Пустяки, уже само затянулось. Царापина. Продолжайте, я пока посмотрю раненых.

Тех уложили внизу, они так и не смекнули, почему я так заботлив, списали на то, что вот такой у меня замечательный характер, а я, убедившись, что дальше обойдутся без моего лечения, снова вернулся на палубу.

Птицу в самом деле деловито ошипали на трофеи, такие перья наверняка в цене, диковинка. Юрген воткнул два в свою пышную шевелюру и танцует что-то медвежье, дикое, время от времени делая вид, что вот щас кого-то забодает.

Ордоньес сошел с мостика мне навстречу, больше озабоченный, чем обрадованный.

— Как думаете, — спросил он, — еще будут?

— Вряд ли, — сказал я. — Что мы имеем? Понятно, птицами никто не руководил... по крайней мере, с момента их вылета. Либо вообще сами по себе, атакуют любые корабли, что идут с этой стороны, либо им кто-то поручил такое.

Ордоньес спросил с недоверием:

— А откуда видно, что нападением не управляла какая-то сволочь?

— Любой дурак отозвал бы, — пояснил я, — после первой же убитой. Более того, отозвал бы еще до того, как приготовились напасть.

— Почему?

— Если бы видел их глазами, понял бы: каравеллу не потопишь, как лодку или даже когг. Чтобы бороться с нами, нужны другие методы.

— Какие?

Я поморщился:

— Ну да, так все и выложу! На какого иностранного короля работаете, граф? Или на самого императо-

ра?.. Во всяком случае, кто из врагов нас видел, тот уже спешно ломает голову над новыми приемами войны. А подсказывать не собираюсь.

Он посмотрел на закатное солнце, лицо в его жарком огне показалось мне совсем уж чугунным.

— Надеюсь, — пробормотал он, — сегодня неожиданностей больше не будет. Птицам пора в гнезда.

— А летучим мышам, — ответил я, — как раз пора на вылет...

Он вздохнул.

— Умеете сказать приятное.

— А что не нравится? — спросил я в удивлении.

— Да все это, — проворчал он, — летом жарко, зимой холодно, весной и осенью грязно. А еще дожди не выношу.

— Почему? — изумился я. — А для урожая?

— Какой в море урожай? — осведомился он.

— Я буду у себя в каюте, — сообщил я. — Если что, кричите!

Стимфалийские птицы оказались похожи на аистов, только побольше. Как известно, аисты и журавли легко побивают орлов, если те рискуют приблизиться, а стимфалийские вообще не только крупнее и мощнее аистов, но их длинные острые клювы легко пробивали медные и даже бронзовые панцири эллинских героев.

Хороший способ борьбы с ними нашли, как ни странно, простые пастухи и крестьяне. Они укрывали грудь толстым панцирем из лыка, при ударе клюв застревал, а свернуть шею даже крупной птице в состоянии любой мужчина.

С тех пор стимфалийских птиц почти не осталось, а выжили самые осторожные, они и теперь не рискуют вступать в бой на земле, как их отважные, но туповатые предки, а стараются поразить врага из безопасной позиции сверху.

Впрочем, их можно бить как из луков, так и из арбалетов. Только, как оказалось, не всякая стрела их берет.

Я спустился вниз, взялся за ручку двери, в это время сверху донесся голос Ордоньеса, мне почудилась издевка:

— Ваша светлость?

— Ну? — ответил я. — Что случилось?

— Вы повелели великодушно кричать, — напомнил он. — Вот и кричу.

— А что там?

— Поднимитесь на мостик, ваша светлость.

Бурча, что везде одни проблемы, я заторопился наверх. Ордоньес на мостике смотрел вдаль, взгляд скользнул поверх моей головы.

Я торопливо обернулся, по телу пробежала дрожь, будто попал под холодный дождь. Далеко впереди прямо из воды торчит маяк не маяк, целиком из белого, как мрамор, камня, башня не башня: я бы скорее сравнил с... даже не знаю, с чем, но слишком уж высокое для этого мира нечто, утонченное и сверхизысканное. Да и черт знает как такое построили. Все-таки Средние века! Правда, еще в Древнем Египте громоздили гигантские пирамиды, и вообще в разных местах планеты находят странные штуки: то гигантскую колонну из чистого металла, который можно получить только методом порошковой металлургии, но колонне той тысячи лет, то непонятно как доставленные в пустыню сверхгигантские блоки для храма Баальбека...

Ладно, то Восток, который дело тонкое, а здесь рациональная с пеленок Европа, она не станет делать пирамиды ни за какие пряники. Так что эта башня для чего-то служила, это не египетский Сфинкс, что только для красоты и загадочности...

Изумление закрадывалось все больше, наконец заполнило до кончиков ушей. Я еще понимаю, что на Востоке под руинами древних цивилизаций таятся еще более древние, все время их откапывают, но мы сейчас не на Востоке. Да и слишком безукоризненный расчет,

слишком строгая форма, предельно простая, а Средневековье любит все украшать геральдическими львами.

За спиной послышались шаги, на мостик бодро взбежал Вебер, усики вообще уже приподнялись не только кончиками вверх, но вообще едва не подпирают широкие крылья носа.

— Какой же прекрасный вид, — провозгласил он восторженно, — с такого высокого места!

Ордоньес поморщился, на капитанский мостик может заходить только капитан и его первый помощник, но восторг магистр-капитана заставил великодушно улыбаться.

— Да, — проговорил он жирным голосом кота, что сожрал целый кувшин краденой сметаны, — у нас тут... да...

— Что за маяк? — спросил я.

Вебер лишь повел глазом на исполинскую белую башню, тут же отвернулся и посмотрел вперед.

— Да какой это маяк?.. Так, просто камень. Торчит и торчит. Уже тысячу лет, как говорят.

Глава 3

Небо пылает пурпуром, на море закат потрясает воображение, отражаясь еще и в волнующемся зеркале бесконечного океана.

На его фоне «Ужас Глубин» прекрасен, как чудо научно-технической мысли, этот стройный корпус огромного корабля, голые мачты, от которых в строгом порядке натянуты едва видимые отсюда ниточки, длинный и острый бугшприт, что вообще-то тоже мачта, от него тянутся множество веревок к первой из двух мачт, что торчат посредине, начиная от самой верхушки и все ниже и ниже.

Когда пурпур и багрянец поблекли, мир озарился серебряным светом огромной луны. Море вокруг ко-

рабля заиграло, переливаясь жидким серебром, будто под нами океан ртути, волны тяжелые, с наступлением ночи вообще перестают покачивать корабль, затихают, засыпают...

Ордоньес все еще смотрит вдаль, оттягивая момент, когда надо спускаться в каюту.

— Красиво, — произнес я наконец с сожалением, — но, увы, надо идти мыслить.

— А здесь? — спросил он.

Я изумился.

— Стоять вот здесь, смотреть на такую красоту и... мыслить? Вы с ума сошли! Нет, я пошел вниз, в ту нору. Пусть меня никто не беспокоит, я так уйду в свои государственные планы, что меня и отыскать не удастся!

Он тихо засмеялся, я спустился с мостика, внизу густая тень, там проскользнул мимо двери и неслышно пробрался к борту, откуда час назад заблаговременно спустил веревку.

Сонный вахтенный смотрит в ту сторону, кудаплыли почти весь день, я тихохонько перелез через борт и начал спускаться по веревке. Вода даже с первого прикосновения не показалась холодной, а через минуту уже решил, что напоминает только что сдоенное молоко. Теплая и желанная, сама подсказывает, чтобы я превратился в огромную сильную рыбину... или не рыбину, но нечто с сильными плавниками и хвостом, способным работать, как гребной винт повышенной мощности.

Спасибо, ответил я мысленно в ответ, но сейчас мне хорошо бы нечто иное...

Я сосредоточился, постарался вообразить себя огромным и могучим драконом, что взметнется прямо из воды и рванется в небеса, сильный и красивый в невиданной этим миром мощи...

Что-то не ладилось, на всякий случай всплыл выше, чтобы голова высывалась среди волн, снова начал сосредоточенное превращение, ничто не отвлекает, все

тихо и спокойно, только звездное небо и теплое море, должно получиться очень быстро.

Я сосредоточивался, расслаблялся, собирал волю в кулак, наконец начал пыхтеть и злиться, однако оставался в человеческом теле. Наконец озлившись, перетек в тело некрупного ихтиозавра, может быть, пойдет полегче, все-таки он в родной стихии, а из моря человек вышел слишком уж давно...

Но ихтиозавр оставался ихтиозавром. Разуверившись в своих силах, я попытался превратиться во что-то еще, буквально за секунду отрастил ласты втрое длиннее, а шея вытянулась, настоящий плезиозавр, но мне до зарезу нужны не ласты, а крылья.

Дракон не получался, хоть убейся, хоть утопни.

Мощный хвост быстрыми толчками посылает тело вперед, я высунул голову на поверхность, так и есть, чуть не подводит, иду тем же курсом, что шел корабль. То ли у рыб, как и у птиц, есть шестое чувство ориентации, либо это я один такой, сейчас это неважно.

Вскоре догнал стайку дельфинов, сперва шарахнулись в стороны, потом вернулись и поплыли на почтительном расстоянии, рассматривая любопытными глазами.

Я попытался как-то заговорить, многие вообще считают их чуть ли не умнее людей, но эти оказались такими же тупыми, как и те, кто считал их умными, осмелели и приглашали меня играть и плавать наперегонки.

С другой стороны, на фиг кому нужен их разум? Был бы я рад, если бы мой пес вдруг стал разумным? У него появились бы какие-то добавочные права, требования, начал бы критиковать и учить меня, как жить и как править...

Пора бы поворачивать назад, признав печальную истину, что все демоны или боги прошлого, неважно, были, так сказать, региональными. В том смысле, что Зевс, к примеру, силен в своей Элладе, но в Скандинавии его побьет шелчком не только Тор, но и любой из

мелких героев. Как и могучего Тора легко одолел бы в Элладе любой силач из смертных.

Я же поглотил мощь Темного Бога, который был пугалом именно в тех краях, так как только там мог проявить всю свою мощь. Я уже сталкивался с тем, что в Сен-Мари могу одно, а в Вестготии — другое, но как-то не подумал, что в море те способности вообще не работают.

Я шел на большой скорости у самой поверхности, пару раз верхний плавник прорезал ее, как ножом, поспешно опустил чуть и там несся, пока дно не начало повышаться с такой скоростью, что сперва даже с разгону зарылся рылом в крупнозернистый песок вперемешку с гравием.

Выше пошли монолитные скальные породы, мелочь осыпалась вниз, где я уже поцарапал рыло. Теперь я поднимался параллельно дну и под углом к поверхности, но вынырнул без плеска, высунув только длинную морду, торопливо осмотрелся.

Впереди крутой каменистый склон, влажно блестят валуны, с моря дует холодный ветер, в небе бледная луна, словно с воспалением легких, у нас в Сен-Мари покрупнее и не такая болезненная.

Волны накатываются на камни с таким грозным ревом, словно вот-вот все разнесут, моськи чертовы, ничего из-за них не слышно, дуры лохматые.

За камнями ничего и не видно, я так и эдак пытался рассмотреть, что там наверху, даже выполз, как кистеперая рыба, на торчащий из воды валун, но хотя птицы и произошли от рыб, однако зрение у рыб пока что не орлиное...

Сердце стучит громко, хоть и рыбе... я, правда, не рыба, сам не знаю даже что, нечто вроде рыбьего динозавра, ну там плезиозавр или даже ихтиозавр, уже что-то, теперь же, чувствуя под собой твердую почву, надо...

Я сосредоточился, закрыл глаза, на этот раз все идет ужасающе медленно, по телу пробегают болезненные

судороги, в черепе долбится страх, что вот и сейчас не получится, снова не получится...

Когда я совсем изнемог и открыл глаза, я все так же сижу на валуне, обхватив его всеми четырьмя, хвост покачивают набегающие волны. И никаких изменений.

Отдышавшись, я попытался превратиться в дракона поменьше, долго пытался и тужился, расслаблялся и вчувствовался, потом пытался усилием воли, но уже с ненавистью обнаруживал себя в теле мокрой, вздрагивающей на холодном ветру морской рептилии.

И когда уже совсем отчаялся и готовился вернуться, что-то сдвинулось, пошло, я усилил натиск, сердце колотится бешено, я ощутил, что настолько страстно стремлюсь превратиться хотя бы в самого захудалого летуна, как будто от этого зависит не только моя жизнь, но и всей вселенной.

Горло хрипит, сердце уже не колотится, а лежит, распластанное, высунув язык и едва дышит, перед глазами плывет и двоится, изображение странное, никак не соберу в фокус, но все-таки я сумел преодолеть чужую магию... или просто сумел обойтись своими силами...

...и я уже не тюлень с лапами, не ихтиозавр, а птеродактиль, что трусливо отодвигается от воды, костистые лапы скользят по округлым мокрым валунам.

Я взмыл на крыльях после пятиминутного отдыха, все это время приноравливался к изменившемуся зрению: у морских обитателей другой мир, другое преломление света, другие органы чувств. Сейчас мои глаза, как у вальдшнепа, видят все сзади, сверху, с боков и, конечно, впереди, а мертвая зона только прямо под пузом, но совсем крохотная.

Привычные крылья птеродактиля поднимают меня медленно и осторожно, я с замиранием сердца все ждал либо выстрелов, либо разряда молний, но остров спит, склон уходит вниз...

Остроконечный верх горы оказался крепостью из этого же серого камня. Вписалась она так умело, что можно предположить, что люди просто выдолбили пещеры, а потом кое-где обтесали камни еще и снаружи.

За крепостью целый город, дома расположены хаотично, много старых построек из камня, немало и простых деревянных, множество просто шатров: одни из простого полотна, другие из шелка, а многие вовсе из шкур.

Мои крылья мнут воздух бесшумно, я уже научился избегать истощающего куриного хлопанья, чем отличаются почти все пернатые, начиная от воробьев и заканчивая орлами.

Город ушел вниз, не так уж и велик, если сравнивать с островом, много пригодной для строительства земли. Затем уменьшился и сам остров, зато я увидел вдали за широкой полоской воды еще один. А потом еще...

Я поднимался, на большой высоте прошел уже без панического страха над островом, и чем дальше я уходил от бескрайней океанской глади, тем больше видел островов с большой высоты, больших и малых.

На всякий случай я отыскал взглядом, когда поднялся к звездному небу, две далекие черточки в море, а если поднапрячь зрение, можно рассмотреть крохотные паруса...

«Богиня Морей» и «Ужас Глубин», гордые каравеллы, с этой высоты кажется, будто стоят на месте. А там впереди, куда направлены их носы, два небольших острова, плоских, как тарелки, а еще дальше один побольше, с горой посередине... С палубы и даже с клотика еще не видят, а я отсюда не крикну. Впрочем, скоро увидят сами.

Только бы Ордоньес не вздумал напасть, пока я тут порхаю. Мало какая древняя чертовщина там могла уцелеть. Не случайно же император настойчиво дарит мне не принадлежащие ему острова. Немалая вероятность того, что не только не принадлежащие, но и отстоявшие

независимость от всего императорского флота. Возможно, так отстоявшие, что от всех эскадр остались щепки. Во всяком случае, император теперь науськивает меня, а это настораживает, если сказать очень аккуратно.

За островами выплывали острова, потом еще и еще. К счастью, небо чистое, облака не мешают подниматься выше и озирать, так сказать, но от этого озирания у меня душа все больше уходит в пятки.

Острова большие и малые, огромные и совсем крохотные — сколько их? Я рискнул чуть снизиться, сердце колотится, как у загнанного воробья, которого пора пристреливать, хоть я еще тот воробей, в черепе стучит ошарашенное: ни фига себе подстава... Неужели император надеется, что я попрусь завоевывать это вот... даже не государство, а конгломерат государств... с двумя, а когда отремонтируем «Синий Осьминог», с тремя кораблями?

Да нас же в порошок сотрут, едва только войдем в архипелаг и попробуем пробраться между островами вглубь! У нас у всех со словом «остров» всегда ассоциации с чем-то мелким, но когда Вильгельм Завоеватель оставил материк и высадился на остров, он основал там такую империю, что стала владычицей морей!.. И уже сама высаживала на породивший ее материк войска, захватывая там территории... не появившись Жанна д'Арк, завоевали бы там и последний клочок той, породившей их страны...

Впрочем, император не так глуп, чтобы решить, что вот так слепо ринусь захватывать острова. Возможно, он просто старается понять мои мотивы и то, насколько я намерен принимать его власть. Он же понимает прекрасно, что реальной власти надо мной не имеет, но если увижу выгоду от сотрудничества с ним, формально подчиняясь, то начну делать какие-то шаги, чтобы продемонстрировать это вот...

Я вздрогнул, прямо из воздуха передо мной прозвучал медленный голос:

— Кто бы ты ни был... остановись...

И хотя я несся быстро, голос не остался позади, а продолжал звучать, словно незримо летит передо мной. Я перестал колотить крыльями, растопырился и шел в парящем полете с минуту, прежде чем собрался с разбежавшимися мыслями.

— Да-да... уже встал, как... ты кто?

— Охраняющий, — ответил Голос. — Страж.

— Уже остановился, — повторил я, сердце застучало чаще и тревожнее. — Уже не лечу... Я всего лишь гость. У меня нет враждебных...

Голос прозвучал с той же дистанции:

— Радья.

— А уже бывали, — спросил я, — глупцы, что не слушались?

— Ответ утвердительный.

— И что с ними?

— Все были отмечены.

— Ага, — сказал я, — серьезные вы люди. Хорошо, поворачиваю обратно! Можно махать передними конечностями?

— Можно, — ответил Голос с той же интонацией.

— А с какой частотой?

— Еще гард, — произнес Голос бесстрастно, но мое воображение дорисовало угрожающую нотку в могучем тембре, — и...

— Начинаю маневр, — перебил я громко и заложил широкий вираж, стараясь напоследок увидеть как можно больше и дальше, — и ухажу, ухажу... Ты давно на страже?

— Ответ утвердительный, — ответил Голос.

Я сделал очень широкий полукруг, чувствуя всей шкурой, что слишком близко подошел к грани, после которой стану отмеченным, знать бы, что это означает, но вряд ли дадут пряник, всмотрелся в горизонт, там поднимаются вершины очень большого острова с

белоснежными башнями невиданного города, и шумно пошел обратно.

Сердце все еще стучит тревожно и укоряет, что зря рисковал, непонятно же, с какой силой столкнулся, а отмеченность может означать то, что на мне поставят незримую метку, которая позволяет всем убивать меня, а то еще и получить награду.

— Скажи, — спросил я, — что ты охраняешь?

В ответ донеслись только далекие крики чаек, а также шум далеких волн, то и другое на уровне неслышимости простому двуногому.

Обратно я неся по прямой и весьма быстро, а когда увидел замершие в ночи «Богиню Морей» и «Ужас Глубин», сперва сделал круг, уточняя, где вахтенный, затем зашел с другой стороны и понесся к кораблю, почти задевая пузом волны.

У самого борта осторожно пошел вверх, уцепился когтистыми лапами за деревянный край и высунул голову. На палубе никого, передо мной тень, я перевалился на ту сторону, там поспешно перетек в человеческую личину и некоторое время лежал на спине, приходя в себя.

Над головой топают, орут, мой короткий сон слетел, как сдернутое грубой рукой одеяло. Я вскочил, быстро оделся и опоясался мечом, выскочил наверх.

Матросы, окуная швабры в лохань с водой, лениво дряют палубу, а чтоб не совсем уж заскучать, тычут ими друг другу в морды и хохочут, как в раю, только там могли быть такие простые шуточки. Я подобных насмотрелся еще в прошлой жизни, потому просто пошел мимо, не обращая внимания

За спинами раздался зычный хохот. Это в самом конце, когда палуба уже блестит, отражая солнце, матрос взял бадью и, вместо того чтобы выплеснуть грязную воду за борт, с размаха окатил ею опешившего соратника.

Тот сперва раскрыл рот для вопля, потом и сам захохотал, оценив ах какую остроумную шутку.

С капитанского мостика Ордоньес распорядился:

— Сэр Юрген, готовьтесь поднять якорь... Доброе утро, ваша светлость!

— Есть, сэр, — ответил Юрген.

Он побежал вниз с диким криком:

— К подъему якоря товсь!

Я поднялся на мостик, но не успел спросить Ордоньеса, как ему спалось, и спалось ли вообще, как из «вороньего гнезда» донесся вопль:

— Капитан, прямо по курсу берег!

— Прошо, — проговорил Ордоньес, — поднять паруса!.. Мудрые мы, ваша светлость?.. Если бы прошли еще чуть в темноте, могли бы сесть задницами на рифы.

— Там нет рифов, — заметил я.

— Откуда такая уверенность?

— Чутье, — ответил я скромно.

Юрген прокричал:

— Все наверх! Поднять паруса!

Пронзительно засвистела то ли дудка, то ли свисток, по палубе застучали подошвы, матросы бежали к мачтам и карабкались по веревочным лестницам наверх, как юркие обезьяны.

Со стороны носа корабля донеслись крики, примчался плотник Мишель, глаза, как блюдца, щеки трясутся, на лице ужас.

— Адмирал, — прокричал он, но с надеждой смотрел на меня, — богиня... Богиня!..

— Что с ней? — спросил Ордоньес и повернулся к носу корабля. Там укреплена гигантская статуя, искусно вырезанная из дерева, некая покровительница морей, хотя на самом деле ими заведует Посейдон, именуемый также Нептуном, размер ее около трех ярдов, когда буду строить корабли, на этих излишествах что-то да сэкономлю. — Отломилась?

— Если бы!

— А что?

— Сами увидите!

Я поспешно сбежал с мостика. Огромная статуя выглядит странно, словно устыдилась наконец-то наготы и решила прикрыться зелеными веточками. Они торчат отовсюду, хотя по большей части из щелей, куда могло занести ветром землю...

...но все же я не настолько готов подгонять факты, чтобы поверить, что за ночь может пустить не только корни, но и выбросить наружу ветви.

Подбежали еще матросы, у всех лица белые, Ордоньес вообще то и дело хватается за рукоять меча и тут же отпускает, в глазах страх, беспомощно оглянулся на меня.

Я прижал на время дрожь, сюзерен не должен выказывать страха, сказал бодрым голосом:

— Всего лишь веточки!.. Эх, если бы цветы... уж молчу про ягоды!

Народ еще не пошел в пляс, но страх уже не накатывает нарастающими волнами, матросы смотрят на меня с надеждой.

Ордоньес прокашлялся и спросил почти нормальным голосом:

— Сэр Ричард, вас не пугает это предзнаменование?

Я заколебался с ответом, был соблазн истолковать как благоприятное, уж я-то сумею, но несвойственная мне честность вылезла впереди меня и брякнула со всей дури:

— Для христианина не может быть предзнаменований! Вы христиане или нет?

Ордоньес кивнул, а моряки пробормотал один за другим:

— Да, конечно...

— Христиане...

— Ну да, а как же...

— Вот даже перекреститься могу...

Только Мишель осмелился заметить:

— Сэр Ричард, когда чайки летают над самыми волнами, это предзнаменование бури. Если солнце красно к вечеру — моряку бояться нечего, если солнце красно поутру — моряку не по нутру... Эти предзнаменования всегда сбываются!

— Это не предзнаменования, — пояснил я, — а приметы. Ты еще скажи, что если я вот выпущу из руки этот нож, то упадет на палубу, такое вот предзнаменование...

Моряки захохотали, Мишель сконфуженно pokrutil головой.

— Ну ладно, если вдруг зазеленевшая статуя вас не пугает...

— Ничуть, — сказал я приподнятым голосом, — а как же иначе? Ах, раньше не расцветала? Ну так раньше на корабле было маловато настоящих мужчин! А при нас даже деревянные женщины оживают.

Над головой снова звучно захлопали полотнища парусов, их то поднимают, то начинают подворачивать, как мне кажется, ничего, со временем разберусь, что и зачем.

Утреннее солнце светит ярко и уже обжигает лицо. Зазеленевшую статую оставили в покое, дел невпроворот, берег слишком близко, при его виде всегда лихорадочное возбуждение.

Ордоньес сказал довольно:

— Полоска берега довольно широкая...

— Это не материк, — сказал я.

Он усмехнулся:

— Уверены?

— На все сто, — ответил я. — Могу поспорить, остров вообще-то невелик.

— Спорить побуюсь, — сообщил Ордоньес. — Вам сам дьявол шнурки завязывает. А откуда сведения?

— Приснилось, — ответил я. — Сегодня нарисую карту. Этих островов, как семечек в огурце.

«Богиня Морей» двигается красиво и гордо в сторону острова, «Ужас Глубин» теперь идет послушно в кильватере, но берег не просто обрывистый, а сплошная стена из камня, отголосок катаклизмов, некогда ломавших земную кору.

Корабль по команде Ордоньеса красиво скорректировал курс и пошел вдоль этого блестящего, как шкура морского котика, отвесного берега.

Я все надеялся увидеть город, что открылся ночью с высоты, но матросы закричали и начали тыкать пальцами в берег. Кто-то очень потрудился, затратив годы адского труда множества людей, чтобы на отвесной стене, уходящей основанием в воду, высечь огромное выпуклое лицо ужасающего демона.

Все смотрели с содроганием, Юрген шумно вздрогнул всем телом. Я видел побледневшие лица, слышал их учащенное дыхание, а на лбу Мишеля собрались крупные капли мутного пота.

— Хороший знак! — сказал я жизнерадостно.

Юрген воскликнул с упреком:

— Ваша светлость!

— Очень хороший, — сказал я. — Такое могут делать только те, кто страшится нападения.

— Откуда видно?

— Они хотят, — объяснил я, — чтобы их боялись и проплывали мимо, не приставая к берегу. Это мимикрия, есть такой военно-полевой термин высокой стратегии. Это когда безобидные мухи прикидываются ядовитыми пчелами или мирные ящерицы — змеями, полными яда.

На меня смотрели с надеждой, я широко и картинно улыбался, хотя самому страшно, но правитель должен внушать, и я внушал, и неважно, что эта морда внушает безотчетный страх и мне, уже привыкшему к своей толстокожести, к местной магии.

Какая, к черту, магия, мелькнула мысль. Этот талант скульптора засадил мне под самое сердце, как острый

кинжал, безотчетный страх. Никакая магия не сумела бы сделать того, что способен делать с людьми талант. И сейчас мы смотрим с благоговейным страхом потому, что так изволил восхотеть неведомый нам зодчий.

Морда демона осталась позади, но он все так же провожал нас таким ненавидящим взглядом, что я чувствовал холод в груди. И хотя это всего лишь талант художника: достаточно расположить зрачок посередине, чтобы с какой бы стороны ни подходил, все равно будет казаться, что лицо наблюдает за тобой, но одно дело понимать...

Кто-то из матросов снова вскрикнул, дальше на стене еще одна морда, еще страшнее, потом пошла сцена битвы гигантов, а завершал ужасающую картину исполин с картинной мускулатурой, и такой огромный, что щиколотки в воде, а голова достигает верха стены.

Мишель вдруг вскрикнул дурным голосом:

— Милорд!..

Я посмотрел на него, потом на исполина.

— Что?..

Великан не просто следит за нами злобным взглядом, а повернул голову в нашу сторону!

Ордоньес вскрикнул в восторге:

— Вот это работа!

— Да уж, — пробормотал я. — Мурашки по коже...

Глава 4

Гигант шелохнулся с трудом, словно разминая застывшее за века каменное тело, шагнул в море. За спиной обильно посыпалась каменная крошка, я так и не понял, стоял он в нише или же был красиво вырезан в камне, а сейчас вдруг решил освободиться от оков.

Мертвое каменное лицо с пустыми глазами все так же обращено в нашу сторону, я смотрел на него с дрожью во всем теле и слабостью в коленках.

Ордоньес прошептал:

— Будь я проклят... он нас видит...

— Или чувствует.

— Видит, — возразил он. — Ишь, как охотничий пес...

Гигант сделал шаг вперед, покачнулся, но тут же выровнялся, шагнул снова, уже увереннее. Пустые глаза смотрят в нашу сторону неотрывно, в движениях появилась пугающая целеустремленность.

Ордоньес среагировал первым.

— Поднять все паруса! — заорал он диким голосом. — Быстрее, быстрее!

По кораблю прокатилось:

— Все наверх!

— Поднять паруса!

— Левый галс!

Матросы ринулись на мачты со скоростью муравьев, убегающих от пожара. Захлопали паруса, но корабль все еще идет прежним курсом, а гигант двинулся в нашу сторону, голова на уровне верхушки мачты.

— Быстрее, быстрее!

— Эта тварь уже близко!

Я ощутил, как корабль неуловимо поменял курс, самую малость, но уже не ползет вдоль берега на полуспущенных парусах, а чуть отвернул и начинает с нарастающей скоростью уходить в океан.

Гигант пошел быстрее, напористее, пена взбивается у ног, дно понижается медленно, он отошел от берега на сотню ярдов, а вода поднялась лишь до колен.

Матросы остались сидеть на реях, экономя секунды, вдруг да придется что-то делать с парусами, каждый миг дорог, а эта ожившая скала шумно прет через море, все быстрее и быстрее, каждый кулак крупнее стоведерной бочки...

Ордоньес посмотрел на паруса, но лишь стиснул челюсти, корабль и так скрипит и накренился, врезаясь

острым носом в воду, идет по морю, как мощный плуг, который тянет четверка сильных коней.

Двое из матросов ухватили арбалеты и, не дожидаясь команды, выпустили болты в лицо каменного колосса. Я увидел только искорки, когда стальные жала бесцельно ударили в гранит.

Гигант шел мощно и быстро, в движениях — пугающая целеустремленность, вода медленно поднимается, уже до середины бедер, начинает замедлять движения, а корабль, напротив, ускоряется...

Ордоньес прокричал:

— Держитесь!

Матросы ухватились за ванты, а кто оставался на палубе, уцепились за любые деревянные переборки. Гигант настиг корабль, над бортом поднялись огромная гранитная голова и плечи, одного удара таким кулаком хватит, чтобы перебить каравеллу пополам...

Я подбежал к борту и, глядя в его огромные пустые глаза, прокричал дико:

— Стой, морда! Куда прешь?.. Сюда нельзя!

Голем замер с поднятым кулаком. В огромной фигуре, заслонившей весь мир, мне почудилось что-то вроде замешательства.

— Возвращайся! — заорал я еще громче. — Кто остров сторожить будет? Ну?

Голем медленно повернулся и начал уходить обратно. Я испытал невероятное облегчение, чуть в бессилии не опустился на палубу, но эрцгерцог не может себе позволить такого простолюдinного жеста, спина затрещала от усилий, когда я гордо выпрямился и огляделся орлом.

На палубе матросы ликующе орали мне хвалу, Ордоньес сказал с блестящими глазами:

— Милорд! Вы совершили чудо!

— Ага, — ответил я сердито, — тем, что сделал красивый, хотя и бесполезный жест? На самом деле он дошел до границы охраняемой территории и сам должен

был вернуться... Это вы спасли корабль, граф, вовремя подняв все паруса.

Он хитро усмехнулся:

— Милорд, пусть народ верит, что чудо совершили вы. Да и все мы жаждем чудес, такова наша натура.

— Увы...

— Будете разуверять, — сказал он авторитетно, — не поверят. Одни решат, что из скромности, другие — что не хотите совершать чудеса бесплатно.

— Гм, я такой...

— Люди, — пояснил он, — верят в то, во что хотят верить, а не в то, что есть на самом деле.

Мачта поскрипывает, весь корпус корабля кряхтит, как старик перед внуками. Я проводил взглядом удаляющуюся фигуру гранитного чудовища.

— Хорошо, не обучили метать камни!

— Дурак, — сказал Ордоньес. — Наверное.

— Вы правы, — сказал я, — камнями начали бросаться умные, чтобы дураков побивать издали. А раз мы умные, то в первую очередь оснастим свою эскадру метательным оружием.

— О будущем думаете?

— Какое будущее? — изумился я. — Корабли уже строят!.. Не буду мешать вам, адмирал. Пойду рисовать карту, что мне приснилась.

Он скептически хмыкнул мне вслед.

Я велел принести бумагу и письменные принадлежности. Стюарды мечутся, тихие, как мыши, вид у лорда что-то очень уж озабоченный, как бы не было беды.

Насколько помню школьные уроки, только в Индонезии семнадцать тысяч островов, хотя официально признаны только тринадцать тысяч шестьсот шестьдесят семь... во, у меня память! Как у стада слонов. Даже в крохотной Норвегии их сто пятьдесят тысяч, островов, а не слонов, в Греции больше двух тысяч, хотя сами гре-

ки хвастливо называют цифру в шесть тысяч, да что там Греция, если в крохотной Хорватии их несколько сотен!

Про серьезные моря и, тем более, океаны, и говорить нечего, там их не десятки, а сотни тысяч. Плюс ко всему именно на островах изоляция приводила к неожиданным вывертам эволюции... так что именно здесь может подстергать то, чего я постарался бы избежать.

Незримый Страж, силу которого я не хочу пробовать и даже думать о таком, предупредил, чтобы я дальше не совался, там нечто особо охраняемое, а где охраняют особенно тщательно, там может оказаться основной массив самых лакомых островов. И не может, а наверняка окажется.

Я старательно вел пером по бумаге, время от времени обмакивая в чернильницу, островов многовато, но память цепко держит все изгибы берегов, расстояние между соседними, точные пропорции, рельеф, линии...

Бумаги не хватило, я торопливо схватил другой лист. Ордоньес вошел на цыпочках, я услышал жаркое дыхание за спиной, перестал рисовать и сделал вид, что веду острым кончиком пера по водной глади между двумя островами, измеряя расстояние.

Он некоторое время сопел сзади, затем я услышал его несколько потрясенный голос:

— Это их столько?.. Ничего себе!

— Еще не все, — заверил я.

— Господи, — сказал он, — их в самом деле как семечек в огурце!.. Откуда у вас такая подробная карта?

— А что, в мой вещий сон не верите?

— Верю, — ответил он, — но чтоб с такими подробностями... гм...

— Тогда император прислал, — сказал я. — Как эрцгерцогу этих самых островов.

— Эрц... — проговорил он, — эрц... чего?

— Эрцгерцогу, — повторил я. — То есть я уже не герцог, а так... нечто повыше. Чуть-чуть. Ну сколько,

я спрашиваю, можно герцогом быть? Засиделся, образно говоря, весьма зело. И даже обло не лепо ли не бяше. Но, конечно, ниже... гм... всяких там, так что можете не снимать шляпу... Эта вот часть, что известна императору, а вот туда дальше... гм... либо не заплывали его brave капитаны...

— ...либо еще более brave им обломали рога, — сказал он угрюмо.

— Во что верите больше?

— Да, — согласился он. — Императоры они такие... загребушие. Значит, там им сумели дать по сопатке. Думаю, не стоит получать и нам. Я как-то больше люблю других сопатить. Все-таки у императора и флот побольше, и людей не жалко, их, как муравьев на дохлой жабе...

— Значит, — сказал я, — вот на этой стороне карты оставим пятно и напишем: «Здесь могут водиться драконы».

Он нахмурился, нехотя кивнул.

— Мы с Юга шли через океан намного западнее. И попали к берегам Сен-Мари миль за пятьсот отсюда по береговой линии. Острова по дороге попадались, но гораздо мельче. В основном необитаемые. Да мы и сами благоразумно не покидали кораблей, за исключением группы матросов, которых отправлял за питьевой водой.

— И за дичью, — добавил я.

— И за дичью, — согласился Ордоньес. — На рыбу уже смотреть не могли.

— Благоразумно, — похвалил я. — Вашей целью было пересечь океан и достичь моих владений на этом берегу. Нарываться на подвиги будем позже.

— Нарываться? — переспросил Ордоньес, он поднял брови, услышав новое слово. — Это что-то особое?

— Еще как особое, — заверил я. — Даже особенное. Кстати, ближайший из отмеченных на карте островов прямо по курсу, если я правильно нарисовал. Он похож на гору, что торчит прямо из моря. На лодке можно

причалить лишь в одном месте, а так везде отвесные скалы. Да и то очень осторожно, наверняка подводные камни могут повредить днище...

После обеда налетел короткий злой шторм, корабль поднимало на волны к небесам и швыряло в бездонные глубины. У меня всякий раз замирало сердце, словно в невесомости падаю с высокой скалы, затем шторм так же внезапно ушел, даже не ушел, а исчез прямо на месте, словно рассыпался.

Примчался вахтенный с докладом, что, дескать, повреждений нет, если не считать того-то и того-то, неплохо бы подправить.

Ордоньес нахмурился, взгляд его уперся в остров, мимо которого корабль проползает медленно и аккуратно на полуспущенных парусах.

— Похоже, — произнес он мрачно, — там хороший строевой лес. Надо взять пару стволов, этого хватит.

Матрос умчался, я спросил с удивлением:

— Это такая короткая буря потрепала так сильно?

Он покачал головой.

— Нет, потрепал переход через океан. На обратный переход сил не хватило бы и нашим двум кораблям, но для каботажного плавания вдоль берега мы еще можем некоторое время... Вот и перевозили рыцарей из Вестготии. А этот шторм повредил то, что уже и так требовало ремонта.

— Да, — сказал я с чувством, — понимаю. Раньше полагал, что моряки в море только и делают, что лежат на палубе под солнышком или проигрывают штаны друг другу в кости.

Он ухмыльнулся.

— Многие так думают.

На палубе был стук ног, крики, шлюпку опустили на воду. Помимо гребцов, вооруженных топорами и пилами, по веревочной лестнице слезли и двое плотников.

Я кивнул Ордоньесу.

— Дорогой адмирал, скоро увидимся!

Он крикнул вдогонку:

— Вы... тоже?

— А как же, — ответил я.

Он сказал с досадой:

— И чего я спрашивал?

Я сбежал на палубу и взялся за веревочную лестницу, но дорогу загородил Юрген.

— Что тебе? — спросил я с удивлением.

Он заметил мрачно:

— Вообще-то не по рангу вашей светлости лично высаживаться на берег. Это умаление его достоинства.

— Так я же не цветочки нюхать иду!

— Тем более, — возразил он. — Вы — главный, а на берегу может быть всякое...

— Что?

— Не знаю. Чужой берег. Совсем чужой. Разве не чувствуете?

Я пожал плечами.

— Чувствую. Но что делать, я больше других готов ко всякому. Если что случится... у других шансов вернуться еще меньше.

Он проворчал:

— Ваша светлость, нас много, вы — один... такой. Вас надо беречь. Если с вами что случится, нам всем придется несладко.

Голос его был грубый, смотрит раздраженно и сердито, но что-то отечески заботливое я вдруг увидел и ощутил в его огромной взъерошенной фигуре.

— Мы все вернемся, — заверил я тепло. — По возможности, целыми.

Меня ждали в качающейся лодке, Мишель оттолкнулся веслом от корпуса корабля, все выждали пару секунд и разом, как одна гигантская сороконожка, опустили длинные лапы весел.

Лодка укоряющимися рывками начала отдаляться от корабля, весла врезаются в воду красиво и почти одновременно.

— Гребите дружнее! — прокричал Юрген. — Это какой у нас остров в океане по счету?

Мишель ответил угрюмо:

— Я умею считать только до десяти...

— А я до трех, — ответил ему в тон один из матросов.

— А я вообще не умею, — сказал Юрген и добавил хвастливо: — Мой козырь выше!

Весла равномерно врезаются в воду, лодка движется сильными толчками, но не успевает ослабеть инерция первого, как новый рывок, еще и еще, далекий отсюда берег начинает наконец-то приближаться, вырастать в размерах.

Берег с этой стороны высок и круг, настоящая гора поднялась из воды отвесной стеной, но в ней щель, прогрызенная то ли ручьем за сотни лет, то ли чем-то еще, во всяком случае, можно и лодку втащить на мелкие камешки, а нам пробраться к тем местам, где с палубы корабля так хорошо смотрелся корабельный лес.

Ближе к берегу взмахи весел участились, затем Юрген зычно прокричал:

— Суши весла!

Лодка с разгону въехала на крупнозернистый песок, проскрипела днищем. Юрген выскочил первым и, удерживая за нос, ждал, пока все выберутся, потом совместными усилиями вытащили выше на берег.

— Мишель, — распорядился он, — и ты, Стив, останетесь у лодки. Если что, поднимайте крик!

— Это они умеют, — сказал кто-то с иронией.

Все посмеивались, я мазнул взглядом по лицам остающихся, стараясь не акцентировать на этом внимания, Юрген все-таки знает людей, мне эти двое

тоже показались наименее отчаянными и наиболее осторожными. Как раз таких и нужно оставлять на страже.

Щель пропустила охотно, но дальше пришлось карабкаться круто в гору, даже я запыхался, не говоря уже о грузном Юргене, но остальные матросы, худощавые и прожаренные солнцем так, что не осталось ни капли жирка, шли наверх быстро и не оглядываясь.

Лес маячит далековато, нас от него отделяет усеянная остроугольными глыбами поверхность каменной плиты, но выглядит лес в самом деле как на подбор. Даже отсюда видно, что стволы высокие и стройные: хоть на корабельные мачты, хоть на укрепление корпуса, отборные деревья.

Пока мы стояли, упершись руками в колени и шумно отсапывались, Юрген сказал хрипло:

— Можно... даже не спускать... а скидывать...

— Не разобьются?

— Слева от щели, — сказал он с тяжелым дыханием, — сразу глубоко. Нужно сбрасывать только отсюда...

Матросы дышали шумно и силпо, двое из них, Джон и Яков, держались ко мне поближе, выполняя роль теплохранителей.

— Я тоже заметил, — ответил Яков, он дышал шумно и хрипло. — Только держать внизу людей, чтобы вылавливали...

— Зато тащить по воде будет легче, — сказал Мишель. — Правда, потом придется подсушивать...

— Сушить придется все равно, — заметил Юрген угрюмо. — На берегу или на палубе, какая разница?

— Пойдемте, — сказал Джон бодро, — осмотрим. А то вдруг их червяки прогрызли сверху донизу, а мы из них уже и мачты поставили, и плывем, плывем...

Юрген хмыкнул, но смолчал, сберегая дыхание, и первым двинулся за этим живчиком следом.

Глава 5

Поверхность острова неспешно понижается, зато деревья медленно и торжественно, прекрасно понимая свою величавость, пошли навстречу.

Мы вступили в кружевную прохладу рощи, как в храм, где сладостная тень, смолистый запах, и до чего же прекрасные стволы, идеально ровные, дерево плотное, ветви только на самой верхушке, которую сразу же обрубят еще до транспортировки...

Юрген не останавливался, мы шли следом, как всегда идем за тем, кто знает дорогу или считает, что знает. Деревья молчаливо отступали за наши спины, пока впереди не блеснул свет, а между ровными стволами заблестало море.

— Ого, — сказал Яков, — похоже, с этой стороны переправлять удобнее...

Остальные молчали, прикидывая «за» и «против», с обрыва вроде бы проще, однако какая-то часть стволов повредится, ударяясь комлями или вершинками о каменистое дно, все-таки там не километровая глубина. Может оказаться, что снова придется взбираться наверх и рубить снова и снова...

— Да, — пробормотал Юрген, — с этой стороны берег получше...

— Послать людей, — спросил Яков, — чтобы корабли перегнали на эту сторону?

— Не спешите, — посоветовал я, — сперва нужно посмотреть...

Они не поняли, чего я вдруг умолк и начал всматриваться в светлое пятнышко на горизонте, что через несколько минут превратилось в парус, достаточно большой парус.

Юрген проследил за моим взглядом, глаза его расширились.

— Ваша светлость! — вскрикнул он без необходимости. — Корабль справа на горизонте!

Вскоре уже все видели достаточно четко на фоне серого неба силуэт одномачтового корабля. С поднятым парусом он двигался, судя по заостренному носу, направляясь прямо к нам, к этому острову.

Юрген быстро обернулся, смерил взглядом высоту горы, с которой спустились.

— Наши корабли они не заметили, — заверил он. — Гора слишком высокая...

— Загораживает, — тяжеловесно согласился Яков. — Только бы оставались на месте...

— Останутся, — заверил Юрген. — Мы с Ордоньесом столько вместе прошли! Иногда я только открою рот, а он уже говорит то, что я придумал.

Я продолжал всматриваться в приближающийся корабль. Настоящий когг, судя по очертаниям корпуса, борта высокие, палуба, одна мачта. По длине не больше тридцати ярдов, команды там не может быть много. А судя по тому, что курс прямо на остров, то часть команды высадят на берег... за деревом, как мы, или за пресной водой, что скорее всего.

Во всяком случае, на корабле народу останется еще меньше... Я тряхнул головой, отгоняя всякие многоходовые планы, потому что Юрген возбужденно зашептал:

— Готовятся спустить лодку!

— Отступить, — приказал я, — укрыться. И чтоб даже уши не торчали!

Когг еще двигался к острову, но на палубе возле единственной шлюпки началась возня. Ее отвязывали, вытаскивали из-под нее клинья, что не дают раскачиваться, подцепляли заново на другие канаты, а тем временем когг приспустил парус, замедлил ход и, повернувшись боком, остановился, слегка покачиваемый волнами.

Видно было, как с плеском обрушился в воду якорь, а чуть позже лодка перестала опускаться, упершись в поверхность моря. Яков насчитал восемь гребцов, один сидит на носу и покрикивает, еще двое удерживают раскатывающиеся по дну бочонки.

— Как и у нас, — сказал Юрген.

— Не такие уж мы и разные, — заметил Яков философски.

— Разве это не повод воевать? — спросил Джон.

— Конечно повод! — ответил Юрген уверенно. — Для войны все — повод...

Лодка от когга идет с веселым напором, весла загребают воду в такт, и хотя я вижу только спины, даже по ним заметно, что люди крепкие, закаленные суровой жизнью, жилистые и загорелые. Рукава лихо закачены по самые плечи, головы повязаны зелеными тряпками. В унисон с плеском доносится голос вожака, отсчитывающего такт.

Мы осторожно выглядывали из-за камней, я видел по лицу Юргена, как он уже выбирает себе для схватки то одного, то другого. Его люди тоже всматриваются так, как смотрят волки на приближающихся беспечных ягнят.

— Тихо, — предупредил я. — Они идут к ручью. Мы — тоже, только поверху.

Лодку разогнали последними мощными гребками, она не выползла на берег, а почти выпрыгнула. Гребцы, оставив весла, выскакивали сразу на берег, не замочив ног. Там, правда, ухватили ее за нос и борта, вытащили еще малость, чтобы не унесло приливом.

Мы успели к истоку ручья раньше, так как бежали скрытно поверху по прямой, укрылись за камнями и смотрели, как вытаскивают из лодки бочонки, пустые бурдюки, потом длинной растянутой цепочкой тянутся к сверкающему, как чешуя дивной рыбы, ручью.

Появившись из расщелины в скале, крохотный и скромный, он успел в падении выбить в каменном дни-

ще небольшой бассейн, а уже откуда бежал извилистой струйкой к морю. Пираты с пустыми бочонками на плечах шли именно к бассейну, удобнее всего набирать там, где воды много, можно даже просто подставить под струю и спокойно ждать, когда наполнится.

Их настороженность спадала по мере того, как наполнялись бочонки и бурдюки. Шуточки становились громче, некоторые встали на колени и плескали обеими пригоршнями себе в лица.

Юрген медленно поднял арбалет.

— Я сниму их старшего...

Я схватил его за рукав.

— Нет!

Он удивился:

— Почему?

— Потому что нам тогда самим придется наполнять оставшиеся бочонки, — объяснил я.

Он ухмыльнулся.

— Ну и расчетливый же вы, ваша светлость... Я с вами играть в карты не сяду.

Когда наполняли последний бочонок, Юрген приложил арбалет к плечу и начал медленно подниматься.

— Не стрелять, — предупредил я. — Без команды.

— Почему бы их просто не перебить?

— Зачем? — спросил я. — Это же такая мелочь, барон, ты ведь барон?.. Мы должны уничтожить армии, сносить с лица земли города, осмелившиеся не подчиниться нашей воле... а что нам эти восьмеро мышей?

Он ухмыльнулся, а я поднялся во весь рост, пираты все еще нас не замечают, так бы и ушли, хотя стоим так, что они могли бы ухватить нас за ноги.

— Всем застыть! — велел я страшным голосом. — Кто шелохнется — да будет убит!

Они вскинули головы, я видел, как смертельная бледность покрывала их лица, когда увидели нацеленные в них арбалеты. Наша неподвижность, как почудилось

мне, испугала их больше, чем если бы мы орали, гримасничали и размахивали мечами.

— Бросить оружие, — велел я. — И никто из вас не пострадает.

Вряд ли мне поверили, но от арбалетной стрелы на таком расстоянии не уйти, не увернуться, однако они все еще не двигались, наконец первым зашевелился их вожак. Подавая пример, он медленно снял перевязь с мечом.

— И нож, — потребовал я.

Он нехотя отстегнул от пояса нож в роскошном чехле и швырнул на камни. Следом за ним, так же нехотя, сложили оружие и остальные члены его команды.

Юрген проворчал:

— Ну?.. Теперь убивать их как-то нехорошо.

— Лев мышей не давит, — ответил я. — А это даже не мыши, а мышата.

Он взглянул на меня краем глаза.

— А мы тогда кто?

Наши люди соскакивали вниз, первым делом забрали оружие. Я подошел к вожаку, он смотрел с хмурой ненавистью.

— А теперь, — сказал я, — раздевайтесь.

Он вздрогнул.

— За... чем?

— Ну не затем же, — пояснил я, — чтобы убить?.. Вам оставим нашу. Видите, какая красивая? И, главное, новая. Ничего особенного, ребята. Я не кровожадный и вовсе не собираюсь с вами ссориться.

Он смотрел на меня исподлобья.

— Кто вы?..

— Не сосед, верно? — спросил я.

Он кивнул.

— Да, вы издалека. Конечно, я не на всех островах побывал, но все-таки разбираюсь в разных гербах и де-визах.

— Раздевайтесь, — поторопил я. — Нижнее белье можно оставить.

Он переспросил:

— Нижнее? А что это?

— Ага, — сказал я довольно, — значит, еще не опасный уровень. Хорошо, хорошо... даже чудненько!

Переодевались с нервными шуточками, разобрали оружие, Юрген покрикивал, распределяя, кому бочонки, кому бурдюки, затем вышли из-за скал на берег и, без надобности наклоняя головы, чтобы нас не могли рассмотреть с когга, как будто с такого расстояния что-то увидят, кроме фигурок, торопливо сели за весла.

— Грести в той же манере, — велел я.

Юрген ухмыльнулся.

— На лодках с веслами у всех манера одна, ваша светлость! Не заподозрят, голову даю на отрез.

— Держите ее опущенной, — сказал я, — кто оглянется на их корабль, сам того убью. Мы устали с этими бочонками, да тут еще прилив начался, лодку относит обратно, в общем... играйте не просто усталых, а вообще измученных.

— Чтоб не только лестницы сбросили, — продолжил Яков понимающе, — но и помогать взялись...

Лодка все-таки идет хорошо, бодро, в наших интересах, чтобы нас не слишком рассматривали, сам я сижу на носу, тоже спиной к приближающемуся кораблю.

Когда приблизились к самому борту, Юрген бросил наверх веревку, там ухватили и подтянули ближе. Яков и Джон, все еще пряча лица, вцепились в руки помогающих вылезти, дружно дернули.

Несчастные даже вскрикнуть не успели, как полетели в воду. Оба матроса, что привязывали лодку, ни о чем не подозревая, тоже рухнули за борт. Я вспрыгнул вслед за Юргеном и Мишеlem, сразу же ринулся на капитанский мостик.

За спиной вопли, лязг клинков, крики раненых, а я вскочил наверх. Капитан когта, крепкий и широкий в плечах, с яростным воплем бросился на меня со вскинутым мечом. Двигался он быстро и умело, но недостаточно, я выбил из его руки клинок и приставил острие своего меча к горлу.

— Сдавайтесь!

Он прохрипел:

— Я не сдамся кребесам...

— Я не кребес, — заверил я.

— А кто?

— Армландец, — ответил я.

Его глаза расширились.

— С... это откуда?

— Очень издалека, — ответил я и чуть усилил нажим.

— Сдаюсь, — прохрипел он. Тонкая струйка крови потекла во впадинку на груди, по его лицу я видел, понимает, что лезвие моего меча вот-вот перережет яремную жилу, тогда уже ничто не спасет, и он повторил сдавленным голосом: — Сдаюсь... со всем экипажем... Я знал, я знал, что есть еще большие острова!

— Есть, — заверил я. — Очень большие и... с вот такими зубами. Назовитесь, сэр!

— Дэвид, — ответил он. — Дэвид Ганшилд. Капитан корабля «Бесстрашный» из королевства Лоуэлл.

Я оглянулся, короткий бой закончен, вложил клинок в ножны.

— Сэр Дэвид, — сказал я. — Вы мой пленник. Я Ричард, эрцгерцог из... дальних островов. Не пытайтесь освободиться или захватить корабль обратно, тогда мы вас всех уьем.

— А если не будем пытаться?

Я улыбнулся как можно искренне:

— Что ваш кораблик нам не нужен, вы убедитесь, как только увидите наши корабли. Они с той стороны

острова... Обещаю, мы вас отпустим. А сейчас отправляйтесь в каюту и будьте там пока под арестом.

Пираты под руководством Юргена и Якова повернули когг, быстро разобравшись с примитивным управлением, а я еще рассматривал с понятным интересом человека, который начал строить собственный флот и кому теперь интересны все типы и все их варианты.

Когг — типичен для его класса, с навесным рулем и прямыми штевнями, сильно скошенными к линии киля. Достаточно широкий, ярдов восемь, на таких можно перевозить до двадцати тонн. Парус хоть один, но не меньше полутора сот квадратных ярдов, а мачта здесь из собранных в единый ствол бревен. Судно не новое, но все еще добротное, ветрами потрепанное, но не расшатанное до той степени, когда нужно стремиться к берегу и становиться на профилактический ремонт.

Юрген подбежал, веселый и с горящими глазами, похожий на довольного ярмарочного медведя, что сбросил цепь и задавил цыгана.

— Курс на «Богиню Морей», ваша светлость?

Я подумал, покачал головой.

— Пока... погодим.

— Ордоньесу сообщить?

— Да, — ответил я, — можешь с подробностями.

Он ухмыльнулся:

— Будет сделано. А что с пленниками?

— Сперва переговорю, — ответил я, — потом решим.

Капитан Дэвид, он же и хозяин судна, добросовестно оставался в каюте, но, когда я вошел, сразу оживился и начал зыркать по сторонам, улавливая малейшую возможность вырваться, всех перебить и сплясать на костях захватчиков.

— Садитесь, капитан Дэвид, — пригласил я вежливо. — Мы не враги... пока что. А кем будем, зависит от вас. Рассказывайте, кто, что, куда и зачем, а также как и за сколько. И почему, конечно.

Он буркнул:

— Слишком много.

— Так это понятно, — объяснил я любезно, — мы прибыли очень издалека, потому такие любознательные, это ясно? Как видите, я раскрываю все карты, хотя вообще-то по статусу должны их раскрыть вы.

Голос мой звучал мягко, но капитан, жук битый, уловил и угрожающую нотку, дескать, я мягок, как видишь, и от тебя зависит, как долго буду мягок, но если что... пеняй на себя.

— Что рассказывать? — спросил он с неприязнью, но уже коллаборационистским тоном. — Здесь всего много.

— Что за острова, — спросил я, — поблизости? Что за народ? Какие вооруженные силы? Чем защищены и как?

Его глаза медленно полезли на лоб.

— Ничего себе, — проговорил он несколько обалдело. — Видать, вы в самом деле издалека...

— Издалека, — подтвердил я.

— Это остров Жгучий, — сказал он, — а дальше — Каменные Рога, Лесной и Круглоглазый. За ними еще несколько, помельче... Живут тут кребесы. Сволочи изрядные, пользуются тем, что на оконечности архипелага!.. Установили плату за проход между островами Каменные Рога, малым и большим.

— А обойти? — спросил я.

Он поморщился.

— Можно, если есть лишняя неделя. Да и ветры там такие, что легко снесут на камни... А если между Каменных Рогов, то и дорога прямая, и ураганы не достанут, горы служат щитами.

— Какие там вооруженные силы? — спросил я.

— Полсотни кораблей, — ответил он зло. — Но если бы дело было только в них!

— А в чем?

— На островах Каменных Рогов, — сказал он, — их всего два, как раз по краям прохода установлены самые мощные катапульты. Там так высоко, что с кораблей туда камни не долетят, а они могут пустить на дно разом десяток кораблей. Потому им все платят...

— Катапульты на башнях?

— Если бы!

— А что?

— Высокие скалы. А наверху площадки, как будто нарочно вытесаны... А может, и нарочно когда-то выровняли. Конечно, нет горше муки, чем затаскивать туда катапульты по частям, зато с тех прибрежных скал держат под прицелом весь пролив.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо. Отдыхайте. С вами будут хорошо обращаться... в том смысле, что никак. Это уже хорошо, верно?

Он проводил меня злым взглядом, но смолчал.

Шестеро матросов когда сидят, связанные, вдоль борта. Сперва отмалчивались и опускали головы, но как только убедились, что их не отправим за борт, начали переговариваться, отпускать по адресу захвативших мелкие колкости.

Когда когт вышел из-за острова и открылись наши оба корабля, пленные едва сами не повыпадавали за борт, стремясь получше рассмотреть такое невероятное чудо.

Ордоньес то ли соскучился по мне, то ли восхотел осмотреть захваченный таким хитрым способом корабль, но сразу же прибыл на шлюпке, поздравил с победой, осмотрелся с любопытством.

Я отвел его в сторонку и тихонько изложил еще более хитроумный план. Он хмыкал, вскидывал брови, а когда я закончил, тут же стал напрашиваться участвовать.

— Сожалею, — сказал я и ощутил, что в самом деле сожалею, — но адмирал должен пребывать на корабле. Власть должна быть зрима! Как я ее понимаю.

Он скривился.

— Да знаю, знаю... это и в морском уставе, но с вами всегда и приключения, и добыча...

— Скоро вернемся, — пообещал я, — и... ух! Вместе поменяем море и небо местами. И океан тоже.

— Хорошо, — сказал он. — Я в Черри овец не пошел разводить как раз потому, что не созрел для пасторалей. Все еще.

Я взглянул остро, но смолчал, Ордоньес не из простых, у него хоть и очень редко, но прорываются словечки, которых не услышишь от вышедших из простонародья.

Как только он отбыл, а я вернулся в каюту к карте, следом ворвался стюард, без стука, с топотом подкованных железными гвоздиками сапог, пора уже выкидывать таких за борт за несоблюдение некоторых важных церемоний.

— Пленный капитан настаивает, — выкрикнул он, — на разговоре с вами!

— Даже настаивает? — спросил я.

Он торопливо кивнул.

— Да, сэр! Говорит, крайне важное!

— Ваша светлость, — поправил я. — Только для тебя я «ваша светлость», понял?.. И еще... в следующий раз, если ворвешься вот так без стука и разрешения войти, я скормлю тебя рыбам. Запомнил?

Он побледнел, рот распахнулся в испуге, попятился к двери, но там опомнился и проговорил быстро-быстро, словно рассыпал горох:

— Так как... насчет капитана?

Я сказал раздраженно:

— Можешь привести. Под конвоем. Но предупреди, если ничего важного, обоих за борт. Я вам не боцман, с которым у вас хаханьки, демократы чертовы... Я страшен в эрцгерцожем гневе!

Дэвид Ганшилд, плененный капитан этой посудинки с гордым наименованием «Бесстрашный», вошел с таким

видом, словно это я у него в плену, даже поклонился так, будто отвечает на приветствие мелкого подчиненного.

— Сэр Дэвид, — произнес я с вопросительной интонацией.

Он смотрел исподлобья, я видел, все еще колеблется, может быть, даже засомневался, стоило ли приходить, но когда заговорил, голос его звучал твердо:

— Сэр, я слышал разговоры насчет высадки в порту Каменных Рогов на моем корабле. Должен сказать, это безумие, вас сразу же схватят! Мой «Бесстрашный» там уже бывал не раз, его знают.

Я заинтересовался холодно:

— Вы только это хотели сказать?

— Не только, — ответил он. — Предлагаю пойти вместе. Я как капитан, а вы — моя команда... Погодите, сэр! Не скрою, вы мне очень не нравитесь, захватив мой корабль и тем самым нанеся мне тяжкое оскорбление, но еще больше ненавижу кребесов!.. Так что охотно помогу попасть на остров, а дальше, как знаете.

Я кивнул.

— И что хотите?

Он взглянул прямо.

— Как понимаю, мой корабль для вас, что собаке муха?.. За свою помощь хотел бы получить эту мошку обратно. Для вас это мелочь, для меня — жизнь. А в виде выкупа обещаю помочь и в ваших делах... на острове.

Глава 6

Я помолчал, рассматривал его испытующе, а он откинул голову и ответил твердым взглядом бывалого и тертого, настолько уверенного в себе, что считает ниже своего достоинства прибегать ко лжи, после которой всегда остается неприятное ощущение, что победил нечестно.

Я покачал головой.

— Да вообще-то никаких дел нет, мы просто прогуливаемся по морю и осматриваем... все, что попадается.

Он ухмыльнулся.

— А вопрос насчет воинских сил возможного противника?

Я ответил с такой же ухмылкой:

— Разве это не самый важный вопрос... из попутных?

— На острове все узнаете, — пообещал он. — Я там бывал везде, товар приходится отыскивать и в таких местах, где его не выставляют на прилавок... если понимаете, о чем я.

— Понимаю, — ответил я, — контрабандисты есть везде. Зато у них намного дешевле. Хорошо, капитан. Предложение в самом деле рискованное, но для вас ничего не стоит только крикнуть на острове, и нас всех повяжут, как вражеских шпионов. Чем поклянетесь, что сдержите слово?

— Чем угодно, — ответил он твердо.

— Хорошо, — сказал я. — Подумаю. Возвращайтесь к своим людям.

Клятвы клятвами, однако важнее то, что он в предательстве никак не заинтересован. Конечно, можно предать нас местным властям и насладиться мщением, но ког так не вернуть, Ордоньес не допустит, да и команда осудит. Наоборот, землю будет рыть копытом, чтобы и кребесам нагадить, и с нами все уладилось. Тогда в сухом остатке у него будет даже некоторая прибыль и чувство удовлетворения, что проклятым противникам здорово навредили, проведя в их тыл опасных шпионов.

Я крикнул зычно:

— Стюард!.. Позвать барона Юргена, Якова, Мишеля, Джона и... кого бы еще... ладно, хватит!..

— Будет сделано, ваша светлость!

Он исчез, я отметил, что на этот раз «ваша светлость», а не короткое «сэр». «Сэр» для тех, кто выказывает уважение и помнит о своем месте, всем остальным нужно напоминать о дистанции, а если вежливое напоминание не дойдет, могу и без вежливости, уже умею.

Юрген и Яков, как первые помощники Ордоньеса, не считая капитана «Ужаса Глубин» Алана, явились быстро, на лицах готовность идти за мной хоть в ад. Я не случайно напоминаю всем время от времени, что они теперь не пираты, а все до одного дворяне, благородные люди, а их командиры — титулованные вельможи.

Они дисциплинированно остановились вдоль стены, я хотел пройтись по каюте для важности, но качает, солидность растеряется, потому просто уперся обеими руками в столешницу, подо мной карта, так выгляжу внушительнее, и сказал уверенным тоном:

— С нами пойдет капитан корабля «Бесстрашный» Дэвид Ганшилд. «Бесстрашный», чтоб вы знали, это вот то, что прыгает под нами на каждой волне. В данном деле он союзник. Я говорю о Ганшилде. Делайте вид, что мы все его команда. Нам важно попасть через порт в сам город.

Юрген поморщился.

— Пленный?.. Вы ему настолько доверяете?

— Здесь не рыцарство, — объяснил я, — а пираты... Потому доверяю ровно настолько, насколько ему выгодно быть с нами. А ему... очень выгодно.

— Почему?

Я ответил холодно:

— Барон Юрген, вы должны подчиняться мне и без расспросов.

Он вытянулся.

— Простите, ваша светлость! Я выполню любое ваше повеление. Без расспросов.

— Хорошо, — сказал я милостиво, — ну, тогда... я пообещал капитану Дэвиду за его сотрудничество вер-

нуть тот крохотный кораблик. Это для нас... хи-хи... шлюпка с парусом, а для него... это все!

Пираты заулыбались, Юрген посветлел лицом, поднес руку к красной тряпке на голове.

— Ваша светлость!.. Счастлив служить под вашим командованием!

— Еще не то скажете, — заверил я, — когда будем возвращаться.

Капитан Ганшилд снова занял место на мостике когда, гордый и набундюченный сверх меры, с ним еще двое из его команды. Больше я взять не позволил, да Ганшилд и не настаивал. Как я понял, он сам не очень доверяет остальным в таких вопросах. Одно дело — перевезти товар с острова на остров, пусть даже те далеко один от другого, и совсем иное — предложить принять участие в грозящем неприятностями деле.

Берег приближался, я поднялся на мостик и сказал вполголоса:

— Перестаньте нервничать... капитан.

Он бросил на меня настороженный взгляд.

— Это вы... не сорвитесь. Все должны видеть, что главный здесь я.

— Так и есть, — сказал я.

— Тогда прочь с мостика, — велел он. — Только капитан имеет право...

Я приложил два пальца к виску.

— Так точно, капитан.

На горизонте появились смутные силуэты, словно размытая акварель, медленно проступили вершины двух гор, стали зримо четкими, резкими, будто обведенные углем. Море заштилело, когг идет с заметным трудом, ветерок совсем слабенький, мы замедляем ход, однако уже повеяло теплом и плотными ароматами берега, где в складах пенька, выделанные кожи, пряности, зерно...

На причале к нам вышли двое в гражданской одежде, за ними слуга несет письменные принадлежности. Блещущая позолотой чернильница похожа на кадило, украденное из верховного собора. Оба таможенника остановились в величавых позах и ждали, когда корабль пришвартуется.

Я трудился наравне с остальными матросами, закреплял канаты за толстые каменные тумбы, укладывал мостик с борта судна на доски причала, но поглядывал за капитаном.

Дэвид Ганшилд, капитан корабля «Бесстрашный» из королевства Лоуэлл сошел гордо и величественно, однако перед служащими таможи угодливо изогнулся, развел руками в почтительнейшем из поклонов.

— Счастлив снова увидеть красоты великого острова Каменные Рога, — сказал он таким сладким голосом, что будь это на лугу, на него уже слетелись бы все пчелы и прочие насекомые. — Это же так... так...

Один из чиновников равнодушно отмахнулся.

— Ты нам зубы не заговаривай. Что привез?

— Зерно от яллеганов, — сказал Ганшилд с угодливой скороговоркой, — и редкие фрукты из Тегензии. Все свежее, в полной готовности!

— Это мы еще посмотрим, — проворчал чиновник. — Веди, проверю лично!

Ганшилд поклонился, бросил в мою сторону многозначительный взгляд.

— Прошу вас...

Второй таможенник проводил их взглядом, потом повернулся и вперил злой взгляд в меня:

— Что-то я тебя раньше не видел.

Я поклонился точно так же, делал это Ганшилд.

— Старая команда требовала больше денег.

Он хмыкнул с иронией в голосе.

— Да, это мудро, выгнать старую опытную команду и набрать зеленых. Новые хоть что-то умеют?

— Учимся, — ответил я угодливо. — Мы согласны работать просто за харчи, милостивый сэръ! Однако добрый господин Дэвид еще и обещает платить.

— Обещает, — проговорил он с иронией. — Ну-ну, ждите...

Его компаньон показался из каюты на когте, помахал рукой и начал спускаться по сходням. За это время вряд ли успел бы осмотреть хоть что-то, да это и не требовалось, как понимаю, а взятку лучше давать без свидетелей.

Тот, что разговаривал со мной, проговорил довольно: — Можете выгружать.

Ганшилд приблизился с угодливым поклоном.

— Спасибо, спасибо!.. Но мы договорились с местным торговцем, господином Тараклем, что перегрузу прямо в его склад... Ну, вы понимаете...

Таможенник поморщился.

— Ладно, только быстро. И чтобы не высывались за пределы порта!

Ганшилд снова поклонился.

— Да-да, господин, я же помню правила! Да и зачем нам город? Вино в здешних кабаках и веселые девки дешевле и слаше...

Таможенник брезгливо отмахнулся и, кивнув партнеру, ушел деловой походкой.

Ганшилд проводил их взглядом, лицо медленно менялось, а когда заговорил, голос звучал отрывисто и деловито:

— Склад Таракля, это мой старый компаньон, почти у самого выхода. Берем по мешку и...

— А без мешков?

— Еще не ночь, — отрезал он, — мы все как на ладони.

Юрген тяжело вздохнул.

— Ладно, как-нибудь отыграемся...

— И на ком-нибудь, — добавил Яков.

Я нес мешок, как и остальные, Ганшилд на меня поглядывает с беспокойством, но я кивнул успокаивающе, не трусь, в военной хитрости нет унижительности.

— Вы-то город знаете хорошо?

Он помялся, отводя взгляд, но я ждал, он ответил тихо и с неохотой:

— Я капитан, должен в первую очередь заботиться о команде.

— А-а, — сказал я, — понимаю-понимаю...

Он сказал быстро:

— Сэр, вы не то подумали! Я был в городе однажды, да и то тайком от команды. Никто не хочет рисковать головой просто из любопытства. Здесь на островах все оберегают свои тайны!.. За малейшее нарушение — смерть.

Я спросил с недоверием:

— Что, вот прямо такое тоталитарное государство?.. И никто не бежит?

Он прямо взглянул мне в глаза.

— Как? Все ходы-выходы перекрыты. Увы, контрабандистам здесь не поживиться.

— Жаль, — сказал я, — хотя я все равно изволил бы взглянуть лично. Рассказы рассказами...

— Я пойду с вами, — сказал он. — И покажу все, что знаю.

— Но знаете немного?

— «Немного» это больше, чем «ничего», сэр.

— Убедили, — ответил я. — Итак, идем мы с Юргеном...

— Я, — сказал Яков, — обязательно.

Я окинул его взглядом и кивнул.

— Хорошо. Четверо уже многовато, но... ладно. Остальным ждать в порту и быть готовыми к экстренному отплытию. Это значит удирать придется так, будто за нами сам черт гонится с вилами в руках! Возможно, придется.

Мишель кивнул, лицо очень серьезное.

— Есть, ваша светлость.

Солнце наконец закатилось, по обе стороны причала на грязной замусоренной воде покачиваются привязанные лодки, шлюпки, мелкие суденышки, на мачтах зажглись масляные лампы.

Сильнее запахло рогожами, зерном, пряностями, смолистым деревом, тени от урюмых складов стали гуще и чернее.

— Вот теперь можно, — шепнул Ганшилд. — Идите за мной. Из тени не выбегать.

Юрген довольно крикнул, когда в тесном проеме между двумя складами Ганшилд вытащил из-за пазухи веревку с крюком на конце и ловко швырнул на высокую стену, выбрав самый темный ее участок.

— Я первый, — предупредил он. — Чтоб ни звука! Появиться в городе без пропуска — смертная казнь через повешение. Проникать в город ночью... это еще интереснее.

— Что именно?

Ганшилд сказал любезно:

— Медленная и до-о-олгая смерть на колу.

Юрген прошептал:

— Добрый тут народ, как посмотрю...

— Хотите вернуться на корабль?

— Как можно, — сказал Юрген, — я, можно сказать, всю жизнь мечтал на кол, да все никак не получалось...

— Вернемся, — пообещал Яков шепотом, — я сам тебе... гм... помогу. Для друга чего только не сделаешь.

Я перебрался вторым, Ганшилд придержал меня, чтобы не грохнул сапожищами в вымошенную камнем землю, прижал к стене. В сторонке протопали тяжелые сапоги целого отряда.

Ганшилд выждал, пока все затихнет, тихонько постучал в стену, с той стороны послышалось шкрябанье, словно по ней быстро взбирались огромные крысы.

Последним перебрался Яков, Ганшилд кивнул и потихоньку заскользил вдоль складов, сараев и каменных зданий непонятного назначения.

— Пока луна за тучами, — шепнул он, — надо как можно дальше от порта! Здесь всегда больше стражи. Вы знаете, почему.

— Догадываемся, — ответил я.

— Там не придется прятаться, — сказал Ганшилд и уточнил поспешно: — Так уж... сильно.

— Сойдем за местных? — спросил Яков.

— Издали, — буркнул Ганшилд. — И если не будете раскрывать рты.

Я шел за ним вторым, справа и слева тянутся громады каменных стен, окна то квадратные, то стрельчатые, а двери такие, что не всяким тараном сразу выбьешь. Еще особенность: в каждой двери по два-три отверстия на уровне груди. Как раз для стрельбы из арбалетов изнутри...

Ганшилд насторожился, отчаянно замахал руками и первым прыгнул в узкую темную нишу, где когда-то стояла крупная статуя, судя по тому, что мы поместились все четверо, хоть и прижавшись друг к другу.

Мимо протопали стражи, шесть человек, все в добротных, хоть и легких доспехах, а главное — идут в ногу, неслыханное дело, на материке даже королевская стража ходит вразной. В руках алебарды, оружие простолюдинов...

— Это не городская стража, — прошептал Юрген.

— Остров с кем-то воюет? — спросил я тихо у Ганшилда.

— Здесь всегда так, — ответил он одними губами. — Тихо!

Еще один отряд протопал через перекресток. Ганшилд подал знак, мы вышли из укрытия, он повел наискось через площадь, но на той стороне, когда снова послышался грохот подкованных сапог, схватил меня грубо за плечо и вдернул в нишу.

— С ума сошли? — прошипел он. — Не слышите? Стражникам нельзя на глаза! Тем более ночью.

— Вы же сказали, — напомнил я, — сойдем за местных!

Он сказал злобно:

— Издали. Потому что здешних знают всех и каждого!.. А ночью и местным нельзя.

— Ого! — вырвалось у меня. — Ничего себе экскурсия... Что-то не нравится мне перебегать из подворотни в подворотню и в самом городе...

— А вы чего хотели? Идти красиво и гордо?

— Ну... что-то в этом роде. И чтоб гид лебезил и все показывал.

Шестеро дюжих молодцев в стальных кирасах поверх кожаных жипонов мощно протопали мимо. И хотя за ними никто не наблюдает и не покрикивает, идут в ногу, дружно печатая шаг.

Я проводил их взглядом и наконец-то ощутил, что здесь все намного серьезнее, чем казалось. Комендантский час с наступлением темноты, хотя, по словам Ганшилда, остров ни с кем не воюет, утроенная стража, что постоянно проверяет пустые улицы, какие-то все нерадостные и днем, что-то не слышал песен и плясок, обычно в городах на каждом перекрестке танцоры и фокусники...

Слева потянуло трупным запахом, я повел носом. На центральной площади, как я понимаю, огороженный небольшим каменным бордюриком, чуть ниже колена, возвышается целый ряд каких-то странных пугал на длинных кольях.

Донесся слабый стон, я присмотрелся, охнул. Луна выползла из-за туч и осветила с предельной жестокостью два десятка насаженных на колья людей. Большинство мертвых, двое уже начали разлагаться, но один слабо стонет, а когда увидел нас, шепотом попросил добить, прекратить его муки.

Я потянулся за арбалетом, Ганшилд ухватил меня за руку.

— Вы с ума сошли!

— Никто не увидит, — ответил я.

— А утром стража, — сказал он резко, — начнет прочесывать кварталы и допытываться, кто осмелился прервать его муки?.. Мы будем далеко, но стража кого-то да найдет, и для острастки еще кто-то окажется на колу!

Я стиснул челюсти и, стараясь не встречаться взглядом с умирающим, пошел под присмотром Ганшилда. Как всякий интеллигент и демократ, я сразу же отыскал оправдание своему малодушию, дескать, это мог быть отпетый преступник, что убивал и насиловал невинных дев и даже детей, туда ему и дорога, попался, гад...

Юрген и Яков оглядывались на меня, Юрген спросил шепотом:

— Здорово придумали?

— Здорово, — согласился я, — но что-то как-то слишком... Хотя, конечно, идея неплоха, как-то это я до нее сам не додумался? Но такое непотребство только мне можно, я же справедливый... но когда вижу, как это делают другие... нет, это нехорошо, другим нельзя. Хотя, конечно, поляки украинцев тысячами сажали на колья живьем, чтобы те мучились подольше... не преступников даже, а просто пленных... и все-таки это гадко, когда по городу расставлены колья со стонущими и умоляющими добить...

Юрген пробормотал:

— Может быть, только на этом острове такое?

— Может, — согласился я. — Но как в таком месте жить, не представляю...

— А если удрать нельзя? — предположил Яков.

— А как же декларация, — спросил я, — о свободном перемещении людей, капиталов, знаний, информации и всякой терпимости к непотребностям?

— Кое-что соблюдают, — буркнул Юрген и, наткнувшись на мой непонимающий взгляд, пояснил: — Непотребности соблюдают.

Глава 7

Осматривая город, все ближе приближались к той части, где высится высоченный утес, даже не утес, а странная гора, у которой с одной стороны край привычно покатый, а с другой — отвесный, да такой ровный, что даже не знаю...

Ганшилд шепотом объяснил, что там на вершине располагаются убийственные катапульты. Точно такая же гора, как я заметил, всмотревшись, ярко залитая лунным светом, гордо высится вдаль, уже по той стороне пролива. Скорее всего, здесь был обычный остров с высокой горой в центре, как чаще всего, а у подножия зеленые леса, долины и внизу роскошные берега с золотым песком.

Но однажды случилось нечто, что пронеслось по морю, вскипятив воду и разрубив остров пополам так, что одна половинка горы осталась с одной стороны, другая — с другой, а между ними образовался глубокий пролив, где корабли могут идти безбоязненно, не опасаясь сесть на мель или разбиться о подводные камни.

Возможно, это нечто разрубало и другие острова, а морское дно углубило так, что теперь по этому прямому пути можно мчаться на всех парусах, не опасаясь снизу удара в днище со стороны предательских камней...

Островитяне, возможно, не сразу смекнули, что катастрофа принесла им и некоторые преимущества. Но когда сообразили, то, как муравьи, долго и упорно точили гору, вырубая ступеньки и гладкие канавы, по которым встаскивали на самый верх части катапульт.

Наверху тоже пришлось поработать, явно не один год, выравнивая площадки, но теперь позиции в самом деле идеальные.

— Катапульты, — сказал я в задумчивости. — Они хороши перебрасывать камни через стену, но... сверху вниз?

Ганшилд кивнул.

— Вы правы, ваша светлость. Сперва, как говорят, были только катапульты, а потом местные алхимики придумали такой состав, одна капля которого сжигает корабли! Если корабли проходят близко к стене, кувшинчики с такой горючей смолой бросают руками. А если на середине пролива, туда метают катапультами...

— И попадают? — спросил я с недоверием.

Он хмыкнул.

— Когда в ложке десять кувшинчиков, то хоть один, да попадет...

— Здорово, — сказал я. — Что-то меня очень даже заинтересовала такая смесь... Почему-то...

— Да, — согласился он, — за нее любые деньги дадут. Но туда не пройти. Та часть города отгорожена добавочной стеной.

— С ума сойти, — сказал я. — А как же люди? Жители?

— Днем ходят куда угодно, — объяснил он, — кроме горы, конечно. А ночью и они сидят дома.

— И что? — спросил я безнадежно. — Никак?

Он пожал плечами.

— Ну... почему же... Смотря сколько у вас денег...

— О, — сказал я обрадованно, — здесь уже демократия? Деньги выше чести? Это хорошо... Держи, этого хватит?

Он покачал головой, глядя на золото.

— Да, хорошо живете... Еще бы, на таких кораблях можно грабить кого угодно...

— Это точно, — согласился я. — Меч порождает власть, как сказал великий кормчий... Рискнем?

Он кивком пригласил следовать за ним, оглянулся, проверяя, следуем ли, я наклоном головы подтвердил, что все так же доверяем и полагаемся, и он уже свободнее пошел через открытое и освещенное пространство к темной стене из грубо отесанного камня.

Из ниши выдвинулся человек в блестящих доспехах и с алебардой в руках. Мы замерли, только Ганшилд продолжал идти, но руки раскинул в стороны в примиряющем жесте и еще показывая, что оружия в них нет.

— Стой!.. — сказал стражник строго. — Пропуск!

— С пропуском все в порядке, — заверил Ганшилд. — От самого короля. Мне с друзьями надо на ту сторону... Ну, я пару раз бывал там, за стеной девки всегда слаще, ты ж меня помнишь...

Стражник ответил резко:

— Нет, не помню! О каком короле речь?

Ганшилд вытащил из кармана две золотые монеты, которые я ему дал. Насколько помню, там вычеканен некий полустертый мужской профиль с орлиным носом.

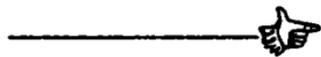
— Об этом, — сказал он и подал стражнику. — Имя Его Величества, к сожалению, не упомяну...

Стражник попробовал одну монету на зуб, другую, широкая морда расплылась в улыбке.

— Я тоже не помню, — сказал он, — но государь был великий, судя по... гм... мне кажется, он был человек с весом. В общем, пропуск в порядке. С таким пропущу тебя с друзьями куда угодно.

Он отступил и даже отвернулся, а мы тихонько проскользнули за его спиной в неприметную и узкую калитку. Я подумал с облегчением, что в рыцарском мире такое бы не прошло, но здесь уже более высокая ступень развития общества, тут все покупается и продается, здесь свобода и гражданские права, так что хитрому да вороватому живется проще, чем честному и соблюдающему какие-то устаревшие этические правила, а они для демократа все устаревшие и все лишние.

От каменной мостовой еще несет чадом горелого бараньего жира, при закрытии лавок его остатки выплескивают прямо на землю, лунный свет блекло высве-

чивает вывески с указанием, где мастерская шорника, оружейника, а пекарню мы угадываем по ароматному запаху, над каменными заборами возвышаются темные платаны, под ногами рассыпаются конские каштаны...

...но нигде ни звука, все как вымерло. Юрген оглядывался по сторонам разочарованно, а перехватив мой вопрошающий взгляд, пояснил виновато:

— Я ж по своей невинности поверил этому гаду, что к бабам идем на этой стороне!

Ганшилд буркнул:

— Ваш вождь решил посмотреть не на баб, а на гору, где расположены катапульты. Забыли?

— Так то сэр Ричард, — ответил за друга Якоб. — А мы по простоте и невысокому полету могли бы согласиться и просто на баб.

Юрген все оглядывался, но везде мертво, наконец, звучно поскреб щетину на подбородке.

— Это что же, — проговорил он в недоумении, — все закрыто, и мы так и не подеремся в таверне?

Ганшилд покачал головой.

— Увы. А что, это так важно?

— Необходимо, — поправил Юрген с праведным возмущением, — а не просто важно! Человек не обязан жить, но плавать и драться обязан! Я в каждой таверне кому-то, да бил морду. Это дело чести. У нас не осталось ни одного не дратого мною трактира, ни одной таверны или корчмы, где бы я не... Это уже ритуал! Я спать не смогу, если пройду или проплыву мимо такого места... Это вообще не по-мужски!

Ганшилд сказал с сочувствием:

— Понимаю, сам такой. Но здесь именно такое проклятое место.

Юрген повернулся ко мне.

— Милорд!

Я сказал хмуро:

— Я стратег и гуманист, но что-то и мне восхотелось побить здесь хотя бы посуду. Но посуду на дорогу

никто для нас не выставил, мерзавцы... Так что совсем не ндравится мне здесь что-то... Так бы и сделал на прощение какую-нибудь пакость. Будто не лорд, а говно какое. Ну лезет из меня всякое...

Юрген хмыкнул:

— И что бы вы сделали, милорд?

— Да вот сжег бы этот город, — сказал я, — как Содом и Гоморру. Или хотя бы те катапульты на горе, чтоб не задавались ими так уж...

Ганшилд сказал безнадежным голосом:

— Эх, если бы это было возможно...

— А почему нет? — спросил я. — Они так хорошо их упрятали повыше, что теперь наверняка охраняют из рук вон плохо. К тому же в эту часть города только по особым пропускам...

Ганшилд снова буркнул с сожалением:

— Это невозможно.

— Островитяне, — сказал я, — многое считали невозможным, пока не прибыли эскадры Колумба, Магеллана и Кука... были в наших краях такие орлы... Что скажете, барон Юрген? Вы у нас почти Кук!

Тот ответил твердо:

— Милорд, вам виднее. Что скажете, то и сделаю!

— Тогда подойдем ближе, — рассудил я.

Место перед горой ровное, как столешница, и абсолютно пустое. Думаю, городские власти намеренно не разрешают застраивать, дабы никто не приблизился к важному объекту незамеченным ни днем ни ночью.

Пробежать через эту площадь невозможно: с одной стороны то и дело слышится топанье и лязг металла проходящей стражи числом в восемь человек, а по ту сторону площади справа и слева от ступеней небольшие караульные помещения, внутри свет, по окну то и дело проходят тени, не спят, гады.

— Ждите здесь, — велел я шепотом, — а я пока посмотрю...

Ганшилд раскрыл рот, явно намереваясь возразить, но Юрген ухватил его огромной пятерней за лицо и выразительно покачал огромной лохматой головой.

Я скользнул дальше по тени, укрылся за углом и торопливо перетек в исчезника. Чувство неуверенности начало пробираться под кожу едва сделал первый шаг к сторону горы, кто знает, что здесь и какая из чертовщины сохранилась, вдруг моя незримость для них такая же, как и для собак, что значит, никакая. Вдруг меня уже заметили, кто-то аккуратно взводит тугую стальную тетиву арбалета и берет дурака, уверенного в невидимости, на прицел...

Я ежился, старался уменьшиться в объеме, стать еще незаметнее, но все-таки пробирался ближе и ближе, а когда стена дома кончилась, ринулся через площадь со всех ног, стараясь бежать как можно тише.

Двери караульного помещения приоткрыты, я остановился, переводя дыхание, затем сжал челюсти и ворвался вовнутрь. Их оказалось четверо, но я заранее взвинтил метаболизм, понимая, что меня может спасти только скорость, а они отдыхают спокойно и беспечно, как уже многие месяцы и даже годы...

Лязг металла, приглушенные вскрики, хрип, быстро обрывающиеся стоны, и я с сильно бьющимся сердцем прислонился к стене, внутри все так колотится, что вот-вот разнесет в клочья.

Из той сторожки, что слева от темных ступеней на гору, доносятся веселые голоса, значит, еще ничего не заметили.

Я перебежал, пригибаясь, как петух под дождем, распахнул дверь и прыгнул вовнутрь, еще выставив перед собой длинный узкий клинок. Мелькнуло усатое краснощекое лицо, и тут же изо рта хлынула кровь, второй икнул и завалился навзничь на стол, я отпрыгнул и дико огляделся, прислушался, но сердце колотится так, что слышу только его и свое сиплое дыхание.

На той стороне площади темно и пусто, с улицы вышла группа стражников, прошла по кромке площади и свернула на параллельную. Я выдернул из держака факел и помахал крест-накрест.

Второй раз подавать знак не пришлось, с той стороны через площадь ринулись, как три огромные крысы, мои орлы с огромными теньями впереди себя.

Я отступил, пропуская вовнутрь, а сам присматривал за площадью. Через некоторое время там появился еще отряд, тоже восьмеро, протопали по кромке и скрылись, обогнув квартал.

— Теперь быстро на лестницу, — велел я. — Держитесь левой стороны!

Они послушно выскользнули, лестница врезана глупо в гору, лунный свет серебрит правую сторону, левая в тени, моим настороженным ушам шаги кажутся чересчур громкими, хотя понимаю, что до верха еще очень далеко.

Ганшилд прошептал:

— И во второй караульной... тоже?

За меня гордо ответил Юрген:

— Мы пришли из жестокого мира, сэръ Дэвид.

— Прекрасно, — сказал тихо Ганшилд, в голосе звучало великое уважение. — Двое здесь, двое там... и никто не крикнул?

— Да хотя бы и десятеро, — сказал Юрген гордо. — Для милорда это раз плюнуть и растереть задней ногой.

— Тихо, — прошипел я. — Я пойду посмотрю, что там и как. Меня не догонять, поняли?

Юрген ответил за всех:

— Я прослежу, милорд!

Ступеньки поднимаются круто, представляю с каким трудом затаскивали части катапульт, сколько канатов порвано, сколько убитых и покалеченных за время подъема, но молодцы, такую стратегически важную

точку укрепили, полный контроль над проливом, нечто подобное сооружаю и я в Тарасконе, только у меня нет горы, приходится башни строить самим...

Дыхание уже обжигало горло, когда я услышал где-то на уровне звезд голоса, а когда поднялся еще, различил слова, сказанные лениво и уверенно:

— ...а кто будет жульничать, того будем бить...

— По наглой рыжей морде, — добавил второй.

— Ну вот, — слышался еще голос, звучал обиженно, — при чем тут именно рыжая? А по конопатой не хочешь?

— Моя конопатая постоянно проигрывает, — возразил голос, — как только с твоей рыжей играть сядет!

— Я просто лучше тебя...

— Во всем?

— Ну, в дурусти ты, конечно, победишь...

Послышался шум, затем властный голос:

— Тихо!.. Играем или деремся?

Молчание, потом угрюмый голос:

— Играем... все равно потом подеремся....

Ну, мелькнуло у меня, люди не меняются. К счастью для правителей и к несчастью для церкви, что все еще наивно надеется с этим дерьмом построить Царство Небесное на грешной земле, что какими-то молитвами или еще чем-то и как-то очистится от грязи.

Я потихоньку начал спускаться вниз, оттуда донеслось тяжелое шарканье, но идут хорошо, таятся, я бы и не услышал, если бы не прислушивался.

Подошел неслышно Юрген, присел рядом, дыхание тяжелое, долго не мог выговорить и слова.

Появились Ганшилд и Яков, я сказал шепотом:

— Тихо-тихо, не спешите! Сперва переведите дух. Дальше надо будет все очень быстро. Там две катапульты, я рассмотрел. Но это потом, главное — четыре охранника и двое мастеров по тем штукам. Их надо убить сразу! Без воплей, криков и лязга. Поняли?

Юрган ответил полушепотом:

— Милорд, я тоже хочу вернуться на корабль целым, а не по кусочкам.

Яков прошептал возбужденно:

— Я готов и погибнуть здесь, милорд! Но слава будет выше, если вернемся с победой.

Ганшилд поморщился, но встретил мой взгляд и кивнул.

— Отлично, — сказал я. — Да, еще пустячок. Там, кроме камней, еще и странного вида бочонки и кувшины. Ни в коем случае к ним даже не притрагиваться. Поняли? И ничего тяжелого не бросать в их сторону. И самим туда не падать, ясно?

— Ясно, — ответил Юрген озадаченно.

— Понятно, — ответил Яков.

Ганшилд бросил на меня изумленно злой взгляд.

— Хорошо, — сказал я, — теперь подберемся ближе...

Пришлось одолеть еще около сотни ступеней, прежде чем открылась широкая площадка, в центре костер, двое расселись в свободных позах перед огнем, что значит, ничего не видят, кроме пляшущих языков пламени, дураки, так нельзя, двое лежат рядом, но укрылись одеялами, а мастеровые просто бесстыдно спят, что и правильно: кто же сунется в пролив ночью?

— Я беру сидящих, — сказал я. — Юрген, сумеешь тех, что лежат?

— Обижаете, милорд...

— Тогда Яков, — сказал я, — и вы, сэр Дэвид, бьете мастеров. Уточняю, лишаете их жизни.

— Совсем? — уточнил Яков.

— Совсем, — подтвердил я. — С трофеями и сами разберемся.

— Как скажете, милорд.

— Все делаете быстро, — напомнил я, — чтоб никто и рта не раскрыл! Помните, мы посреди вражеского лагеря.

Яков посопел обиженно, но смолчал, в таких случаях претензии высказывают потом, а Ганшилд только кивнул и вытащил из-за пояса длинный кривой нож.

— На счет три, — сказал я. — Раз... два... три!

Глава 8

Мы в самом деле ринулись одновременно, но все-таки я опередил на важные доли секунды. Сидящие у костра только повернули головы в сторону неясного шума. Слепленные ярким огнем глаза начали промаргиваться, но успели увидеть разве что блеск стальных клинков.

Я развернулся и всадил острие в горло лежащего за секунду до того, как меч Юргена раскрыл ему голову.

— Обижаете, милорд, — снова сказал он.

Он повернулся к Якову и Ганшилду, готовый помочь, но те убили спящих еще быстрее.

Ганшилд сказал, задыхаясь от возбуждения:

— Надо было бы оставить одного мастера...

— Зачем? — спросил я.

— Узнали бы состав горючей смеси...

— У мастеров тоже есть гордость, — ответил я. — Закричи он, нам всем бы конец. А смесь не может быть особенно сложной... Барон Юрген, теперь от вас потребуется подвиг еще выше! Можно сказать, жертва. Вы готовы?

Он вытянулся.

— Слушаюсь, милорд!

— Давайте вашу флягу, — велел я.

Все смотрели, как я проделал крохотную дырочку в бочонке, наполнил флягу черной жидкостью и тут же плотно закупорил бочонок тряпочкой.

— Это для наших алхимиков, — объяснил я. — Проверят состав и создадут такой же... а то и лучше.

Юрген крикнул, с жалостью посмотрел на флягу.

— Да уж, — проворчал он, — это жертва... ну да ладно, я под вино другую заведу.

— Я тебе подарю, — утешил Яков, — побольше.

Я огляделся, кроме десятка бочонков, небольшие пузатые кувшинчики, что еще при первом взгляде привлекли внимание. Десятка три, из них половина из красной глины, половина из белой. Я нарочито пересчитал, все верно: семнадцать красных, семнадцать белых. И еще огромное количество лежит, зияя пустыми горлышками, вперемешку у высокого бордюра.

Ганшилд, не дожидаясь команды, ринулся в остервенении резать кожаные ремни, скрепляющие катапульты, а Юрген и Яков поглядывали с обеспокоенностью, как я осторожно поднял один кувшинчик с закупоренным горлышком, потом другой, уже иного цвета.

— Милорд, — произнес Юрген вопросительно.

— Их тоже возьмем, — сказал я, — вроде бы догадываюсь...

Яков проговорил вздрагивающим голосом:

— Милорд, пора уходить...

— Ты прав, — согласился я. — Юрген, бери вот этот красный и этот белый. Смотри, не споткнись! Сам погибнешь, не жалко, но всех поджаришь... Сэр Дэвид, хватит дурачиться, уходим.

Ганшилд оглянулся, злой и растерянный.

— Сэр, мы еще не уничтожили катапульты!

— Уничтожим, — пообещал я. — Даже больше, чем вы думаете, сэр.

Они спускались первыми, а я набрал из бочки темной жидкости в пустой кувшин, щедро облил катапульты и бочки, не забыв и закупоренные кувшины, потом набрал еще и пошел вниз, оставляя за собой тонкую непрерывную струйку.

Хватило почти до самого низа, я молча восхитился плотностью струи. Команда уже ждет у выхода, Юрген всмотрелся, что делаю, сообразил, спросил шепотом:

— Милорд... огонь высечь?

— Держи кувшины, — сказал я строго и добавил: — А я уже поджег, не видишь?

И, загоротив начало струйки своим телом, бросил искру из ладоней. Жидкость вспыхнула, неторопливый огонек покарабкался наверх.

— Вот теперь оставаться точно нельзя, — сказал я. — Быстро обратно...

Ганшилд все понял, просиял, как начищенный добросовестной хозяйкой медный таз, сказал ликующе:

— Сэр Ричард, возвращаться тем же кружным путем вовсе не обязательно!

— Знаешь лучше?

— Да!

— Веди наше стадо.

Он сказал загадочным шепотом:

— Я знаю, как спуститься со стены прямо к морю... Залезть оттуда нельзя, а вот вниз...

Он оборвал себя на полуслове, на площади появился идущий в нашу сторону мужчина в поблескивающей кирасе. Он еще не видел, как по ступенькам медленно ползет вверх огонек, но направлялся к караульным помещениям, а оттуда увидит точно...

Я быстро скользнул навстречу, он успел нахмуриться, увидел распахнутые двери будочки караульных, а я выдвинулся из тени и ударил его кулаком в лицо, тут же сделал локтевой захват на горле, так что он только слабо захрипел вместо вопля тревоги.

— Молчи, дурак!

Захлебываясь кровью из разбитого рта, он прохрипел:

— Кто... вы?

Ганшилд раскрыл рот, чтобы ответить что-то гордое и достойное, но я послал ему свирепый взгляд и сказал надменно:

— Республиканский десант кребесов, дурак! Разве не видно?

— Но, — прохрипел он, — разве мы с вами воюем?..

— При чем тут война? — спросил я зло. — Нас всего лишь интересуют некоторые ваши военные тайны...

Он снова пытался что-то сказать, но я с силой ударил его по голове. Он свалился в беспамятстве, Юрген оглянулся, но только ускорил бег, держась за Ганшилдом.

Ганшилд на бегу спросил торопливо:

— Зачем вы сказали насчет кребесов?

— Разве вы против? — удивился я.

— Нет, — ответил он растерянно, — как-то не...

— Ну вот, — сказал я, — пусть подерутся.

Он некоторое время бежал за мной следом, молчаливый и насупленный, потом я услышал, как вдруг всхрапнул и приглушенно заржал, как конь, которому зажимают челюсти.

Стена покрыта чем-то странно знакомым, я бы назвал это чешуей гигантской рыбы, если бы такие исполины существовали. Сама стена с легким наклоном в сторону моря, чтобы по ней можно скатывать глыбы. Так они, набрав скорость, собьют с ног и покалечат больше народу, чем если бы их просто сбрасывали с отвесной.

Скользить вниз легко, если бы не закрепленная вверху веревка, унесло бы вниз моментально, а так я успел при спуске даже пощупать эти странные чешуйки и убедился, что если карабкаться снизу, они приподнимаются, впиваясь в тело, и верх стены становится вообще недостижим.

Уже внизу я рассмотрел далеко на берегу одинокую лодку, людей нет, пошел с осторожностью, но из-за камней на берегу послышался радостный голос:

— Это же милорд вернулся!.. Милорд, мы здесь!

Они бросились сразу к лодке, начали сталкивать в воду. Ганшилд, суетясь больше всех, трудился, упирался ногами, пыхтел; наконец днище закрипело, еще три пары рук ухватились за борта, все попрыгали в лодку, начали расхватывать весла.

— Ваша светлость, — спросил Мишель жадно-почтительно, — как вы там...

Со стороны города высоко в небе беззвучно вспыхнуло страшное багровое пламя. Некоторое время мы смотрели на это в почтительном молчании, потом все вздрогнули от мощного грохота. Верхушка горы раскололась со страшным треском, в ярком свете пожара стремительно взлетели темные на пурпуре пожара изломанные камни. Кроме приготовленных для метания по кораблям, я хорошо видел подсвеченные багровым огнем, украшенные барельефами обломки бордюра.

— Понятно, — сказал Мишель дрогнувшим голосом, на его лице отпечатался благоговейный восторг. — Хорошо погуляли!

— Милорд всегда так гуляет, — хвастливо пояснил Юрген, — не то что мы... Посуду побьем, стулья и столы поперевертываем... Ну, разве что корчму или таверну разнесем...

— Да, — сказал Яков, — наш адмирал говорил, что милорд меньше, чем на город, не разменивается. Хороший огонек, да?

Ганшилд прошептал:

— Это что же... все те запасы горючих масел... вот так сразу?

— Гулять, — пояснил я, — так гулять. Вам что, ради веселья жалко? Тем более чужое...

Ганшилд сказал торопливо:

— Что вы, мой лорд! Это такое счастье видеть...

Юрген сказал строго:

— Хватит болтать! Гребите, морды. У меня пальцы затекли держать эти драконьи яйца.

— Мишель, — распорядился я, — возьми один кувшинчик у Юргена, он же барон, а ты кто?.. Да только осторожно, лодка вспыхнет так же весело, как и катапульты. А благородный барон заменит тебя на весах...

Я уселся на корме. Весла дружно врезались в воду, а Ганшилд спросил меня ликующе:

— Значит, вы на нашей стороне?

Я покачал головой.

— Я на своей.

— Но вы, — пролепетал он, — уничтожили все катапульти...

— И что? — спросил я. — Рутинная проверочная инспекция, так сказать. Хорошо ли в этом регионе пространства охраняют ключевые посты? Я проверил. Хреново бдят. Вот и все. Поплыли дальше.

Он дернулся, умолк, потом медленно помрачнел, когда до него дошли слова насчет того, что охраняют хреново. А наверняка дальше в архипелаге охраняют еще хуже, чем здесь.

— И что собираетесь делать?

Я пожал плечами.

— Как принято. Разделяй и властвуй. Кто-то захочет воевать, а кто-то поспешит с нами заключить союз... Как думаете, кто выиграет?

Он ответил дерзко и с вызовом:

— Это зависит! Если к вам поспешат с заверениями любви и дружбы, а то и покорности, пятеро, а войну объявят пятьдесят, то плохо придется и вам, и вашим союзникам. Для вас они союзники, для нас — предатели!

— Но вы же враждуете друг с другом?

— То другое дело, — возразил он. — Споры между братьями не в счет. А вы не просто чужак, вы... совсем чужак!

Я подумал, кивнул:

— Хорошо, хорошо. Оставим это пока. Я даже не буду показывать на Авеля и Каина, Ромула и Рэма, Иосифа и братьевников и... многих-многих. Просто скажу, что брат заключает против брата союз даже с самим дьяволом.

Рассвет высветил голые мачты обеих кораблей, каравеллы застыли на море красиво и грозно, как врезанные в мир древней гравюры, прекрасность и триумф человеческого гения.

На их фоне маленький когг выглядит жалобно, как суслик рядом с двумя медведями. Но эти медведи пришли ему на помощь и стоят за спиной, готовые вступить, как только суслик свистнет.

Наши гребцы разогнали шлюпку так, что не плывет, а летит, прыгая с волны на волну, морды усталые, но довольные, Ганшилд вообще места себе не находит от возбуждения, подпрыгивает, на него орут и обещают выбросить за борт, если будет и дальше раскачивать лодку.

Юрген направил лодку, минуя когг, к «Богине Морей», там нас заметили, вдоль борта забегали, кто-то махал шляпой.

Я услышал радостный вопль:

— Сэр Ричард! На шлюпке!

И едва слышный с мостика гудящий голос Ордоньеса:

— Отлично.

Его помощник заорал диким голосом:

— Боцманматы, фалрепные — по местам!

Я поднялся на борт, все сняли шляпы и синхронно склонили головы, хоть отвешивай всем щелобаны в темя. В свою очередь, я поднес два пальца к виску, раз уж на мне нет шляпы, милостиво и вместе с тем отечески строго улыбнулся.

— Граф Ордоньес, — произнес я четко, — позвольте представить вам капитана Дэвида Ганшилда. Он помог нам совершить весьма интересный рейд на берег...

Ордоньес пробормотал:

— Да мы видели... и отметили ваше миролюбие. Не весь остров потопили, что удивительно, зная вас, а только что-то сожгли, хотя огонь был до неба... Добро пожаловать, капитан Ганшилд, на борт «Богини Морей»!

Ганшилд поклонился.

— Я счастлив, — сказал он с чувством, — подняться на борт такого огромного корабля... это просто чудо! Вам, адмирал, завидуют все моряки всех морей!

Ордоньес польщенно улыбнулся.

— Спасибо. Будьте желанным гостем. Надеюсь, расскажете, что вы там такое натворили...

Ганшилд оглянулся на меня почти с испугом.

— Я бы не посмел и подумать о таком, но сэр Ричард...

Я сказал небрежно:

— Вы тут обнюхивайтесь, а я пойду пока посмотрю на оружие массового поражения... пока о нем не проведала и не запретила Церковь.

Юрген бережно и с крайней осторожностью понес кувшинчики за мной. На ступеньках я взял один, а то вдруг да споткнется, сам занес в свою каюту и поставил на стол.

— А тот в угол, — сказал я. — Благодарю за службу! Иди-иди, там как раз самое интересное...

Он вихрем вылетел обратно, самое время бахвалиться, а я осторожно взял кувшинчик в руки. Как понимаю, темно-красный и белый потому, что разные смеси, дабы не спутали. Вроде «сено-солома», привязанные к ногам новобранцев. И воспламеняются особенно жарко именно при смешивании. Горение усиливается вдесятеро, потому держать нужно врозь, при соприкосновении самовозгораются, как явствует из слов Ганшилда. Достаточно на корабль метнуть связанные вместе красный и белый кувшины, как сразу же, разбившись при ударе, дают неистовое жаркое пламя. А когда горит все, на что попадут разлетевшиеся брызги, то остается только выпрыгивать за борт.

Не думаю, что состав архисложный, мои алхимики со временем бы отыскали и сами, нужно только правильно поставить задание, но, конечно, лучше помочь

собственным ученым, промышленный шпионаж еще никто не отменял.

Ордоньес дал мне время уложить трофеи в сундучок, постучал в дверь, я сказал «да», он спустился веселый, довольный.

— Этот ваш капитан, — заявил с торжеством, — уходит не хочет на свой когг!.. Везде лазит, расспрашивает... Что с ним делать?

— С корабля выпускать нельзя, — согласился я. — Чем меньше о нас здесь знают, тем лучше.

— Тогда за борт?

— Можно еще хуже, — сказал я.

Ордоньес округлил глаза.

— А что еще хуже?.. Не поставишь же здесь кол... Разве что на мачту... гм...

— Подцепим таким крючком за жабры, — сказал я, — что уже не оторвется. Скажем, что покажем, как такие корабли строятся. Он рухнет от нетерпения!.. А пока используйте как одного из своих матросов. Он будет рад и счастлив все увидеть, пощупать.

— Тогда уж, — сказал Ордоньес великодушно, — как одного из младших офицеров. Он толковый. И грамотный. Ловит на лету, как молодой пес мух. А его когг может идти прежним маршрутом.

— Уже договорились?

— Да, он сам предложил.

— Прекрасно!

— Что надумали дальше?

— В архипелаг не полезем, — сказал я. — Местные могут выставить не только сотню кораблей, пусть и мелких, но и с берегов забросают всякой дрянью...

— Обойдем, — предположил он, — по широкой дуге?

— По очень широкой, — подтвердил я. — Важнее увидеть общую картину, а мелочи уточнят другие. Я эрцгерцог или не эрцгерцог?

— Он самый, — согласился Ордоньес, не решившись произнести языколомное словцо. — А если невзначай заскочим в архипелаг?

— Если проливы между ними будут так широки, — сказал я, — что не увидим берегов, то ладно, пусть. Мне лишь бы с обеих сторон не забросали камнями.

Он ухмыльнулся.

— Ну, в такую щель уж точно не полезем. Хорошо, милорд! Мы сделаем все, как...

Наверху раздался крик, сразу несколько голосов, в дверь грохнуло, влетел растрепанный Яков.

— Ваша светлость, — прокричал он тонким голосом, — адмирал!... Там... там такое...

Мы выскочили наверх, корабль немилосердно раскачивает. Сперва я увидел впереди рассеянный свет, будто море светится, а потом, когда приблизились, Ордоньес страшно выругался.

Глава 9

Я поднялся к нему на мостик, долго, с трепещущим сердцем всматривался в барханную поверхность моря, не веря глазам. Далеко впереди в середине круга рассеянного света, даже не круга, а будто из рваной тучи, на волны падает большое светлое пятно неправильной формы, темнеет нечто абсолютно черное, круглое, что показалось тоннелем, уходящим вертикально вниз. Подгоняемая ветром, «Богиня Морей» приблизилась еще, Ордоньес начал в бессилии сыпать проклятиями, вцепился в поручни.

Мое сердце оборвалось, там, впереди, настоящая широкая дыра с гладкими стенками, уходит вниз, как будто вокруг не вода, а твердый камень...

Ордоньес, опомнившись, заорал:

— Поднять кливера! На брасах стоять!

Испуганные матросы ринулись на мачты, парус приподняли, в то же время не давая сорвать ветром. Корабль неумолимо двигался в сторону черной дыры океана, потом его начало медленно сносить в сторону. «Ужас Глубин» в нескольких кабельтовых сзади повторял наш маневр.

Я затаил дыхание, корпус проходит совсем близко от края, водяные стены в самом деле стремятся далеко вниз, похоже на широчайшую трубу, но только в эту трубу свободно прошел бы город средней величины...

И жуткое и чудовищное в том, что нас даже не пробует затянуть водоворотом. Дыра в океане есть, вода туда стекает свободно, но водоворота нет как нет, хотя такое немыслимо!

Ордоньеса трясло с головы до ног, он перекрестился дрожащими пальцами, посмотрел на небо в грозных тучах и перекрестился еще раз.

— Господи, — проговорил он колеблющимся, как дерево на ветру, голосом, — что это?

Я пробормотал:

— Хочешь, чтобы я ответил за него?

— Да, сэр Ричард, вы ж то ли его любимчик, то ли Сатана под личиной...

— Боюсь, — сказал я медленно, — эта дыра в океане одна из причин...

Он ждал, но я молчал, стараясь сформулировать то странное чувство, что возникло при виде этой чудовищной трубы.

— Каких? — спросил он осторожно.

— Император Герман, — объяснил я, — изволил подарить мне эти острова... как думаете, почему?

Он ответил злобно:

— У самого руки коротки!

— Отчасти верно, — согласился я. — Хотя вы же доплыли... Возможно, император пару раз уже обломал зубы, даже не добравшись до высадки на берег?.. Стим-

фалийские птицы, големы на берегах, эта вот дыра, еще что-нить, на что мы еще не наткнулись... А эскадры у него наверняка бывали побольше...

— Тогда почему посылает вас? — спросил он враждебно. — Вот гад!

— Нас ему не жалко, — согласился я. — Если погибнем — одной угрозой меньше... С другой стороны, возможно, на самих островах существует угроза побольше...

— Хочет столкнуть две беды? — спросил он.

— Это только предположение, — предупредил я. — Возможно, на островах от Древних какой-то гадости больше, чем в других местах? И это опасно для Юга... впрочем, и для Севера, но Юг хотя бы догадывается, что отсюда может выползти...

Он еще раз перекрестился, очень необычный для него жест, я подумал, что я в этом отношении еще пиратистее, перекрестился размашисто и сказал громко:

— Господи, избавь нас от... сам знаешь от чего, тебе виднее. Аминь!

Ордоньес посмотрел с подозрением, что-то не замечал за мной набожности, но смолчал, а с клотика раздался ликующий вопль:

— Других дыр не видно!

— Слава Господу, — сказал Ордоньес с чувством, но креститься не стал, будет слишком, Господь и так все видит и слышит, не глухой. — Знаете, ваша светлость, я напросился с вами на легкую прогулку, но, поверите ли, теперь даже ночью спать ложусь одетым и с мечом в руке!

— Ну это вы уж слишком, — мягко упрекнул я. — Не каждый же день будет попадаться всякое...

— Хорошо бы, — сказал он, — но только статуя скоро зацветет! Там уже почки набухли. И еще... веточки начинают лезть прямо из обшивки. Если такое же и на днище, то это замедлит движение... а потом, не знаю, но корабль может и вовсе рассыпаться...

Сперва это выглядело как облачко, показавшееся из-за горизонта. Облачко на бесконечной голубой глади. Попутный ветер гнал корабль резво, клочок белого тумана на зеленоватой воде моря разрастался, я успел заметить, что он не меняет формы.

Я посмотрел на сияющую синь, солнце уже опускается к грани между небом и землей, одинокое облачко начало розоветь в ожидании заката, море медленно засыпает, ветер почти утих.

— Я буду в каюте, — сказал я Ордоньесу. — Если что, кричите.

— Да уж, — ответил он с сарказмом, — конечно, сразу «караул», а как же.

В каюте я снова развернул карту, кое-что дополнил, память услужливо раскрывает все, что видел, теперь бы понять, что увидел и что из увиденного может во что вылиться.

Что острова не под единым правлением, это уже известно, хотя и непонятно. Мне кажется, обязательно сильный правитель должен попытаться подгрести все под свою руку. И если этого все еще не произошло, то нечто более сильное, чем его воля и армия, сдерживает экспансию...

В дверь послышался стук, я поморщился, крикнул:

— Ну?

Голос мой прозвучал грозно, так что если кто-то сунулся с пустяком, то испугается и уйдет, за дверью в самом деле в нерешительности посопели, затем донесся робкий голос:

— Ваша светлость, команда волнуется...

— Войди, — велел я.

Вошел незнакомый матрос, поклонился непривычно низко, почти как придворный, а не как гордый пират.

— Ваша светлость, — повторил он, — статуя...

— Что, — сказал я, — сошла с носа и гуляет по палубе?

Он испуганно всхрюкнул:

— Гуляет?.. Нет, ваша светлость, еще не... а что, может?

— Ну да, — ответил я, — сколько ей еще стоять там, прикованной... Так что с нею?

— Веточки, — выдохнул он, — уже зацвели...

Холод прокатился по моему телу, но я сказал натужно беспечно:

— А что за цветы?

Он дернулся.

— Цветы?.. Да кто их... белые какие-то...

— Пчелы летят?

— Ваша светлость, — проговорил он в испуге, — какие пчелы тут, среди моря...

— Морские, — ответил я. — Столько плаваешь и не встречал еще? Морских коров видишь каждый день, а пчел... Темнота! Цветы хорошо пахнут?

— Н-н-не знаю, — проблеял он. — Не нюхал. Никто не подходит близко.

Я поднялся, отодвинул стул.

— Пойдем. Я как раз случайно хороший гербист. Это не по гербам, а по всякой и даже разной растительности знаток, умелец и вообще еще тот, понял?

— Да, ваша светлость, ага, хоть и не понял, но вы уж взгляните как бы сами и даже лично...

На палубе такой легкий ветерок, что почти штиль, небо вместо невинной голубизны уже зрело-синее, торжествующее, весь запад полыхает в несказанной пышности божественного заката, облака уже не облака, а плотные воздушные горы, хребты исполинские, внушающие оторопь и смирение...

На палубу, мачты и даже на море пал багровый отблеск пылающего неба, только статуя «Богини Морей» вся зеленая, окутанная множеством мелких веточек.

Я подошел вплотную, на веточках в самом деле начали распускаться крупные белые цветы, чистые и не-

винные, запах тоже чистый, без примеси сладости или чувственности.

— Хороший знак, — воскликнул я с чувством. — Что вы за люди, почему всегда толкуете себе на беду? Господь нас любит и посылает нам одобрение!

Юрген выдвинулся из толпы матросов.

— Нам? Одобрение?.. Ваша светлость, а кого же тогда в ад, если одобрение нам?

— Кого в ад, а кого в рай, — сказал я, — придумали люди. На самом деле у Господа, может быть, совсем другие намерения. Он слишком велик, чтобы нам дерзновенно пытаться угадать его желания. Тем более, как мне кажется, среди вас маловато докторов богословия и профессоров каббалистики?

Они с подозрением косились друг на друга, будто уже заподозрили в излишнем для мужчины умничании.

— Чистые белые цветы, — сказал я, — сулят для умных успех, а для дураков — удачу, так что всем нам что-то да обломится! А теперь идите пьянствовать, богословы!

С мостика прогремел крик:

— Отдать якорь!

Загремело железо, тяжелый якорь со следами молота на железных раскоряченных лапах грузно обрушился в воду. Взлетели брызги, я проследил взглядом за уходящей вниз тяжелой болванкой. Рядом со мной остановился крепкий матрос с мощной грудной клеткой, тоже смотрит вслед, но именно смотрит, а я созерцаю: если якорь не зацепится за дно, этому герою придется нырять и попытаться вручную зацепить рогом за грунт.

На каждом корабле, даже коггах, есть эти «якорные ныряльщики», у них оплата почти такая же высокая, как у корабельных плотников. Именно от якоря зависит, останется корабль на месте либо же его ветром снесет на рифы, мель или разобьет о скалистый берег.

Насколько помню, на мелях Гудвин-Сэндз, что чуть северо-восточнее Дувра, из-за плохих якорей разбива-

лись не только отдельные корабли, но и целые эскадры. Там сгнули тысячи кораблей, а моряков — десятки тысяч, так как их якоря не могли удерживать корабли. А чего стоит катастрофа на рейде Даунс, когда всю эскадру адмирала Бьюмонта, а это тринадцать линейных кораблей, выбросило на скалистый берег и разбило в щепки?

Ладно, их не жалко, мне будет жалко, только если что-то случится с этими двумя красавцами кораблями, они ж мои. Ордоньес как-то обмолвился, что, когда вышли из порта Черри, на всех кораблях было по тридцать якорей, а сейчас всего по два, несмотря на то что с погибших успели снять все, включая якоря.

Я слышал, чему никак не могу поверить, что раньше якоря все были одноразовые: как только корабль поднимал паруса, якорный канат просто обрезали, и он оставался на дне. Но даже если это вранье, то все равно якоря приходится брать с большим запасом: либо зацепится на грунте так, что не могут поднять, либо канат лопается под напором шторма, либо приходится обрезать самым в опасной ситуации, когда нужно уйти срочно.

И потому, конечно, надо не забыть разместить заказ на якорные цепи. Хотя их придумал и оснастил свои корабли еще Александр Македонский, но еще полторы тысячи лет мир тупо пользовался канатами из пеньки, хотя меня выворачивает, когда вижу, как вместо каната поднимают нечто чудовищное и толстое, жутко облепленное илом и жидкой глиной. Такую веревочку, толщиной с бедро взрослого мужчины, попробуй отмыть, а потом еще надо высушить до того, как уложишь в бухту, иначе сгниет, и на следующий раз якорь точно останется на дне, а корабль понесет ветром, хорошо — если в море, а если на берег?

Вообще-то, учитывая, что подъем якоря — тяжелейшая и отвратительнейшая работа, могу понять желание просто оставить его на дне. Обычно якорь поднимают самые дюжие и тяжелые матросы, иногда по пятьдесят

человек, это же надо представить, а так как такой толстый канат не накрутишь на барабан, то матросы по нескольку часов выхаживали шпиль, упираясь в огромные рукояти-вымбовки.

А пока корабль стоит на месте, приходится канат постоянно приспускать, избегая трения в одном месте. Потому и клюзы отделяются свинцом, чтобы тоже не перетерлись...

Нет, поставим только железные. Это новые рабочие места, потребуется много руды, угля, опытных кузнецов, а рабочую силу нужно кормить, где-то размещать, это привлечет добавочных строителей, поваров...

Глава 10

Был соблазн ночью снова попорхать над островами, но какие-то они слишком уж не мирные, где-то да шарахнет так, что разнесет в клочья, лучше пойду отосплюсь впрок... Однако я отогнал трусливые мысли и все-таки с полночи поптеродактилил на большой высоте, куда вообще-то не должны достать никакие стрелы.

Никто меня не остановил, но я сам мудро не стал нарываться на неприятности, запомнил расположение островов и тихохонько вернулся на корабль.

Море покрыто гибкими пластинами серебра, живое серебро, вспомнил я выражение из детства. Словно миллион миллионов блестящих рыб плывут по поверхности, то выскакивают, то погружаются в темные пугающие бездны.

Утреннее или вечернее солнце одинаково подсвечивает волны, я постоял, наблюдая за робким стыдливym рассветом, отыскал взглядом вчерашнее облачко и обнаружил, что оно уже совсем близко, только это не облако, а исполинская гора, что вырастает прямо из воды.

Обомлевши, я стоял на палубе, глазел. Юрген благочестиво перекрестился. Я перехватил его взгляд, всмотрелся, мороз пошел по шкуре. Гора выглядит древней, похожей на исполинскую глыбу мела, в трещинах, с навесами и кавернами, на одной из плит стоит фигура, которую я принял сперва за каменный столб, присмотревшись, сперва не поверил глазам.

Во-первых, размеры: фигура превосходит все мыслимое подобного сорта — наш корабль не больше пальца на ее руке, во-вторых, сама статуя изображает словно бы Венеру Милосскую, принявшую христианство. Безукоризненное лицо, чувственная фигура, но задрапированная в тяжелые одеяния, голова покрыта капюшоном, из-под которого выбиваются крупные локоны. Глаза смиренно опущены, голова чуть набок, а руки сложены на животе в христианском жесте смирения и покорности.

— Кто? — прошептал я. — Кто... мог сотворить такое?

Корабль двигался, подгоняемый попутным свежим ветром. Ордоньес умело ведет под углом к белой скале, намереваясь обогнуть, и тут меня тряхнуло снова: за поворотом начали выступать колонны, белоснежные, чистые, каждая в поперечнике с небоскреб, но видно же, что сплошной камень... Какие силы вытесали из цельной горы?

Я посмотрел за борт, по телу пробежала легкая дрожь. Корабль идет над огромной глубиной, взгляд легко проникает в глубь чистой воды на десятки метров, если не на сотни, гора уходит отвесно, там, дальше, постепенно темнеет, мне начало казаться, что это чудовищное образование поднимается чуть ли не от самого ядра планеты.

Впереди показался камень синего цвета, в нем отверстие, вода плещется там и шумно лижет стены. Мне камень показался камешком рядом со статуей христи-

анской Венеры и чудовищными колоннами, но мы приближались и приближались, Ордоньес вел корабли настолько уверенно, словно ходил здесь не раз, у меня сердце замерло, когда я осознал истинные размеры и камня, и дырочки в нем.

Корабль прошел свободно, от верхушки мачты до свода можно поставить еще два таких корабля, а справа и слева одновременно с нами проплыли бы десяток каравелл.

Я оглядывался с потрясенным видом, сердце стучит взволнованно, а дыхание вырывается из моей груди хриплое, словно я побежал от этой горы бегом.

На краю камешка, справа от дыры, через которую мы проплыли, как кот на солнышке, устроился огромный трехэтажный дворец из белого камня. Он красиво контрастирует с синевой основной глыбы, сказочно отражается в прозрачной воде.

Ко мне на мостик поднялся Вебер, усы лихо закручены кверху, вид бодрый и бравый.

— Дворец Древних Королей, — проговорил он с великим почтением. — Чтобы его построить, с той белой горы туда семьсот лет возили камень... Но какое чудо выстроили!

— Семьсот лет, — повторил я. — Значит, был здесь период стабильной экономики? Семьсот лет без потрясений, падений курса, смены династий... хотя династии могли меняться, это ерунда, но без смены религий, даже без расколов, ересей, альбиносов всяких, то бишь альбигойцев...

На мостик поднялся Ордоньес, метнул сердитый взгляд на Вебера, но тот моментально исчез, сам капитан и знает насчет правил.

Ордоньес посопел сердито, глядя ему вслед, затем наклонился ко мне, дохнул парами вина.

— Ваша светлость... — голос его звучал мирно и вкрадчиво, — гм... как бы это сказать...

— Да так и говорите, — предложил я. — Какие между нами экивоки? Режьте мне прямо в глаза правду-матку насчет того, какой я мудрый, талантливый и прекрасный!

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Да? Ну тогда ладно. Я заглянул к вам где-то за полночь...

Я охнул, спросил с беспокойством:

— С какой целью?

Он поморщился.

— Ваша светлость, ничего порочного, уверяю, хотя мы подолгу без женщин. И не убивать вас приходил.

— Тогда даже не представляю, — пробормотал я. — Неужели даже целебный морской воздух не спасает от бессонницы? А я уж собирался его продавать в склянках... Ну тогда точно вам, граф, пора разводиться овец. Чтобы считали перед сном. Белых-черных, белых-черных...

Он покачал головой.

— Сплю, как бревно, как и положено мужчине. Просто вопрос возник один деликатный... но когда заглянул к вам, вас в каюте не оказалось. Тогда я, не поднимая шума, обошел весь корабль. Милорд, я знаю все закоулки, от меня мышь не схоронится! Но вас не обнаружил.

Я посмотрел с укором.

— Граф, как же вы недооцениваете мою заботу о народе, его благополучии, просвещении, подъеме экономики, создании новых рабочих мест, терпимости и толерантности! Я настолько ушел в себя, что стал незаметен для вульгарного быта со своими государственными планами, ибо у вас на виду только личное, близкое и сугубо вещественное!.. У меня, кстати, тоже, но я могу уходить мыслью в суть вещей, а тогда меня, конечно, узреть трудно, вы же в суть не смотрите!

Он кивнул пару раз в начале моей тирады, но потом только смотрел с подозрением, слушал и наблюдал за моим предельно честным лицом.

— А там, — спросил он, — в тех глубинах... что?

Я вздохнул:

— Ох, и не спрашивайте, граф. Суета сует и всяческая суета, даже не приправленная высокими словами. Там все прямо и настолько честно, что отвратительнее и не придумаешь! У нас же все построено на лжи, постоянной и непрекращающейся. Все началось с того, что Ева соврала насчет яблока, и благодаря этой лжи возникло общество, цивилизация, эти вот гигантские корабли!.. Но будь мы честными, остались бы стадом диких обезьян... Простите, граф, я что-то разговорился, но мне было так грустно в глубинах сознания, подсознания и внезнания, что я вот как бы вот так, ага?

Он сказал оцепенело:

— Ох... как хорошо, что я не пошел учиться, как родители принуждали...

Остров с белоснежным дворцом уплыл, но не успел исчезнуть из виду, как начал приближаться другой, высокий, словно торчащая из моря гора, но странная: вершина почему-то больше, чем основание.

Я присмотрелся, раньше других с дрожью во всем теле понял, что это не гора, а... дерево. Чудовищно огромное, толстое, вершиной вот-вот достигнет облаков, и... каменное. Однако, чувствую, что и каменное продолжает расти. Когда-то здесь явно был остров, но дерево подмяло под себя и землю, и камни, размолото на минералы, поглотило и сожрало корнями, а теперь дерево запускает их все глубже в земную твердь.

Подошел Юрген, огромный, косолапый, с угрожающе раздвинутыми руками, но у него в самом деле глыбы косых мышц не дают рукам плотно прилегать к бокам.

— Боже правый, — выдохнул он, — куда мы вторглись? Того и гляди, вот так и...

Он умолк и пугливо перекрестился. Яков спросил подозрительно:

— Что? Чего язык прикусил?

Мощный рык Юргена прозвучал как-то непривычно жалобно и тонко, словно скулила мышь:

— А вдруг еще и на левиафана напоремся...

— Какого?

— Да любого, — ответил он страшным шепотом и посмотрел по сторонам, не подслушивает из-за ящиков какой-нибудь из левиафанов. — Говорят, их на всем свете двое. Самец в северном море, самка — в южном. Если встретятся, миру конец...

Я сказал пораженно:

— Так ты Библию читал?

— Да, ваша светлость.

— Что случилось?

— Да слабый в детстве был. Все говорили, что помру скоро. Вот и читал, чтобы подготовиться...

— И как, помогло?

Он покачал головой.

— Нагрянули пираты, деревню пограбили, а меня и еще троих забрали на корабли, чтобы прислуживали за столом. Морской воздух как-то выходил...

Он нависал надо мной, как медведь гризли над сусликом, от него по всему кораблю распространяется ощущение дикой силы.

— Морской воздух, — согласился я, — вещь... В самом бы деле наладить какую-то коммерцию. Эх, не пришло еще это время.

Каменное дерево-гигант осталось за кормой, мимо поплыли мелкие острова, даже издали видно, что людей там нет, а если бы кого и выкинуло кораблекрушением, то прожили бы недолго. Пусть там и много крабов на берегу, а еще вон даже омары ползают, но без пресной воды как-то не весьма.

Еще пара островов с густым лесом, холмами, но если там и есть люди, но одна-две деревушки среди деревьев, неинтересно. Затем большие острова, даже в ночи я видел с большой высоты города и четкие ниточ-

ки дорог, а в уютных бухтах стоит на рейде множество кораблей, из которых самые крупные — когги.

На всякий случай их обошли по широкой дуге, Ордоньес все оглядывался, но никто не бросился в погоню, хотя наверняка нас видели и оценили грозную мощь огромных кораблей.

— Уважают, — сказал он довольно, хоть и с некоторым разочарованием. — Очень уважают...

— Розы прививают любовь к природе, — согласился я, — а шипы — уважение.

Он захохотал, довольный.

— Точно! Хочешь, чтобы уважали, подведи корабль поближе и поставь у борта два ряда арбалетчиков со взведенными тетивами.

Из «вороньего гнезда» на клотике донесся вопль:

— Земля!

— Восьмая за сегодня, — сказал Ордоньес.

Дымчатый силуэт острова появился сперва словно акварельный рисунок, затем обрел четкие и даже резкие линии. Матросы подбежали к борту, обнаженные до пояса, с подвернутыми штанами, посмотрели и разбежались по мачтам в ожидании неизбежной команды сбавить ход.

— Остров хорош, — сказал Ордоньес задумчиво, — но что-то не видать жилья...

— Может быть, — предположил Юрген, — в глубине?

— И никто не ловит рыбу? — поинтересовался Ордоньес. — Не собирает водоросли, крабов, ценные раковины?

Он посмотрел на меня, я пожал плечами.

— Языческие боги бывают весьма зелеными. Может быть, вообще запрещают умываться!

Ордоньес хмыкнул.

— И что в этом зеленого?.. Умываться должны женщины и хомячки. Как я понял по жаркому дыханию у

меня за спиной, кому-то не терпится, да? Кто-то жаждет высадиться?

Яков и Мишель поспешно отступили, но Юрген покосился в мою сторону и прогудел довольноно:

— Точно! У нас же теперь просто прогулка с катанием по водам его светлости... Почему не посмотреть, что там глыбже? Вдруг его светлость пожелает там замок выстроить?.. Или на мышей поохотиться?

Ордоньес сказал в задумчивости:

— Ну, разве что на мышей, раз от драконов уже тошнит... Хорошо, если его светлость изволит позволить восхотеть...

Они все смотрели в ожидании, я сказал весело:

— Почему нет? Мы как бы прогуливаемся на яхте после трудов праведных... в нашем истолковании? Готовьте лодку.

Ордоньес сказал Юргену:

— Спускай шлюпку на воду.

— Слушаюсь, — ответил Юрген браво и заорал: — Шлюпку на воду!

С палубы раздался ответный вопль:

— Шлюпку на воду!.. Шлюпку на воду!

Да запомнил я уже, мелькнуло у меня в голове, запомнил, можете не повторять. Здесь нет лодок, и вообще непонятно, что это такое, а только шлюпки... И по морю не плавают, а ходят, потому что сказать, будто моряки плавают, это назвать их говном...

Остров с прекрасным пляжем, песок блестит под солнцем, волны накатывают медленно, лениво, не тревожили бы и ребенка, копающегося в песочке, да только нет и следа человеческого присутствия, хотя с лодки вижу стайки крупных рыб, толстых и глупых, жирных настолько, что сразу на сковородку; на берег вышла группа крабов и направилась деловито за кокосами...

Юрген покрикивал, заставляя убыстрять темп, лодку разогнали и разом подняли весла, и она с разбега выскочила на берег и проскрипела днищем по песку.

Моряки выскочили и встали за нее, уже пустую, повыше. Двое остались охранять, а Юрген с горящими глазами, чуть не повизгивая, оглянулся на меня.

— Ваша светлость?

— Веди, — согласился я.

В лицо дул несильный свежий ветер, листья тревожно трепещут, но тяжелые ветки лишь небрежно покачиваются, царственные в полуденной лени.

Деревья стоят так плотно, что часто приходится протискиваться боком, однако все равно светло и даже солнечно. Юрген начал посвистывать, Яков и Мишель то и дело обгоняли, бахвалясь, что проскакивают между деревьями, как юркие зайцы.

Юрген вдруг сказал довольно:

— Ого, а людишки здесь бывали...

Дальше земля неровная, даже холмистая, сердце сжалось, это же рассыпавшиеся руины чего-то крупного, настолько древние, позеленевшие и обросшие мхом, что уже неотличимы от таких же давно упавших деревьев.

Яков шаркал подошвой по траве, морщился, матерился.

— Бывали, — подтвердил он зло.

Сами деревья все выше и массивнее, зато уважительно держатся на расстоянии одно от другого. Мы двигались уже попарно, мелкие зверьки прыскали из кустов, шелестели в траве, а впереди медленно открылся за редющей оградой странный, лишенный всякой растительности гигантский круг...

Деревья выпустили нас на простор, перед нами не просто круг без деревьев и кустов, как показалось сперва, а утоптанная земля, что пологой воронкой уходит к центру.

Все насторожились, начали подходить с опаской, на утопанную землю вступили остороженько, плотная, как камень, заметно ниже той, что еще не тронута...

Юрген прошел дальше, опускаясь ниже и ниже, хотя уже видно, что внизу в самом центре пусто. Странная воронка на первый взгляд выглядит оттиском в земле гигантской лейки, на второй — составленной из все уменьшающихся колец, подогнанных настолько точно, что между ними ни тени зазора.

Яков охнул, указал трясущимся пальцем на другую сторону. Там, на самом краю воронки, задрожало и рухнуло дерево. Через ствол не перешагнула, а растоптала его в труху и двинулась по краю странного кольца чудовищно исполинская фигура... вроде бы человеческая, но серая с головы до ног и... у нее, как теперь вижу отчетливо, больше чем две руки.

— Отходим, — велел я. — Мне кажется... пройдет здесь, где стоим.

— Всем за деревья! — скомандовал Юрген.

Они отступили послушно, хотя в недоумении переглядываются, я всматривался в фигуру, что-то странное и непонятное, пока не сообразил, что она танцует! И рук потому не сосчитал сразу, она ими двигает резко и быстро, но теперь вижу, что их шестеро, как у индийской Кали или эллинской Гекаты, хотя это может быть и Хакини, у той тоже шесть рук и третий глаз на лбу... Лучше бы она, не такая кровожадная, как Геката, а уж Кали так вообще чудовище...

Огромная фигура, в три моих роста, как теперь вижу, двигается строго по кругу. Все мы услышали тяжелые и частые удары о землю. Каменное шестирукое изваяние идет в заученном странном танце, явно созданном именно для нее, где почти вся пляска в движении рук, без всяких особых подскоков и поворотов.

Теперь видно, что из-за спины выглядывает что-то вроде сложенных крыльев, тоже каменных.

Рядом со мной хрипло дышит Юрген, руки сжимают тяжелый топор, остальные тоже прижались к земле с оружием наготове, их глаза неотрывно следят за приближающимся чудовищем.

Яков сказал с нервным смешком:

— Дать бы ей в каждую руку по мечу...

— Не возьмет, — ответил я.

— Почему?

— У нее две руки для мужа, — объяснил я, — две для ребенка и две для себя, такой замечательной...

— В смысле?

— Для утех, — объяснил я. — А если еще и муж появится, то обнимать чтоб крепко.

Он перекрестился и сплюнул.

— У такой муж? Господи упаси, не дай бог, если еще и дети пойдут, миру хана...

Тяжелые ноги шестирукого чудовища несут строго по протоптанному, уже вбитому в землю, так мне показалось с первого взгляда, затем увидел, что с внешнего края при каждом шаге осыпаются комочки земли, а широкие подошвы втаптывают с такой силой, что уже с первого прохода становятся плотными, как камень.

Юрген тоже, похоже, догадался, посмотрел на меня с вопросом в глазах:

— Ваша светлость... она расширяет, да?

— Вроде бы, — пробормотал я. — По миллиметру за круг... или по два... но расширяет.

— Затопчет весь остров?

— Может быть, — согласился я. — Хотя сперва топталась на месте, судя по яме, потом что-то заставило в разгон...

Шестирукая статуя уже приблизилась и медленно пошла мимо. Ноги бьют в землю мощно и однообразно, хотя и в ритме, но на них мало обращаешь внимание, замороженный чудовищным танцем рук, гранитных, но гибких, словно из шелка. Плечи широки, но мы при-

вычно, по-мужски, засмотрелись на три пары грудей, полных, торчащих, с выпуклыми каменными сосками. За спиной в самом деле крылья, серые, в мелких щербинках, прилегают не плотно, а как бы готовы мгновенно раскрыться и метнуть тяжелое тело в небо.

Я проводил ее взглядом, поднялся и вышел к краю круга. Статуя удалилась в странном танце, на меня никакого внимания, думаю, не обратила бы, даже если бы я стоял рядом или прыгал перед нею.

Юрген сказал азартно:

— Я придумал, как ее свалить! Набросить канаты или сеть, а потом дернуть как следует!

— И что? — спросил я. — Будет дергаться и лежать. И такую яму выроет... Нет уж, тут хоть предсказуемо. Эти деревья еще лет десять простоят, пока доберется и растопчет.

— А потом? — спросил он. — Войдет в воду и будет плясать на дне вокруг острова?

Я пожал плечами.

— Кто знает. Может быть, вода блокирует солнечный свет, которым она питается, и тогда помрет от голода?

Он посмотрел вслед с жалостью.

— А я бы что-нить придумал...

Яков сказал ехидно:

— Поцеловал бы, молодец. И она бы превратилась... Или тебя бы...

Юрген посмотрел на него с угрозой в ясном взоре.

— Поговори у меня! Свяжу и брошу у нее на дороге.

Глава 11

Я смотрел вслед удаляющемуся чудовищу, явно же оно когда-то танцевало на месте раз в год по большим праздникам. Потом... когда люди исчезли, стояла не-

сколько веков в неподвижности. Затем по истечении лет или веков что-то случилось... к примеру, подземный толчок, крохотное такое землетрясение, что улавливают только чуткие муравьи. Никто ничего не заметил, но танцующую статую сдвинуло на миллиметр, в ней тоже что-то сдвинулось, и самопроизвольно начала прерванную ритуальную пляску. Но теперь центр проходит не строго через центр ее тела...

Через несколько лет уже ходила в танце на крохотном утоптанном ее ногами пяточке, с каждым годом расширяя его больше и больше. Земля внутри утоптанного круга стала плотнее камня, ни одно зернышко не прорастет, но у меня странное ощущение, что на каждый круг у нее отпущен некий лимит времени или энергии... Потому сперва годами топталась на месте, вбивая землю глубже и глубже, а каждый расширяющийся круг все выше и выше. Возможно, через несколько лет уже не сможет землю втаптывать, не будет успевать... или же начнет двигаться так быстро, что перегреется и разлетится на куски...

Мишель, самый рассудительный, сказал тихонько:

— Она каждый круг танца делает на толщину конского волоса шире, верно? Это немного, но за неделю расширяет круг на дюйм!

Я пробормотал:

— Это понятно...

— У нее голова закружилась? — догадался Яков. — Это и понятно, сколько кругов намотала, как осел на водокачке!

— Я бы взял ее на корабль, — сказал я, — если бы как-то удалось приспособить к делу...

Юрген предположил неуверенно:

— А нельзя ее на шпиль, чтобы якорь поднимала?

— Еще могла бы и зацеплять-отцеплять на дне, — сказал Яков. — Да и вообще зачем с такой якорь? Если не дышит, то могла бы прыгать за борт вместо якоря и держать корабль за канат.

— А в безветрие таскать на веревке? — спросил Юрген. — Эх, сколько дурной силы пропадает!

Джон сказал с чувством:

— Я восторгаюсь нашим Юргеном!.. Смотрит на эти три пары... и думает про весла. То ли дело Яков и Мишель, вон на что устались, аж слюни текут. Не-е-ет, думаю, пусть себе здесь танцует. А когда всех перетопчет, мы этот остров объявим своей собственностью.

Юрген сказал с жалостью:

— У нас на водокачке, помню в детстве, шесть пар осликов колесо крутят!.. А тут ее одну можно приспособить... И танцует, и воду качает, здорово?

— Возвращаемся, — сказал я.

— Думаете, — предположил Юрген, — кто-то этот островок уже своей собственностью объявил?

Летний закат всегда неизмеримо ярче и красочнее зимнего, там едва алеют облака, солнца не видно вовсе, а здесь в бездонном небе громоздятся целые облачные горы, пурпурные, багровые, оранжевые, в их недрах разверзаются бездны, рождаются новые миры, и стоишь потрясенный, словно присутствуешь при сотворении вселенной...

Голоса постепенно затихли, народ убрался вниз, за исключением дежурных, здесь они именуется вахтенными, а я тайком пробрался на корму. На миг острая тоска стиснула сердце. Что я снова делаю, дурак? Нырнуть в море ночью? А вдруг Ордоньес передумает, всех нас сжигает нетерпение, и поведет корабль дальше?.. А я останусь в океане один?

Руки дрожали, а ноги тряслись, когда я по веревке сполз к воде, это чтоб не было всплеска, что насторожит вахтенных.

На этот раз не стал пытаться превращаться в дракона, сразу перекинулся в ихтиозавра или плезиозавра, не знаю, или что-то среднее между ними, но думаю,

что-то определенное, что-то с этими превращениями есть странное, какая-то закономерность...

Да, именно закономерность. Легче всего превращаюсь в то, что есть в моей родословной и записано в генах. Даже птеродактили там, хоть и в боковой ветви: кистеперая рыба выползла на берег и дала начало ящерам, а те уже разбежались по суше, некоторые начали лазить по деревьям и отрасли крылья, другие вернулись в воду и стали ихтиозаврами, третьи отважно шли вперед и стали млекопитающими...

И хотя прямых потомков с крыльями нет, но, видимо, в моих генах таится древний код, что позволял развиваться моему древнему виду хоть в тираннозавра, хоть в хомячка или даже в канарейку. Пусть и с трудом, могу превращаться даже в дракона, но вряд ли получится во что-то небывалое, ну там мыслящую плесень или осознающий себя живым камень...

Несмотря на то что ночью вижу, как и днем, но все в черно-белом, а чаще — сером, сейчас вот острова кажутся темными пятнами нефти на серебряной воде, лунный свет гаснет в деревьях, траве, кустарнике и просто в неровной земле в то время, как волны радостно отражают призрачный свет, играют в нем, как дивные рыбы с волшебной блестящей чешуей.

К великому сожалению, здесь не удастся повторить трюк, который так блестяще сработал в Черро. Там в самом деле были пираты, грабившие берег, а здесь настоящие государственные образования, где пиратство — только часть занятий, одна из профессий, очень уважаемая, кстати. Остальные же выращивают хлеб, занимаются скотоводством, а не только рыбной ловлей, на островах не жалкие поселки, а настоящие полноценные города, так что в легализации не нуждаются, как в Черро, сами по себе самостоятельные королевства, но, скорее всего, просто не все употребляют титулы из-за старинной вражды к ним.

В памяти отложились очертания еще двух десятков больших островов и с полсотни мелких, я чувствовал, что, если еще попробую что-то запомнить, моя голова станет тяжелее чугуна и пойду топором вниз, пока не врежусь в волны.

Чтобы остаться незамеченным, я пронесся над вершушками волн, взмыл перед самым бортом, уцепился когтями, прислушался, потом неуклюже перевалился на палубу. И только когда шел к своей каюте, острый страх пронзил насквозь, как раскаленной иглой...

Ну что за дурак, а? Редкостный, дремучий. Неужели и раньше не думал? Или как сейчас, думал потом, на лестнице? Меня же могла ухватить любая крупная рыба, ну, рыбина, ихтиозавр или касатка, как окуни ловят пролетающих слишком близко к поверхности пруда жуков и стрекоз!

Ну дурак, ну идиот, дубина, тупое животное, птеродактиль...

Остаток ночи я выуживал из памяти увиденные острова и старательно переносил их очертания на огромный лист бумаги, стараясь соблюдать пропорции и масштаб.

Наверху на палубе пропел рожок, простучали босые ноги, начинается утро, если правильно понимаю сигналы. Вскоре в дверь постучали. Зашел стюард, за ним грузно ввалился Юрген.

Стюард сказал почтительно:

— Скоро отлив, ваша светлость.

— Спасибо, — сказал я, — скоро буду.

Он поклонился и вышел, Юрган посмотрел ему вслед и тихо сказал с напряженным лицом:

— Ваша светлость, статуя Морской Девы уже вся в зеленых веточках. А цветы начали осыпаться...

— И что? — спросил я. — Это ж нормально.

— Но, ваша светлость, — сказал он шепотом, — там начало что-то завязываться. Какие-то плоды, но непонятно...

Я сказал бодро:

— Почему непонятно? Лепестки опадают, плоды завязываются. Кроме тех цветков, что пустоцветы. Чего волноваться? Не все неведомое несет угрозу. В основном неведомому угрозу несем мы.

Он тоже коротко поклонился и ушел, явно не колебленный в своих страхах. Я сложил бумаги в стол и вышел из каюты.

Юрген на палубе проорал:

— На шпиле стоять!

Раздался топот ног, я кивнул:

— Спасибо, сэр Юрген. Сэр Яков, приступайте.

— Есть, сэр Ричард, — ответил сэр Яков и, повернувшись в сторону палубы, прокричал дико: — Отдать кливера!

По кораблю пронеслось:

— Отдать кливера!

— Отдать кливера...

— Отдать...

— Выбериай!

— Готовсь отдать марсели!

Ордоньес посмотрел с мостика вниз и закричал:

— Пошел шпиль!

Матросы навалились на огромный ворот, он затрещал, заскрипел, вскоре из воды вынырнул и начал медленно подниматься громадный якорь, что уже и не якорь, а произведение искусства. Зачем-то навывали и на нем мифологических фигур, я точно за такие откажусь платить, буржуазные излишества новому миру ни к чему.

Ордоньес медленно шел вдоль борта, отдавал мелкие приказы, наконец поднялся ко мне, точнее, к себе, на капитанский мостик, где я уже почти прижился.

Он приложил ладонь козырьком ко лбу, закрывая глаза от солнца, пристально всматривался в остров.

Я подошел и встал рядом.

— Еще один, — проговорил он в задумчивости, — райский уголок, как сказал бы я в своей мудрости... тьфу, как же заразительно общение с вами, ваша светлость!

— И что не нравится? — спросил я. — А не нравится, вижу.

— Почему в таком райском месте ни одного поселка? — спросил он. — Или и тут шестигрудая танцует?

— Шестирукая, — поправил я. — Думаю, шестигрудость наших орлов ну никак не испугает.

Он улыбнулся краем рта.

— Еще бы. Хоть и шесть рук неплохо, необязательно же им держать мечи и топоры?.. Просто дивный остров! Эх, хоть на этот высадиться, что ли? Общее управление кораблем за вами, ваша светлость, а паруса и все прочее — за Юргеном.

Я сказал резко:

— Дорогой граф, даже и не мечтайте. Думаете, мне не пришлось ограничить себя во всем? С каждым титулом все меньше личной свободы!

— А не личной? — спросил он хитро.

Я отмахнулся.

— Я хочу грести себе или под себя всего и много, а от себя — ничего. Я же человек, а не пернатая курица, хотя Диоген и уверял, что человек — это петух без перьев. Но так не удастся, уже понял. Потому и вы, дорогой и достопочтенный граф, не можете...

Он сказал сварливо:

— Потому вы и тычете мне в глаза этим графством, не переставая, да? Чтоб не вольничал?

— Просто приучаю, — сообщил я скромно. — Даже если до конца дней изволите стоять на мостике, гордо всматриваясь в даль и мучаясь старческой подагрой, то передадите графский титул бастардам, разбросанным по всему Черро...

— У меня есть и законные дети, — ответил он гордо, пояснил неуклюже: — Пусть и не в браке, но я знаю,

что мои. Так что да, с титулами вы нас поймали крепко, с такого крючка не сорвешься... Мои головорезы в каждом порту бахвалятся, что они — благородного сословия... Хорошо, сэр Ричард, я отправлю с вами хорошую команду. Но все-таки будьте осторожны.

— Вы тоже будьте бдительны, — сказал я. — И никаких опрометчивых действий, адмирал! Доверяйте разруливать всякие трудности мне, своему мудрому совету. В том числе и эти... возможные, на острове.

— Все-таки ожидаете?

— Нет, — подчеркнул я, — просто я всегда готов.

Он поморщился.

— Ладно-ладно. Я отведу душу, когда вы построите те большие корабли, что обещаете...

— Они в самом деле будут большими, — подчеркнул я. — А теперь... шлюпку на воду!

Сверху раздался жизнерадостный вопль:

— На брасах стоять!

Корабль двигался быстро, но мой приказ уже пошел в массы, вскоре кто-то внизу прокричал:

— Крепить снасти! Подтянуть брасы!

Мне казалось, что корабль пойдет еще быстрее, но он, напротив, начал сбавлять скорость.

Затем протяжный крик:

— Убрать кливера!

Несколько голосов ответили, наконец паруса начали сворачиваться будто сами по себе, если не принимать во внимание облепивших мачты матросов. Корабль едва двигался, наконец в воду с грохотом полетел якорь.

Я вытащил из-за пазухи цепочку с амулетами, пусть видят все. С колдовством и вообще магией ситуация вообще-то интересная. Каждый старается заполучить какой-нибудь оберег, амулет, а то и талисман, в то же время все на дух не переносят колдунов и магов. Одно дело, когда магическим амулетом воспользуется добрый христианин себе на пользу, он все-таки одно, а аму-

лет — другое, а вот если колдун своими заклятиями что-то творит, это уже противно Господу и должно быть уничтожено.

Правда, я помню, что в моем королевстве благочестивые государи всех рангов, начиная от самых мелких держателей деревянных замков, старались заполучить чернокнижника в свои цепкие лапы, чтобы в подвале заставить его добывать философский камень или эликсир молодости. Но и в этом случае они не чувствовали за собой особой вины, так как сами не занимались колдовством, а то, что сделает чертов чернокнижник, можно обратить во благо, а за мелкие погрешности покаяться и покорно вынести епитимию.

Потому я еще в первый день с загадочным видом продемонстрировал вроде невзначай команде целую россыпь камешков, к чему они отнеслись с полным пониманием: у лорда магических амулетов и должно быть больше, чем у простого моряка. Так что если где и проколюсь, то спишут на действие одного из талисманов.

В лодке только я пассажир, все остальные сели на весла. Юрген прокричал с веселым бешенством:

— Раз-два!.. Раз-два!.. Слева суши весла!.. Разворачивай лодку!.. Теперь прямо... Не спать, не спа-а-ать, морды ленивые!

Я всматривался в приближающийся остров, прекрасный пляж, золотой песок, волны набегают медленно, тихо, разморенные зноем. За широкой полосой пляжа высокие пальмы, виднеются лианы, порхают птицы, крупные бабочки...

Лодка со скрипом проехала днищем по песку, матросы выскочили, втащили выше и встали полукругом, готовые к схватке.

Юрген сказал весело:

— Да пусто здесь, не видите?.. Поищем родник с пресной водой.

Яков сказал с надеждой:

— Я слышал, родник вечной молодости где-то на островах...

— И молодильные яблоки, — согласился Юрген. — Ваша светлость?

— Ну да, — буркнул я, — сад Гесперид вам подавай. И Атланта, что держит небо на каменных плечах... Хорошо, вперед.

Юрген прокричал:

— Соблюдать походный строй!

Песок весело поскрипывал под тяжелыми подошвами, хрустели пересохшие на солнце раковины. Пальмы приблизились, но защиты от солнца не слишком дали, зато из-под ног бросились наутек мелкие зверьки.

Мы продвигались вглубь, но по моей спине начали прокатываться легкие волны то ли страха, то ли неуверенности. Островок в самом деле райский, но почему такое чувство, что за нами следят?

Когда прошли между двумя холмами, заросшими виноградом, мне казалось уже, что не просто следят, но и держат нас на прицелах арбалетов. Или же натянули тетивы луков и ведут кончиками стрел за нами, отслеживая каждое движение.

Юрген то и дело нервно шупал рукоять топора, лицо напряжено. Глаза злобно зыркают по сторонам.

— Ваша светлость, — проговорил он негромко.

— Знаю, — прервал я, — сам чую.

— Никого не вижу...

— Я пока тоже...

Голос мой прервался, я догадался попробовать взглянуть в тепловом диапазоне: привычный мир исчез, зато шагах в пятнадцати я четко увидел багрового цвета скорченные человеческие фигуры.

Их впятеро больше, чем нас, и все повернуты лицом в нашу сторону, а руки в таком положении, словно в самом деле держат арбалеты с нацеленными в нашу сторону болтами.

— Стоять! — сказал я негромко. — Всем стоять!

Юрген взглянул на мое лицо и застыл на полушаге. Остальные остановились и тупо осматривались, в глазах недоумение и вопрос: чего встали?

Я перешел на обычное зрение, голова слегка закружилась, багровые силуэты исчезли, на их месте небольшой пологий холм, ничем не примечательный...

...хотя, если всмотреться, в одном месте по зеленой земле с низкой травой пробежала легкая рябь, словно сама почва задрожала, подобно воде...

Я заколебался, то ли осторожно отступить под их прицелом, то ли обратиться с высокопарной речью о мире и гуманизме. Мои люди поглядывают на меня в недоумении, а в это время поверхность холма взлетела, я не поверил глазам, узнав великолепную маскировочную сетку, сплетенную из обычных рыбацких сетей с пучками травы, а из-под нее выскочили бравые ребята, сразу же взяли нас на прицелы арбалетов.

Юрген пробормотал ошалело:

— Откуда они взялись... колдовство?

— Защитная маскировка, — сказал я. — Все страньше и страньше... Здравствуйте, ребята! Мы с миром, а еще с дружбой. Мы со всеми дружим, такие мы странные...

Из-за спин арбалетчиков вышел поджарый воин в кирасе, руки и ноги покрыты кольчужной сеткой, типичный профи, таких угадываешь издали, с юности вярится в сражениях, другой жизни для себя не видит.

— Кто такие? — спросил он резко. — Как сюда попали?

Я старательно улыбался ему дружелюбно, сам быстро просчитывал шансы, но все идет к тому, что нам нужно время даже для того, чтобы схватиться за оружие, а им достаточно чуть шевельнуть пальцами на спусковых крючках арбалетов, и вся моя команда поляжет сразу.

— Мы просто путешествуем, — сказал я.

Он бросил резко:

— Вы кавунялды!

Я сказал осторожно:

— Я даже не знаю, что это такое... Понимаю, у вас с этими кавунядами какие-то трения, но если посмотрите на море...

Я запнулся, он спросил резко:

— И что? Отвечать быстро и четко!

— Увидите наш корабль, — ответил я. — И сразу поймете, что мы не те, за кого принимаете.

Он бросил еще резче:

— Флаг поднять можно любой!

— Но не на таком корабле, — ответил я, стараясь не делать резких движений даже губами. — Просто посмотрите.

Глава 12

Я видел по его простому и честному лицу воина, как ему хочется перебить нас без всяких фокусов и ничемных разговоров, однако то ли у него приказы, то ли в самом деле заинтересовало нечто, но кивком головы послал одного из арбалетчиков.

Тот исчез, немного погодя увидели его на вершине ближайшего холма, оттуда он заорал потрясенно:

— Там корабли!.. Громадные!.. Таких просто не бывает!.. У кавуняров таких нет и не было!

Командир поморщился, покосился в нашу сторону с откровенной неприязнью.

— Вы нарушили суверенные права нашего народа!.. Этот остров принадлежит республике гарбузнеров, как и всегда принадлежал! И никто не смеет...

Я сказал почтительно:

— Да, конечно, мы не спорим и признаем ваше право. А сейчас, если вы не против, мы вернемся на свои корабли. Мы не хотим вступать в спор за эти фолкленды, хотя и не лысые... До свидания!

Он вскинул руку.

— Стоять!.. Иначе будете убиты на месте. Вы вступили на эту священную землю, а незнание закона не освобождает от наказания.

— Тогда мы сдаемся, — сказал я. — Тем более, как я уверен с головы до ног, это только маленькое, даже крохотное недоразумение. Мы не враги, ваше командование быстро все поймет.

Он оглядел всю мою команду маленькими злыми глазами.

— Сложить оружие!

Я покосился на злого Юргена.

— Ну, барон, вот вам и новое приключение. Жаль, Ордоньес не пошел... Велите всем бросить мечи на землю.

Он посмотрел на меня зло, желваки заиграли под смуглой кожей, но сдержался, повернулся и крикнул:

— Оружие — на землю! Мы сдаемся.

Пираты медленно и очень неохотно бросали мечи и ножи на землю, туда же осторожно опустили и арбалеты, чтобы не повредить, и все время поглядывали по сторонам, но противник не давал ни единого шанса: десятки арбалетов нацелены почти с такого же расстояния, как тогда, когда мы захватили людей капитана Дэвида Ганшилда.

Я сказал как можно более дружелюбным тоном:

— Как видите, никакого сопротивления. Я уверен, ваш командир поймет, мы не враги. Кому мы имеем честь сдать оружие?

Он подошел и остановился передо мной в двух шагах, лицо злое и холодное, губы плотно сжаты.

— Баннерет Матиус Хельм, — представился он ровным голосом, но не поклонился и продолжал смотреть голубыми и холодными, как арктический лед, глазами. — На службе владетельного эрла сэра Хакса Элкинса, который является вассалом стекъярла Уилла Поултера.

Я ответил так же ровно, не кланяясь и глядя ему в глаза:

— Эрцгерцог Ричард, на службе Его Небесного Величества Господа Бога!

Его лицо не дрогнуло, хотя в глазах что-то изменилось, но не уважение, как я надеялся, или страх, а некое непонятное презрение.

— Понятно, пираты, — сказал он. — Скандар, Бен!.. Быстро собрать их оружие!

Двое шустрых оставили арбалеты и выбежали к нам. Я взмахом руки велел нашим отступить, чтобы не было ни у наших желания успеть схватить раньше и начать рукопашный бой, когда арбалетчики не смогут выстрелить, чтобы не поразить своих, ни у подбигающих излишней боязни, при которой могут наделать глупостей.

Этот умелый баннерет Матиус поглядывал за всеми, но я чувствовал, что постоянно держит меня в зоне внимания. Он не сказал «собрать оружие пленных», как намеревался, я видел, как в последний момент проглотил последнее слово, хороший знак.

Юрген, кроме сабли, бросил на землю и громадный тесак, украшенный крупными рубинами. Его подхватили первым.

Яков пробормотал язвительно:

— Легко пришло, легко уходит...

Но и его голос прозвучал очень невесело, на суровом лице застыла кривая улыбка.

Я сказал бодро Юргену:

— Только не делайте такую печальную морду, барон! Когда что-то уходит, на его место приходит еще лучше.

— Всегда ли?

— Во всяком случае, — сказал я, — чаще.

Баннерет прокричал:

— По двое... колонной... марш!

Арбалетчики и люди с алебардами пошли справа и слева на безопасном расстоянии, я видел по лицам Юргена и его людей, что уже никому не приходит в голову попытаться освободиться прямо сейчас, когда у них восьмикратный перевес, а еще неизвестно, сколько сейчас собралось у нашей лодки.

Дорога пошла петлять среди нагромождения скал, райская зелень осталась за спиной, под ногами голый камень, ни травинки, ни кустарника, да и что, кроме несокрушимого гранита, может уцелеть под постоянными штормами, что бросают на берег массы воды, под ураганами и циклонами, которые так нередки в южных морях...

Похоже, мелькнула мысль, штормы налетают всегда с этой стороны, странный остров...

Мы пересекли его почти полностью, впереди распахнулся океан, а у берега по сигналу баннерета появились люди, начали освобождать замаскированные лодки.

— Это что, — спросил я, — вы собираетесь нас куда-то везти?

Он ответил резко:

— Это не ваше дело!

— Зато ваше, — ответил я мирно. — Вы видели наши корабли?.. У них страшная разрушающая мощь. Они могут погрузить на дно этот остров... и еще с десятков. Если мы не вернемся долго...

Он посмотрел остро, я сделал торжествующе-безмятежное лицо.

— Врете, — сказал он убежденно.

— А если нет? — ответил я. — Советую вам послать одного к нашим кораблям. Я передам адмиралу записку.

— Зачем?

— Напишу, что мы приняли любезное приглашение погостить у вашего... владетельного эрла сэра Хакса Элкинса?.. и что мы гости, а не пленники. Иначе на острове будет уничтожено все живое, а мы гуманисты

и толерасты, не любим уничтожать прямо и грубо, мы предпочитаем экономическими методами...

Он нахмурился, вряд ли что понял, но непонятная речь внушает уважение, подумал, бросил на ходу:

— Джорджи, возьмешь лодку и доставишь на большой корабль послание сэра... сэра?

— Ричарда, — напомнил я. — Просто сэра Ричарда.

Мы спустились к лодкам, нас рассматривали с любопытством и начали предлагать утопить, забить палками, скормить крабам, закопать по шею в землю в зоне прилива. Наконец баннерет прикрикнул, мне принесли письменные принадлежности, я быстро нацарапал успокоительную записку Ордоньесу.

Баннерет придиричиво проверил, в глазах оставалось сомнение, нет ли там особой шифровки или тайных знаков, чтобы после прочтения сразу же обрушились всей мощью, но поколебался и передал записку одному из доверенных людей.

Четыре весельные лодки, достаточно большие, а когда на всех подняли паруса, то уже почти кораблики. По ветру пошли очень скоро, через полчаса на горизонте показался скалистый берег, я начал поглядывать с сомнением, но баннерет правил умело, и вскоре прямо по носу начал обозначаться небольшой пляж, пусть и зверски зажатый скалами, и за ним пологий подъем.

Лодки вытащили на берег, с ними никто не остался, что и понятно, нам навстречу сбежала почти сотня воинов, все выглядят, я бы сказал, элитными, натасканными как для тяжелых боев, так и для коротких вылазок в стан врага.

Баннерет рывкнул:

— Срочно гонца к сэру Хаксу!.. На острове Фолкиды захвачена группа чужеземцев. Не кавуныры.

— Ардапаки? — спросил кто-то.

Баннерет посмотрел на него уничтожительно.

— Вы что-то прохрюкали, сэр?

Спросивший смешался и бегом бросился выполнять указание. Дисциплинка, подумал я озадаченно. А просто так не возникает, что-то их прижало так, что отступить не могут, иначе не выживут...

Земля под ногами поднималась все выше, а вот наконец снова зеленая трава, сюда штормы уже не силах поднять воды столько, чтобы унесла обратно в океан все, кроме голого камня. Скалы раздвинулись, впереди что-то вроде крепости, хмурой и не по-южному мрачной, вся из серого неопрятного цвета камня, зато к ней идет не просто протоптанная дорога, а нечто невиданное, непривычное: нечто вроде римского виадука, но здесь вместо воды катятся телеги, скачут всадники, а по краям высятся шесты с разноцветными прапорами и гербами.

Юрген смотрел на это тоже с изумлением.

— Явно, — пробормотал он, — не эти людишки такую дорогу отгрохали!

Я промолчал, но тут же отозвался Яков:

— А крепость? Им точно такая не по зубам.

— Откуда знаешь? — спросил Юрген.

— Да ты посмотри на них!

Я тоже все время смотрел, отмечая различие не только между нами и местными, но и всем, что мне приходилось видеть. Везде рыцарский мир, культ двуручных мечей и цельных доспехов, здесь же ни одного меча, а лишь длинные изогнутые тесаки, цельных доспехов нет и в помине, хотя многие в кольчугах, еще больше в кожаных латах...

Хотя, если подумать, так и должно быть, в доспехе тут же пойдешь ко дну, а тяжелых мечей нет потому, что они только против стальных пластин, а если противник всего лишь в рубашке, проще рубануть его острым, как бритва, тесаком...

Мы подошли к массивным столбам, на которых держится дорога, между ними каменная лестница со

стертыми ступенями. Когда поднялись наверх, я оглянулся: дорога уходит далеко в океан и там опускается под воду.

Баннерет покрикивал без всякой необходимости, идем достаточно быстро, а если быстрее, то будет похоже на попытку бегства... или нападения на крепость. Там приближаются массивные ворота, любые доски быстро бы сгнили в этом мире моря, но дорогу перегородила стена из толстых железных прутьев.

Мы остановились, он покричал, железная решетка поднялась с таким натужным грохотом и лязгом, что еще вот так десяток-другой раз, и все добравшиеся из глубины веков механизмы работать откажутся.

Как и ожидалось, мы прошли десяток шагов, остановились перед другой, а первая тем временем опустилась. Не знаю, что там увидели, рассматривая нас через бойницы, но наконец поднялась и вторая.

В каменном дворе высокие каменные стены со всех сторон, сплошной гранитный пласт под ногами, даже не расчерченный на плиты, и только синее небо над головой, но уж очень высоко.

Баннерет сказал уже почти без вражды:

— Сюда вас выпустят погулять. А пока... следуйте за мной!

— Погулять, — пробормотал Юрген с иронией, — значит, не сразу на виселицу...

— Тут любят усаживать на колья, — напомнил Яков. — Так красивше.

— А вдруг тут другая мода?

— Ну, если воюют...

— Не прикидывайтесь, — сказал я, — что не поняли. Местные сгорают от нетерпения понять, что мы такое. Это они для нас не весьма интересны, мы же бывалые, верно?

— С вами неинтересно, ваша светлость, — буркнул Юрген. — А если я орел по повыпендриванию?

Глава 13

Внутренние помещения крепости, похоже, перестраивали много раз: ряд величественных арочных проемов в стенах заделаны простыми досками, над главной башней высокая надстройка из дерева, вообще видно, как древние понятия о красоте уступали более практичным соображениям безопасности и удобств.

Нас провели длинными коридорами к решетчатой двери, один из наших стражей снял замок, другой широким жестом открыл вход в большую комнату с голыми стенами и двумя зарешеченными окошками почти под потолком.

— Заходите!

Я вошел последним, стражи закрыли за мной дверь и деловито вдевали в петли дужку большого висячего замка.

Оглядевшись, я заметил ровным голосом:

— Здесь пусто.

Один сказал отрывисто:

— Сперва решат, что с вами делать.

Второй бросил:

— Если не повесят сразу, то принесут соломы.

— Мы солому не едим, — сказал я и пояснил гордо: — Только сено.

Они засмеялись, мужественные шутки ценят все, ушли, громко топая, словно старались придать себе веса и значимости.

Юрген поинтересовался:

— И что теперь, ваша светлость?

— Подождем, — сказал я.

— Виселицы?

— Сам понимаешь, — сказал я, — сейчас они ломают головы, как принять нас так, чтобы и себя не уронить, и с нами не поссориться. Наш баннерет Матиус Хельм наверняка сказал, что большие корабли могут либо уда-

ритель по острову во всей мощи, которая пока неизвестна, либо уйти, не дожидаясь крохотной части экипажа. Там дилемма, не спрашивай, что это за такое заклятие, сам не знаю, но они над ней крепко ломают головы.

Яков сказал мудро:

— Хорошо бы, чтоб сломали совсем. Себе и другим. Я не прочь походить по этому дворцу без провожатых.

Юрген поинтересовался деловито:

— И то и другое им не очень выгодно, так?

— Точно, — сказал я. — Теперь вот что, ребята. Рот на замок, понятно? О нас вообще ничего! Ни хорошего, ни плохого. Мол, у нас такой железный закон, установленный богами, что с чужаками глаголет только старший. Ясно, почему?

Яков сказал солидно:

— Ясно, ваша светлость. Брехать, так одному!

— Вот-вот, — сказал я сердито, — буду отбрехивать за всех, а вы останетесь чистенькими.

— Вы лорд, — сказал Яков подхалимски, — вы за всех отвечаете. И вообще вам уже терять нечего, а мы еще, может, как-то проскользнем мимо врат ада. Мы люди маленькие, мелкие, и грехи наши такие крохотные, что и признаваться стыдно...

Мишель сказал с робкой улыбкой:

— Ничего, с его светлостью наберемся.

— Главное, — повторил я, — молчите. Местный король понимает, что захватить такие громадные корабли не удастся. От десятка легко отобьются, а от сотни просто уйдут, используя пятикратное преимущество в скорости. Потому будет хитрить...

Юрген сказал трезво:

— Мы пас. А вас никто не перехитрит. Потому мы молчим, обещаю. Говорите только вы.

— Отлично, — сказал я. — Так и сделаем.

Юрген позвал всех к окну, мы долго наблюдали, как в замок прибывают пышно одетые гости: кто в дорогах

повозках, кто верхом на рослых конях, а кто и на потешных осликах.

— Будет пир, — определил я.

— Мы случайно попали в такое время? — спросил Юрген.

— Сомневаюсь, — ответил я. — Мы слишком уж неожиданные гости, и здешний правитель, если не полный дурак, точно хочет как-то воспользоваться нами....

— Использовать?

— Да, использовать. Конечно, ничего не давая взамен. Но так не бывает, и они это знают, не дети. Так что будет торг.

Он посмотрел на меня с хмурым подозрением:

— А он нам нужен?

Я вздохнул:

— В какой-то мере. Но не слишком. Сейчас мы просто погулять вышли, понял?

Он переспросил в недоумении:

— Погулять?

Я приблизил губы к его уху и прошептал едва слышно:

— Да, погулять. А то, что эти острова все равно захватим, об этом пока молчок.

Он повел взглядом по сторонам, какая сволочь подслушивает, проворчал таким же шепотом:

— А зачем они вам?

— Потому, — сказал я, — что пираты — нехорошо. Грабить имею право только я один, даже Кейдан этого права лишен. Но когда грабят не отдельных людей а целые страны — это уже не грабеж, а налоги. Что, значит, можно.

Он покачал головой, в глазах глубокое уважение. Последний раз такое видел, когда капитанов пиратских кораблей возвел в графы и бароны, а рядовым пиратам даровал право войти в сословие благородных людей и все это подтвердил бумагами за подписью и печатью самого короля.

— Нас доставили к эрлу, — уточнил он, — или к этому, как его, язык сломишь...

— Стекъярлу, — подсказал Яков горделиво. — Темнота!

— А ты знаешь, — спросил Юрген угрожающе, — что это за?

— Его светлость знает, — ответил Яков подхалимски.

Юрген покосился в мою сторону:

— Правда?

Я отмахнулся:

— А это важно? Ниже короля, это точно.

Загремела решетчатая дверь, один страж с кряхтением поворачивал ключ в скважине всячего замка, двое ждут с алебардами с руках, но вид уже не такой враждебный, как прежде, оружие не в готовности, а так, сразу видно, что раньше были чабанами и пасли овец.

— Чужестранцы, — сказал тот, что боролся с замком, — благородный стекъярл Уилл Поултер изволит проявить к вам милость. Вас проводят в палату, где уже накрывают для вас стол. В виде особого расположения будут даже танцы.

Юрген посмотрел с подозрением.

— Я не танцую!

— И не надо, — снизошел до ответа страж. — Для вас будут петь и танцевать юные девушки.

Яков вздохнул.

— Точно Мишель сказал, грехов наберемся...

— Попробуйте устоять, — предложил я ехидно.

Страж сказал уже почтительным тоном:

— А вас, сэр Ричард, как старшего, Его Мощь стекъярл Уилл возжелал милостиво пригласить на пир к нему лично.

— Ого, — сказал я, — ну что ж, мы весьма польщены и впрямь трепещем от предвкушения удовольствий.

Что у вас едят? Лягушек в маринаде или просто жаб под соусом?

Он скривился, замок крякнул, дужка отскочила. Дверь отворилась с пронзительным визгом, я вышел, надменно заложив руки за спину. Сзади слышался топот моего отряда, голоса стражей, что постепенно отдалились вправо.

Один из моих стражей пошел впереди, показывая дорогу, двое топали следом, переговариваясь вполголоса. Мелькнула соблазнительная мысль, обезоружить всех троих, затем перекинуться птеродактилем и взмыть в небеса, но тогда Юргену и остальным в самом деле придется плохо, как бы я ни планировал освободить их потом.

Стражи как ощутили мои потаенные мысли, или они не столь потаенные, придворные стражи обязаны уметь читать выражения лиц, произвольные движения, даже меняющийся запах тела, в спину кольнули стальные острия.

— Еще два зала... — проревел грубый голос, — и чтоб никаких штучек!

Я смолчал, это всего лишь простые солдаты, эрцгерцог не унижится до разговора с алебардистами, которых набирают исключительно из простонародья.

От тюрьмы до пиршественного зала всего четыре этажа; мы поднялись из подземных помещений, переоборудованных под камеры, минуя винный погреб и склады, затем еще просторный холл, а сверху уже несутся веселые вопли, туда бегут слуги с подносами.

Стражи довели меня до двери, слуга растворил створки, но никто не прокричал «Его светлость эрцгерцог Ричард...», я шагнул в зал и, не сбавляя размеренного шага, направился между двумя рядами гостей за столами к дальней стене, там самые пышно одетые, там больше всего слуг, и там стража с блестящими остриями алебард.

Во главе стола — огромный бородатый мужик, настолько крупный, что трон делали явно под его размер, но от сытой и спокойной жизни Его Мощи вскоре даже в нем стало тесновато, выглядит настолько плотно всажженным, что, когда встанет, кресло может подняться с ним вместе. Тоже, как и стражи, из простонародья, само «Уилл Поултер» говорит, что вышел из самой его гуши, у людей благородного сословия не может быть таких имен или прозвищ, но, думаю, среди пиратов трудно отыскать высокорожденного, да еще и достаточно деятельного, чтобы захватил власть.

Я замедлял шаг, глядя на стекъярла с веселым любопытством, вернее, стараясь, чтобы это так выглядело, я же ничем не встревожен, в плен не попал, а сам так возжелал, и вообще мне здесь интересно...

Стекъярл вперил в меня взгляд, видимо, проницательный, но из-за мясистых набрякших век глаз не видно, только узкие щелочки.

— Дорогой гость, — сказал он зычно, не сказал, а проревел, — присоединяйся к нашему пиру... Эй, Питер, освободи место сэру... сэру?

— Сэру Ричарду, — сказал я. — Просто сэру Ричарду.

— С какого острова? — уточнил стекъярл.

— С далекого, — ответил я любезно. — С очень далекого.

Придворный, что сидел рядом с правителем, поднялся и, метнув на меня злой взгляд, пересел на другой конец стола, тоже грубо согнав кого-то пониже рангом.

Стекъярл молча наблюдал, как я свободно и не тусуясь сел на освободившееся место, выпрямил спину и встретил его взгляд. В моих глазах веселье, которое я на самом деле не испытывал, мало ли что взбредет в голову островному пирату, но улыбка на месте, я делаю вид, что с интересом осматриваюсь и слушаю разговоры.

За нашим столом не больше дюжины, все мужчины, за исключением двух очень красивых молодых женщин, одну сразу посадили рядом со мной, другую — напротив, обе тут же начали строить мне глазки и кокетничать, но я сперва присмотрелся к мужчинам, кто как реагирует, странно, но всем женские ужимки по фигуре, значит, я должен осмелеть и тут же начать разговаривать весьма охотно и напропалую хвастаться, хвастаться, чего от меня, похоже, и ждут.

Стекъярл не сводил с меня глаз, смотрел, как беру два ножа, большой и малый, одним отрезаю мясо, другим накалываю и отправляю в рот, все аккуратно и без спешки, руками из блюд не хватаю, как пока что делают даже императоры, кости складываю на своем же блюде, освободив для них уголок.

На второе подали огромное блюдо зажаренных крылышек, целая корка коричневых хрустящих крылышек. Как только вонзил зубы, брызнул нежнейший сок, приятно обжег рот.

Я вежливо поинтересовался:

— Что за блюдо?

— Крылышки молодого аксондонда, — ответил стекъярл довольно. — Понравилось?

— Очень, — признался я. — Должно быть, эти аксондонды громадные? Сколько на них крылышек...

Он захохотал, довольный, проглотил, как удав, огромный кусок мяса, повел взглядом вдоль стола, там пригнули головы.

— И что, — сказал он неожиданно, как он считал, но все ожидаемо, — вас привело в наши земли?

— Любопытство, — пояснил я любезно. — Нам удалось построить два больших корабля, после чего мы решились отправиться в большое путешествие.

— А у вас там сколько островов?

Я отмахнулся с сожалением.

— Вы не поверите, Ваша Мощь, но всего один. И весь

истоптан так, что смотреть противно. Вблизи нет ничего, даже голых скал. Но мы верили, что где-то в океане есть еще люди!.. И наши инженеры долго работали над там, чтобы найти способ выбраться из такой изоляции...

Он переспросил:

— Значит, вам хотелось увидеть большой мир?

— Да, Ваша Мощь. Но, конечно, чтобы наше желание выглядело солиднее, мы объяснили нашим правителям, что необходимо проверить ходовые качества кораблей, устойчивость при качке и бурях... да и прочие важные дела, сразу и не предусмотреть, но могут вдруг... Все-таки дело новое, многие при дворе вообще доказывали, что такие корабли тут же перевернутся и утонут!

Он кивнул.

— Верно-верно. Все не предусмотреть, можно только вот так, на опыте... как далеко вы собирались плыть?

Я засмеялся:

— Это тоже было причиной ожесточенных споров. Теперь понимаю, что все новое становится причиной споров, все новое воспринимают враждебно. Одни доказывали, что нужно плыть в сторону Юга, другие — на Север, третьи — на Восток, четвертые — на Запад. Но правитель у нас человек осторожный, мудро решил, что раз по старым легендам где-то на Севере был целый материк, то и нам нужно плыть именно и только строго на Север.

— Как долго вы пробыли в пути?

— Три недели, — ответил я. — Если в общем. А так примерно две. Трижды высаживались на острова, чтобы пополнить запасы воды, там отдыхали, охотились...

— Большие острова?

Я отмахнулся.

— Мелочь. И все необитаемые. Правда, на последнем отыскался один отшельник, но, по-моему, полубезумный... Видно, сбежал с какого-то корабля.

— Или выплыл после кораблекрушения, — сказал стекъярл. — А как вам наше королевство?

Я покрутил головой.

— Ваша Мошь, я потрясен его размерами, богатством и мощью!.. Оно вдесятеро больше нашего. Я даже удивлен, что вы не строите большие корабли.

Он ответил с благостной улыбкой:

— У нас тут такой огромный архипелаг и так много островов, все в прямой видимости один от другого, что вполне можно на весельных лодках. Парус и то... излишество, хоть и приятное. А вот на дальние расстояния... гм...

— На ваших когтах можно и на дальние, — заверил я, — если знать, в какую сторону плыть и сколько пробудете в пути. До наших трех островов доплывете, хоть это и нелегко. Это мы не знали сколько пробудем в дороге, пока хоть на что-то наткнемся!.. Потому такие большие корабли, запас еды и воды, везем целое стадо коров...

Он утробно забурчал, я догадался, что это смех, а стекъярл покачал головой:

— Молодцы ваши плотники. Мне передали, что ваши корабли — целые дворцы!

— Нужда заставила, — признался я. — Будь у нас столько островов, стали бы мы искать еще людей? Наши прославленные и непревзойденные мастера, в чьем умении вы можете убедиться, глядя на оба наших корабля, убедили наше правительство в своей способности построить... большие, очень большие корабли. Разрешение им дали, и... результат перед вами. Вернее, стоит на рейде. Пока у нас только два таких корабля, но как только наше плавание завершится удачно, я не сомневаюсь в его успехе, наш король велит построить уже несколько таких гигантов. И тогда наше маленькое королевство проложит пути через океан во все стороны! Мы откроем такие же затерянные острова, осчастливим их жителей возможностью побывать в других землях, завяжем торговлю со всем миром!

Глава 14

Он смотрел на меня внимательно, я воодушевился и рассказывал, размахивая руками, о перспективах мирного сотрудничества, о торговых путях и богатстве, и процветании, о расцвете культуры, глаза мои блестят, голос прерывается от восторга, я же гуманист и толерант, верю во всеобщее и внемерное...

Он довольно похрюкивал, взреывал, потирал руки и милостиво кивал, на лице полнейшее одобрение, с такими простофилями приятно общаться, особенно правыми, сам знаю.

А когда враг вот так потирает руки — твой час, дай волю своим...

— Вы мне нравитесь, сэр Ричард, — сказал он наконец. — Вы человек веселый и всем довольный. А я всегда говорю, что серьезность — есть враг бытия!

— Вы абсолютно правы, Ваша Мощь, — сказал я почтительно, — вы просто гений!

Он отмахнулся.

— Не люблю, когда меня обзывают гением. Люблю, когда это говорят искренне.

Я слегка замялся с ответом, а он посмотрел хитро и расхохотался первым, а то вдруг не дойдет такая тонкая шутка.

— Вы очень хороший правитель, — сказал я. — Уверен, вас все любят.

Он сказал насмешливо:

— Если у вас нет врагов, то вы плохо разбираетесь в людях. А правитель должен видеть, у кого что за пазухой.

— И сколько, — поддакнул я.

— Вот-вот, и сколько! Давайте, сэр Ричард, выпьем за процветание наших стран. И пусть исполнятся наши с вами мечты.

Он даже не стал убирать с морды хитрое выражение, все равно не допру, я же гуманист, а гуманисты все

дураки, не умеют власть ни брать, ни держать, вообще за нее не борются.

— Да, — согласился я довольно, — пусть наши мечты исполнятся.

Мы осушили кубки, он взглянул на меня хитро:

— Все-таки мечтаете доплыть до северного материка?

— Вы читаете мои мысли! — воскликнул я потрясенно. — Подсматривать нехорошо!

Он негромко посмеивался.

— Вы даже не представляете, — сказал он заговорщицки, — как близко ваша мечта к осуществлению.

— Что вы имеете в виду?

Он сказал тихонько:

— Северный материк уже совсем близко. У нас с ним, правда, нет никаких отношений... какие-то древние распри, но вам плыть от силы неделю, даже меньше.

Я подскочил, затем вроде бы опомнился и сел, весь из себя потрясенный, в ясных глазах идиота и гуманиста чистосердечный восторг и недоверие.

— Это правда?

Он кивнул:

— Абсолютная. Наши предки на таких кораблях, которые вас не впечатляют, преодолевали это расстояние и высаживались на их берег. Затем, мерзавцы, приживались там так, что не желали признавать наше старшинство. За это мы периодически опустошаем их берега, не давая выйти в море.

Я прошептал потрясенно:

— Господи, так близко... Нет, надо немедленно, просто немедленно... Побывать там везде, где удастся, занести на карту, составить описание городов и народов...

Он слушал с самым благодушным видом, это же как здорово, что залетный дурак собирается задержаться на континенте так долго. За это время здесь как раз успе-

ют собрать могучий флот, пройти по нашему следу и обрушиться на остров, что гол как сокол в океане, помощи ждать неоткуда, зато знают секреты, как строить огромные корабли...

Женщины строили глазки и заигрывали настолько откровенно, что еще чуть, и начну краснеть, я же целомудренный гуманист, пока держусь, но вот-вот пойду вразгон во все тяжкие, такому соблазну нельзя противиться.

— Ваша Мощь, — проговорил я с трудом, все это время не отрывая взгляда от низкого выреза на платье одной из улыбающейся мне красотки, — я с вашего позволения... с вашего позволения... ага, пойду навещу своих людей...

Он быстро зыркнул на нее, на меня, понимающе кивнул:

— Конечно-конечно, дорогой сэръ Ричард! Развлекайтесь. Здесь все в вашем распоряжении!..

— Спасибо, — сказал я и нетвердо поднялся, глупо улыбнулся и пошел к выходу.

Красотка, как я заметил боковым зрением, тоже поднялась, что не осталось не замеченным для короля, пошла вдоль стены к той же двери, что и я.

Я вышел первым, но не стал ее ждать, а быстренько шмыгнул в соседнюю, прошел торопливо через помещение, лавируя между слугами с подносами в руках, вышел еще в зал, спросил, где тут пируют пришельцы с моря, мне указали, и я через пару минут вошел в просторные покои, где шум и гам, а мои орлы пьют и веселятся с очень раскрепощенными женщинами.

— Ну-ну, — сказал я, — хороши.

Юрген вскочил, ответил с достоинством:

— Стараемся, ваша светлость. Пусть видят, что умеем не только топить корабли.

Он держал на руках девчонку с пышными формами, хотел пересадить Якову, но у того уже сидит одна, а две

вряд ли поместятся, подумал и, опустив ножками на землю, шлепнул по заднице, отпуская на свободу.

— Что узнали, ваша светлость?

— Отойдем чуть, — предложил я. Юрген кивнул на балкон, мы вышли, и я сказал, понизив голос: — Пока немного, но много и не нужно. Стекъярл уверяет, что им вполне хватает и малых лодок, чтобы плавать между островами. Тут он прав, однако глазки что-то слишком уж блестят, когда спрашивает, где наше королевство. Я сказал, что оно в двух неделях пути и что размерами в десять раз мельче. А военной силы почти никакой.

Юрген спросил с недоверием:

— И он поверил?

— А как иначе, если у нас только один остров посреди безбрежного океана? И никто никогда не нападал извне...

Он кивнул:

— В общем, ловушку вы поставили знатную.

— Не ловушку, — возразил я. — Всего лишь приманку. А наша цель, как объяснил королю, доплыть до северного материка, составить карту берега, осмотреть там все, а это займет несколько месяцев, и вернуться с докладом о победном испытании кораблей!

Он посмотрел на меня с хитрым прищуром:

— То есть Его Мощь постарается поскорее вернуть вас... и нас тоже... обратно на корабль?

— Да. Иначе, если не вернемся, корабли в конце концов повернут обратно, а в нашей островной Армландии поднимется тревога. И внезапное вторжение будет... не таким внезапным.

В проеме появился Яков, уже без женщины, понизил голос, чтобы не слышали в зале:

— То-то лебезят. Хотят, чтобы мы продолжили наше плавание?

— Очень, — подтвердил я. — И подольше обследовали берега северного материка.

Пир длился всю ночь, я от своих развеселых орлов дважды возвращался за стол к стекъярлу и его окружению. К моему удивлению, красotka, что так и не отыскала меня, сияет всем назло, вид ее говорит всем соперницам, что вот уже дважды побывала в моих объятиях, и все было прекрасно, умопомрачительно и ново, не так, как у них на захолустных островах, где строят такие мелкие кораблики...

Стекъярл посмеивался, очень довольный, приятно знать, что и прибывшие из дальних мест как на ладони, что раскусил сразу же, но что делать, все попадаем на женщинах, начиная с Самсона и кончая... нет, этот процесс нескончаем.

Наконец я сделал вид, что смертельно пьян, виновато улыбнулся стекъярлу:

— Ваше Вели... чество... Ваша Мощь... я того... удалюсь с вашего разрешения...

— Устали, сэр Ричард? — спросил он участливо и вместе с тем победно, все мы почему-то, умные и дураки, гордимся такой хренью, как вот я перепил всех, какой я орел...

— Ужасно, — признался я. — Но, надеюсь, добреду...

— Вас проводят, — сказал он, — и поддержат.

Красotka было поднялась из-за стола, готовая и поддержать, и проводить, но стекъярл сказал усмешливо:

— Когда на пути к намеченной цели встает женщина, это еще не помеха, но вот когда ложится...

Я ожидаемо загоготал, красotka вовсе не смутилась, здесь основы общественной морали закладывались на ином материале, чем на материке, но стекъярл добавил строго:

— Пусть малость отоспится. Я хочу, чтобы утром у нашего дорогого гостя была ясная голова.

Красotka опустилась обратно, вид недовольный, но что делать, слово короля — закон везде, кроме парламентских республик, а я потащился к дверям, где меня

подхватили под руки двое дюжих, но крайне предупредительных слуг.

На этот раз нам отвели довольно приличные покои в соседнем корпусе, хотя, кроме меня, явился только Юрген, да и то через полчаса, остальные остались пировать до утра.

Он осмотрелся с одобрением.

— Значит, мы уже не пленные?

— Еще пленные, — уточнил я, — но уже почетные. Сейчас статус продолжает уточняться.

— Гм... Ну ладно, пусть уточняют. Лишь бы взад не повернули.

— Вряд ли, — сказал я. — Переговоры зело успешны. И в теплой дружественной обстановке.

Он посмотрел с подозрением:

— Значит, морды друг другу все-таки били?

— Только иносказательно, — пояснил я. — На высоком уровне. Мы же политики и культурные люди, мать твою, а не пираты уже какие-то подволновые... Видишь, вон королевские... то бишь стекъярльи покои?

Он всмотрелся в темный силуэт мрачного здания с освещенными окнами. По шторам иногда величаво проходили темные силуэты..

— Что, король... тьфу, стекъярл уже там?

— Может быть, — ответил я. — Чего ему оставаться, когда я ушел? Сейчас вон собрал воронье, делят наши кости. Одни предлагают сразу расклевать, другие предлагают не трогать, чтобы других не спугнуть, а потом накрыть всю громадную стаю... В общем, полная демократия, пока стекъярл молчит и слушает, но как только стукнет кулаком по подлокотнику да рывкнет по-королевски...

— И что рывкнет?

Я вздохнул:

— Неисповедимы пути королевские.

Он посмотрел исподлобья.

— Ваша светлость, я слышал... в общем, вы уже король, хоть и не называетесь так. Власть у вас королевская. Так что должны знать, как думают короли.

Я отмахнулся.

— Мало захватить власть, надо, чтобы ее еще признали. Пока что она держится на остриях наших длинных копий, этого маловато. В общем, подождем до утра.

— Уже рассветает, — заметил он.

В верхних окнах королевского корпуса все так же двигались силуэты на шторах, не сидится величавым советникам, волнуются, вскакивают, ходят взад-вперед, спорят. Это хорошо, в спорах хоть и умирают всякие там сократы, зато рождается спорная истина.

Непросто решить, что делать с нами, как извлечь наибольшую выгоду из неожиданного появления и сногшибательной информации о наличии небольшого острова в океане, где нашли путь, как строить громаднейшие корабли.

Какой-нибудь старый вояка просто предлагает нас повесить, как шпионов... ну, каких-то врагов, неважно чьих, а корабли попытаться захватить прямой атакой, экономический советник настаивает на заключении взаимовыгодного торгового союза, третий уточняет насчет военного... есть и другие мнения, но стекъярл все еще колеблется, выбирает наименее затратный и самый эффективный.

— Странные люди, — сказал Юрген. — Как их находите?

— Обычные, — ответил я. — Ожидал, если честно, большего разнообразия.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Что? — спросил я.

— Да так, — пробормотал он. — Каких же вы чертей... и где навидались... если эти вам кажутся обычными?

— Путешествовал, — ответил я туманно. — Люблю разнообразие.

Он вздохнул.

— Я тоже. Пойду еще осушу пару кубков... или кувшинов, если успею. Когда еще вот так придется в следующий раз, словно в кабаке, но... в королевском дворце! Как подумаю, что вокруг не портовые шлохи, а настоящие маркизы, то кровь вскипает!

— Да и ты уже барон, — напомнил я. — Забыли, ваша милость?

После его ухода я перебрал в уме все разговоры, взгляды, восстановил в памяти кто как держался, вроде бы нигде не прокололся... особенно, а мелочи здесь не замечают, не мелочные.

Утренний воздух дик и свеж, верх серой каменной стены стал красным, заискрился, а пурпурность поползла по камням вниз, возвещая восход солнца.

За дверью послышались голоса, стук тяжелых подкованных сапог, дверь распахнулась, я увидел ухмыляющиеся рожи своей команды, а за ними лес копий со стальными наконечниками.

В комнату вошел баннерет Матиус, учтиво поклонился.

— Сэр Ричард, — произнес он ровным голосом, — Его Мощь пошел навстречу вашему пожеланию поскорее продолжить ваши поиски северного материка и велел мне проводить вас до ваших кораблей, и проследить, чтобы вы остались всем довольны.

Я ответил искренне:

— Дорогой сэр Матиус, я уже доволен. И команда моя довольна. Передайте Его Величеству... Его Мощи, как вы понимаете, мою благодарность и даже признательность.

Он снова поклонился.

— С великим удовольствием. Слово в слово.

Он пошел со мной рядом, остальные топали следом, от них несет такими волнами вина, что да, они признательны, еще как признательны.

Ворота перед нами распахивали загодя, народ расступался, давая дорогу. Многие кланялись, я перехватил их взгляды, обращенные к Матиусу, баннерет идет с поднятым лицом, глядя прямо перед собой, хотя, думаю, замечает, что делается от него справа и слева.

Я оглянулся на многочисленный отряд стражи, теперь в самом деле похожей на роту почетного караула.

— Дорогой сэра Матиус... вы показали себя верным подданным и в то же время любезным рыцарем... Но позволительно мне будет спросить...

Он посмотрел настороженно, не поворачивая головы.

— Попробуйте. Но ответ не обещаю.

— Вы очень осторожный человек, — похвалил я. — Вам бы не в баннеретах оставаться, а в стратеги... Почему Его Мощь прибег к такому сложному и долгому пути хитрых расспросов, вместо того, чтобы подвергнуть меня, скажем, пыткам?

Он наконец повернул голову и посмотрел с некоторым недоумением на честном, видно, что не гуманист, лице.

— Полагаете, это что-то бы дало?

— Нет, — ответил я честно, — не дало бы. Но все-таки?

Он пожал плечами.

— Во-первых, и вы это знаете, даже самые жестокие пытки способны сломить только грубые натуры, а люди чести в состоянии держаться до конца... Это простолюдины кричат, визжат, стонут, готовы предать сразу всех и вся, а люди благородные терпят молча, а находятся герои, что смеются под пытками или распевают песни, насмехаясь над палачами.

— Спасибо, сэра Матиус.

Он отмахнулся.

— Не за что. Вы знаете, я тоже знаю. Вы бы не поддались. Во-вторых, что самое важное, пытаются только

явного врага. А кто вы, сэр Ричард, я еще не понял... до конца. Вполне возможно, вы можете быть не только верным подданным, но и союзником. Потому и к вашей команде отнеслись со всем почтением. Хотя, конечно, горячие головы требовали распять на крепостной стене, а парочку посадить на кол...

— Гм, весело принимаете гостей.

— Я рад, — сказал он, — что вы к нашим обычаям отнеслись так спокойно. Даже с юмором. Другой бы мог обидеться, но вы настоящий исследователь, сэс Ричард.

Глава 15

Он шел рядом спокойный, суровый, подчеркнута нейтральный, я сказал вопросительно:

— Сэр Матиус, мне кажется, вы знаете больше, чем показываете.

Он переспросил:

— Почему?

— Чутье, — ответил я.

Голос его стал суше:

— Никогда не полагаюсь на чутье.

— Правильно, — согласился я, — чутьем руководствуются звери и женщины. Вы со стекъярлом в родстве?

Он дернулся.

— Почему так решили?

— Семейное сходство, — ответил я. — Да и некоторые оговорки и недоговорки в разговоре с Его Мощью.

Он ответил нехотя:

— Я его младший сын. Четвертый.

Дорога вывела к океану, на берегу народу, как тараканов на грязной кухне, а возле шлюпок блещет металл кольчуг и обнаженные клинки охраны.

Нас встретили приветственными воплями, Матиус шел, не поворачивая головы, только своим солдатам кивнул, но глаза его не отрывали взгляда от силуэтов величественных, как короли океана, наших кораблей.

— Нравится? — спросил я.

Он процедил сквозь зубы:

— Еще бы.

— Могу взять на борт, — предложил я. — Только, конечно, будете рядовым солдатом, а не королевским сыном.

Он перевел взгляд на меня.

— Шутите?

— Совершенно серьезно, — ответил я. — Вам здесь ничего не обломится, сами знаете. А еще старшие братья могут тайком нож под ребра сунуть... так, на всякий случай. Неча, мол, завоевывать симпатии у солдатни, как вы делаете. Я заметил, заметят и другие.

Лицо его слегка побледнело, кожа на скулах натянулась.

— Если вы шутите...

— Эх, — сказал я, — нет у вас авантюризма...

Юрген проследил, чтобы все расселись по лодкам, вскочил последним и выжидающе смотрел на меня. Я помахал рукой, иду, дескать, сейчас иду, а за спиной раздался сдавленный голос баннерета Матиуса:

— Я согласен быть рядовым, сэръ Ричард, на таких кораблях. Я хочу повидать мир, побывать на северном континенте!

— Вы его увидите, — пообещал я.

Охрана помогла стащить шлюпку в воду, даже разогнали и толкнули, уже сами забежав в воду по пояс, мои орлы дружно сделали гребок и погнали мощными рывками лодку в сторону «Богини Морей», хотя «Ужас Глубин» выдвинулся даже чуть вперед, готовый принять удар на себя.

Баннерет смотрел на корабли неотрывно, и чем ближе мы подходили, тем больше в его лице появлялось

благоговения. С борта сбросили нам веревочную лестницу, я поднялся первым и сразу попал в объятия Ордоньеса.

— Что с вами случилось? — потребовал он.

— Все расскажу, — пообещал я. — А пока хочу представить вам... сейчас, сейчас...

Баннерет поднялся последним, сразу сориентировался и учтиво поклонился Ордоньесу.

— Матиус Хельм, — представил я. — Четвертый сын стекъярла, здесь это то же самое, что и король, но является всего лишь, как вы поняли, баннеретом. На службе владетельного эрла сэра Хакса Элкинса, который является вассалом стекъярла Уилла Поултера...

Ордоньес покачал головой.

— Приветствую вас, Матиус. Но почему такой низкий титул?

Матиус посмотрел на меня косо.

— Ваш соратник... знает слишком много.

— Умозаключения, — сказал я скромно. — Трое старших сыновей пользуются меньшей популярностью у народа и, главное, армии. Сэра Хельма всячески придерживают от продвижения... во избежание, как вы понимаете. Здесь ему ничего не светит, братьев не обойти.

Ордоньес кивнул.

— Хорошо, располагайтесь, сэр Матиус. Ваша судьба в руках сэра Ричарда, а мы все лишь его команда... А теперь, Юрген, команду отплытие!

Юрген набрал в грудь воздуха и заорал, как деревенский петух, громко и мощно:

— По местам стоять, с якоря сниматься!

В ответ раздались голоса:

— На шпиле стоять!

— На шпиле стоять!

— По местам!

Я спросил Ордоньеса:

— Поспать удалось?

— Немного, — ответил он, — что-то у меня сдвинулось. Днем клонит в сон, ночью готов распевать песни...

— Это скоро пройдет, — утешил я. — Происшествия?

— Никаких, — заверил он. — Ночь прошла спокойно. Надеюсь, вы тоже успели поспать.

Мне показалось, что он намекает на что-то, но Ордоньес очень старательно смотрел в море, где небо смыкается с водой в настолько удивительно ровную линию, что даже непонятно, почему так, но все равно смотреть приятно.

— Успел, — ответил я. — Поднимайте паруса.

Он кивнул.

— Уже делаем, сэра Ричард.

— Курс на юго-восток!

— Будет сделано, сэра Ричард!

Он наклонился над перилами мостика и зычно отдавал приказы, а я смотрел в широкую спину и думал, что даже неустрашимому Ордоньесу, привыкшему командовать людьми, иногда... а то и часто, хочется, чтобы кто-то принимал решения и брал на себя за них ответственность.

Вообще-то мы все такие, если честно, даже самый сильный и несокрушимый человек перед самим собой не так уж и несокрушим, я тоже при каждом удобном случае трусливо бегал к отцу Дитриху, стараясь получить индульгенцию на мои поступки, а сейчас вот, когда инквизитор слишком далеко, то и дело сверяю свои мысли и дела с желаниями того, кто направляет нас... по крайней мере, кто в это верит.

Я вообще-то в Бога не верю, если честно, я же умный, но в то же время понимаю, как он нужен, чтобы и над самой абсолютной властью была еще одна власть, которую уж точно не подкупить, не обмануть, не перевербовать.

Матиусу показали маленькую каюту, где он будет делить места со старшими офицерами, что не просто пираты, а бароны и виконты, он поклонился и отбыл.

Ордоньес спросил у меня тихонько:

— А на самом деле зачем он здесь?

— Пригодится, — ответил я. — Во-первых, королевский сын, хоть и не престолонаследный, а значит, сможет назвать хотя бы пару десятков островов, а то у меня только контуры... И вообще расскажет про экономику, обороноспособность, религии, береговые укрепления своих островов и соседних государств...

Он хмыкнул:

— Расчетливый вы, сэра Ричард.

— Это комплимент или оскорбление? — спросил я.

Он вычурно поклонился:

— Это констанция... констунция... в общем, это признание, что вы уже созрели одеть или надеть корону короля Сен-Мари на свое чело. Чело — это такой лоб, если вы еще не слышали.

Якорь подняли, невероятно грязный и чудовищно толстый пеньковый канат разложили по всей палубе для просушки, ненавижу, в Тарасконе сразу же приму меры, как только, так сразу.

Послышался бравый вопль Юргена:

— Поднять кливера! На брасах стоять!

Корабль заметно прибавил ход, еще со стороны носа корабля раздался протяжный крик:

— Поднять грот-рей!

Корабль все набирает скорость, паруса вздулись и буквально звенят от веселого напора, туго натянутые канаты подрагивают, а ветер свистит в реях.

Море никогда не бывает ровненьким, как поверхность пруда. Даже в штиль волны не меньше чем по футу, а при самом слабом волнении — от полуярда до полутора. То, что называем умеренным, — это высота от полутора метров до двух с половиной или от полутора

ярдов до трех. Сильное — больше четырех, а очень сильное — от пяти до семи ярдов, что я бы назвал сильным штормом, но шторм меряется не высотой волн, а скоростью ветра: тихий — один-три узла, легкий — четыре-шесть... далее идут слабый, умеренный, свежий, сильный, крепкий, очень крепкий и, наконец, шторм, при котором скорость ветра достигает сорока семи узлов.

Правда, есть еще сильный шторм, это когда пятьдесят пять узлов, но, надеюсь, мы на такой не напоремся, корабль и так скрипит от киля и до кончика мачт, как будто постоянно чешется, двигая плечами и всем корпусом.

С клотика, где в «вороньем гнезде» сидят по очереди самые зоркие матросы, раздался жизнерадостный вопль:

— Берег!.. Впереди по курсу берег!..

Ордоньес проворчал:

— Сколько же их...

— Вы как будто недовольны, — заметил я.

Он скривил губы.

— Я-то доволен, но как вспомню те месяцы, когда за бортом одни волны, хоть один бы островок... А здесь в день по десятку!

— Урожай, — согласился я. — Похоже, этот достаточно велик... Но береговая линия не совсем как бы... Лодку разобьет о камни. Если тут и высаживаются, то не с этой стороны.

— Здраво мыслите, — одобрил он, — как будто на корабле родились. Попробуем обойти справа, с той стороны либо бухта, либо песчаный берег...

Он наклонился через перила, прокричал:

— Юрген, готовь корабль к повороту!

Снизу через какое-то время донеслось мощное:

— Все по местам!

Когда слышу этот звериный вопль, уже знаю, что матросы не оставляют игральные кости и бочонки рома,

а всего лишь перестают шпаклевать, латать, затыкать и даже связывать рассыпающиеся части корабля, и бегут каждый на свое место. На больших судах у всех свои четко очерченные обязанности. Это не значит, что другое не делают, но все-таки есть что-то основное, а вот на том когге, что мы захватили и отпустили с командой, там еще все равны, и всю работу выполняют сообща, как в любом примитивном обществе.

Первыми нас встретили дельфины, выпрыгивали из волн, глядя большими круглыми глазами на такое диво, потом пошли кругами вокруг корабля, выставив острый хищный плавник. Остров на миг посерел, наполовину скрывшись в тумане, затем мир очистился, словно протертый влажной чистой тряпкой.

На море все кажется резче и отчетливее, уж не знаю, из-за прозрачного воздуха, где нет дорожной пыли, или свойство поверхности моря, что в какой-то мере отражает свет. Стаи чаек с пронзительными криками встретили нас и понеслись следом, старательно выхватывая из пенного следа за кормой ошалевшую рыбу.

Мыс начал уплывать в сторону, корабль поворачивает легко, отличительное свойство каравелл, главное, что им ставят в похвалу, это маневренность, когда вот такую громадину можно повернуть почти так же просто, как весельную лодку.

— Вот оно, — сказал Ордоньес довольно, — я как задним местом чувял!

За мысом обнаружилась довольно уютная бухта, маломерная, всего на три-четыре таких корабля, но защищающая от ветра и высоких волн.

Юрген снизу крикнул:

— Готовиться к высадке?

Ордоньес посмотрел на меня.

— Что ответить?

— Нужно ли? — спросил я. — Вряд ли здесь что-то особенное. Слишком близко от соседних островов,

а там ничего интересного... Разве что на другом конце архипелага на что-то наткнемся...

На далеком берегу проплывают аккуратные домики, роскошные сады, ветер донес ароматные запахи медовых трав, очень уж патриархальная картинка...

Снизу послышался топот, на ступеньках остановился, не решаясь ступить на священный мостик, баннерет Матиус.

— Сэр Ричард! — крикнул он. — Если это остров Медный, то лучше от него держаться подальше!

— А что с ним? — спросил я и сразу же сказал Ордоньесу: — Готовь корабль к повороту. Так, на всякий случай.

Матиус ответил нервно:

— По слухам, они топят всех, кто пытается пристать к берегу! Или подходит слишком близко.

— Да ну? — спросил Ордоньес саркастически. — Чем же, бросаются палками?

С клотика донесся вопль. Матиус повернул голову и сказал мертвым голосом:

— Посмотрите сами, адмирал.

Из бухты вышло небольшое судно, размером с когг, только с низкими бортами. Единственная мачта, парус спущен, с обеих сторон в воду мерно вонзается по веслу, сам корабль идет вперед короткими толчками.

Я посмотрел на весла и гребцов, сперва ощутил некую неуверенность и тревогу, хотя не понял причину, а когда понял — страх стиснул сердце. Всего два весла, но за каждым сидит по сверкающему медью голему, оба не меньше трех ярдов роста. Весла, которые смогли бы поднять разве что дюжина человек, ходят в уключинах легко, а воду загребают играючи.

Ордоньес прокричал нервно:

— Поднять все паруса!..

Снизу раздался вопль:

— Быстрее, быстрее!.. На брасах стоять!..

Ордоньес кивнул застывшему на предпоследней ступеньке Матиусу.

— Разрешаю подняться, сэ. Что вы знаете об этих... чудовищах?

Матиус поднялся на мостик, учтиво поклонился. Лицо его ничего не выражало, только в холодных светлых глазах пряталась сильнейшая тревога.

— Охраняют свой остров. И пока еще никто не ушел от них, сэ!

— Это посмотрим, — процедил Ордоньес, взглянул на небо с тоской, — если бы ветер посильнее...

Я сам прислушивался с надеждой, однако ветер, как назло, затихает, паруса обвисли, корабль совсем замедлил ход, двигается больше по инерции.

— Гребут мощно, — признал я, — а что умеют еще? Где у них уязвимые места?

Матиас ответил мрачно:

— Таких нет. Им тысячи лет, а блестят, как новенькие. Раньше стояли у храма Древних, туда попали из разрушенного дворца Серых Стражей, а еще раньше их отыскивали в руинах древнего города Пурпурный Камень.

— Значит, не всегда были гребцами?

Он пожал плечами.

— Неизвестно, для чего были созданы, но сперва жрецы научили их громко топтать на месте и громовым голосом воздавать им хвалу, а когда их храмы были захвачены внезапным налетом народов Скачущих По Волнам, все было разрушено, а големов перевезли на корабль конунга Синий Коготь и посадили на весла. Правда, они оставались недвижимыми, тогда туда доставили всех захваченных жрецов разрушенных храмов, конунг убивал их по одному, пока те не сумели научить големов грести...

— Хорошее достижение, — пробормотал я. — Жрецы что-то, да умеют.

— Умели, — уточнил Матиас. — Говорят, сперва големы по их команде топнули, как обычно, проломил палубу, переборки, днище и выпали в море. К счастью, корабль стоял у берега, пловцы сумели отыскать и подвести веревки под их неподвижные тела.

— И все-таки научили?

— Да, но сначала конунг скормил рыбам почти всех жрецов. Последний успел найти заклятие, что заставило големов вот так грести веслами.

— И он его не убил? — спросил Юрген скептически.

— Нет, кому-то же надо быть на случай, если с големами что-то случится? Но потом и тот жрец умер, а големы теперь только гребут, а еще пробивают кулаками борта кораблей.

Ордоньес слушал все нервознее, покрикивал на Юргена, тот орал на матросов, те манипулировали с парусами, улавливая малейший ветерок.

Корабль идет медленно и величаво, но все же парусник есть парусник, лодка с големами начала медленно отставать.

Ордоньес перевел дыхание, сказал уже спокойнее:

— Вообще-то хороши... Нам бы этих меднолобых!

— Зачем? — спросил я. — Они умеют только грести! Да еще ломать.

— А если штиль? — спросил он. — Я всякий раз сажаю гребцов в две лодки, они и тянут корабль. А эти медные лбы так и вовсе бы...

Глава 16

Я помолчал, привыкая к новым понятиям. Например, небольшой якорь, каких на корабле всегда целая куча в запасе, легко держит корабль на месте, уже привычно, но вот что гребная лодка способна тащить за собой огромный корабль...

— Да, — согласился я. — Хорошо бы. С другой стороны, всегда знаем, чего ждать от людей. А вот от големов...

Донесся тревожный вопль Юргена:

— Ветер уходит!

Ветер не ушел, как по мне, а стих, исчез. Полный штиль, корабль двигался едва-едва, наконец, практически остановился, покачиваясь на волнах.

Лодка с големами снова начала приближаться.

Ордоньес сказал тревожно:

— Догоняют... Если ветер упадет еще чуть... я даже не знаю, как с такими драться.

— Да? — спросил я. — Мне казалось, уже полный штиль.

— Еще не полный... Эх, если бы еще чуть-чуть...

Я пробормотал:

— Придется первые паровые котлы ставить на кораблях... Наши мартышки умеют только по мачтам прыгать и в карты играть?

Он криво усмехнулся:

— Из луков тоже наловчились.

— Тогда пусть на корму бегут все, — сказал я, — кто способен выпустить стрелу.

— Кроме тех, — уточнил он, — кто на вахте. А то у нас стрелять умеют все...

На палубу выбегали все, даже оба стюарда выскочили с кухонными ножами. Юрген вооружился огромным арбалетом, но у большинства все-таки простые луки, даже не композитные.

Я сбегал в каюту, кроме лука Арианта, захватил и свой крохотный арбалет, что выдаю за игрушечный, почему-то стесняюсь им пользоваться, даже прячу, как нечто стыдное, но сейчас никто не обратил внимания даже на мой главный лук. Везде крик, вопли, а лодка с големами уже на расстоянии выстрела.

Ордоньес единственный, кто не вооружился ни луком, ни арбалетом, да еще Матиус смотрит обреченно, лицо бледное, но рука на рукояти меча, привычный успокаивающий жест настоящих мужчин.

Я поднялся на мостик, Ордоньес лишь оглянулся на миг, тут же сосредоточил внимание на лодке с големами. Солнце играет на широких медных плечах, статуи полны дикой мощи, художник сумел передать впечатление всемогущества и звериной силы.

Вдоль борта по всему кораблю шелкали тетивы, почти все стрелы попадали в цель: одни в големов, другие в лодку. От големов отскакивают, от лодки... почему-то тоже, лишь арбалетные болты впивались в борта, да и то не все.

Я крикнул:

— А поджечь не удастся?

Юрген прокричал с энтузиазмом:

— Сейчас попробуем!.. Яков, Мишель — за мной!

Из трюма в считанные мгновенья подняли котел, налили горячей смолы и начали обматывать кончики стрел тряпками. Первые стрелы с зажженными факелами полетели красивой дугой, однако в лодке тут же гасли.

Големы гребут в прежнем ритме. Я подумал, что могут грести и сильнее, но только не выдержат весла, а нам сейчас бы ветра в паруса...

Мой крохотный арбалет появился из-под полы, я торопливо прицелился в голема, потом подумал и сдвинул чуть за его спину. Выстрел прозвучал бесшумно, лодку слегка тряхнуло, хотя, кроме меня, вряд ли кто заметил, а в днище появилась дыра с кулак размером.

Ободренный, я переставил тетиву на деление выше, снова нажал на спусковую скобу. Легкий толчок, лодка чуть качнулась, рядом с первой дырой образовалась вторая, в эту уже пролезет королевское кресло. Вода хлынула снизу, обрадованно забурлила, лодка уже поч-

ти касается острым носом кормы нашей каравеллы, но вода заметно замедлила ход лодки.

Големы молча заработали веслами чаще. Ордоньес закричал:

— Стреляйте в этих чудовищ!.. Не дайте пробить обшивку!

Рой стрел взвился в воздух. Я не поверил глазам, один голем поднялся на ноги, исполинский сверкающий колосс, второй перехватил рукоять второго весла и продолжил грести один.

Первый голем переступил через скамейку, нос их лодки слегка накренился. Я видел с замиранием сердца, как он заносит кулак для удара, быстро взял его на прицел, однако тот уже взмахнул рукой.

Каравеллу тряхнуло, мне почудился ее жалобный стон. Раздался треск досок и даже бревен. Голем замахнулся второй раз, я нажал на спусковую скобу. Болт ударил его в лицо, исчез в короткой вспышке. Голем отшатнулся, пытался удержаться, но помешала сзади банка, он упал навзничь в воду, что наполнила лодку, подняв тучу брызг.

Второй голем мерно работал веслами, лодка шла вплотную к каравелле, его соратник сумел подняться, однако вода хлынула и через борта.

На каравелле поднялся ликующий крик. Через прозрачную воду хорошо видно, как оба чудовища опускаются с лодкой на дно, каждый поднял голову и провожает нас пристальным взглядом мертвых глаз.

Я спрятал арбалет и, демонстративно потрясая луком Арианта, с победным криком пробрался к своей каюте, где лук повесил на стену, а остальное снова спрятал.

Когда я снова выбрался на палубу, жизнерадостные пираты, уже забыв о медных чудовищах, с азартом бросают кости, играют во что-то карточное, пьют и борются на руках, в одном углу даже вспыхнула драка, но тут

же разняли и надавали по шеям как виновникам, как и тем, что подзуживал.

Далеко впереди разрастается странное белое пятно, словно с неба опустилось облачко и медленно плывет по воде, подгоняемое слабым ветром. Корабль идет на всех парусах в его сторону, я зябко передернул плечами, все неожиданное пугает, никогда бы раньше о себе такого не подумал.

— Граф, — позвал я, — взгляните-ка...

Ордоньес бросил небрежный взгляд в ту сторону, отмахнулся.

— Обыкновенный туман.

— Среди бела дня? Под солнцем?

— Такое бывает, — заверил он.

— Почему?

Он посмотрел удивленно.

— Почему? А почему дует ветер, идет дождь, светит солнце?..

— Простите, — сказал я, — глупый вопрос, признаю. Просто мне как-то не по себе, когда вижу непонятки.

Он снова повернулся и посмотрел на облачко внимательнее.

— Если таким останется, — сказал он, — то ничего. Но иногда разрастается, а в тумане плыть рискованно.

— Особенно, — сказал я, — когда близко острова.

— Вот-вот, мой лорд. Юрген, убрать кливера!

Туман двигается навстречу, словно его подгоняет ветер, хотя это нам попутный, а не ему, я напрягся в тягостном ожидании неприятностей.

Ордоньес наклонился через перила мостика.

— Юрген! Сбавляй ход до самого малого!

Снизу донесся крик:

— Убрать кливера!

По всему кораблю пошла перекличка, приказ повторяли на разные голоса, я не увидел, а просто почувствовал, как паруса начали сворачиваться, скорость

корабля замедляется и замедляется, словно он идет по странной вязкой воде.

Я ждал каких-то внезапностей, неожиданностей, однако острый клюв бугшприта пронзил туман и утонул в нем, а затем медленно и предсказуемо начал таять нос корабля.

Наконец я выдохнул воздух, ничего пока не происходит, хотя сердце колотится в страхе и пытается убежать от непонятной опасности.

Рядом со мной раздался успокаивающий голос Ордоньеса:

— Сейчас он кончится... Такое случается. Я десятки раз видел в море всякие штуки...

Корабль медленно двигается сквозь туман, но тот глушит все звуки, я вдруг понял, что мне стало не хватать постоянного и надоедливого хлюпанья волн о борт.

Почему-то показалось, что, кроме мостика, ничего нет в этом странном мире, не видно не только носа и кормы, даже палуба внизу растворилась, исчезла.

— Ничего, — проговорил Ордоньес, — берег далеко, а мы едва ползем. Если через полчаса не выйдем, то вообще бросим якорь.

— Опасно?

— Вообще не люблю рисковать, — пояснил он без улыбки.

— Отлично, — сказал я с облегчением.

В спину как будто дует холодным ветром, я повернулся и начал всматриваться в туман, но там ничего, потом попробовал в тепловом, в запаховом, но все так же только серая пелена, но затем как будто бельма ушли с глаз, мир хоть и остался странно-серым, однако вдаль идут нашим курсом два когга, оба на расстоянии друг от друга, разная конструкция, даже разные флаги на мачтах...

Я всмотрелся до головокружения, на палубах полно людей, все с оружием, у многих в руках луки.

— Они же, — вырвалось у меня, — приготовились драться друг с другом!

Ордоньес посмотрел странно.

— Мой лорд...

— Можете круто развернуться? — спросил я. — И двинуть в обратную сторону?

Он горделиво выпятил нижнюю губу.

— Думаете, это невозможно? Называется бейндвинд.

— Сделайте, — прервал я.

Он озадаченно крикнул, но не стал оспаривать, вызвал к себе Юргена, отдал целый ряд указаний, тот с грохотом сапог слетел на палубу и начал орать настолько яростно, что даже я понял, для такого сложного маневра понадобится слаженная работа всей команды.

Дэвид Ганшилд и Матиус Хельм наблюдали за маневрами с раскрытыми ртами и горящими от восторга глазами.

Каравелла, надсадно скрипя всеми суставами, развернулась, что выглядит, наверное, с берега очень красиво, но я слышу, как трутся друг о друга бревна и доски, стонут и едва не выскакивают из пазов мачты, дрожат туго натянутые канаты...

Юрген, получив указания от Ордоньеса, выстроил у борта с десятков матросов, что умеют стрелять из луков, остальные, чуя неладное, шупали длинные ножи и карабкались на ванты.

Туман вроде бы сгустился еще сильнее, уже и не туман, а какой-то неопрятный молочный кисель. Ордоньес шепотом велел добавить парусов, лучники, на всякий случай, распределились у обоих бортов, к стрелам им прицепили смоченную горючим маслом паклю, все согнулись и в злом бессилии всматривались в туман.

С верхушки мачты донеслось:

— Впереди по курсу...

Я тоже успел увидеть внизу быстро приближающуюся мачту, тут же раздался треск, частые щелчки. Я хотел сказать, чтобы оставили стрелять, и так когг затонет, раздробленный прямым столкновением, но увидел, что стреляют в другую сторону, там совсем близко с нашей каравеллой проходит внизу второй кораблик, с нашей высоты больше похожий на лодку.

Лучники торопливо подносили кончики стрел к жарко пылающему факелу, еще быстрее натягивали тетивы, уже не стараясь ни в кого попасть, достаточно и того, что горящие стрелы бьют в паруса и поджигают их, а еще палубу, мачту, борта...

Внизу вспыхнули костры, затрещало, пламя охватило парус и мачту. Палуба под моими ногами вздрогнула, послышался надсадный скрежет. Я подумал, что корабль напоролся на подводные камни, однако люди орали в ужасе и отпрыгивали от борта, я лишь сделал шаг в ту сторону, как там поднялись исполинские зазубренные клешни, размером с бревна, слепо шарили в воздухе.

Одна схватила матроса, он дико завопил, ухитрился извернуться так, что в зубчатой клешне осталась рубаха, а он упал на палубу с голым и окровавленным торсом, откатился, вскочил и отбежал, продолжая завывать от ужаса.

Гигантский рак или краб с треском ломал ограждение, я понял, что чудовище пытается взобраться на палубу, тогда этот закованный в прочный панцирь ужас легко перевернет даже нашу огромную каравеллу...

Вебер Кронберг отыскал где-то на корабле настоящее рыцарское копье, с воинственным воплем ринулся в атаку, топая, как подкованный конь.

— А-а-а-а!.. Умри!..

Я выстрелил из арбалета, не целясь. Болт ударил в закованную в хитиновый панцирь грудь и там исчез,

а на том месте на миг появилась широкая и глубокая дыра, именно туда долю секунды спустя с силой вонзилось острие копья сэра Вебера.

Мощно плеснула темная клокочущая кровь. Сэр Вебер выдернул копье и ударил снова, но без разбега удар не получился, по крайней мере, так выглядит.

Раненый краб откинулся навзничь и, как рухнувшая скала, с шумом обрушился в море. Моряки с криками подбежали к борту, кто-то орал и потрясал кулаками, а Юрген с проклятиями велел плотнику тут же заделать борт.

Увидев меня, прокричал:

— Там в воде кто-то еще барахтается!

— Пусть барахтаются к берегу, — ответил я. — Мы не плавучий госпиталь. И вообще брать пленных — дурной тон.

— Так точно, ваша светлость!

Ордоньес снова хмыкнул с мостика, но ничего не сказал, верховное командование у меня, общую линию намечаю я, мелочами занимается он.

Матросы, накричавшись, начали расходиться, как вдруг снова кто-то зло выругался, кто-то испуганно охнул.

Над бортом показалась рыжая голова с рыжей мокрой бородой. Человек с трудом перевалился на эту сторону, но не остался лежать и смотреть в грозные лица, не предвещающие ничего хорошего, а тяжело поднялся, лицо измученное, но в глазах яростный блеск и готовность драться за жизнь.

Юрген крикнул зло:

— Какой дурак оставил веревку висеть за бортом? Мало ли что к нам вылезет из моря!

Двое ринулись, сшибая друг друга с ног, исправлять оплошность, Яков сказал быстро:

— Не волнуйся, я его сейчас выброшу обратно!

— Я помогу, — крикнул кто-то.

Они подступили к уцелевшему с двух сторон, тот отчаянно зыркнул вправо-влево, спасения нет, закричал быстро:

— Погодите!.. Я знаю, где на этом острове зарыт клад!..

Ордоньес как раз спустился с мостика, у него сразу засветились глазки, как у кота при виде горшка со сметаной.

Я сказал трезво:

— Брешет. Этих историй про клады хоть пруд пруди... Еще скажет, что карта у него есть. Слушайте больше.

Пленного дотащили до борта, он отчаянно сопротивлялся, хватался за мачту, за свисающие снасти, наконец, за край борта и все время выкрикивал, что клад в самом деле есть, но раз уж ему не достанется, то пусть уж лучше нам, сволочам, чем проклятому Лесли Стивенсу.

— Кто такой Лесли Стивенс? — спросил Ордоньес.

— Какой-нибудь конкурент, — сообщил я. — Или бабу отбил... Ладно, говори сейчас и сразу! Что за клад? Как далеко?

Его перевалили за борт, он уцепился за край, и Юрген замахнулся тяжелым ножом, чтобы обрубить ему пальцы.

Ордоньес придержал его за руку.

— Погоди, милорд желает выслушать.

Пленник так и остался висеть по ту сторону борта, багровое от усилий лицо застыло в страшной гримасе.

— Кроме двух сундуков, — прохрипел он, — с золотыми монетами, там еще амулеты всякие и разные!..

— Какие? — спросил я.

— Не знаю, — прокричал он в отчаянии. — Но их много, значит, есть и очень ценные!..

— Где?

— На острове Горящий, он вон там, за туманом!.. Это близко...

Я знаком велел вытащить, его перевалили на эту сторону, он упал на палубу и тяжело дышал. Матросы рассматривали с недобрый весельем, может быть, велю повесить, тоже неплохо, боги моря любят жертвоприношения.

Вебер недовольно отбросил копье, могли бы и повосхищаться мощным ударом, спасшим корабль от морского чудовища, хотя, конечно, клад — это то, о чем мечтают все.

Все ждали, что потребую подробностей насчет клада, однако я поинтересовался с ленцой в голосе:

— Кто такой этот Лесли Стивенс?

Лицо спасенного сразу изменилось, я увидел злость и даже ненависть в лице, кожа на скулах натянулась, он произнес с появившейся хрипотцой в голосе, но крайне сдержанно:

— Капитан «Буреглота» и командир флотилии из восьми кораблей. Удачлив, отважен, умеет сражаться в открытом море, способен набрать команду в кратчайшие сроки... Его топили трижды, дважды спасался на шлюпке, один раз его выкинуло прибоем, но выжил. Команда ему верит, но других капитанов часто обманывал и, захватив большую часть добычи, убегал, а корабль у него один из самых быстроходных...

— Ага, — сказал я саркастически, — а ты, значит, не убегал?

Он твердо встретил мой прямой взгляд.

— Никогда. Я, Питер Мертон, верен не только своему экипажу, но и морскому братству. Обманывать своих — нехорошо!

Я подумал, кивнул.

— Хороший закон. Если подумать, весь мир стоит на нем крепко, даже самые цивилизованные государства. Обманывать своих нехорошо, а чужих — можно и нужно.

Ордоньес поинтересовался:

— Так что, ходим к этому острову?

— Погодите, любезнейший граф, — сказал я, — а если тот Горящий внутри архипелага? Туда попасть трудно, а выбраться вообще никак. В лабиринтах между островами и комары слона заедят.

Рыжебородый Мертон сказал угрюмо:

— Кто станет прятать на обжитых островах?.. Обязательно увидят либо случайно наткнутся, дуракам везет!.. Нет, Горящий хоть и близко, но в сторонке от водных дорог. У него вообще-то плохая слава...

Я насторожился.

— Почему?

— Там всегда что-то горит, — объяснил он. — Очень сильно. Потому все обходят стороной. Хватает и тех, где не горит, не трескается, а ручьи с пресной водой видны издалека! А также лес и зеленую траву...

— Разумно, — сказал я.

Ордоньес, поняв по моему лицу, что решение принято окончательно, грубо ухватил спасенного капитана за плечо.

— Пойдем на мостик! Будешь показывать дорогу.

Часть II

Глава 1

Судя по рассказу быстро обсыхающего Питера Мертона, он был капитаном когда «Морские Угри», они в этом месте встретились с кораблями масагерцев, но один сразу ушел, не желая рисковать грузом, а другой ввязался в бой, который прервали только из-за нашего появления.

Корабль такого размера так их ошеломил, что оба тут же бросились в погоню. Затем в тумане потеряли чужаков, а затем... да, их перехитрили.

От корабля масагерцев вообще ничего не осталось, сгорел, а люди, если не заблудятся, доплывут до берега. Может быть. Обломков корабля должно всплыть много.

Я с неохотой подумал, что, подбирая тонущих, мы как бы становимся на одну из сторон конфликта. И хотя понятно, что тонущих надо спасать вне зависимости от того, кто тонет, однако же остается нечто типа: ага, спасли наших врагов, а те им напоют против нас, нашепчут всяких гадостей, теперь уже и эти, спасшие их, против нас...

— Ладно, — сказал я и расстелил на столе карту. — Вот ваши острова. Где этот Горящий?.. Заодно назови остальные, а то у меня одни силуэты...

Он долго всматривался, вертел головой, в глазах удивление, наконец, осторожно поинтересовался:

— А как получилось, что у вас такая точная карта... а названий нет?

— А вот так, — ответил я предельно вежливо, — ну?

Он торопливо начал называть острова, я тут же записывал, наконец он в нерешительности ткнул пальцем в небольшую точку в сторонке от массива островов.

— Вроде бы здесь.

— Там вообще нет острова, — возразил я.

— Есть, — ответил он. — Только очень маленький.

И никто там, понятно, не живет. Все увидите сами.

— Скоро?

— Да, можно даже не менять курс, разве что чуть-чуть левее... Но все равно мимо не проскочите.

— На нем что, магнитная гора?

— Что-что, простите?

Я отмахнулся.

— Забудь. Это совсем в других морях.

Туман остался позади, но, когда я оглянулся, он быстро рассеялся, как будто не простой туман, а... скажем, некий боевой туман, выпускаемый для дезориентации противника.

Холодная ящерица страха пробежала по моей спине. Если у них еще и всякие приспособления, неизвестные нам, то рискованно сюда соваться даже с большими кораблями. К счастью, пиратские республики воюют между собой, и потому ни одна из них не должна бы планировать широкомасштабного вторжения на континент. Вроде бы. Пока что.

Но если бы заключили мир между собой и обрушились на побережье всей мощью, то смели бы Сен-Мари и Вестготию.

Правда, стекъярл обронил невзначай, что так в старину уже делалось, но ничего интересного не нашли. По-видимому, имеется в виду то, что ударились мордами с разгону о Великий Хребет... и скисли, остановленные в победном беге. Нынешнее население Сен-Мари и Вестготии — это смесь коренного населения с завое-

вателями, а в Гандерсгейм высаживались и захватывали его какие-то небольшие группы уже сравнительно недавно.

Ордоньес прохаживается по мостику, заложив руки за спину, на качку внимание не обращает, мышцы сами подстраиваются, а он обеспокоенно поглядывает на небо, где с севера надвигается угольно-черная туча.

Я поинтересовался:

— Что наш баннерет глаголет насчет своего государства? Размеров, численности, военной мощи, чем живут...

Ордоньес ответил с неохотой:

— Да так и эдак к нему подъезжал. Молчит весьма упорно и злонамеренно.

Я переспросил:

— Молчит или помалкивает?

Он подумал, признался:

— Скорее, помалкивает.

— Это хуже, — сказал я. — Не будешь же пытаться того, кто вроде бы сам пришел. Ну, пусть не совсем уж добровольно, но не в бою же его захватили? А этот рыжий?

Он отмахнулся.

— А этот вообще ничего не знает, кроме своего корабля и проклятых масагерцев, с которыми у него еще и личная война.

В грозовой туче появилось исполинское лицо на полнеба: свирепое, с вывернутыми гневно ноздрями, развевающимися волосами и длинной бородой. Такие я видел в детстве на старинных картах, их постоянно помещали по краям, а снизу, естественно, исполинские руки Атласа, держащие земной шар.

Но здесь еще не доросли даже до Атласа, он пока что держит только небесный свод, а Земля, если и не совсем плоская, то разве что чуть выпуклая, как панцирь плавающей по всемирному океану черепахи.

— Будет буря? — спросил я тревожно.

Он посмотрел в удивлении.

— Где? Здесь?.. Нет, просто свежий ветер.

— Паруса не сорвет?

Он хмыкнул.

— Паруса можно как прибавлять, так и убавлять. Меня другое беспокоит, ваша дражайшая светлость. Ваш баннерет сообщил, что в этих местах есть странный остров, что появляется и пропадает, когда сам изволит. Вычислить невозможно, а найти еще труднее, компасы показывают неверное направление, солнце там поднимается с другой стороны, а ночью на небе две луны. На том острове, по слухам, живут могучие волшебники. Говорят, они не были ими, но стали, когда ступили на ту землю.

— Это еще почище острова с кладями, — признал я. — Ладно, я пойду вниз. Надо помыслить.

— А здесь?

— Здесь слишком красиво, — сказал я.

Он довольно хрюкнул.

Ордоньес спустился в каюту почти сразу вслед за мною. Глаза адмирала хитро поблескивали, он потер ладони и посмотрел на середину стола.

— Мне кажется, стоит выпить хоть каплю рома, что всегда есть у сэра Ричарда, дьявол уже довольно потирает руки.

— Это намек? — спросил я.

— Еще какой! — сказал он бодро.

Я кивнул ему на кресло у стола. Пока Ордоньес усаживался, я вытащил из ящика два оловянных кубка, вытер и поставил на середину столешницы.

— Ваш кувшин никогда не бывает пуст? — спросил Ордоньес.

— Повезло, правда? — спросил я. — Прошу.

Он взял кубок, с выражением крайнего удовольствия поднес ко рту.

— А вы?

— Воздержусь, — ответил я. — Государственные мужи обязаны избегать таких соблазнов.

— Так никто ж не увидит!

— А я?

Он хмыкнул и сделал большой глоток, перекосясь, задержал дыхание, некоторое время сидел с побагровевшим лицом и не смея дохнуть, наконец, медленно выдохнул воздух.

— До печенок продрало...

Дверь приоткрылась, заглянул Юрген, оглядел нас с подозрением, а Ордоньес загородил локтем кубки.

— Рапорт со шканцев, сэр! — доложил Юрген почтительно. — Ветер умеренный до свежего, сэр. Устойчивый, без порывов.

— Спасибо, Юрген, — ответил Ордоньес и, взглянув на меня, добавил: — Ваша милость барон.

Юрген вышел, я сказал осторожно:

— Если здесь такие штормы часто, местный флот должно часто выносить на берег. В ту или другую сторону.

— Перед штормом все корабли, — сказал Ордоньес, — торопятся выйти из бухты. И вообще спешат от берегов подальше. Если бы штормы не налетали внезапно, корабли вообще бы не тонули.

— Как этот?

— Это не шторм, — ответил он обстоятельно, как и Юрген. — А вообще большинство кораблей в самом деле гибнет у берегов. В море — единицы.

В дверь заглянул Яков, глаза возбужденно блестят.

— Замечен остров, сэр!

— Прекрасно, — ответил Ордоньес. — Ваша светлость...

Он с поклоном пропустил меня вперед, старательно обучается светским манерам, я вышел гордо и с дос-

тоинством, показывая ему, как придется потом ходить и двигаться, когда разведет овец и привезет в столицу для продажи.

Свободные от вахты матросы сгрудились у правого борта, все смотрят вперед, указывают пальцами, голоса приглушенные, будто чего-то опасаются.

Питер Мертон уже там, красные, как пламя, волосы стоят дыбом, борода торчит во все стороны, жесткая, как проволока, что идет на кольчуги, и вообще он, просохнув, стал как бы шире и массивнее. Даже голос позвучнел, в нем появились командирские нотки. Сейчас он горячится больше других, тычет пальцем с таким неистовством в небосвод, словно старается проковырять его ногтем.

— Вон там! — гремел его медный голос. — Видите струйку дыма?.. Как раз впереди по курсу?.. Это и есть тот самый маяк!

— Настоящий? — спросил я.

Он оглянулся, сдвинул плечами, массивными и позвериному налитыми силой.

— Для нас настоящий. А так, конечно, непонятный.

— Чем? — спросил я.

— Всем, — ответил он сумрачно. — Кто поставил, зачем, когда, с какой целью... Да и маяк ли...

Я проследил за его взглядом, далеко на горизонте к темнеющему небу поднимается едва заметная серая струйка. На фоне закатных облаков смотрится почему-то тревожно, хотя ничего вроде бы особенного, так, дымок...

— Последние годы это называют маяком «Горящий», — сказал он. — Ничего особенного, но там в самом деле горит нечто, слава идет дурная, моряки обходят стороной...

Корабль, подгоняемый попутным ветром, не идет, а летит; вскоре я увидел поднимающийся из воды ост-

ровок белого камня, на вершине руины, словно обычный каменный дом какой-то шутник вознес на высокий каменный столб...

Этот дом горит могуче, страшно, жутко. Налетающий порывами ветер колышет оранжевый с черным столб огня. Даже отсюда слышу треск горящего материала и торжествующий рев пламени. В самом деле ветер на миг изменился, я услышал сильный запах гари, в холодном мире неприятно скользнула струя перегретого воздуха.

В башне, где-то посредине, из трещины вырывается струя черного дыма. Все смешивается в жаркий столб огня, что упорно старается добраться до неба, но ветер всякий раз раскачивает столб, иной раз вообще почти пригибает к камням.

— Жаль, — сказал я.

— Чего?

— Такой хороший был маяк.

Он хмыкнул.

— Он и будет. Это вот горит... не скажу, что вечно, но все летописи говорят, что он горел... всегда. Конечно, это брехня, сперва должны ж были построить сам маяк, как думаете?.. Вот-вот! Но одно верно, сам могу подтвердить, что я здесь двадцать лет плаваю, а он сейчас горит так, как и тогда, когда я его увидел первый раз...

Он горделиво пыжился, уже и забыв, что недавно потерял корабль, что его самого едва не выбросили за борт, вот уж оптимист, не помнит неприятных вещей.

Ордоньес пробасил:

— Юнгер, пройди еще мило и... брось якорь. Я не рискну в ночи разбить корабль о камни.

— Здесь глубоко, — заверил Мертон, — а до ближайшего острова как раз доберемся к утру!

— Ничего, — ответил Ордоньес. — Мы не торопимся.

Он сказал высокомерно:

— Капитан, вы слишком осторожны!

Ордоньес нахмурился, но перехватил мой предостерегающий взгляд и сказал подчеркнуто мирно:

— Да, капитан, да. Я, адмирал флота, осторожен.

Корабль приближался слишком быстро, матросы постепенно убрали паруса, замедляя скоростное скольжение по водам, наконец прогремел вопль:

— Убрать стаксель! На фалах стоять!

Ордоньес прокричал:

— Отдать якорь!

Тяжелая болванка с изогнутыми рогами с шумом ударилась о воду и быстро пошла ко дну, с лязгом утаскивая за собой металлическую цепь.

— Что ж, — сказал я бодро, — попробуем высадиться. Островок в самом деле невелик, за пару часов обойдем весь. Если что и спрятано, отыщем.

Мертон уже по-хозяйски отвязывал шлюпку, и вид у него был таков, словно всю жизнь плавает на таких огромных кораблях, ничего необычного, все знакомо и даже приелось. Я кивнул на него Юргену и шепотом велел присматривать. Когда человек держится настолько уверенно на чужом корабле, у него что-то может быть на уме и не совсем нужное нам.

Ордоньес лично потыкал пальцем в тех, кому доверяет высадку на такой опасный островок, проверил оружие. На меня лишь покосился, вздохнул, понимая, что я сам еще то оружие, и дал команду спустить на воду вторую шлюпку — чем больше народу высадится на остров, тем ему будет спокойнее за меня.

— Какой же я дурак, — проворчал он вполголоса.

— Все мы, — ответил я дипломатично, — кто больше, кто меньше. Здесь хоть без женщин, никто не смеется. А что не так?

— Раньше думал, — буркнул он, — стать капитаном пиратского корабля — предел мечтаний любого мужчины.

— Дорогой граф, — заметил я, — вы уже адмирал!

Он вздохнул:

— Ага, еще и граф, и адмирал... Но эрцгерцогу на берег можно, а вот захудалому графу...

— Графу можно, — уточнил я, — а вот адмиралу в самом деле, увы и нет. Он на море всему как бы вот так. Да и на графа не наговаривайте, любезнейший! Обижаете. Захудалости в упор не нахожу, в Геннегау все женщины будут ваши и даже вашими, уж я-то знаю их подлый нрав и скорблю заранее.

Мертон уже спустился в лодку, оружия ему не дали, зато наши вооружились до зубов. Я помимо меча и кинжала, что как бы положены мужчине по статусу, взял лук Арианта и арбалет. Юрген заметил несуразность, вскинул брови, я объяснил, что это игрушка для моего будущего сына, заранее приобрел, видишь какая красивая?

Он хмыкнул и отвернулся, у высоких лордов свои причуды, простому человеку их дури не понять. Я спустился за ним, гребцы дружно опустили весла и сделали мощный гребок.

Юрген покрикивал, задавая темп, шлюпка не идет, а летит, часто подпрыгивая на волнах, как дурашливый дельфин, а остров то взлетает до облаков, то скрывается за стеной воды. Совсем рядом вторая шлюпка словно соревнуется в скорости с нами. Тоже мне, спартакиаду устроили...

Слабый ветерок совсем стих, черный столб поднимается в небо по прямой, лишь иногда лениво сдвигается в стороны, но теперь видно, как в нем проскакивают огненные искры, жгучие и стремительные, уже целые рои вылетают из-за оплавленной глыбы и уносятся в небо быстрее, чем любая стрела или арбалетный болт.

Лодки одновременно проскрежетали днищем по крупной гальке, я выскочил одновременно с Юргеном, он охнул и опасливо посмотрел под ноги. Почва дрожит и глухо стонет, как огромный придавленный камнями зверь, тревожное чувство, что это чудовище вот-вот ос-

вободится, и тогда вся эта груда камней взлетит до небес, а страшный исполин с грозным ревом поднимется во весь рост...

Мертон встал рядом, в глазах страх, но и странный восторг, проговорил с чувством:

— Как давно я хотел ступить на эти камни!

— И что мешало? — спросил Юрген. — Ты же местный, не так ли?

Мне показалось, что намекает на нечто, но Мертон лишь пожал плечами.

— Потому что никто из местных не рискнул бы со мной. Это вы, сумасшедшие, свалились откуда-то...

Я сказал нетерпеливо:

— Рассыпаться цепью. Соблюдать осторожность. При любых признаках чего-то не того, вы поняли, останавливаться сразу и давать сигнал. Не геройствовать...

— ...пока не отыщем клад, — уточнил Юрген.

— Потом можно, — согласился я и пояснил: — У негероизирующих крупнее доли останутся.

Земля постанывает при каждом шаге, в глубинах нечто двигается, перекачивается, вздыхает, грызет камень, то ли расширяет пещеру, то ли пробивает ход наверх, а может просто питается, жизнь может быть и на силиконовой основе, уже убедился...

Юрген поднимается по каменистому склону в двух шагах слева, Мертон — справа, дальше Яков и Мишель, они присматривают заодно и за подозрительным провонником.

Земля снова дернулась, как норовистый конь, кто-то охнул, кто-то ругнулся, а Юрген не удержался и упал на колени. Я оглянулся, Юрген поднялся на четвереньки, очумело мотнул головой.

— Этот Лесли Стивенс, — прохрипел он, — отважная сволочь.

Мертон огрызнулся:

— Это он отважный?.. Сюда пришли мы, а не он!

— Ах да, я забыл, что спрятал не он...

— Клад спрятали смельчаки прошлых эпох, — ответил Мертон зло, — а Лесли Стивенс поклялся, что добудет его. Но пришли мы!

— Ты молодец, — сказал Юрген. — Не забывал, что надо собрать ватагу и прийти... гм... я бы, наверное, вернулся с полдороги.

— Не наговаривайте на себя, барон, — сказал я. — Вы же барон?.. Где ваш гонор? И наглый вид благородного человека?

Глава 2

На землю напозла густая тень, но мы поднимались по слишком крутому склону, чтобы еще смотреть и на небо. Дальше темнело еще и еще, я вскинул голову, и ужас пронзил с такой силой, что толстокожему Юргену и не снилось в самых страшных кошмарах.

На черном небе холодные и злые звезды встали в таких сочетаниях, которых я никогда не видел, небосвод чересчур высок и странно заострен, звезды исчезают под быстро бегущими лиловыми, как гнойные нарывы, звездами.

Столб ревушего огня все так же бьет в небо, ночное небо, а за ним выступает, освещенная его пламенем, свещающаяся конструкция, с корабля ее рассмотреть не удалось, а сейчас видим, что похожа на хаотичное переплетение бамбуковых труб с ревматично вздутыми суставами.

Мы осторожно обошли стремящуюся в небосвод толстую струя пламени, я первым подошел к непонятному сооружению, потрогать не решился, сочленения шевелятся, переползают, все выглядит живым, а может, и в самом деле живое...

— Если Лесли Стивенс и сунулся туда, — произнес я сдавленным голосом, — то сокровища не отыщем. Как и самого капитана.

— А что там? — спросил Юрген вздрагивающим голосом.

— Вход в ад, — ответил я и оглянулся на Мертона. — Вы знали?

Он испуганно потряс головой.

— Откуда? Я только знал от его матросов, что в рукописях он прочел, будто сюда высаживался легендарный Киддеронг, а с ним были два сундука, большой и маленький. А вернулся уже с пустыми руками.

— И без помощников, — пробормотал я.

Он посмотрел на меня в испуге.

— Верно! Вы тоже читали?

— В детстве, — ответил я. — Да и кто не читал?

Глаза его стали совсем круглыми, а я осторожно начал обходить это жуткое место, под ногами горячие камни, многие оплавлены, на других колючая искристая изморозь почему-то не тает.

Я пощупал, не доверяя глазам, в самом деле холодные, как льдины, иней настоящий...

Впереди в земле наметилась черная щель, можно протиснуться, я сказал с невольным отвращением:

— Господи, только не снова в пещеры...

Юрген обернулся, а глазах испуг.

— Что с вами, сэр Ричард?

Я сказал тоскливо:

— Да так... Терпеть не могу повторы, но что делать, если надежнее всего прятать ценности в пещерах. И как можно глыбже.

— Золотые слова, — сказал он настороженно.

— Да, — пробормотал я, — конечно, ага... Ладно, мы разве не человечество? А оно предпочитает прото-ренные дороги. Но все равно лезть туда очень уж не хочется... да еще эти выскакивающие из стен стрелы, болты, дротики, проваливающиеся плиты пола...

Юрген поежился, предположил:

— Тогда поищем здесь? Те древние искатели приключений тоже, может быть, не любили подземелья.

— Хорошо бы, — согласился я без особой надежды. — Обшарим пока поверху. Заглядывайте под все подозрительные камни.

— Они все подозрительные, — ответил издали Яков.

— И вообще здесь все, — сказал Мишель вздрагивающим голосом, — весьма, как говорит наш светлейший лорд.

С той стороны груды камней раздался дикий крик. Мы ринулись, грохоча по камням подкованными сапогами, увидели, как один из матросов погружается прямо в камень. На наших глазах опустился до пояса, в глазах панический ужас, изо рта уже не крики, а сиплый вой, окровавленными пальцами безуспешно старается ухватиться за гладкие оплавленные камни.

Я ухватился за руку, потащил на себя, но ощутил себя дураком из легенды, что пытался поднять всю землю. За другую руку ухватил Юрген, Яков и Мертон цапнули за шиворот. Я напрягся и вдруг ощутил, что в самом деле начинаем вытаскивать несчастного, хотя это и выглядит дико, и ощущение такое, что скорее всего вытащим только верхнюю половину...

Тело его выползло из гранитной глыбы, массивной и оплавленной жаром, как из вязкой глины, но на одежде не осталось ни малейшего следа, вообще такая же, в какой высадился на остров.

Его отволокли на пару шагов для надежности и оставили, а он торопливо сел, ощупал ноги, в глазах ужас и облегчение.

Я сказал строго:

— Смотри, не рухнись. Ничего особенного, простейшая ловушка.

— Ничего... особенного? — пролепетал он.

Юрген и остальные смотрели на меня в недоумении, я отмахнулся:

— Да ерунда все.

— Ваша светлость!

— Ты же цел? Пошли дальше.

Они разбрелись по острову, стараясь не приближаться к вишневым от постоянного жара развалинам, из которых с ревом бьет в небо огонь, сам остров велик, весь из камней разных размеров, но первым наткнулся на оплавленную плиту я.

Сердце тревожно дернулось, а ладони сразу вспотели. Еще не веря в удачу, я осторожно ухватился за край плиты. Треснуло, спекшаяся кромка хрустнула и освободила камень. Сердце подпрыгнуло до самого горла и там остановилось.

В черной оплавленной яме виднеются окованные металлом крышки двух сундуков, большого и маленького, как и сказал Мертон. Земля их не просто засыпала, она спеклась, превратилась в базальтовую массу, древние пираты в самом деле спрятали свои сокровища надежно, голыми руками не достанешь...

— Все сюда! — крикнул я. — Юрген, как хорошо, что у тебя топор...

Они сбежались с таким проворством, как только не переломали ноги, Мертон вскрикнул восторженно-жалостно, что и понятно.

Юрген всмотрелся и с неохотой взялся за рукоять топора.

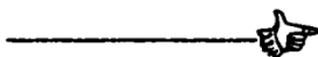
— Я за него десять серебряных монет отдал, — сказал он угрюмо. — Придется вам покупать мне новый...

— Два куплю, — пообещал я.

Он вздохнул и, повернув топор обухом, примерился и ударил в камень. Тот отозвался глухим звуком, как если бы в него стукнули детской колотушкой.

Юрген нахмурился, ударил сильнее, затем еще и еще, наконец колотил уже остервенело, осколки взлетали настолько мелкие, что пират-барон прекратил колотиться, как козел о ясли, посмотрел на меня с угрюмой злостью.

— А не лучше, — прорычал он, как далекий гром, — разбить крышки сундуков? И выгresti оттуда?

— А сундуки пусть остаются, — поддержал Яков. — Хотя крышки красивые...

— Чем-то жертвовать надо, — решил я. — Бей! Мертон покачал головой.

— Древние на все накладывали заклятия.

— И что, — спросил я, — сундук даст сдачи?

— Ваш подручный уже пару раз промахнулся, — напомнил Мертон, — но сундук терпит. Другое дело, заклятие охраняет крышку лучше, чем те железные полосы.

Юрген молча, сохраняя дыхание, свирепо бил в крышку большого сундука сперва клювообразным обухом, затем острием топора, но тот отпрыгивал, будто отбрасывает неведомая сила.

Когда Юрген обессилел и устало опустил руки, все вокруг сопели с сочувствием, но он все равно на меня старался не смотреть, тяжело переживая поражение.

Я распорядился:

— Рубить камень вокруг сундуков. По очереди. Их нужно освободить до отлива. Действуйте!

Юрген проворчал:

— До отлива... Хотя бы до ночи, и то хлеб...

Я отошел, искоса поглядывая на столб огня и черного дыма, что бьет в небо со страшной мощью и скоростью, словно не просто поднимается благодаря своему жару, а его выстреливает некая неведомая сила.

Воздух жаркий, странный запах не просто горелой земли, а чего-то смутно знакомого, но так и не успел подобрать точного определения, сзади послышался голос Мертона:

— Сэр Ричард, вам лучше оставаться на месте.

Мне почудилось, что он держит мою спину на прицеле арбалета, медленно повернулся, но в руках Мертона пусто, а смотрит на меня без угрозы, скорее, с сожалением.

— Что-то еще опасное?

— Наверняка, — ответил он. — Сюда боятся высаживаться не только из-за дыма.

— А из-за чего?

Он пожал плечами.

— Наверное, из-за того, что почти все, кто высаживался, не вернулись.

— А тот, кто спрятал клад?

— Он знал, куда идет. И не пробыл долго.

Я поинтересовался:

— Хотите сказать, местные твари терпят пришельцев, пока те не обнаглеют?

— Примерно так.

Я снял перевязь с мечом и протянул ему.

— Это не бог весть какая защита, но все же...

Он поклонился, принимая меч обеими руками.

— Благодарю за доверие, ваша светлость.

— Не за что, — ответил я. — Мы все в одной лодке. И в одной команде. Будьте осторожны и сами. А я пока пройду чуть... кругами.

— Ваша светлость!

— Я буду на виду, — пообещал я.

Команда продолжала рубить камень, пытаясь освободить сундуки, часто сменялись, а я отошел и старательно прикидывал, откуда могут появиться охранники, если здесь есть, и с какой стороны проще напасть на людей.

Едва успел подумать о таких неприятностях, как в трех шагах от меня камни треснули и шелохнулись. Я торопливо взвел тетиву арбалета. Послышался надсадный шорох, еще один прикипевший булыжник отлепился от оплавленной плиты, сдвинулся, приподнялся.

Из-под него пахло сухим жаром, на миг показалось нечто красное, покрытое пурпурной чешуей. Я понял, что это чья-то голова, вон узкие шелки глаз, пылающие такой неистойвой злобой, что мой палец сам нажал пусковую скобу...

Болт ударил в щель, там сухо треснуло. Каменная плита подпрыгнула и опустилась на прежнее место. С сильно колотящимся сердцем я ждал, прислушивался к малей-

шему шороху. После паузы слева в трех шагах точно так же зашевелились раздвигаемые глыбы, нечто начало подниматься из глубин, блеснула ярко-красная чешуя...

Мой палец снова нажал раньше, чем я сообразил отдать такой приказ. Тетива на этот раз сдвинута на средний пропи́л, как будто я чувствовал, что следующий зверь окажется куда крупнее. Под камнями слабо блеснуло, раздался хлопок, а еще треск и скрежет потревоженных камней, что опускаются обратно.

Сердце колотится, не успокаиваясь, я в страхе ждал, что же появится еще, вдруг да на поверхность выберется что-то вообще ужасное, с чем не справиться.

Из-за груды черных закопченных камней показался Юрген, испачканный и в разорванной рубахе, отыскал меня взглядом и помахал рукой.

— Сэр Ричард!.. Закончили!

— Слава богу, — крикнул я. — Несите в лодку.

Он прокричал:

— Их не донести. Попробуем тащить...

— Что случилось?

— Тяжелые просто невероятно!

— Ого, — крикнул я. — Сейчас иду.

Большой сундук выглядит мне по колено, а второй и вовсе можно назвать большой шкатулкой. Оба из дерева, темного, благородного даже с виду, окованы металлическими полосами, углы тускло поблескивают медью, для ключей темнеют скважины, большая редкость, все-таки в ходу привычные висячие замки.

Я попробовал поднять большой сундук, но не сумел даже оторвать от земли и тут же выпустил. Второй поднял до колен, но понял, что нести не смогу.

Пираты и Мертон смотрели с уважением, а Юрген сказал почтительно:

— Ваша светлость, а вы не только мечом умеете...

Приятно знать, что наш лорд вообще здоровый, как бык...

— Ну спасибо, — пропыхтел я и опустил сундучок на землю. — Надо соорудить что-то...

— Может быть, — предложил Югрен, — все-таки удалось бы открыть?.. Вдруг это только сундуки тяжелые? Если оба набиты золотом, тогда да, объяснимо, но во втором вроде бы одни амулеты?

— И талисманы, — уточнил Мертон. Его глаза неплохо поблескивали, он то и дело облизывал губы и вытирал об одежду ладони. — Так поговаривали... А такие штуки обычно не тяжелые...

Яков, Мишель и Джон не принимали участия в дискуссии умников, зато старательно обвязывали сундуки захваченными впрок веревками. Мертон предложил поставить их на два плоских камня и так тащить, я одобрил, работа закипела, через несколько минут отряд двинулся в обратный путь.

Я шел замыкающим, сердце все время тревожно дергается, предостерегая, что еще не конец, остров так просто не отпустит...

Под ногами дрогнуло сильнее обычного, я сказал торопливо:

— Идите, идите! Я догоню. Шнурок развязался.

Они даже не поняли, о каком шнурке речь, но послушно ускорили шаг, а я лихорадочно осматривался и, как только неподалеку зашевелились камни, выстрелил в щель между ними.

Донесся глухой вздох, камни осели на место. Я с сильно бьющимся сердцем превратился в слух, совсем рядом сдвинулись валуны, выстрелил прямо в оскаленную морду, если это морда, во всяком случае блеснули то ли зубы, то ли когти.

Камни начали сдвигаться, шевелиться и приподниматься в разных местах, словно эти чудища сторожили именно эти сундуки и наконец-то сообразили, что их увозят.

Я стрелял, отпрыгивал, разворачивался и снова стрелял.

Однажды подземный зверь сумел подняться буквально у меня под ногами. Я упал на спину, он с шипением вылез до половины, я выстрелил между прищуренных глаз, торопливо натянул тетиву и выстрелил в его соседа, что начал подниматься рядом, потом лишь поднялся, дрожащими руками зарядил арбалет и оглядывался, готовый драться хоть зубами и когтями.

Под ногами тряслось, гремело и ворчал, однако больше никто пока не вылезает, я отбежал в сторону грохочущих волн, руки и ноги трясутся, но когда увидел, как в лодку затаскивают сундуки, выпрямился и пошел к своей команде на прямых ногах и с прямой спиной.

Мертон всматривался в меня очень уж внимательно, как будто слышал, как отчаянно стучит во мне сердце, куда там зайцам, человек всем зайцам заяц.

— Что-то случилось? — спросил он и добавил почтительно: — Ваша светлость?

Я вскинул брови в удивлении:

— Что могло случиться? Все согласно плану.

— Ка...какому плану?

— Начертанному, — сказал я внушительно, — на скрижалях.

И поднял палец кверху, прямо указывая, на каких скрижалях, и намекая, кем именно.

Он промолчал, с такими аргументами не спорят, хоть и редко когда соглашаются, снял перевязь и протянул мне меч.

— Спасибо за доверие, ваша светлость.

— Все норм, — ответил я, он уже начал называть меня «вашей светлостью», знаковый поступок, — сейчас у нас общая цель.

Он помог подтянуть ремень, подгоняя перевязь по моей фигуре, ухватился за края лодки.

— Прошу вас, ваша светлость.

Глава 3

Я взобрался в лодку, что на самом деле шлюпка, она весьма просела под тяжестью обоих сундуков, на веслах остались только гребцы, остальные перебрались в другую, где первыми опустили весла в воду и сделали мощный рывок.

Мертон отправился в той лодке, причалили к кораблю первыми, а оттуда по его настоянию спустили сеть и даже толстые ремни. Мы закрепили сундуки, а когда те медленно поползли вверх, у меня сердце екнуло: в сети начали от натуги рваться ячейки.

С борта заметили, сбросили еще веревки, еще одну сеть, из первой начали вываливаться, но успели поддеть второй, кое-как перевалили через борт.

Ордоньес спустился с мостика, глаза горят любопытством, довольно потер руки.

— Значит, не сказки?.. Отлично! Сэр Питер, очень рад, что вы оказались правы. Надеюсь, сэр Ричард, как единоличный хозяин найденного сокровища, уделит и вам часть золотишка от своих щедрот...

Мертон медленно поклонился, но смолчал, а я сказал измученно:

— Знаете ли, граф, честь открыть оба сундука оставляю вам. А мы сейчас переведем дух, поужинаем, промочим глотки...

Ордоньес удивленно вскинул брови.

— Звучит, как безграничное доверие, но я уже знаю вас, маркиз Черро!.. Вы ничего не делаете вот так, с хихи на ха-ха. Признавайтесь, где мне начертано споткнуться и сломать шею?

— Какие хитрости? — изумился я чересчур натурально. — Сундуки не кусаются, проверено.

Он сказал разочарованно:

— Ну ладно, идите пьянствуйте без нас, если ваша вельможная совесть позволит. Все равно здесь какой-

то подвох, с вами разве бывает иначе? Какой, пока не соображу...

Юрген, как не усталый, заорал во весь голос:

— Слушай мою команду! Поднять якорь!.. Поднять паруса!

На простом когте паруса бы просто подняли, а здесь по всему кораблю прокатилось:

— Поднять паруса!

— Поднять паруса!

— Поднять паруса!

Затопало множество ног, все разбежались, каждый к своему месту, затем прозвучало:

— Отдать грота-брасы!

Я уже запомнил, что перед тем, как отдать распоряжение, всякий раз кричат: «Слушай мою команду!» — иначе само распоряжение могут не услышать из-за хлопанья парусов и шума разрезаемой кораблем воды, а несогласованность действий двух-трех человек может погубить весь корабль и весь экипаж огромного корабля быстрее, чем подобная же дурость повредит простой лодке, что не лодка, а шлюпка.

Совесть нам позволила есть и пить, а также отдыхать от трудов праведных, а сверху доносился стук молотков то мерный и расчетливый, то частый и раздраженный, а иногда наступало затишье, это в который раз пытаются подобрать ключи или ищут варианты, каким амулетом снять заклятие.

Мертон нервничал, то и дело бегал наверх, возвращался разочарованный и одновременно успокоенный. Над ним посмеивались, но без злобы, у каждого так, когда рассчитываешь твердо на одно, а жизнь подсовывает совсем другое, да еще и не там, где ждешь. А не возьмешь, отберет и то, что у тебя есть.

Ордоньес спустился к нам ближе к ночи, зыркнул сердито, ему поспешно освободили место возле меня.

Стюард поставил большую чашу и торопливо налил вина.

— А чего покрепче? — поинтересовался Ордоньес.

Стюард покосился на меня.

— Есть, сэр.

Остальные смотрели заинтересованно, как перед адмиралом появилась чашка намного меньше, а стюард налил туда из бутылки странно прозрачное вино, если это вино, а не что-то волшебное.

Ордоньес выпил единым залпом, скривился и долго молчал, морда сразу побагровела, шрам жутко вздулся, но перетерпел, сказал после паузы сильным голосом:

— Не поддается. Вы знали?

— Еще на острове пытались, — ответил я. — Но то мы, а то вы со всеми инструментами, плотниками, кузнецами и прочими умельцами Южного материка.

Он устало махнул рукой.

— Я велел искать, чем бы открыть, но уже вроде все перепробовали.

— Не откроем на корабле, — утешил я, — откроем в Геннегау. Там всякие знатоки-чернокнижники, я собирал со всего Сен-Мари и даже Армландии. Собирайте, адмирал, собирайте!

Мертон тяжело вздохнул, Ордоньес сказал сочувствующе:

— Придется вам, сэр Питер, ехать в Геннегау.

Мертон буркнул:

— Так меня там и ждут.

— Сильные сами приходят, — наставительно сказал я, — не дожидаясь приглашения. Но вас приглашаю я! Поверьте, этого достаточно.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Судя по тому, что о вас услышал, конечно, достаточно. Благодарю за честь! Буду стараться оказаться полезным, чем смогу.

Отдохнув, я поднялся наверх, корабль красиво идет под всеми парусами, сзади держится, как на незримой привязи, «Ужас Глубин». Уже дважды сообщали весьма отчетливо, что если будем только сами влезать во всякие драки, а им только смотреть издали, то взбунтуются.

Бугшприт, покачиваясь, постоянно чертит острым носом по синеве неба. Я так привык к этой картине, что когда однажды оглянулся, острое как раз уперлось на долгое мгновение в темно-коричневый берег, пронзило с силой, а затем освобожденно пошло зигзагом резать небосвод.

— Это Кернеда, — сказал за моей спиной Ордоньес.

— Откуда известно?

— От Мертона, — сообщил он. — За ним будет еще один остров, Лазуритовые Крылышки, а дальше...

— Лазурные? — переспросил я.

— Лазуритовые, — ответил он наставительно. — Местные названия чтить надо, а не давать свои!

— Ладно-ладно, согласен. А что за ними?

— Мертон не знает, — ответил он с неохотой. — Знал бы, сказал. Но в самом деле не знает.

Я сказал неохотно:

— Если не знает он, это не значит, что не будем знать и мы.

Ордоньес криво усмехнулся.

— Я верю в вас, мой лорд. Хотя не представляю, сколько это займет у нас времени. И Мертон, и баннерет, и даже тот Вебер уверяют, что островов больше, чем семечек в дыне. Но даже они не знают, какие они, как расположены, на каком расстоянии друг от друга...

Что местные не знают расположения островов дальше Горящего, не так уж и странно, хотя все-таки это не рядовые моряки, баннерет и капитаны должны бы знать больше. С другой стороны, островов десятки и десятки, неизбежно появление разных фракций, что в конце концов обязательно приводит к обособлению и появлению мелких правителей, ревниво оберегающих свою власть.

А здесь островов намного больше сотни, так что странно было бы, если бы подпускали и всяких чужаков, что могут высадить десант, а то и армию.

Я не успел всмотреться, что это далеко впереди за странная серая стена, как она стремительно понеслась в нашу сторону.

Я услышал зычный крик:

— Два рифа на марселях!

На корабль обрушился мощный ливень, под напором ветра затрещали голые мачты, послышался испуганно-восторженный вопль.

Сквозь секущие струи дождя я увидел сгорбленную фигуру Якова, донесся его злорадный голос:

— Ну, кто жаловался, что надоело жаркое солнышко? Крепить лить! Убрать марсели!

С верхушки мачты долетел прерывающийся голос:

— Вижу шлюпку!

— Где? — крикнул Юрген.

— Два румба по правому борту!

Я бросился к правому борту, на спину с ледяным ветром рушатся водопады пресной воды, я безуспешно всматривался сквозь эту завесу дождя и шторма.

Когда ливень на суше, видишь сквозь пелену хотя бы силуэты домов, деревьев, гор, а здесь исчез даже «Ужас Глубин», а наш корабль в сером аду, небо такое же серое, как и море, и границы между ними нет.

И вдруг я увидел шлюпку, длинную, как пирога, трое на веслах, но лодка идет слишком быстро, будто ее нечто тащит под водой. Я не успел всмотреться, как все трое разом прыгнули через борт и пропали в огромных свирепых волнах.

Я протер глаза, такое просто не может быть, сверху с мостика раздался крик Ордоньеса:

— Ваша светлость!.. Что-то в море?

Я перевел дыхание, прокричал:

— Да так... померещилось!

— Вам лучше вернуться в каюту, сэр!

— Да, — крикнул я, — да, конечно. Еще бы...

Шторм исчез так же внезапно, как и налетел, небо очистилось, Ордоньес скомандовал с мостика:

— Поднять паруса! Ловить попутный бриз.

— Есть, сэр, — послышалось сразу несколько голо-
сов. — Да, сэр!

В ночи видно, как освещенный лунным светом «Ужас Глубин» под всеми парусами идет за нами красиво и мощно, чуть наклонившись на бок. На реях сигнальные огни в плотно закрытых от падающей сверху воды светильниках. Но сейчас дождя нет, волны туда не достанут при любом шторме, и огоньки четко указывают в ночи, даже если не будет луны, не только, где корабль, но и каким боком, носом или кормой расположен к нам.

Острый нос нашей «Богини Морей» мощно и напористо режет темную воду, что сразу же рассыпается призрачными лунными искрами. Выметнулась сытая туша дельфина, эти веселые дураки и ночью как будто не спят, вон еще один, ринулись с кораблем наперегонки, как мой Бобик... интересно, если им палку бросать, будут приносить и просить швырнуть снова?

Вода, как под напором плуга, разваливается на две стороны, каравелла идет красиво и уверенно. Ночь ясная, луна и звездное небо освещают мир так, что и солнца не надо: громаду острова заметят издали, не зря на верхушке самой высокой мачты сидит в «вороньем гнезде» матрос из тех, кто поглазастее...

И, как накаркал, оттуда раздался вопль:

— Земля! Прямо по курсу!

И сразу же начальственный окрик:

— Убрать кливера!.. Штурман. Два румба вправо!

— Есть два румба, — донесся далекий голос с носа корабля.

На мостике появился Ордоньес, покровительственно посмотрел на меня сверху вниз.

— Не спится, ваша светлость?

— Не спится, — признался я. — Все еще жду неожиданностей. Острова это... острова.

Он сказал хмуро:

— Я тоже. Эй, там внизу! Приготовиться к отдаче якоря!

— Что-то опасное? — спросил я.

Он буркнул:

— Не поверите, сэр Ричард, но я... осторожный. Пусть и дурак, но осторожный. Я же не собой рискую, как бы так сказать попроще, понимаете?

— Еще бы, — ответил я с сердцем. — Всего двумя кораблями рискуете! Мне бы так.

— Ага, — сказал он почти злорадно, — то-то. А насчет моей осторожности... Это по океану можно переть на всех парусах, не глядя, там глыбина, а близь берегов то рифы, то камни, а луна не совсем то, что надо.

— Корабли местных проходят...

— У них не корабли, — сказал он с презрением, — а лодки!.. К тому же они наверняка знают проходы. Юрген, проползем еще пару миль, а там на якорь!

С палубы донеслось:

— Хорошо, сэр. Пойдем под одними марселями.

— Исполняйте.

— Слушаюсь, — ответил Юрген снова и добавил, как мне показалось, с некоторой ехидцей: — Ваша светлость. Эй там, убрать грот!

Паруса поползли вверх, быстро уменьшаясь в объеме, а корабль начал сбавлять ход. Я сдержал улыбку, пираты время от времени, кто шутя, а кто всерьез, величают друг друга титулами, к которым никак не привыкнут, посмеиваются, но все-таки гордятся, я же вижу.

Со стороны кормы раздался ленивый голос:

— Сэр, в корабле пробоина!

Я напряженно прислушался, кто-то ответил еще равнодушнее:

— Где?

— По левому борту, сэр. Ниже ватерлинии.

После паузы донесся зевок и бурчание:

— А-а, тогда ничего, там незаметно.

Я сперва подумал, что за идиоты, не сразу сообразил, что у бороздящих моря свой мрачный юмор, нечего лезть со своим суконным эрцгерцожьим рылом.

Корабль наконец остановился, покачиваясь на волнах, красивый и какой-то ненастоящий, хотя в лунном свете весь мир начинает казаться ненастоящим.

Когда все, кроме вахтенных, заснуло и палуба очистилась, я выскользнул из каюты и скользнул в воду, а там понесся стремительным рыбащером в сторону берега, где уже по накатанной вылез на камни и с усилием заставил себя принять форму птеродактиля.

Лунный свет этой ночью особенно ярок, моя голова пошла кругом, как только поднялся повыше, откуда ошалело охватывал взглядом россыпи островов снова и снова. Даже при моей памяти не ошибиться бы с расположением, их уже не сотни, а даже не знаю сколько!.. И все еще из-за горизонта выплывают, как испанские корабли дэпотопных народов, новые и новые темные пятна, иногда совсем мелкие, но есть и гиганты со своими горами, долинами и роскошными пляжами...

Надеюсь, мелькнула здравая мысль государственного деятеля, местное население воюет друг с другом. Повод всегда найдется, к примеру, у нас гора на фут выше вашей, потому наш народ избранный, а вы все должны у нас быть рабами... Народу здесь может быть и побольше, чем даже в Сен-Мари и Вестготии, вместе взятых.

Глава 4

Только в одном скоплении островов строят, судя по увиденному, когты, более-менее настоящие корабли, а не простые лодки с наращенными досками бортами.

Видимо, это одно образование под единой властью, а у берегов остальных островов полно только лодок, больших и малых, весельных и под парусом, некоторые напоминают драккары, другие похожи на галеры, с такими же длинными веслами, третьи — карбасы, видел еще лайбы, лойвы, даже что-то типа кураха, еще скафы, так что даже неуклюжие барки показались бы среди них гигантами.

На обратном пути снова пронесся над поверхностью воды, но проделал это с такой скоростью, что если какая морская гадина и вздумает ухватить меня на лету, то ее зубы шелкнут в десяти ярдах за моей спиной.

У борта взлетел по вертикали, ухватился когтями за край борта и с минуту прислушивался к шорохам и голосам. Сразу вылезти опасно, если кто-то сидит на палубе, сразу увидит мой темный силуэт на фоне звездного неба, да еще освещенный лунным светом.

На носу тихо переговаривались два дежурных матроса

— На «Ужасе» от зависти локти грызут...

— Да уж, наши трижды высаживались на острова, а они только зад прикрывают.

— Наш зад, — уточнил первый, — за то им спасибо.

— От этого им еще завиднее!

Я подтянулся, тихо перевалился через борт, несколько мгновений лежал тихо, прислушивался, если чего, сразу же взлечу, но никто ничего не заметил, я перетек в человеческое тело, поднялся и, уже не скрываясь, пошел к своей каюте.

С носа донесся злой голос:

— Кто там шастает... Ох, простите, ваша светлость!

— Все хорошо, — успокоил я. — Морского воздуха выходил откушать. Бдите дальше, враг не дремлет!

И ушел к себе, а по дороге мелькнула ослепительная мысль: ну что за дурак со всеми этими плаваниями! Зачем ихтиандрить, мог же в птеродактиля прямо с палубы. Моей массы как раз хватит, доски останутся

целыми, масса моего тела — масса птеродактиля, никакого мусора ни до, ни после.

Но я, как все герои, не могу прямо вот так, а должен зигзагами, с трудностями, что сам себе и создавал. Почему умная мысль приходит опосля?

Заснуть не успел, только сел на койку и снял сапог, как сверху раздались крики, полные испуга и даже паники. Пока я раздумывал, подниматься или лечь спать, донесся тяжелый удар, затем еще один.

На темной палубе мечутся матросы, послышался властный голос Ордоньеса. Я увидел, куда они тычут пальцами, и кровь застыла в жилах.

На высоко поднятом носу корабля, где на фоне рассвета покачивается украшенная рыцарскими щитами надстройка, мерно двигается огромная трехметровая и бесформенная фигура, похожая на огра, облепленного массой роящихся пчел. Доски трещат под ее весом, одним ударом могучей длани сбила штурвал, с коротким звоном туго натянутой струны лопнула стяжка бугшпри-та, и тут только я понял, что это статуя Морской Девы сошла с места!

— Вот и ягодки, — послышался за моей спиной потрясенный голос, — дождались...

Я торопливо двинулся вперед, матросы расступились, ноги мои подрагивали, но я заставил себя взбежать по ступенькам наверх. Статуя, не обращая на меня внимания, двигалась медленно и неуверенными рывками, толстые, как бревна, руки застыли у груди, но, когда подошла к бортику, кулак правой метнулся вперед.

Толстые доски затрещали и разлетелись щепками.

— Остановитесь, леди, — велел я. — Извольте назваться. Я — эрцгерцог Ричард. А вы кто?

Она ударила снова, еще часть бортика разлетелась вдрызг. Я сказал громче:

— Остановитесь, иначе моя светлость изволит применить грубую и нецивилизованную силу!

Кто-то из матросов охнул, остальные молчали, потрясенные таким святотатством. Морская Богиня наконец повернулась ко мне и, не отвечая, замахнулась снова.

Я увернулся легко, кулак просвистел мимо с такой силой, что статуя качнулась. Воспрянув духом, я сказал громче:

— Кто бы ни руководил вами, неразумная женщина, он пожалеет! Мы доберемся и до него, ибо нельзя женщин использовать так примитивно и не по назначению...

Статуя сделала ко мне шаг, развела руки, пытаюсь сгрести в объятия. Мне все больше казалось, что некто незримый руководит ею, как огромной куклой, слишком уж неверные движения, раскачивающаяся походка, на ногах едва держится, хотя корабль покачивается едва-едва...

Я отступил к самому борту в том месте, где он сломан. Статуя подошла вплотную, снова тупо развела руки. Я поднырнул под правую, выскользнул сзади и, как только начала поворачиваться, с силой толкнул в спину.

Огромная и тяжелая, она лишь качнулась, я ударил плечом, и она накренилась, даже вскинула руки, словно намеревалась ухватиться за воздух...

Все охнули, когда она исчезла. Послышался сильный всплеск, я склонился над бортом, статуя вынырнула из волн, но сейчас это только огромное толстое бревно с множеством веточек.

На мостик взбежал Ордоньес, в руке меч, следом притопал Юрген, злой и готовый к бою.

— Пусть кто-нибудь посмотрит за нею, — велел я, стараясь, чтоб не видели, как меня всего трясет. — Все-таки мы на якоре.

Ордоньес громынул:

— Я готов сняться хоть сейчас!

— Уже рассветает, — успокоил я. — Все хорошо, адмирал. Буржуазное излишество, так мешавшее ко-

манде, с корабля убрано с Божьей помощью. В этом есть указание перста Божьего и Его благословение, чтобы корабли на верфях Сен-Мари строили без этих языческих штучек!

Он сказал в нерешительности:

— Но как же это совсем без...

Я удивился:

— Как вы стали пиратом, дорогой адмирал? Вы живете по шаблонам, как прирожденный царедворец!

Он пробормотал:

— Сколько я видел кораблей... и сколько топил... все были украшены от бугшприта до киля... Может быть, вместо Морской Богини поставить Деву Марию?

— И ее не надо, — твердо сказал я, — и все. Зато никто не скажет, что нам помогла святая Богородица! Все будут знать, что победы — наша заслуга!

Ордоньес промолчал, а Юрген сказал нетвердым голосом:

— Ну вообще-то да, хотя и тревожно... Всегда как-то с Морской Богиней по морям хаживали... С другой стороны, вон как озверела!

— Женщины, — сказал Яков, — они такие. Тихая-тихая, улыбается и глазки строит, а потом враз...

Мишель пробормотал:

— Может, и лучше, когда без них. А то надеешься, что поможет, а она тебе пинка в зад...

Холодный рассвет окрасил небо на востоке. Ордоньес с неудовольствием посмотрел на все еще сверкающую луну.

— Ладно, пора, Юрген, с якоря сниматься!

Тот повернулся к матросам и заорал так, будто они находятся за несколько миль отсюда:

— На шпиль! С якоря сниматься!

Яков, его помощник, выкрикнул браво:

— Есть сэр!.. Эй там, на шпиль, с якоря сниматься!.. Быстрее, быстрее, лодыри!

Матиус Хельм хоть и простой баннерет, да еще на службе некого захудалого и мелкого, как городская муха, эрла, который сам вассал непонятого мне стекъярла, все же умен, наблюдателен и умеет делать выводы, как надлежит наследнику трона.

Встретив меня, поклонился изысканно и обронил:

— Позвольте выразить свой восторг, ваша светлость, вашим необыкновенным конем...

Я спросил настороженно:

— А что в нем необыкновенного? Ест да спит...

— Точно, — согласился он, но в голосе прозвучал неясный намек. — Ест да спит в трюме, словно понимает, что сейчас не его время. Не ржет, не пугается, не бьет копытами в стену, ни на что не обращает внимания, копит силы... Идеальный конь! Как, впрочем, и собачка...

Я развел руками.

— Вы меня удивляете, баннерет. Собачка уже всех достала. Кок ругается, уже начал запирачь от этого милого песика все припасы, иначе тот сожрет все и еще попросит.

Он кротко улыбнулся.

— Все же уверен, ни за какие деньги не продадите.

— Верно, — подтвердил я. — Они друзья, а друзей разве продают? А так самые обыкновенные ленивые жруны.

Дэвид Ганшилд и Питер Мертон увидели, что мы беседуем, тут же повернулись и направились к нам. Ганшилд издали отвесил поклон, Мертон поклонился небрежно, как равный равному. Ганшилд сразу заговорил бодро:

— Ваша светлость, с такими кораблями станете властелином морей! Уже думаете о таком?

В его словах звучал ясный подтекст, я сказал мирно:

— Увы, думай не думай, но когда-то вольница заканчивается. Пираты, корсары, флибустьеры, альбатросы...

это все красиво и романтично... для тех, кто грабит, а не для жертв, конечно. Но общество развивается лишь тогда, когда пиратов вешают... А мы ведь за прогресс?

Оба уставились на меня с недоумением, один черноволосый и гладко выбритый, другой весь в рыжей бороде от глаз и ушей, но оба широкие, крепконогие и плечистые, хваткие, такие с одинаковым рвением могут как ломать, так и строить.

— Мы за интересную жизнь, — проворчал наконец Ганшилд. — Как, догадываемся, и вы, ваша светлость.

Мертон кивнул, если на море они и были врагами, то здесь, на корабле, хищника еще более крупного, чем сами, чувствуют единой командой.

— Закон и порядок, — сказал я, — в душе мы все бунтари! А я еще какой... Но мы же знаем, правда? Порядок будет. Кто-то из нас сумеет приспособиться жить в обществе, прочие пойдут на виселицу, если раньше не повезет попасть рыбам на корм. Не думаю, что со мной согласятся многие, морганы и всякие рейли встречаются нечасто, но такова жизнь.

Они смотрели на меня с угрюмой подозрительностью, еще не поняли такую высокопарную речь, я сам не понял, на чьей я стороне, вроде мы сердцем на одной, умом — на противоположной.

Ганшилд почти прорычал:

— Я сказал насчет властелина морей... Но на островах могут обидеться. И не позволить.

— Мы выглядим такими слабыми? — поинтересовался я.

Он фыркнул:

— Два корабля? Не смешите.

— Два больших корабля, — подчеркнул я. — Очень больших.

— Но всего два, — напомнил он. — А вас встретят тысячи кораблей!

Я улыбнулся с подчеркнутой иронией:

— А наберется хотя бы сто?

Он спросил, в свою очередь:

— А вы представляете, сколько там островов?

Баннерет и Мертон, не вмешиваясь, смотрели и слушали, переводя взгляды с одного на другого.

Я ощутил, что сползаем в перебранку, сказал вежливо:

— Дорогой сэръ Дэвид... опыт показывает, что континенты могут аккумулировать больше мощи, чем любые острова. И даже архипелаги. Острова могут выиграть любую битву...

Мертон довольно кивнул.

— И я о том же!

— ...но не войну, — закончил я. — Не уверен, что острова могут выставить тысячу кораблей. А континент — может!

Он вежливо поклонился, Матиус и Вебер опустили взгляды, чуть поколебленные, но неубежденные.

Ганшилд ответил еще вежливее:

— Я не перестаю любоваться, как красиво и слаженно идут оба ваши корабля!

Глава 5

Ордоньес побряхтывал над картой, впереди архипелаг разделен словно пирог гигантским ножом, обходить далеко, есть смысл пройти насквозь, ближайшие острова справа и слева далеко, камнем точно не добросят...

— Здесь у вас пустое место, — сказал он, — абрис береговой линии с той стороны не закончен. Ощущение такое, что это две группы островов, разделенных широким проливом.

— Похоже, — согласился я.

— Я бы рискнул пройти напрямик. — сказал он.

— Я бы тоже, — ответил я, — но... надо ли? Все-таки мы люди, принимающие решения...

— Ну?

— ...и несущие за них ответственность, — закончил я.

Он кивнул, вид удрученный, потом буркнул:

— Но что будет за жизнь, если не останется риска?

Я вздохнул.

— Риск всегда останется. Будут бояться прищемить палец... но, вы правы, граф! Так вообще и жить станем бояться. Хотя что-то происходит...

Он посмотрел внимательно:

— Вы побледнели, ваша светлость. Что тревожит?

— Не знаю, — ответил я сердито, — что-то происходит...

— Здесь? На корабле?

— Не знаю, — ответил я тревожно. — Знать бы! Только чувствую, как воробьи чувят приближение большой бури. Что-то надвигается.

Он кивнул, во взгляде проступило сочувствие.

— У меня тоже так бывает, — сказал неожиданно. — И часто. Тогда зажимаю себя в кулак, чтоб и не пискнуло, и... пру, как лось весной, вперед и вперед!

— И как?

Он коротко усмехнулся.

— Пока получается. Даже через океан сумел перебраться на эту сторону, чего о себе раньше никогда бы не подумал!

— Я тоже, — признался я, — узнал о себе кое-что такое, чего никак не ожидал. Еще немного, и уважать начну.

Он бросил циркуль на карту, сладко потянул спину.

— Ладно, пойду наверх. А то разоткровенничался, как женщина, потом стыдно в глаза смотреть будет.

Я проводил его долгим взглядом, Ордоньес не так уж прост, как старается выглядеть, но и я стараюсь для простых воинов выглядеть рубахой-королем, а еще рубакой-парнем, что делит с ними все воинские тяготы и потому понимает их нужды.

Карта постепенно обретает законченные очертания с трех сторон, осталась только та сторона, куда запретил лететь незримый страж, да еще береговая линия намечена только по краю, однако немалая часть архипелага уже вот она, масштаб и пропорции соблюдены. И хотя неизвестно, почти все уже на карте или только малая часть, но, чувствую, что и этого достаточно для раздумий и тревожных опасений...

Когда вышел наверх, корабль под свежим попутным ветром мчится, как будто летит, едва касаясь белых от пены гребешков волн. Паруса эротично выпуклы и тянут за собой с такой силой, что вот-вот каравелла оторвет дно от воды и взлетит, превратившись в сказочный летучий корабль.

Канаты звенят, как туго натянутые струны на луках и арбалетах, мне показалось, что куда уж быстрее, одноко Ордоньес на мостике огляделся и велел бодро:

— Бизань к ветру!..

Матросы ринулись по веревочным лестницам, хлопнуло разворачиваемое полотнище, каравелла даже наклонилась вперед, как бегун на короткой дистанции, уже не скользит по волнам, а вспарывает море, как мясник тушу зверя.

Матросы остались на реях, готовые к новым неожиданным маневрам, да и нравится им, как мне вдруг показалось, вот так сидеть на высоте и посматривать свысока.

Слева проплывает остров, массивный, настоящий осколок тектонической плиты с обрывистым краем, на лодке не пристать, медленно уплывает в сторону, корабль наш словно стоит на месте, а этот каменный массив поворачивается, послушно показывает бок, пузо...

С клотика раздался вопль:

— Корабли!.. Много кораблей!.. Слева за островом...

Ни Ордоньес, ни я не успели среагировать, Ордоньес только крикнул раздраженно:

— Как много? Насколько далеко?..

И умолк, скалистый обрыв отодвинулся, открывая за ним морской простор, едва ли не до горизонта усеянный множеством мелких суденышек. Половина с одной мачтой, другие вовсе весельные, идут нам навстречу настолько близко друг к другу, что едва не цепляются веслами и не сталкиваются бортами.

— Черт бы их побрал! — прорычал Ордоньес. — Поднять все паруса!..

По кораблю раздался вопль:

— Поднять кливера! На брасах стоять!

Палуба под напором ветра в спину еще больше накренилась вперед, каравелла пошла быстрее, однако нос глубже зарывается в воду и испарывает ее, как мощный плуг жирную землю. Волны отваливаются в обе стороны настолько высокие, что легко перевернут любую шляпку и даже когг, что посмеет неосторожно приблизиться.

Из «вороньего гнезда» донесся крик:

— «Ужас» спрашивает, не повернуть ли?

Ордоньес крикнул:

— Не успеваем!.. Пусть держит курс строго за нами!

— Есть, сэр!

Я с сильно бьющимся сердцем всматривался в неожиданно собравшуюся флотилию. Вместо того чтобы расступиться, одни стягиваются навстречу, другие спешат наперерез, весельные начинают обгонять, потому что парусным приходится маневрировать, чтобы в бейдвинде идти против ветра... ощущение такое, что наши корабли хотят захватить, а если не удастся, то уничтожить...

Из «вороньего гнезда» раздался вопль снова:

— «Ужас» передает: сзади еще эскадра. Вышли из-за островов и прут на попутном следом.

Ордоньес выругался громче, закричал через перила:

— К бою! Абордажные сети — быстро!

Юрген крикнул, в свою очередь:

— Все по местам! Пошел брасы!

Я ринулся в каюту, наверху грохот ног и злые выкрики, а когда вернулся в доспехах, при мече, с луком Арианта и арбалетом, корабль с обеих сторон от бортов и до середины мачт торопливо завешивают обычными рыболовецкими сетями, абордажными, как сказал Ордоньес, хотя, на мой взгляд, они как раз противобордажные.

Ордоньес, злой и очень серьезный, появился в кирасе поверх кольчуги с длинными рукавами и достигающей колен, в руке длинный узкий меч.

— Ну что, ваша светлость, — прорычал он с веселой угрозой, — не удалось вам одному резвиться на островах?

— Всем достанется. — согласился я.

Он с завистью смотрел, как я натянул лук. Навстречу, словно на таран, идут сразу три весельных корабля типа легких драккаров.

— Рано, — сказал он почти злорадно.

— Ага, — ответил я, — точно...

Стрела сорвалась с тетивы, дуга получилась высокой, но почти на излете ударила в лицо человека, что стоял на носу и воинственно размахивал мечом.

Ордоньес ахнул, раненый упал, а я начал торопливо, взвинчивая темп с каждым выстрелом, осыпать стрелами людей с оружием у борта.

Их корабль уже подошел совсем близко, мои стрелы идут по наклонной вниз, Ордоньес рычал от зависти, а я торопливо обрушил град стрел на второй корабль.

— Гребцов бейте, — прорычал Ордоньес. — В какой преисподней учат такой меткости?

— В нижнем круге, — ответил я.

— Сам дьявол?

— Это я его обучал, — признался я скромно.

Гребцов я выбил с одной стороны, корабль пошел в сторону и столкнулся с третьим, весла перепутались,

там орали и спешили расцепиться, заодно загородили дорогу другим, однако с правого боку и с левого уже подошли другие кораблики.

Я сцепил зубы и спешно стрелял, выбирая либо вожаков, либо гребцов. У правого борта наши подняли крик, начали тыкать копьями и остриями мечей. С той стороны сетки появились головы, их рубили, едва те показывались над краем.

Я подумал, что потери у нападающих будут чудовищными, это же не с борта на борт перепрыгнуть, как можно между каравеллами одного типа, здесь надо карабкаться снизу, но руки заняты...

Ордоньес заорал и с занесенным над головой мечом сбежал с мостика. Я выстрелил еще трижды, затем уронил лук на доски и выхватил арбалет. Первый выстрел разнес дно драккара, что приблизился как раз с яростно ревушей командой абордажников. Гребцы бросили весла, глядя с ужасом на огромную дыру, из которой мощно хлынула вода.

Приободрившись, я начал торопливо натягивать тетиву и стрелять в подошедшие вплотную к борту корабли сверху вниз. Там началась паника, я перенес обстрел на корабли, что еще только подходят, им всаживал заряды в бока, стараясь пробить доски ниже уровня воды.

На палубе дикие вопли, нападающих постоянно сбрасывают на поживу акулам. С десятков кораблей опустели, даже гребцы пытаются забраться по высоким бортам на каравеллу, кое-где удалось разрезать сети, в дыры то и дело проскакивают наиболее отважные, их добивают прямо на палубе, но сети рубят уже с двух сторон...

Я стрелял и стрелял, на палубе каравеллы чужаков появляется все больше, идет кровавый бой, двое ухитрились взбежать даже на капитанский мостик. В первого я успел всадить болт, во все стороны брызнула кровь и разлетелись куски мяса, второго саданул рогом арбалета по лицу, и тот упал навзничь, обливаясь кровью.

Вебер Кронберг, Питер Мертон и баннерет Хельм, чувствуя некую общность, встали спинами у грот-мачты и яростно отбивают остервенелый натиск.

У их ног столько трупов, что капитанами стали явно не только за громкие голоса и повелительные жесты.

Ко мне на мостик больше пока никто не прорвался, я развернулся и продолжил расстрел чужих судов. Парусники окружили нас со всех сторон, но из-за окруживших весельных подойти для абордажной атаки не могут, а «Богиня Морей» упорно двигается прежним курсом, хоть и совсем медленно, переворачивает и топит тех отважных, что загораживают дорогу.

На палубе среди гама, лязга мечей и шума постоянно прорывается зычный голос Ордоньеса. Адмирал подбадривает, страшно ругается, просто орет в боевом азарте, я сперва не поверил себе, но ощутил нутром, что корабль захватить островитянам не удалось, и, похоже, не захватят: впереди уже видна чистая вода...

Последние из парусников даже попытались уйти от столкновения, но двое столкнулись сами из-за сложных маневров против ветра, третий потопили мы, просто пустив его под днище. На остальных лишь орала в бессилии и потрясали обнаженным оружием.

Преисполненный мстительной злости, я успел всадить болты в три корабля, там образовались такие дыры, что ничем не заделают, а «Богиня Морей» тем временем вышла на свободную воду и понеслась под всеми парусами.

«Ужас Глубин» двигается следом, мне показалось, что ему досталось куда больше, чем нам. Ордоньес поднялся на капитанский мостик, ногой пнул распростертого с залитым кровью лицом чужака.

— Еще жив? Допросим. Как вам такая схватка?

Ответить я не успел, из «вороньего гнезда» донесся вопль:

— Сигнал от капитана Алана, сэр!

Ордоньес крикнул живо:

— Что передает?

— Просит остановиться. У него что-то серьезное.

Ордоньес тут же рявкнул страшным голосом:

— Спустить паруса!.. Шлюпку на воду!.. Немедленно!

Я не сводил взгляда с «Ужаса Глубин», выглядит потрепанным, даже двигается как-то тяжело, но все-таки тревога адмирала кажется чересчур поспешной.

— У них большие потери, — объяснил я. — Ему досталось даже больше...

— Если Алан сказал, — ответил Ордоньес, не оборачиваясь, — что повреждения серьезные, то они... очень, даже очень. Я Алана знаю как облупленного.

Я молча сбежал с мостика и первым запрыгнул в опускающуюся лодку. Матросы поспешно расхватывали весла. Ордоньес с мостика смотрел нам вслед неотрывно, лицо стало настолько серьезным, что я забеспокоился, как бы «Ужас Глубин» не затонул до того, как поднимемся на борт.

Нам сбросили веревочную лестницу, я встал на первую перекладину и понял, что подниматься придется намного проще. Руку мне подал сам капитан Алан, волосы слиплись от крови, на скуле длинная багровая царапина.

— Ваша светлость, — сказал он напряженным голосом.

— Капитан, — ответил я. — Что у вас?

Он сказал быстро:

— Корабль поврежден, сэр. Борт пробит ниже ватерлинии в трех местах!.. Мы не успеваем вычерпывать воду!

— Уходим! — крикнул я. — Немедленно поднять все паруса! Уходим в море! Подальше!

Он ответил в недоумении:

— Корабль не спасти, милорд!

— У тебя будет корабль, — гаркнул я. — Вдвое больше этого!.. Если не втрое. Но сейчас надо уйти в море как можно дальше, чтобы с острова не увидели нашего поражения. Пусть думают, что корабль остался на плаву, а мы его починили. Не дадим им радоваться! Пусть все считают нас непобедимыми, а корабли — непотопляемыми!

Он крикнул:

— Будет сделано, милорд!

Я остался на «Ужасе Глубин» и помогал, как мог; они в самом деле держались, выбиваясь из сил: лучшие пловцы ныряли и подводили пластыри из запасных полотнищ для парусов, закрывая ими пробоины. Воду вычерпывали из трюмов все, кроме тех, кто управляет парусами, однако каравелла продолжала, хоть и очень медленно, наполняться водой и погружаться.

Ордоньес прислал всех свободных матросов, и те тоже вычерпывали, латали щели, затыкали дыры, но корабль трещал и начинал распадаться на части.

Пловцы поднырнули с канатами под днищем на другую сторону, каравеллу связали в трех местах, буквально спеленали, поврежденные доски сдвинулись и пропускают меньше воды, но все равно этих щелей сотни, вода заливается в корабль неудержимо и со все большим напором.

— Продержаться! — орал Ордоньес. — Пока не скроется их проклятый остров! Да не увидят нашего позора...

И хотя не позор отступить, пусть и с тяжелыми потерями, перед во много раз превосходящими силами, но и у меня осталась горечь сокрушительного поражения, слишком уж хорошо все начиналось.

К вечеру я перебрался на флагман, оттуда не сводил взгляда с «Ужаса Глубин». Последний из островов, вблизи которых разыгралась битва, скрывается из виду, но и борта каравеллы опустились так, что волны вот-вот начнут перехлестывать на палубу.

С корабля торопливо спускают все лодки, я видел, как матросы перебираются через борт с заплечными мешками, каждый ухитрился забрать все ценное и личные вещи, а когда первые лодки приблизились к «Богине Морей», я слышал яростные проклятия в адрес островитян.

Ордоньес сам подавал руку поднимающимся по веревочным лестницам, хлопал по плечам, а капитана Алана крепко обнял и прижал к груди.

Новоприбывшие угрюмо выстроились вдоль борта, их еще предстоит распределить по новым местам, я спустился с мостика и прошелся перед ними, всматриваясь в лица.

— Обещаю, — сказал я громко, — и торжественно клянусь!.. Вы все получите новенький корабль побольше этого, помощнее и намного маневреннее!

Ордоньес, хоть и знает о моих планах, покачал головой, Юрген смотрит с блестящими глазами, матросы приободрились, жадно ловят каждое слово.

— Я не подводил вас, — напомнил я, — не подведу и сейчас. На верфях в Тарасконе сейчас закладывается несколько кораблей. Общее руководство у капитана Тарантрога, а его каравелла «Синий Осьминог» служит образцом для строителей... только делают новые корабли покрупнее, как я уже сказал. И все вы перейдете на более мощный... который я даже не решаюсь назвать каравеллой, потому что это будет, как уже сказал, всем каравеллам каравелла!

Кто-то заорал в счастливом исступлении:

- Слава маркизу Ричарду!
- Слава властелину Черро!
- Да здравствует!
- Долгие лета!..

Я скинул руки над головой, сомкнув пальцы в замок, потряс под приветственные крики, развернулся и ушел в каюту. Настроение препаршивое, чувство по-

ражения нависло над головой так, что трудно дышать. Один корабль потерян, остался тоже один. Это всегда оценивается как тяжелое поражение, хотя знаю случай, так называемое Бородинское сражение, когда половина армии была уничтожена в бою, а вторая разбежалась по лесам и целую ночь скиталась там, но защитники объявили этот бой своей победой. Однако здесь правит здравый смысл, а это значит... поражение, именно поражение.

Отворилась дверь, заскрипели ступеньки под тяжелым телом Ордоньеса.

— Судя по карте, — сказал он, — россыпь островов обрывается, а дальше один побольше... вытянут миль на двадцать по прямой, а потом лихо так закручен подковой... Получается бухта, но слишком уж здоровенная, такая от урагана не укроет. Да и гор там нет. Ваш баннерет сказал, что называется он Остров Ласковой Тени.

Я отмахнулся.

— Дорогой граф, пусть называется как хочет. Мы поворачиваем обратно.

Он охнул.

— Как это... обратно? Все так хорошо получается...

— А «Ужас Глубин»?

Он поморщился.

— Ходить по морю — всегда быть готовым встретить не только смерть, но и кое-что похуже. При переходе из Черро мы потеряли в океане все корабли, кроме этих трех. Но все равно это победа, сэр Ричард! Мы... прошли!..

Я сказал трезво:

— Дорогой граф, я как-то перерос эти... одиночные рейды. Сейчас я хочу идти во главе громадной и могучей эскадры и сметать с лица земли любое сопротивление. А сейчас мы что делаем? Крадемся по самому краешку архипелага. Чуть углубимся...

— А мы не будем углубляться, — сказал он сердито и поджал губы.

— Не будем, — согласился я. — Не из трусости, а потому что щипать по мелочи — это не наш стиль. Мы должны захватывать и грабить целые государства, граф, а не мелкие острова. Вы, адмирал, не забыли? А еще его светлость граф Ордоньес!.. Который командует сейчас двумя каравеллами... пусть одна и в ремонте, а завтра поведет эскадру галеонов!

Он поперхнулся чем-то сердитым, переспросил:

— Га... гале... чем?

— Галеонов, — повторил я. — Это такие корабли, граф. Каравеллы перед ними, что плотник перед столяром! Или когти перед «Морской Девой». Да что там когти, шлюпки!

Он снова подавился словами, но глаза быстро стали серьезными и вопрошающими.

— Милорд... мне казалось, вы закладываете в гавани Тараскона именно каравеллы...

— Да, — подтвердил я, — но вслед за каравеллами попытаемся построить и галеоны. Я примерно знаю, как их делают.

— Примерно?

— По крайней мере, основы, — уточнил я, — понимаю. Сразу их наши мастера не сделают, но после каравелл... Что, вам не хочется стать во главе самого могучего флота всех морей и океанов?

Он все еще над чем-то раздумывал, но глаза уже горят, как два факела в ночи, губы раздвинулись в сдержанно злой усмешке, а челюсти сжались до желваков.

— Вы дьявол, — сказал он. — Или его первый помощник!.. Да, я готов душу отдать, только бы встать на мостик такого необыкновенного корабля! И пусть гореть мне в аду...

Я прервал:

— На парусах будет огромный крест, а вся эскадра отправится в крестовый поход, так что участие в нем как раз и спасет от ада. Всем индульгенции раздадим! Безвозмездно.

Он посмотрел на меня остро.

— Вы все продумали, как вижу...

— По крайней мере, многое, — сказал я скромно.

— А не выполняете ли чей-то план? — спросил он с подозрением. — План, который разрабатывался в глубинах ада?

— Или на небесах, — парировал я. — Все в нашем мире вероятно и кем-то продумано до мелочей. Если бы только мы, людишки, не вносили изменения... Или колеблетесь?

Он фыркнул, гордо выпрямился.

— Что-о?.. Я же сказал, пойду с вами на таких кораблях даже в ад!.. Эй, Юрген!.. Готовь корабль к повороту!.. Ложимся на обратный курс!

Глава 6

Курс не совсем обратный: в Гандерсгейме обойдутся и без меня, там особых прорывов не предвидится ни с нашей стороны, ни со стороны варваров, так что лучше идти вдоль береговой линии сразу в ту часть, откуда проще всего по прямой в Геннегау.

Ордоньес потер ладони и сказал бодро:

— В Геннегау?.. Прекрасно! Там такие женщины...

Я тяжело вздохнул, Юрген заметил, сделал большие глаза.

— Милорд!.. Вы им не рады?

Я отмахнулся.

— Не представляете, как меня ими шпыняют. Что мне только не приписывают! Видели бы они других королей! Я рядом с ними вообще целебатист.

Оба переглянулись, оба ухватив на лету такую многозначительную обмолвку, раньше я себя с королями вроде бы не сравнивал. Во всяком случае, вслух.

— Нет, — сказал я вдруг, — лучше прямо в Тараскон! Мне куда важнее посмотреть, как идет строительство флота, чем разбирать дразги лордов, у кого титул длиннее.

Юрген спросил недоверчиво:

— У кого длиннее... титул?

— Именно титул, — подтвердил я. — Нашли о чем спорить, верно? Так что в Тараскон...

Однако едва корабль развернули в обратную сторону, я вспомнил одно начатое дело стратегической важности, уже и базу под него подвел, сказал со вздохом:

— Нет, все-таки сперва в Гандерсгейм... Что, забодал вас капризами? Но государственный муж должен уметь гибко менять решения, если приходит что-то еще более умное, как вот щас...

— Хорошо, — сказал Ордоньес серьезно. — А где увидимся?

— В Тарасконе, — сказал я, — или в Геннегау. Из Гандерсгейма я сразу в Тараскон, но пробуду там недолго, можете не застать. Зато в Геннегау буду вас ждать. Там в самом деле женщины и эти... как их... в общем, тоже женщины.

Очень не хотелось отпускать ни Дэвида Ганшилда, капитана корабля «Бесстрашный», что из неведомого пока что королевства Лоуэлл, ни баннерета Матиуса Хельма, четвертого сына стекъярла Уилла Поултера, ни даже рыжего Питера Мертонна — инстинктивно стараюсь держать карты поближе к груди, не показывая даже их рубашки.

Выход они нашли сами, наслушавшись рассказов пиратов о южном материке, где у сэра Ричарда владения, а также о северном, где сэр Ричард вообще король, хотя еще без короны.

Первым подошел сдержанный Матиус, поклонился.

— Сэр Ричард, — произнес он учтиво, — вы знаете, меня ничто не держит в родном королевстве. Кто-то из старших братьев займет трон, а мне грозит опасность. Как вы заметили очень прозорливо, я достаточно популярен среди простых солдат...

— Даже без ваших усилий, — согласился я с заметным намеком в голове, — что весьма лестно.

Он чуть поморщился, иронию уловил, пояснил:

— Усилия с моей стороны были... незначительные.

Я ответил сдержанно:

— Вы, как я понял, очень заинтересовались нашим миром и все-таки хотите прокатиться до северного материка?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Да, сэр Ричард. С вами за день увижу больше, чем за всю свою жизнь на острове.

— Сэр Матиус, — сказал я ровно, стараясь не выдавать чувства облегчения, — вы рассуждаете верно. Но понимаете ли, если вам вдруг захочется завтра вернуться на острова...

Он вежливо прервал:

— ...никто ради меня не снарядит корабль, понимаю.

— Спасибо, — произнес я, — именно это я и хотел сказать. Отправляясь с нами, вы подчиняетесь всем нашим правилам. Это ясно?

— То есть, — ответил он, — вам? Это мне ясно, принимаю легко и без колебаний. Вам или тому, на кого укажете.

— Отлично, — сказал я. — Вы мне тоже, кстати, чем-то нравитесь. Видимо, у меня такая же простая и бесхитростная солдатская натура без особых сложностей, хоть и с вывертами.

Потом подошли Вебер и Кронберг, оба изъявили желание прокатиться до материка и посмотреть, что там за диковины.

Юрген доложил, что и наш корабль едва жив: таранные удары даже по хрупким и мелким скорлупкам обходится недешево. На каравелле все трещит, доски и бревна ходят в пазах, даже мачта вот-вот выскочит...

— Никуда не заходим, — сказал я твердо, — нигде не останавливаемся. Прямо к материку.

Ветер дует в спину, паруса красиво выпячены, бодро трепещет флаг на мачте. Ордоньес хотел сделать небольшой крюк, чтобы по дуге обойти один из островков, я махнул рукой:

— Не стоит. Мы на такой скорости проскочим, никто в лодку не успеет запрыгнуть.

— Да я не потому, — ответил он тихо. — Увидят, что остался один корабль.

— А второй я усрал в другую сторону, — объяснил я.

С капитанского мостика хорошо видно, как далеко у берега теснятся барки, крупные лодки и другие суда, почти все с прямыми парусами, под которыми плавали древние греки, а еще викинги.

На причале народ останавливался и провожал нас взглядами. На палубе послышалась ругань, я повернул голову и увидел, как кто-то вырвался из рук матросов и прыгнул через борт.

Через минуту мы увидели мелькающую среди волн голову с прилипшими рыжими волосами.

Ордоньес выругался:

— Сволочь... Как думаете, какие-то секреты выдаст?

— Да мы ничего и не рассказывали, — сказал я, — хотя не хотелось бы, чтобы разевал пасть...

Ордоньес крикнул:

— Юрген! Бегом неси лук его светлости! Да не свой, у него лучше...

Юрген исчез с палубы, мы смотрели, как Мертон борется с волнами, плывет мощно и умело, движения быстрые и вместе с тем экономные, так можно плыть до самого дальнего острова без отдыха на мелких...

Ордоньес охнул. За спиной беглеца появился острый спинной плавник огромной рыбы. Мертон, как почувствовал, обернулся. Мы увидели ужас на его лице, но вскрикнуть не успел, некая сила с силой вдернула под воду.

Юрген простучал подошвами на ступенькам, протянул мне лук Арианта.

— Ваша светлость...

— Неси обратно, — сказал я.

— Ваша светлость?

— Как видишь, — пояснил я и указал за борт, — бог на стороне больших кораблей.

Волны в том месте на мгновение окрасились кровью. Ордоньес поморщился, повернулся к морю спиной.

— Жаль, — сказал он, — храбрый был моряк. Наглый, но храбрый. Мне такие нравятся.

— Такие всем нравятся, — согласился я. — Нам только умные почему-то, ну, никак! С чего бы, все думаю...

Он посмотрел на меня с подозрением:

— Разве то умные? Умные, это не когда умнее других, а когда другие об этом не догадываются!

Попутный ветер красиво и мощно надувает паруса, ветер гудит и посвистывает в реях. В детстве я считал, что мачты устанавливаются вертикально, сколько бы их ни было, но на самом деле достаточно сильно наклонены назад, очень красиво, словно корабль мчится с такой силой, что пригнулись от напора встречного ветра...

Именно при таком наклоне мощный ветер не ломает их, как соломинки, и корабль просто несется по волнам, почти летит по самым гребешкам.

Мы с Ордоньесом почти все время проводили на капитанском мостике, ветер дует в спину и треплет волосы, вдали в серебристой дымке проплывает то один берег, то другой, но мы проходим мимо на большой скорости и достаточно далеко, никто не пробует пуститься в погоню.

— Ваш конь хорош, — проговорил Ордоньес с одобрением, — но все-таки не лучше ли на корабле? А они с собачкой отдохнут.

— Сам хочу поскорее в Тараскон, — признался я. — Мне сейчас не королевские регалии нужны, а корабли!.. Большие! Много!

Он мечтательно вздохнул.

— Надеюсь, у вас получится и это сумасшествие. Я же только управлять умею, но не строить.

— Вы знаете основы, — возразил я. — Можете объяснить, почему и зачем нужно укрепить шпангоут или почему мачту нельзя ставить прямо, как я бы суду поставил!.. Это даже матросы знают, они и будут объяснять и показывать местным плотникам и столярам. Эх, я бы и сам объяснял, но... появилось неотложное дело в Гандерсгейме...

— Поруководить хочется?

Я покачал головой.

— Там лучше меня знают, что делать. Один важный разговор есть...

— Тогда успеха, ваша светлость. Наши жизни связаны с вашей, берегите себя!

Едва вдали показался берег Гандерсгейма, Ордоньес велел готовить лодку и гребцов, поднимать из трюма сонного арбогастра. Пса приглашать не пришлось, каким-то образом все чует, скачет по палубе, нагоняя ужас даже на самых бывалых, а баннерет Матиус, Ганшилд и Вебер Кронберг так вообще всякий раз застывают в

ужасе, когда видят его горящие багровым огнем глаза и страшную пасть.

Берег Гандерсгейма показался вдали солнечный, весь в золотом песке пляжей, отмель широкая, там, чтобы погрузиться в воду хотя бы до пояса, нужно идти с полмили...

Зайчика подвели к борту, Адский Пес носится по всей палубе и едва не залезает на мачты, нос возбужденно дергается, на меня оглядывается с вопросом в коричневых глазах.

— Граф, — сказал я, — знаете ли... не нужно напрягать матросов. Пусть в карты режутся. Это сюда на лодке, понятно, борта высокие, а с корабля... гм...

Он спросил настороженно:

— Что вы задумали?

Я поправил лук за плечами, проверил, как закреплен мешок с арбалетом и мелкими вещицами, подошел к Зайчику и поднялся в седло.

Ордоньес покачал головой.

— Ваша светлость... сэръ Ричард!

— Увидимся в Геннегау! — крикнул я.

Матросы в испуге шарахнулись в стороны, я разогнал арбогастра, он сделал последний мощный прыжок и, пролетев с четверть фарлонга, рухнул в волны.

Я держался крепко, глаза закрыты, только чувствовал сильной толчок, это арбогастр коснулся копытами дна, через полминуты мы вынырнули на поверхность, я соскользнул с седла и поплыл рядом, хотя, конечно, просто лежал на воде, а Зайчик мощно тащил к берегу.

На корабле орут и свистят в восторге, арбогастр наконец ощутил близкое дно, я тут же взобрался в седло, он пошел мощными прыжками и вылетел на берег с разгону, как дельфин-самоубийца.

Я остановил, повернулся и помахал Ордоньесу и матросам. Многие, как вороны, облепили мачты, оттуда лучше видно, тоже машут так, что вот-вот свалятся.

Бобик выскочил и на ходу отряхнулся, окружив себя веером хрустальных брызг, с виду очень пристыженный явным проигрышем травоядному.

Я свистнул, и мы понеслись в ту сторону, где должен располагаться наш воинский лагерь.

Глава 7

На ровной, как столешница, долине среди зелени простреют шатры: красные, желтые, оранжевые, лиловые — все празднично сказочные, яркие, радостные, и не хочешь, а заулыбаешься, глядя на такие чистые тона, как будто прямо перед тобой сядет трепетно радужная бабочка с вот такими огромными крылышками!

Сердце мое радостно защемило, как здесь все знакомо, неизменно и домашне... Это мне кажется, что в море пробыл вечность, однако здесь, как и там, прошло несколько дней, но у всех мера времени разная. Похоже, для моих лордов это будет выглядеть, как будто я вышел из шатра, а через некоторое время вернулся что-то взять еще.

Арбогастр замедлил бег, уловив мою нерешительность, наконец я повернул его к дальним холмам.

— Да простит меня граф Ришар, — сказал я вслух, — но сперва дела... он поймет. Как понимал всегда. Надеюсь, поймет.

Шатры военачальников герцога Готфрида Брабантского стоят в строгом воинском порядке, а его шатер — на точно выверенном расстоянии от боевых соратников.

Меня узнали издали еще по Бобику, что ринулся вперед, как черная молния, моментально проскочил мимо внешней охраны, подняв всех на ноги, а затем в несколько прыжков миновал зону шатров и пропал за пологом шатра герцога.

Ко мне сбегались навстречу, воины преклоняли колени, их командиры лишь склоняли головы, слышались выкрики:

— Сэр Ричард вернулся!

— Сэр Ричард!

— Его светлость!

— Послать за герцогом!

Я помахал рукой.

— Нет-нет, герцога не стоит тревожить. Я сам, как почтительный сын, навещу своего родителя.

Арбогастр красиво донес меня до его шатра. Я соскочил на землю, и тут полог шатра откинулся, герцог вышел, отпихивая Пса, что напрыгивал и требовал целоваться.

Он шагнул мне навстречу, почти такой же рослый, как и я, широкий в плечах, только в поясе пошире, но это возрастное, сжал мне плечи ладонями вытянутых рук и всмотрелся в лицо.

— Как быстро мужаете, сын, — произнес он с непередаваемым сердечным теплом и вместе с тем грустно.

— Да уж пора, — ответил я. — Разве это плохо?

Он вздохнул.

— Родителя это обычно очень радует и... печалит. Я не слышал, что вы вернулись в стан. Кстати, пойдите в шатер, мои люди достаточно насмотрелись, хорошего понемногу.

— Так то хорошего, — сказал я, — а я только в войну всех втравил. С другой стороны, Гандерсгейм был постоянной угрозой. Да и не вернулся, увы... Только заскочил по дороге уточнить один важный вопрос.

В шатре строго и скупно, здесь располагается военачальник, а не придворный вельможа, даже стулья срублены грубо и весомо местными плотниками, а не привезены из больших городов.

Он широким жестом указал в их сторону, предлагая выбрать любой, я сел рядом с ним и посмотрел ему

в глаза. Герцог держится легко и свободно, он у себя дома, пусть в полевом шатре, принимает сына, все хорошо, но я заметил постоянный самоконтроль, четкие скупые и точные движения, прямой и острый взгляд.

— Я чем-то могу помочь?

— Очень.

— Тогда говорите, сэра Ричард.

Я набрал в грудь воздуха, но заготовленные по дороге слова не шли, герцог тут же кивнул и проговорил негромко:

— Каспар, вина!.. И фруктов.

Полог шатра отлетел в сторону, вбежал не оруженосец, как я ожидал, а сразу трое: моментально установили легкий столик с двумя кубками на нем, один взялся за кувшин и быстро налил до самого верха, ни пролив не капли.

— Спасибо, — сказал я, — в самом деле горло пересохло... Я недавно говорил с герцогом Ульрихом, он всецело поддерживает мысль, что королевство Сен-Мари нуждается в короле.

Герцог слушал внимательно, но я замолчал, наконец он проговорил:

— Но король у нас Его Величество Кейдан...

— Да, — согласился я, — легитимность и мне по душе, это какая ни есть, но законность. Однако существуют исключения, когда короля не только можно лишиться власти, но и обязаны это делать. Скажем, за неисполнение своих обязанностей. Это только дуракам кажется, что король только пьет и таскает в постели красивых дур, однако такое может происходить только в крайне благополучных землях, где ни засухи, ни недорода, ни землетрясений, тыфу-тыфу... В случае же стихийных бедствий, войн, всеобщего разбоя или нападения захватчиков, король обязан трудиться день и ночь, ликвидируя несчастья. Так ли поступил Кейдан?

Он слушал внимательно, кивнул.

— Отчасти верно. На нем вина.

Я покачал головой.

— В Геннегау, где остались верные королю люди, им все же недовольны. И считают, что он должен был лично вести борьбу с нами, а не прятаться в Ундерлендах.

— Возможно, он и ведет?

Я отмахнулся.

— Так он может вести тысячу лет. А потом его потомки будут претендовать на трон с теми же шансами на успех. Потому мы решили...

— Кто?

Я ответил нехотя:

— Многие мои военачальники, но назову пока двух: герцог Ульрих Ундерлендский и я, самые авторитетные люди в Сен-Мари. В случае вашего согласия быстро расширим список посвященных.

— Согласия на что?

— На трон, — ответил я твердо и посмотрел ему в глаза, — на королевский трон! Ваше имя всякий сен-маринец произносил с уважением, а теперь так говорят и все армландцы. Такой король будет пользоваться большей поддержкой, чем король Кейдан.

Он помолчал, но лицо мрачнело, на лбу над переносицей образовалась глубокая складка. Когда заговорил, медленно и вдумчиво, я сжался в нехорошем предчувствии:

— Мое имя произносят с уважением?.. Это хорошо, я хочу, чтобы и дальше было так. Мне Кейдан, понятно, очень не нравится. Мерзавец пытался насильно выдать замуж моих дочерей, а Брабант лишить всех вольностей и привилегий! Но это личное, принимать во внимание как-то не по-мужски. Однако я приносил ему присягу, а это священо. Я не могу поднять меч на суверена, я не могу претендовать на его кресло, ибо я клялся ему служить!

— Но Брабант не признавал его власти, — напомнил я.

— Брабант признавал его власть, — возразил он, — но в определенных пределах. Клятва дается в обе стороны! Мы даем клятву служить сюзерену, а он клянется защищать нас и не утеснять в правах. Брабант имел особые права, и когда король посягнул на них, вас, мой дорогой сын, Господь прислал на защиту очень своевременно.

Я чувствовал, что стучусь в гранитную стену убеждений, построенных на верности слову.

— Король вас ненавидит!

— Знаю, — ответил он, — но не я подниму мятеж против Его Величества. Это против моей чести.

Я помолчал, сказал с тоской:

— Вы ставите королевство на грань катастрофы... нет, это слишком сильно сказано, но все-таки на троне могли бы объединить Сен-Мари... даже построить Арндское королевство! А так придется то и дело подавлять мелкие заговоры, рубить головы недовольным... Стране нужен покой и несколько лет усиленного и целенаправленного развития, однако все замедлится... Умоляю вас, не отказывайтесь! Или хотя бы пообещайте, что еще подумаете. Не скрою, я очень хочу видеть вас королем, но еще больше хочу видеть королевство снова сильным и единым. И здорово, что все это могло бы совпасть!

Он долго молчал, в глазах глубокое сочувствие, все понимает, однако покачал головой.

— Нет. Не могу.

— Королевство в опасности!

Он ответил медленно:

— Приобрести трон, уронив честь?.. Сын мой, вы ли такое советуете?

— Да нет урона, — воскликнул я пламенно. — потому что трон пуст!.. Короля нет!.. Я вообще не признаю легитимность тех, кто убегает в другие страны, а оттуда

ведет подрывную деятельность, пытаюсь вернуться на трон!

— Многим это удавалось, — напомнил он.

Я сказал тоскливо:

— Да, однако никто из них не был лучше того, кого удавалось свергнуть только войсками других держав. Вы нужны Сен-Мари!.. Примите трон и корону!.. А я буду первым рыцарем, что сумеет защитить их от любых врагов!

Встречный ураган ревет и пытается сорвать меня с арбогастра вместе с седлом, но я укрылся под пышной гривой, что укрывает подобно щиту, вцепился, как клещ, и терпеливо ждал, когда перестанут мелькать леса, озера, реки под копытами.

Ориентировался по далеким горам, и когда они встали в нужное положение, я ощутил, что приближаюсь к Тараскону; арбогастр протестующе фыркнул, но спорить не стал и, на радость сразу обогнавшему Адскому Псу, начал замедлять скорость.

Две огромные башни на краях похожей на подкову бухты я увидел издали, и сердце радостно застучало. Теперь любой вражеский корабль, входя в гавань по узкому проходу, будет беззащитным для катапульта и гигантских стрелометов. Палуба под ними не качается, так что не промахнутся, а места можно пристрелять заранее.

В самом дальнем углу бухты на берег вытащен из воды и подперт бревнами громадный корабль, на суше кажется еще массивнее и величественнее. На носу трехметровое изображение, как догадываюсь, Протея, но пираты называют неизвестное греческое божество просто Синим Осьминогом.

Сейчас каравелла облеплена работниками, как толстая мышь муравьями. Борта сияют свежими заплатами, обе мачты заменили, паруса тоже новенькие...

Завидев меня, люди опускались на колени и наклоняли головы, а более сметливые, видя, что я не при параде, весело орали и махали шляпами:

— Ваша светлость!

— Сэр Ричард!

— Наш бургграф!

— Наш правитель!

Я милостиво улыбался и помахивал рукой. Арбогастр пронес меня к двухэтажному зданию из свежих досок, большому и очень некрасивому, но окруженному мастеровыми.

Бобик первым успел к двери, где перепугал выскакивающих мне навстречу пышно одетых людей.

Я покинул седло, арбогастра ухватили под уздцы и сразу же куда-то повели.

Я сказал властно:

— Всех отвечающих за стройку ко мне!.. Одна нога там, другая — перед моими светлыми и грозными очами!

За спиной послышался топот множества ног, я вошел в просторное помещение. За мной робко вдвинулись несколько человек, остановились у двери, склонив головы.

Посреди комнаты огромный стол, две чернильницы с принадлежностями на противоположных концах столешницы, рулоны бумаги, один разложен посередине и прижат где молотком, где толстыми корабельными гвоздями.

Я узнал чертеж каравеллы, всмотрелся, достаточно грамотно, хотя мне лично недостает объемности, но другие проекции, понятно, на других листах.

— Та-а-ак, — протянул я, — докладывайте. Кто чем занимается, кто что успел сделать, что не сумел, в чем отстают... Да, кстати, всем сесть.

Они, поминутно кланяясь, двинулись к столу, суетливо рассаживались, а я поглядывал то на них, стараясь побыстрее составить о каждом мнение, то на красочный рисунок на бумаге. Как известно, никаких чертежей при

постройке кораблей, даже каравелл, не существовало, все навыки постройки передавались из поколения в поколение судостроительными мастерами, что ревностно хранили секреты. То, что я видел в музеях, называется реконструкцией, для нее использовались гравюры тех давних лет, но опять же, как известно, художники есть художники, и для пушшего эффекта увеличивали некоторые важные размеры, к примеру — королям фаллосы, кораблям лишние орудия...

А сейчас вот смотрю на эти красочные рисунки, и хотя умом понимаю, что придет время, и парусники будут мчаться вдесятеро быстрее, но и сейчас именно эти корабли и есть вершина инженерно-технического чуда, а не огромные дворцы и даже, прости, Господи, роскошные кафедральные соборы.

— Где отец Стоундерий? — спросил я властно.

От двери прокричали торопливо:

— Идет-идет!

— Бежит!

Отец Стоундерий в самом деле вбежал, запыхавшись, на ходу отвесил короткий поклон, словно кивнул старому товарищу до дворовым играм.

— Ваша светлость!

— Отец Стоундерий, — ответил я.

Он воскликнул пламенно:

— Работы почти закончены!.. Ворота бухты на замке!

— Очень хорошо, — сказал я. — Отец Стоундерий, я кое-что привез лично для вас. Вернее, для монахов-цистерианцев. Пригодится для обороны бухты больше, чем те ужасные гарпуны, что вы демонстрировали... хотя и они хороши. Скоро сюда прибудет корабль «Богиня Морей», вам выдаст лично адмирал Ордоньес. Возможно, уже сейчас входит в бухту.

Он поклонился, глаза уже горят любопытством, люблю цистерианцев — фанатиков технического прогресса, отступил и почти бегом выбежал из зала.

Я поинтересовался:

— Кто отвечает за постройку кораблей?

Они переглядывались, наконец один высокий и сухой, как прокаленный в огне гвоздь, поднялся, поклонился и заговорил мягко и вкрадчиво:

— Ваша светлость, Роберт Гамерлинг, ваш покорнейший слуга... мы сделали много... однако ждали вас, дело все-таки слишком уж... необычное. Мастера счастливы, кроме высокого заработка еще и престиж, таких сложных работ еще не выполняли, все горят и жаждут, однако...

Я спросил резко:

— Что «однако»?

— Мы готовы строить, — ответил он, — хотя и не уверены, что все пойдет, как надо. Однако требуется ваше высокое слово, сколько кораблей закладывать, кого еще привлечь...

Я переспросил:

— Привлечь? Вы о чем? Разве строить еще не начали?

Он поклонился.

— Конечно, начали. На стапелях пять каравелл. Однако появились еще возможности, но без вашего слова мы не решились...

— Что за возможности? — спросил я резко. — Возможности должны помогать выполнять поставленную перед вами обществом задачу, а не макиязить...

Он сказал торопливо:

— Ваша светлость, приезжали послы из Фоссано, Турнедо и даже Шателлена!.. Прямо сюда, на стройку. Нас застали врасплох, мы были в замешательстве, одни говорили, нужно не пускать сюда чужих, другие говорили, пусть смотрят и завидуют...

Огрядный мужчина с пышным жабо подсказал ему нечто тихонько, и Гамерлинг повторил:

— И даже от королевства Варт Генц прибыли. Весть, что ваша светлость вышли к великому океану, всколых-

нула мир по ту сторону Великого Хребта! Все взволновались весьма и даже, как вы говорите, зело... И многие предлагают помощь.

— То есть, — уточнил я с напряженным пониманием, — хотят урвать кус. Что ж, это понятно и даже приветствуется. Инвестиции нам весьма, а как же, да. Слухи слухами, но деятельные послы предпочли увидеть все своими глазами, дабы так сказать... И оценить, насколько у нас все серьезно, а не для пропаганды. Хорошо работают на своих государей, ничего не скажешь. Шпионят открыто, прикрываясь дипломатическим иммунитетом. Придется объявить Тараскон и его окрестности зоной особой секретности, никто чужой вообще даже не приблизится к гавани! Мастерские, что пришли строить корабли, будут жить здесь. Рекомендую построить для них не только спальные места, но и всякие увеселительные... ну, вы понимаете, какие.

Он торопливо поклонился.

— Да-да, это все сделаем.

Помощник снова шепнул на ухо, но Гамерлинг смолчал, зато я спросил строго:

— Что там еще?

Помощник сказал виновато:

— Это все уже делается... Так, стихийно... Само по себе...

Я пожал плечами.

— Это еще лучше, не надо вкладывать средства. А частную инициативу приветствуем, обещаем льготы и послабления.

Глава 8

Они заметно расслабились, явно боялись майордомьего гнева, а я рассматривал их очень внимательно, стараясь побыстрее понять, чего от кого можно тре-

бовать. На первый взгляд в комнате собрались все энтузиасты, вон как глаза горят, о почтении к сюзерену забывают.

В распахнутые настежь двери то и дело заходили еще строители, тихонько останавливались в задних рядах, жадно слушали, а я угадывал по их нагрудным бляхам глав гильдий плотников, столяров, оружейников, кожевников, шорников...

— Чертежей, — сказал я резко, — понятно, никто вам не привез готовых, но у вас есть более важное: каравелла «Синий Осьминог»! Кроме того, вот-вот прибудет «Богиня Морей», у нее чуточку иная конструкция. Обмерить все! Снять точные копии каждого гвоздика!.. Чертежи хранить, как зеницу ока!.. Снять копии на случай потери... у вас, ворон мыслящих, вечно все теряется.

Гамерлинг сказал торопливо:

— Ваша светлость, мы уже приступили, как я уже сообщил. А чертежи, если честно, мы сняли сразу же, как только увидели это чудо...

— Что-о-о? Без моего ведома?

Он виновато потупился.

— Простите, ваша светлость, но когда в бухту вошли такие великолепные корабли, просто не могли утерпеть. Каждый настоящий мастер готов рискнуть... да что там рискнуть!.. готов умереть, но понять эти секреты. А если будет возможность, то и сделать самому.

Я подумал, посверлил его злым взглядом, сказал еще резче:

— Благодарю за понимание! Но в те чертежи, что вы сняли, сразу же внесем изменения. «Синий Осьминог» и «Богиня Морей» — далеко не самые большие каравеллы. Да-да, бывают и больше, не делайте такие глазки, дорогой Гамерлинг!

Он поклонился, сказал тихо:

— Простите, ваша светлость, но я неблагородного звания... Просто Роберт, а то и Боб...

— Отныне — сэр, — перебил я. — Авансом за хорошую работу, которую я потребую со всей строгостью и беспощадностью. Поняли, сэр Гамерлинг? Со всей строгостью.

Он прошептал растерянно:

— Ваша светлость... но какие могут быть... еще больше?

— Могут, — отрезал я. — Примерно те же пропорции, в детали инженеры внесут изменения.

Он прошептал, обомлев:

— Ваша светлость...

— Расчетная скорость, — прервал я, — должна быть около четырнадцати-пятнадцати узлов. Каравелла, даже большая, должна легко лавировать, поворачиваясь к ветру то одним бортом, то другим.

Я видел, что у него, как и у других, при слове «каравелла» вспыхивают глаза и светлеют лица, будто им тоже оно пахнет романтикой, само слово какое-то волшебное, хотя на самом деле в нем увековечен всего лишь простонародный плотницкий жаргон. Раньше обшивку набирали внакрой, по типу черепицы, так строились даже самые большие на то время корабли, когги, галеры, но для этих больших кораблей нового типа доски стали класть вгладь, что значит одна к другой вплотную. Этот способ у плотников назывался карвель. Вот так и получились каравеллы...

Но все равно само слово «каравелла» вызывает некие радостные и даже праздничные ассоциации, уж не знаю, почему. А вот «шхуна» — нет. Шхуна — это что-то пропахшее рыбой, некое транспортное судно для мелких перевозок, а также для рыбной ловли, а ведь именно в шхуны превратились каравеллы, когда им улучшили оснастку, в смысле заменили треугольные паруса на трапециевидные, а также чуть улучшили обводы корпуса.

То есть шхуны — это улучшенные каравеллы, надо же...

За дверью слышались голоса, вошел отец Дитрих в сопровождении массивного поморщика, выше его на целую голову.

Я радостно улыбнулся ему и продолжал:

— Вот отец Дитрих подтвердит, что сам Господь повелел Ною построить ковчег в триста локтей в длину, пятьдесят в ширину и тридцать в высоту. А еще он указал, как с помощью переборок сделать его непотопляемым и не дать раздавить воде, ибо вода, знаете ли, давит... И вообще, дал весьма подробные и ценные указания, как и что. Если нужны инженерные подробности, отец Дитрих расскажет, он про потоп все знает, будто сам там был. Потом один мудрый ученый монах по имени Исаак Ньютон подсчитал, что объемное водоизмещение ковчега равнялось двадцати тысячам регистровых тонн... Ну да ладно, это я забрался куда-то в сторону, с мудрецами моего типа это сплошь и рядом, мы такие все из себя отвлекаемые, но вывод все равно ясен. Не так ли?

Они смотрели несколько обалдело, только Гамерлинг, то ли самый смелый, то ли обесстрашившийся от прибавки к его имени приставки «сэр», спросил тупенько:

— Не... Другим ясно, конечно, они мудрые, а мне вот...

— Абисняю, — сказал я, — хотя в другое время бы за такое на кол, но сейчас мы с вами все инженеры, бить не буду. Господь нам сам лично подсказал, веля построить именно такой ковчег... что подсказал?

Он переспросил опасливо:

— Что... что подсказал?

— Что мы должны, — сказал я веско, — строить настоящие морские исполины!

Гамерлинг сказал торопливо:

— Да, ваша светлость, истинно!

— И морские, — сказал я, — и океанские.

Отец Дитрих смотрел на меня с глубоким сочувствием и покачивал головой.

Я жестом велел всем продолжать обсуждение, а сам подошел к великому инквизитору и сел рядом. В его глубоко посаженных глазах я увидел глубокую тревогу.

— Отец Дитрих? — сказал я вопросительным тоном.

Он тяжело вздохнул.

— А не сломишь спину, сын мой? У тебя столько начатых дел, а ты хватаешься за новое?

— Это как раз и есть самое старое, — сказал я с убеждением, какого давно не чувствовал. — Я издавна стремился на Юг. Но сперва, как дурак, думал там найти спасение, а теперь понимаю, что спасение мы должны, просто обязаны, принести туда!

Он посмотрел на меня в сомнениях, в мудрых глазах инквизитора я снова увидел неясную тревогу.

— Я попросил Рим прислать нам еще священников, — произнес он со вздохом. — Меня просят вернуться в Зорр, там что-то началось недоброе, но... сын мой, ты такую гору стараешься поднять! Тебе одному не осилить.

— Знаю, — ответил я. — Но если надо? Вы же тоже разрываетесь между Геннегау и Тарасконом?

Он вздохнул.

— Еще и в Гандерсгейме нужно побывать, сын мой. Крещение варваров и приведение их в лоно Церкви — важнейшая задача. Ее бы выполнить, а твоя душа уже сражается на Юге?

— Хотя и уверяем на всех перекрестках, — сказал я, — что готовимся к борьбе с пиратами, но император, думаю, не такой дурак.

Он спросил негромко:

— А что, флот не для борьбы с пиратами?

— Для борьбы, — согласился я. — Но если побьем их... не «если», а когда побьем, то не пустим же все корабли на дно?

Он произнес еще тише:

— Может быть, не так уж и уверять всех? А то, когда слишком громко, и дурак поймет, что говорим неправду.

— Мы не кривим душой, — уточнил я, — пираты — первая задача, но император понимает, что меч куют не для того, чтобы держать в ножнах. А с таким флотом уже проще пересечь океан... Готовы ли там к такой неожиданности?

— Главное, — напомнил он, — готовы ли мы. Кроме огромного и сильного флота, сын мой, мы и сами должны быть чисты душами и помыслами, тогда дьявол будет бессилен нам повредить.

В зал вошел в сопровождении богато одетых вельмож низкорослый и невероятно широкий в плечах мужчина в рыцарских доспехах. Я перехватил гордый взгляд, у герцога Дюренгарда осанка и движения никому не дадут забыть, что он — знатнейшего рода.

Он приблизился, учтиво поклонился и застыл. Я приветствовал его доброжелательно:

— Ваша светлость...

Он выпрямился и ответил, как эхо:

— Ваша светлость!

— Рад вас видеть в здравии, — сказал я. — Надеюсь, и ваш дед, благороднейший сэр Гаррет, чувствует себя... хорошо.

Отец Дитрих поднялся, благословил герцога и удалился, а герцог пристально смотрел мне в глаза.

— В ту первую нашу встречу, — произнес он чеканным голосом полководца, — он сказал после вашего

ухода, что наш мир переменится. Я не поверил, но теперь скажу, мой дед снова прав, а я снова ошибался... Я счастлив, ваша светлость, что город Тараскон, который является моим владением... пусть и не в полной мере, стал центром внимания всего королевства!

Я кивнул.

— От рабочих слышал, вы оказываете всяческую помощь?

— Какая в моих силах, — ответил он. — Мне просто лестно, что это в моих родовых землях. Никогда еще в Сен-Мари не было флота! Теперь, верю, будет...

— Спасибо, ваша светлость, — сказал я. — Буду и дальше рассчитывать на ваше содействие. Жаль, не могу насладиться вашим обществом, вынужден прямо сейчас мчаться в столицу. Увы, у всех у нас обязанности!

— А у эрцгерцога, — произнес он со странной интонацией, — их больше, чем у кого-либо. Ваша светлость, я просто настаиваю, чтобы вы взяли мой эскорт! Нельзя лицу с высоким титулом появляться где-либо в одиночку. Это не просто умаление достоинства и, уж простите, может вызвать панику... Сэр Вильгельм! Берите знатнейших рыцарей и проводите сэра Ричарда, майордома Сен-Мари, маркграфа Гандерсгейма и эрцгерцога архипелага Рейнольдса... в Геннегау!

Распоряжался он властно и уверенно, ни секунды не сомневаясь, что поступает правильно, а я спорить ни в коей мере не стану.

Ко мне приблизился и преклонил колено красиво и пышно одетый молодой рыцарь.

— Вильгельм Вейтлинг, — представился он, — из рода Карагардов. Счастлив услужить вашей светлости.

Я наклонил голову, подумал и предупредил:

— Но я выступаю прямо сейчас! Как видите, я уже в походном.

Герцог бросил взгляд на сэра Вильгельма, тот бегом бросился к выходу. Герцог любезно проводил меня,

а когда мы вышли во двор, сказочно разодетые в яркие праздничные цвета рыцари уже поспешно забирались в седла укрытых по самые глаза яркими попонами коней. Точнее, укрытых с головами, только для глаз и ушей оставлены отверстия, зато над лбом каждого красуется небольшой султанчик из крашенных перьев. Думаю, прицепили бы и большой, но тогда всадник не увидит, куда его повезет конь.

Глава 9

Мчались конным отрядом с развевающимися знаменами, что казалось мне нелепым совсем недолго, мол, руки заняты, но очень скоро понял, что даже у меня шелест трепещущего шелка вызывает некий странный подъем. Если знамя вот так трепещет над головой или просто рядом, то мы как бы сильнее, круче, бесстрашнее, а враг — слабее, мельче и противнее. И хотя у него тоже какие-то цветные тряпки на палках, даже расшитые золотом, но все равно мы лучше, с нами Бог, и как доказательство его присутствия — эти вот хлопающие по ветру полотнища...

Рядом мчится сэр Трайон Эдвардс, молодой еще и розовощекий рыцарь, глаза горят восторгом и счастьем.

— Ваша светлость, — крикнул он на скаку, — а правда, что при вашем дворе собраны самые-самые красивые девушки королевства?

Я покосился на его юное лицо с блестящими глазами. Юный виконт наверняка уже в мечтах ходит перед ними павлином, рассыпает комплименты.

— Может быть, — ответил я, — но я их не собирал.

— Но как-то же собрались?.. Вообще-то это вы, ваша светлость, должны выбирать, кому из провинци-

альных красоток быть фрейлинами при дворе и служить королеве.

Я напомнил сухо:

— У меня нет королевы.

— В данном случае, — поправил он себя, — королеве турниров. Народу тонкости неважны, они хотят видеть красивую женщину рядом с вами, а еще, чтоб ее окружали красивые незамужние девушки!

Арбогастр на скаку время от времени косит на меня недоумевающим взглядом, Бобик вообще извелся с этой черепашей скоростью, ловил всех зверей, что попадают по дороге и совал в руки перепуганному и одновременно ошастливленному сэру Вильгельму.

Я наконец сказал со вздохом:

— Простите, дорогой сэ, мне очень приятно общество таких верных нашему делу людей, но... возвращайтесь в порт. Или сразу к герцогу.

Он вскрикнул непонимающе:

— Ваша светлость! Но почему...

— Тороплюсь, — объяснил я, — меня съедает злое нетерпенье. Все так медленно, все так черепашисто...

Арбогастр уловил разрешение, с первого же скачка перешел на карьер, оставив отряд сэра Вильгельма далеко позади, а когда те скрылись из виду, пошел ураганно, когда в смазанные полосы сливаются не только мелькающие мимо леса и рощи, но и сама земля под конскими копытами становится серой от частой смены травы, земли, камней, песка и глины.

И лишь когда на горизонте появилась невысокая, но солидная гора из розового камня, издали похожая больше на свадебный торт, чем на стольный город Геннегау, арбогастр сбросил бег до галопа, и Бобик унесся вперед без нас.

Ветер уже не ревет, а только треплет волосы, город приближается. В свете утреннего солнца он издали похож на гору бело-розовой кружевной пены, вечно

юный, хотя выстроен на руинах Отгарарка, а тот возвели на развалинах Пантисселя, однако при взгляде на Геннегау кажется, что его выстроил неделю назад один художник и по одному плану.

Арбогастр сбросил скорость, под копытами проскользывает бесконечная равнина, а я рассматриваю с новым чувством город на возвышении, окольцованный тремя рядами высоких и толстых стен. В этом городе есть все для жизни как богатых, так и бедных, а в самом центре на вершине высится прекраснейший и огромный дворец из десятка зданий, кремовые шпили поднимаются к небу кокетливо и хаотично, потеряв изначальный смысл, а между высокими зданиями в довершение к дорожкам внизу перекинуты на большой высоте еще и ажурные мостики.

Мы влетели под арку ворот на такой скорости, что нас едва успели проводить ошалелыми взглядами. Дальше Зайчик все снижал скорость, хотя улицы широкие, а к дворцу пронесся по широкой мраморной лестнице, настолько просторной, что я так и не мог понять ее назначения: по сорок человек плечо в плечо, длинный спуск к небольшой речушке...

Перед дворцом стража ошетижилась копьями, блестящие стальные наконечники смотрят в мою сторону, еще с десятков арбалетчиков взяли меня на прицел.

Я посмотрел строго, кто-то узнал и восторженно завопил:

— Его светлость! Сэр Ричард!

Копейшики, не убирая нацеленного в мою сторону оружия, смотрели неотрывно, морды начинали расплываться в широких народных улыбках.

Я помахал рукой.

— Здравия желаю, орлы!

В ответ они привычно прокричали вразнобой:

— Ваша светлость!

— Ура майордому!

— Великому Ричарду слава!

Я соскочил на землю, повод бросил в руки первого же подбежавшего, и тот повел арбогастра, счастливый выпавшей честью, в сторону королевских конюшен.

Бобик ринулся вперед, взбежал по широким ступеням за мной следом, вид у меня бодрый и вгоняющий всех встречных в трудовой энтузиазм и жажду послужить отечеству и королю, вернее, исполняющему обязанности короля.

Из дворца выскочил сам сэр Торрекс Эйц, взволнованный и встревоженный, ладонь на мече, но увидел меня и, побледнев лицом, торопливо преклонил колено.

— Ваша светлость!

— Барон, — ответил я и прошел мимо начальника дворцовой охраны в зал, где придворные заахали, началась сумятица, одни шарахнулись от меня, как от призрака, другие, напротив, старались оказаться на дороге, чтоб заметил, кивнул, улыбнулся, осчастливил.

Вдоль стен через равные промежутки высятся в неподвижности рослые стражи, однако уже не закованные в блестящую сталь воины, а в роскошных одеяниях, шитых золотом, на широких поясах ножны с мечами, в руках длинные копья с отточенными наконечниками длиной в локоть.

Я нахмурился, очень красиво, согласен, и торжественно. Однако у стражей другая функция, чем у слуг... Но сказать ничего не успел, ощутив задним умом, что под красными камзолами укрыты надежные кольчуги, барон в главном себе не изменяет, хотя под чьим-то нажимом и одел по-королевски.

В залах впереди началось оживление, слышатся и пугливые ахи — это Бобик несется, расчищая мне дорогу, в дверях показываются и пропадают перекошенные ужасом морды.

В последнем зале, за которым моя канцелярия, на встречу торопится Жерар Макдугал, все такой же угрюмый, но сейчас еще и встревоженный, мой личный секретарь.

— Ваша светлость! — вскрикнул он рассерженно. — Что вы делаете!

— Что? — спросил я удивленно. — Да все в порядке, я цел...

Он сказал почти зло:

— Ваша светлость! Сейчас же надо послать людей спешно успокаивать народ.

— В чем?

Он вздохнул и сказал, объясняя, как последнему идиоту:

— Ваша светлость, в городе сейчас начинается паника. Я ее не вижу, но знаю, что происходит на каждой улице, на каждом перекрестке! А уж на площадях...

— Что?

— Все решили, — сказал он со вздохом, — что армия в Гандерстейме разгромлена полностью. Уничтожена. Похоронена в песках. Удалось спастись только вам, да и то лишь благодаря быстрому коню и верной собаке...

Я озадаченно умолк, покрутил головой.

— Простите, сэра Жерар, я в самом деле местами очень даже дурак. О таком даже не подумал... Нужно срочно послать глашатаев в город, успокоить.

Он сказал безнадежным голосом:

— Город успокоим, ладно. Но десятки гонцов уже помчались в дальние владения лордов, что ждут не дождутся вашего падения. Такие еще есть, ваша светлость, есть! А вы что думали?

Я обнял его за плечи и понудил идти с собой.

— Сэр Жерар, остальное обсудим в моем кабинете. А то вон у всех уши вытянулись на целый локоть.

У дверей моего кабинета тоже нововведение: двое расторопных с виду слуг по обе стороны двери, одеты

в черное, почти невидимки, и двое стражей в полном всеоружии. Кабинет в глубине коридора, к нему пройти нужно мимо стражей, а потом мимо слуг, что тоже обучены защищать господина.

Перед нами предупредительно распахнули дверь. Сэр Жерар остановился, я выпятил живот и важно вступил в свои государственные апартаменты.

— Садитесь, сэр Жерар, — велел я, — но сперва передайте мой приказ собраться членам Тайного Совета. Не здесь, в малом зале, где это... большое распятие.

Он поклонился.

— Простите, ваша светлость...

— Ну что?

— Большинство членов Тайного Совета сейчас в Гандерсгейме...

Я отмахнулся.

— У меня плавающий Тайный Совет. В смысле его численность плавают. Туды-сюды. И состав. Пусть явятся мои старые соратники, кто оставался здесь, а также наиболее знатные лорды из сен-маринцев.

— Слушаюсь, ваша светлость...

Он приоткрыл дверь, бросил пару слов слугам и вернулся к столу. Я указал на кресло, он сел на самый краешек и принял позу очень внимательного слушателя, неважно, какую бы хрень сюзерен ни понес.

Я покачал головой:

— Нет-нет, это вы, дорогой друг, рассказывайте. Я же знаю, кот из кухни, мыши пляшут на столе...

Он зыркнул на меня с некоторым колебанием, угрюмый и обычно молчаливый, очень точный и расчетливый в каждом слове и жесте, исключительно честный и правильный, хоть сразу в святые, медленно повел плечами.

— Ваша светлость, что рассказывать?

— Все!

— Вы ушли, и накал ушел.

— А что осталось? — спросил я тревожно.

Он поморщился.

— Здесь это обычно, но наших воротит, как от выгребной ямы. Пирьы и танцы каждый день, празднества без всякого повода. Все стараются перещегоолять друг друга пышностью... Молодые лорды и сыновья лордов ухитряются закладывать свои владения, чтобы поразить двор нарядом и драгоценностями на груди и шляпе, а еще — привлечь внимание леди Хорнегильды и леди Розалинды, как только стало известно, что после смещения с трона королевы турнира вы с ней общались очень дружески, и многие видели, как вы ее поцеловали в королевском саду.

— В самом деле? — переспросил я недоверчиво.

— Да, закладывают.

— Нет, я о Розалинде... Правда, поцеловал?

— Так говорят, — произнес он нейтральным голосом. — А дыма без огня... В целом же ничего не происходит. Все держалось на вас, ваша светлость.

Я сказал с досадой:

— Мне такое не нравится. Колеса должны крутиться вне зависимости от того, в телеге я или нет. Ладно, подумаем, как исправить. Чем занят отец Дитрих? Я его встретил в порту Тараскона!

— Простите, ваша светлость, он за всем не усмотрит. Ему нужно выстроить сто сорок церквей, основать десять монастырей и возродить восемьдесят прежних...

Я сказал торопливо:

— Да-да, понимаю. У него своих дел... а мне надо разделить исполнительную и законодательную, назначить наместников и каждому пригрозить виселицей, если начнет устраивать балы до того, как заплатит налоги за себя и того парня. Что слышно о Кейдане? Он перебрался в Геннегау, как обещал?

Он покачал головой.

— Нет, но слухи о его скором прибытии постоянно растут. Кто-то их усердно распространяет, ваша светлость.

— Кто?

— Пока неизвестно, ваша светлость. Вообще поговаривают, что когда Его Величество вернется, он жестоко покарает всех изменников. И даже лишит наследников земель и титулов.

Я нахмурился, пробормотал:

— С Кейданом пора кончать.

— Ваша светлость?

— Ничего пока, — ответил я, — ничего не предпринимайте. Хорошо, я уяснил расстановку сил. Идите подготовьте работу Тайного Совета, а я пока подумаю.

Он торопливо поднялся, отвесил короткий поклон и вышел. Я тупо смотрел вслед и думал, что Петр Великий построил первый флот всего за одну зиму. Из мерзлого дерева. Знатоки говорили, что такие корабли годятся разве что на дрова. У нас лето, корабельный лес рядом, а самое главное — есть удобнейшая гавань, чего не было у Петра, которому пришлось строить корабли тайком, в глуши, а потом тащить по рекам, а кое-где и волоком по суше, к морскому берегу, который принадлежал врагу.

Для меня сейчас флот выходит на первое место из всех задач. Даже железная дорога отступила на второе или третье. Флот, мне нужен флот как можно быстрее!

Промедлю — остановят. Не знаю даже, кто: пираты, император, кто-то неведомый, но не менее опасный...

Это дорогая забава — флот, и хотя вроде бы что такого построить несколько каравелл, но бюджеты королевств не такие уж и бездонные. Постройка флота для любого государства — беспрецедентное напряжение сил,

если вдруг начинает строить с нуля, как пришлось Петру Великому. То ли дело другие государства, издавна имевшие выход к морю и начинавшие с лодок и мелких каботажных судов. Да и каравеллы могли добавлять во флот по одной-две в год...

Правда, когда король Филипп Испанский решил уничтожить Англию, он срубил почти все леса в Испании и выстроил Непобедимую армаду в сто тридцать тяжелых кораблей, среди которых было множество галеонов, а этих чудовищ я даже не решаюсь пока закладывать. Так что я вовсе не чересчурничаю.

Правда, я сразу же придумал, как снизить стоимость на треть: велел даже не заморачиваться над украшениями кормы, изготовлением тяжеловесных и мешающих плаванию статуй на носу.

Как видится, в этом архипелаге несколько крупных образований, можно их назвать государствами, с различным уровнем... судостроения. Как известно, тайны постройки кораблей еще со времен ранней Византии держались в строжайших секретах, существовал закон, что всякий, обучивший варвара корабельному искусству, карается жестокой и мучительной смертью.

Пока непонятно, в каких взаимоотношениях те островные властелины, но вряд ли в дружественных, это противоречило бы самой природе человека. В этом случае важно то, как поступят, когда мы вторгнемся к ним: удастся ли какую-то часть переманить на свою сторону, пообещав некие выгоды, или же все эти пиратские республики выступят против нас единым фронтом?

Дверь тихонько приоткрылась, сэр Жерар вошел неслышно, поклонился с привычной сдержанностью.

— Ваша светлость...

— Сэр Жерар?

— Вы велели собрать Тайный Совет, — напомнил он.

— Уже собрались?

Он произнес деликатно:

— Давно. Успели поспорить и поругаться.

— Из-за чего?

— Стараются предугадать, чего потребует ваша светлость.

Я поморщился.

— А то не знают! Как будто могу потребовать устроить новый пир или танцы! Хорошо, пойдете.

Глава 10

Слуги и стражники на выходе не сдвинулись с мест, что хорошо, стуканье тупыми концами копий в пол, в конце концов, приедается. Сэр Жерар идет ровно, как механизм, тоже старается не привлекать к себе внимание, его светлость изволит думать, нельзя спугнуть государственную мысль неосторожным взмахом или хрюком.

В зале, через который идем, четверо слуг усердно тянут книзу канат, а сверху поднимается огромная люстра с двумя дюжинами зажженных свечей. Завидев меня, принялись кланяться, а люстра устремилась вниз с нарастающей скоростью.

К счастью, один с воплем ухватился за веревку и удержал, хотя его самого начало поднимать кверху. Сэр Жерар прикрикнул, сметливого ухватили за ноги и стащили вниз, а с ним спасли и люстру.

Я поморщился и молча вошел в малый зал.

В зале мрачновато, словно мы в северной стране, где для защиты от холода всегда крохотные окна, но здесь тяжелые темные гобелены, стены отделаны темными породами старого мореного дуба, много ниш со статуями и пилонов, что дают тень, в центре большой стол, половина кресел осталась незанятыми.

Сэр Растер в своей неизменной кирасе начал улыбаться, как только я появился в дверном проеме, все с

грохотом поднялись, наклонили головы и остались в таком положении подчеркнутой покорности и лояльности, а Растер все еще смотрел радостно и с великим облегчением, будто я вот щас перенесу его в гущу боя.

За столом бароны Альбрехт Гуммельсберг и Фортескью, первый держится со снисходительной вальяжностью, второй мнется, словно не уверен, что его в самом деле пригласили в совет такого высокого ранга, точно так же выглядит и барон Торрекс Эйц, начальник охраны дворца, спокойно держится отец Тибериус, настоятель цистерианского монастыря, очень нужный мне человек. К моему удивлению, присутствует верховный лорд Джералд Бренан, очень богатый и могущественный землевладелец, я его видел только однажды, когда он принес присягу и тут же удалился в свои земли, очень уверенно держится лорд Джеймс Гарфильд, я его часто вижу среди придворных, готов служить, как мне доложили, но пока что, как говорится, в запасе, надо присмотреться, а также лорд Уильям Дэвенант и лорд Томас Фуллер, тоже из богатых и влиятельных родов, по своему могуществу и влиянию должны бы занимать более высокое положение, чем у них было в начале...

В глубине зала, пусть и малого, еще несколько знатнейших лордов Сен-Мари, все сверкают дорогими одеждами, одетыми одна на другую, глаза колет блеск бриллиантов и прочих драгоценных камней, солидно и неброско поблескивают тяжелые золотые цепи на груди вельмож.

Отец Тибериус в желтой рясе, подбитой пурпуром, в церковной иерархии это что-то означает, вроде титула или звания, но без всяких украшений, Церковь должна подавать пример смирения и бескорыстия. Взгляд его строгих глаз чист, светел и участлив.

Барон Альбрехт скромно сидит в дальнем конце стола, я посмотрел с укором и взглядом указал на кресло рядом со мной.

Он поднялся молча, подошел мягкими, как у осторожного кота, шагами, поклонился, не сводя с меня вопрошающего взгляда.

— Сэр Альбрехт...

— Ваша светлость...

— Сэр Альбрехт, — сказал я, — вы что, стесняться научились? Все могут сесть.

Лорд, который поторопился занять место рядом с моим, отодвинулся, стараясь не выказывать огорчения, отошел и с достоинством сел на место Альбрехта.

— Давай, барон, — сказал я шепотом, — признавайся.

— В чем? — спросил он таким же шепотом.

— В государственной измене, — сказал я тихо. — С чего бы уселся от меня подальше?

И, не дожидаясь ответа, я вперил строгий взгляд в собравшихся. Никто не двигается, суетливы только простолюдины, а лордам надлежит всем видом внушать незыблемость и неколебимость, все настолько строгие и величественные, что я на миг ощутил себя случайно попавшим сюда бродягой, но быстро задавил в себе несвойственную правителю скромность и сказал внушающе:

— Дорогие лорды! Я хотел бы узнать, что за это бесценное время вы сделали для строительства порта в Тарасконе, для закладки флота?.. К примеру, вы, сэр Джеймс, чем занимаетесь сейчас?

Лорд Гарфильд сказал торопливо:

— Ваша светлость! Мы отправили дополнительные повозки, передвижные кузницы, пекарни, лошадей в Гандерсгейм, что, как кара небесная, столько лет постоянно угрожал королевству...

Я покачал головой.

— Вы все еще не поняли?.. С Гандерсгеймом решено. Завоевание его — дело времени. Наша политика — разделяй и властвуй!.. Часть племен уже воюет на

нашей стороне, соседи всегда ненавистнее пришельцев. К тому же зачем отправлять какие-то повозки, кузницы, пекарни, тем более — лошадей?.. Мы же не в пустыню пришли! Там в городах достаточно кузниц, оружейных, пекарен и всего необходимого. А про лошадей... простите, кто подал такую дикую мысль?

Он промямлил:

— Но... всегда так делалось...

Я покачал головой.

— А не дурасть посылать лошадей в край, где конских табунов больше, чем комаров на болотах?

Он вздохнул, развел руками.

— Я тоже так говорил... Но Гандерсгейм слишком уж был грозен... несколько столетий, ваша светлость. Из поколения в поколение рос перед ним страх. Потому сейчас все думают только о том, как разгромить проклятых дикарей... А до флота руки просто не дошли.

— Зато дошли у простого народа, — резко сказал я, ничуть не покривив душой, потому что даже самые богатые торговцы и купцы входят в сословие простого народа, как и главы самых престижных цехов. — Корабли уже строят!.. На деньги простого народа!

Он сказал почтительно:

— Но ваша светлость все это разрешили...

— Разрешил, — сказал я сердито, — частную инициативу нужно приветствовать и поощрять!.. Нам же потом их стричь. Но я хотел бы, чтобы доля государственного участия была выше!

Уильям Дэвенант осторожно обронил:

— Ваша светлость всегда может реквизировать те корабли для нужд его светлости...

Я посмотрел на него волком, он не уронил взгляд, только самую малость шевельнул губами в улыбке, мол, он же на меня работает, мои интересы защищает, как верный пес.

— Это будет началом краха экономического подъема, — отрезал я. — Купцы должны ощущать всеми фибрами, что ни в коем случае не отниму их корабли! И буду стоять и дальше, как лютей зверь, на защите их интересов и прочих кошельков! Тогда и работать будут, как каторжные... ну, на бойне.

Томас Фуллер подал голос:

— А может, пусть только они и строят?.. А вы их налогами, налогами... Меньше забот, больше денег.

— И военный флот купцам? — спросил я с интересом. — Да-да, отныне вводится такое понятие, как военный флот!.. Торговый пусть будет в руках торговцев... в основном, а военный должен защищать караванные пути и прокладывать дороги в океане!.. А еще нести цивилизацию в дикие и темные страны. Они все дикие, потому что мы — избранные! Кем? Да нами же, этого разве мало? С нами Бог, кто против нас? Но вижу недостаточно добросовестное исполнение своих прямых обязанностей, лорды. А вы еще хотите, чтобы завел при дворце баб?.. Чтобы балы, пиры, танцы, пьянки, адюльтерьеры... тьфу, адюльтеры и прочие ненужные, но такие приятные непотребства?.. Рано расслабились! Крестовый поход только начался!

Они молчали, подавленные взрывом моего почти монаршего гнева. Отец Тибериус покачал головой, я посмотрел с вопросом в глазах.

Он сказал участливо:

— Сэр Ричард, вы слишком надрываете себя на поприще бранных трудов. Крестовый поход идет успешно.

Я огрызнулся:

— Медленно идет. Думаю, Господь был бы не против, если бы мы шли более быстрым маршем. Мы ведь все идем, как бы ни прыгали в стороны, к Нему!

Все молчали, отец Тибериус заметил миролюбиво:

— Кусок нужно не только откусить, но и проглотить. А потом следующий, следующий. Сэр Ричард, нам нужно закрепиться как следует в королевстве.

— Что для этого нужно? — потребовал я.

— Все уже есть, — ответил он, — почти все. Нужно лишь время...

— Время, — ответил я с досадой. — Ну да время... Сэр Леопольд, как идут ваши дела? Как я помню, вам поручена полная перепись и инвентаризация земель, владений и прочего имущества в Сен-Мари? Как государственного, так и частного капитала.

Лорд Леопольд Шеффер поднялся, огромный и величественный, в дюжине одежд одна на другой, от этого еще больше внушающий, с достоинством поклонился.

— Ваша светлость! За истекший период проделана большая и значительная работа... Нами при содействии местного населения проведена перепись земель как лордов, оставшихся верными Его Величеству Кейдану, так и не принявших ни ту, ни другую сторону. В отдельную запись вносили земли, хозяева которых присягнули вашей светлости в верности и покорности...

Он говорил и говорил, я поморщился, а когда он сделал краткую паузу, чтобы набрать дыхание, я сказал быстро:

— Благодарю вас, сэр Леопольд. Спасибо за краткость и точность. Хочу напомнить вам, дорогие друзья, что мы, так сказать, на государственном, прошу прощения за грубое слово, совете, хоть и в расширенном составе. Очень расширенном. Потому прошу говорить подобно сэру Леопольду, кратко и четко, избегая красивостей. Только по делу.

Сэр Леопольд открыл и закрыл рот, сел с обескураженным видом, все-таки сеньор похвалил, хотя в краткости его никто раньше упрекнуть не мог, как и в четкости, и вообще он только начал отчитываться о

проделанной работе, а я нетерпеливым движением руки дал слово сэру Бальтасару Грасиану Шлегелю.

Тот довольно бодро отчитался о развитии промышленности в королевстве, что значит: кузницы работают, оружейные мастерские завалены заказами, а инженеры сумели найти богатую жилу железной руды и заложили там два рудника.

— А что с торговыми путями? — спросил я.

Вскочил лорд Карл Фрелих, торопливо поклонился, глаза сияют, рот до ушей.

— Хоть прокладывай новые дороги, ваша светлость, — сказал он громко и победно, словно расцвет торговли его личная заслуга. — Уже заторы из повозок и телег на въезде в города!..

— Что стряслось?

— К нам везут не только из Брабанта и Ундерлендов, — отчеканил он, — но и из Армландии, Фоссано и далекого Турнедо...

— А наши купцы? — спросил я. — В данном случае экспорт важнее импорта!

— Наши начали первыми, — заверил он. — Как только вы сообщили об открытии Тоннеля, благослови его Господь, так наши и повезли свои товары... Королевство богатеет, ваша светлость!

— Это хорошо, — сказал я, хорошо говорить очевидное, никто не вдарит, — да, весьма... А в богатое королевство и народ поперет на заработки. Нам нужны дешевые рабочие руки, на верфях работы невпроворот... Надо создать условия, чтобы квалифицированная рабочая сила осталась, а прочая... ну, посмотрим. Улицы убирать тоже кому-то надо.

Я говорил и внимательно держал взглядом всех присутствующих: это Фортескью и Торрекс слушают внимательно, глядя мне в глаза, Гарфильд опустил голову и посматривает исподлобья, что значит согласен, но с оговорками, а Дэвенант косит направо и налево, для

него важнее видеть, кто как реагирует на мои слова. То ли о моих интересах печется, то ли готовится начать свою игру...

Отец Тибериус не выражал желание что-то сказать, я вежливо поинтересовался:

— Как у вас, отец Тибериус?

Он перекрестился, голос его звучал устало, но твердо:

— Церкви строятся, Библии не переписываются, а печатаются в местных типографиях. Восстановили двенадцать монастырей и получили разрешение от непогрешимого папы Бенедикта на открытие монастыря Святого Тертуллиана...

— Ого! — воскликнул я. — Чудесная новость. Надеюсь, теперь он сможет бывать и здесь...

Отец Тибериус взглянул с непониманием.

— Сэр Ричард...

— Я имею в виду, — ответил я несколько неуклюже, — что присутствие духа великого Тертуллиана, который так много сделал для Церкви, станет здесь заметнее.

Он чуть наклонил голову, не сводя с меня пристального взгляда.

— Мы тоже... рассчитываем на такую милость Господа. Хотя Тертуллиан, конечно, крайне спорная личность, но в местах, где проходит граница борьбы со Злом, его воинственная и непримиримая сущность, конечно, как нельзя кстати. Только потому папа Бенедикт и дал разрешение.

Я кивнул, после тех инспектирующих кардиналов мое мнение о папстве улучшилось, хоть там и свиньи, но молодцы, умеют видеть перспективу, решения принимают верные, даже если это и чуточку вразрез с официальной линией... но пока что папа все еще имеет право толковать Библию...

...до прихода Лютера, мелькнула трезвая мысль. Я натужно улыбнулся, держа лицо ясным и уверенным.

Все смотрят, не сводя взглядов, такому лорду пальца в рот не кладут, понимают.

— Господа, — сказал я в заключение, — я буду краток, как вааламова ослица. В королевстве, на первый взгляд, все спокойно. Ремесла и торговля возрождаются... да они почти и не замирали. Потому сейчас все усилия и сверхусилия должны быть сосредоточены не на том, как затащить в постель жену соседа, а на постройке могучего флота!.. Вы даже не представляете, какие неслыханные просторы и перспективы открываются перед нами!

Они смотрели настороженно, с их точки зрения, я чересчур быстр и прыгаю, как несолидная блоха с предмета на предмет, эрцгерцог должен быть малоподвижен и величав, а говорить медленно и тягуче, будто муха выползает из патоки.

Джералд Бренан спросил с запинкой:

— Флот... он для захвата островов?

— Архипелага Рейнольдса, — поправил сэр Дэвенант, очень гордый, что вспомнил.

— Острова, — сказал я с апломбом, — мелочь! Песчинка. А перед нами откроется невиданный мир, огромный и чудесный, где открывай, бери и хапай. У вас мешков не хватит для сбора добычи. Для Церкви огромное поле работы, куда нужно нести Слово Божье, для купцов новые невиданные товары, для лордов возможность совершать подвиги и захватывать огромные земли, перед которыми Сен-Мари покажется упавшим с дерева кленовым листочком!.. Потому флот необходимо выстроить быстро. Даже надрывая жилы, отказывая себе в еде и сне, но корабли мы должны построить!

Я поднялся, все почтительно встали и склонили головы. Выходя из-за стола я сказал резко:

— Барон Альбрехт, сэр Растер! Ко мне на трепку. Немедленно.

Они опустили головы и последовали за мной под сочувствующие взгляды членов расширенного, очень расширенного совета.

Глава II

В кабинете я со вздохом облегчения снял шляпу и запустил в дальний угол, отшвырнул обрыдло пурпурный, как у римского императора, плащ.

— Садитесь, дорогие друзья, — сказал я совсем другим тоном. — Извините, что пригласил так грубо, но надо же... чтобы вам не завидовали!

Барон Альбрехт засмеялся, он понял сразу и без пояснений, сел, а сэр Растер недовольно прогудел с порога:

— Сэр Ричард, когда в поход?

— Какой поход? — переспросил я.

Он сказал хмуро:

— Да любой!.. Даже я начинаю... Уже совсем начал, ага. Здесь всегда синее небо, туч не дождусь, тепло, птички птичкают, дома какие-то несерьезные... Я тут, представляете, толстеть начал! А на других и смотреть стыдно.

— Скоро, — сказал я успокаивающе. — Вы же знаете, дорогой друг, у меня шило в заднице.

— У меня там их дюжина, — проворчал он. — Ну зачем вы оставили меня в Геннегау?

— На кого мне еще положиться?

Растер повернулся и ткнул пальцем, будто ударил копьём, в грудь барона Альбрехта.

— А вот на этого!

— Наш барон не утес, — ответил я. — А вот вы — утес. Скала!.. Я и приехал только затем, чтобы подготовиться для нового наступления.

Он сразу ожил, расцвел, лицо помолодело, грузно сел за стол и откинулся на спинку.

— Куда? — каркнул он счастливо.

— Военная тайна, — ответил я многозначительно. — Враг не должен знать направление главного удара, если только он не боковой. Нет-нет, вам я верю, дорогой друг, но вон из стен торчат уши Кейдана. И еще чьи-то.

Он оглянулся.

— Где? Я их обрежу!

— Они то высовываются, — сказал я, — то прячутся. Потому лучше пусть враг остается в неведении. Барон, что скажете о ситуации вы с вашим ясным и наглым взглядом?

Барон поморщился:

— Нам тут выпить чего-нибудь дадут?

Сэр Растер вскрикнул огорченно:

— Нехорошо мои слова прямо изо рта выхватывать! Это я собирался сказать! Даже недоумевать начинал как-то вот так вовсе.

Я хлопнул в ладоши. В комнату вошел сэр Жерар, за ним двое в темных одеждах, но со знаками королевских слуг на левом плече.

— Еды, — велел я, — питья. Сэр Жерар, останьтесь. К вам тоже будут нескромные вопросы.

Сэр Растер посмотрел на вечно угрюмое лицо секретаря, сказал с сочувствием:

— Может быть, его сразу к бабам?

— Да, — согласился барон, — а то сэр Жерар уже готов признаваться, сколько мы украли из казны.

— И как гуляли, — добавил Растер, — пока кот ловил мышей в Гандерсгейме.

Сэр Жерар тяжело вздохнул, посмотрел на них с укором, но смолчал и перевел взгляд на меня.

— А теперь, — сказал я, — после всех парадных речей рассказывайте, как все на самом деле.

Растер вскинул брови, суровое кабанье лицо приняло несколько удивленное выражение.

Барон сказал мирно:

— Как ни странно, но это «как на самом деле» почти совпадает с парадным взглядом. Вот только внезапное появление вашей светлости без сопровождения отряда телохранителей... снова всколыхнуло новую волну разговоров... что вообще-то и не затихали.

Я насторожился, барон чересчур мрачен, такое с ним бывает очень редко. Сэр Жерар вздохнул так, словно тащит в одиночку тяжело груженную телегу во дворец, кивнул и снова вздохнул.

— Что за разговоры? — спросил я.

— Все мы смертны, — проговорил барон с неохотой, но голос звучал твердо. — Но когда умирает простолюдин, это никого не задевает, кроме ближайших родственников. Когда умирает владелец замка, начинается дележ владений... чаще всего — с оружием в руках. Но когда умирает король, не оставляя наследника...

Он умолк, я сказал с неохотой:

— Я не король.

— Когда умирает король, — повторил он неумолимо, — не оставив наследника, в стране начинается кровавый хаос и всяческая борьба за трон...

Я прервал:

— Погоди, неужели в самом деле у всех такие тревоги?

Он покачал головой и произнес уже теплее:

— Сэр Ричард, спуститесь на землю. Как сказал бы отец Дитрих, грешную, хотя мне кажется, здесь что-то не то, почему земля грешная? Другое дело мы, красавцы... У правящего короля должен быть наследник, которого признают таким все лорды и народ королевства. Повторяю, наши лорды и лорды Сен-Мари одинаково обеспокоены, что у вас нет наследника.

— Но я, — повторил я, — не король!

Он кивнул.

— Об этом и речь. Вам не кажется, что положение довольно двусмысленное?

— В чем?

— Вся власть у вас, — напомнил он. — Но вы майордом, а не король. Насколько знаю, майордомы в прошлом все-таки становились королями.

— Не сразу, — напомнил я, в свою очередь. — Проходили чуть ли не столетия. Да и не они становились королями, а их дети.

— Об этом и речь, — обронил он. — Но сына у вас нет. Тогда придется вам самому, сэръ Ричард. Вы будете удивлены, но я понимаю ваше нежелание взойти на трон. Это и огромная ответственность, и необходимость постоянно быть во дворце и принимать решения... зачастую неприятные, мелкие, разбирать кляузы, просьбы, прошения, мирить подравшихся лордов... в то время, как все видим, вам хочется строить корабли, открывать острова... хотя вообще-то это тоже королевское дело.

Я спросил:

— С нашими понятно, а что нужно местным?

— Стабильности, — ответил он таким тоном, словно пенял нерадивому школьнику. — Если нет законного и признанного всеми преемника, всегда начинается ожесточенная борьба за трон! Это только после смерти великого Александра осталась такая огромная империя, что ее попросту разделили и разошлись... но, как вы наверняка знаете, потом все-таки передрались, и все рухнуло. Этого и страшатся наши лорды. В смысле армландские, брабантские, ундерландские и сен-маринские. Если не вы, то предпочтут короля Кейдана. У того куча детей, из них двое мальчиков.

Я нахмурился, чертова проза жизни, только разлетелся в мечтах на дальние дивные острова, а тут за лапы и вниз, да еще с такой силой, что мордой о землю.

— Уже над этим работаю, — сообщил я туманно.

— И как? — спросил он, хотя вижу по лицу, что не улавливает, над чем и как. — Спусти в рукава?

— Ускорю, — пообещал я. — Не думал, что уже припекает.

Растер хватал со стола жареное мясо и пожирал, как крокодил, запивал водопадами вина, по глазам видно, что и ему хочется вставить слово, но некогда, занят более важным.

Сэр Жерар спросил осторожно:

— А не напоминает ли его светлость какого-нибудь адюльтера... после которого у вас остался бы бастард? При крайней нужде его можно узаконить и объявить наследником...

— Да-да, — поддержал Альбрехт, — можно среди них выбрать... десяток, а потом из них самого лучшего.

— В чем?

— Ну, породистого, важного... Для короля это важнее всего.

Растер с усилием проглотил большой кус мяса, сказал сильным голосом:

— Посмотрите на сэра Ричарда... До сего момента он был уверен, что все леди двора стараются понравиться ему только ради его красивых глаз и длинных рук!

— Обидно, — согласился с ним барон, — узнать, что всего лишь хотят стать матерями будущего короля Сен-Мари.

Они нагло захохотали, только сэр Жерар помалкивал. Я нахмурился, чувствуя себя уязвленным. Барон наконец-то взялся за еду, вид у него был такой, что, дескать, я сказал правду, а теперь пусть хоть небо падает на землю.

— Ладно-ладно, — сказал я, — все эти хаханьки припомню. Вот стану королем, и буду неистов и необуздан в монаршем гневе!

— Святом и справедливым, — добавил барон.

— И непогрешимом, — уточнил сэр Жерар, — как у папы римского.

— Да, — сказал я задумчиво, — как у папы... гм...

Они ждали продолжения, но я впал в задумчивость, первым сообразил сэр Жерар, поклонился и тихонько поднялся.

— Ваша светлость, мне нужно отдать еще пару срочных распоряжений...

— Иди, — сказал я.

Он еще раз поклонился и скрылся за дверью. Сэр Растер продолжал буйствовать за столом, как лесной пожар, мне почудилось, что исчезают даже тарелки. Барон в завершение обеда лениво отщипнул пару сочных виноградин, надо же показать, что пирует, сказал равнодушно:

— Двор ждет, что его светлость наконец-то оторвется в загулах с первыми красавицами королевства!

— Да ну?

— Тем более что успех его светлость у прекрасного пола имеет...

— Успех у женщин, — сказал я, — как правило, признак посредственности. Потому мне либо нужно признаться в посредственности, либо заподозрить женщин в том, что им что-то из-под меня надо.

— И к чему склоняетесь?

Голос прозвучал ехидно, шас вот признаюсь в посредственности, жди, но и насчет собственной гениальности не скажу прямо вот так в лоб, как провоцирует, хотя я, конечно, непогрешимее папы римского...

Кстати, отец Дитрих его упомянул, а тут еще и сэр Жерар плеснул горючего масла в огонь. Плохо представляю, что такое непогрешимость и для чего, может быть, это необходимо для дела Церкви, однако она сама, как понимаю, разрастается на том фундаменте, что оставили первые христиане. И постепенно обрастает ракушками, как корабли Ордоньеса, что тормозят

ход, а в конце концов вообще не позволят сдвинуться с места. Некоторые реформы можно бы осторожно начинать уже сейчас, не дожидаясь, пока местный Лютер прибьет на дверь своей церкви знаменитые девяносто восемь тезисов. Те самые, что привели к грандиознейшему расколу общества во всех странах Европы, к столетиям кровопролитнейших религиозных войн, сотням тысяч сожженных заживо протестантов, на фоне которых воспетая поэтами Варфоломеевская ночь может показаться мелким хулиганством.

Надо бы поговорить с отцом Дитрихом, хотя не представляю, на какой козе к нему подъехать. Лютер, к примеру, перевел Библию на родной немецкий язык, чтобы любой грамотный мог читать ее, но Церковь на потерю монополии наверняка среагирует болезненно...

И вряд ли докажу, что не Лютер, не я, чуть позже кто-то другой сделает это обязательно. Церковь всегда шла впереди человечества, в непроглядной тьме освещая факелом веры дорогу в будущее, но сейчас общество кое в чем идет с нею уже ноздря в ноздю.

А как только Церковь останется позади, она потеряет накопленное почтение, даже уважение, превратится в объект снисходительных насмешек. А сие плохо, так как мощь Церкви велика, и терять ее глупо и недостойно. Мне же, как правителю мудрому и заглядывающему вперед, это вообще недопустимо.

Растер довольно рыгнул, закончив очищать стол, даже виноград пожрал, как коза какая-то, запил вином и с удовольствием потер ладони.

— Хорошо, — определил он с достоинством. — Вообще жить как-то даже хорошо! Лучше только, если бы еще и подрасться... Сэр Ричард, что-то случилось?

— Да вот барон меня огорчает, — ответил я туманно. — Вы уж с ним разберитесь.

— С удовольствием, — пообещал Растер, — у меня давно на него кулаки чешутся.

— Еще бы, — сказал я.

— Больно умный, — объяснил Растер с отвращением. — Не по-мужски!.. Ну, я пойду готовить людей к войне?

Я отпустил его кивком, а когда за ним закрылась дверь, повернулся к барону.

— Ну, говорите.

Он вскинул на меня мрачный взгляд.

— О чем?

— Что вас гнетет, — потребовал я. — Я же вижу!.. Пусть Господь не дал мне великого ума и кротости, но проникательности от щедрот подкинул, за что великое спасибо.

Барон сказал мрачно:

— Вы правы, ваша светлость. В самом деле, что-то в последнее время дают недобрые предчувствия. Даже снится всякое... Когда я пришел к вам на помощь, поддавшись уговорам Митчелла, я чувствовал, что ввязываюсь в нечто опасное, рискованное и грандиозное. Но не ожидал, честно, что ваши амбиции и аппетиты будут расти с такой скоростью...

— Это плохо?

Он кивнул, острый взгляд внимательных глаз стал еще острее.

— Нельзя хвататься сразу за несколько дел. Больших дел!.. Еще не закончено завоевание Гандерсгейма, а уже прикидываете, как захватить этот злосчастный архипелаг... Все силы, деньги и ресурсы брошены на строительство громадного флота, с ума сойти...

— Без могучего флота острова не покорить, — возразил я.

— А надо? — спросил он мрачно.

— Если бы не угрожали нашим берегам, — отрезал я, — никто бы на них и внимания не обратил! Меня Юг интересует, дорогой барон. Вовсе не острова.

Он вздохнул.

— Завоевав архипелаг Рейнольдса... так его зовут?.. обнаружим, что этим, уже нашим, островам угрожают соседние... И так до бесконечности?.. Сэр Ричард, вы не потеряли чувства меры?.. Я помолодел с вами, однако головы теряют чаще всего молодые.

Я ответил бодро:

— Барон, разве мы не шли от победы к победе? Зачем предполагать, что наша поступь оборвется?

— Не оборвется?

Я изумился:

— С чего? Мы рождены для побед!

Он скупо улыбнулся, от строгих серых глаз разбежались лучики. Взгляд тот же острый и живой, что и в первый раз, когда я увидел его в помятых и посеченных доспехах армландского лорда.

— Мне кажется, — произнес он, — я с вами молодею, сэр Ричард.

Он не договорил «...и глупею», но мне почудилось, что это прозвучало довольно отчетливо.

Глава 12

Двор бурлит, оживление началось не только во дворце, но и распространилось на весь город. Даже в соседние земли, как мне сразу доложили, помчались гонцы с сообщениями, что в столицу вернулся неистовый сэр Ричард, еще неизвестно, что восхочет и чего потребует, но перемены точно будут.

Во дворе одна за другой появляются роскошные повозки. Приезжают по большей части молодые красивые девушки на выданье, роскошные дамы и дамищи, а также солидные вельможи, что при каждом шаге для важности опираются на украшенные золотом массивные трости.

Здесь ничего не меняется, таким я и оставил Геннегау, а мое сердце все еще на просторах безбрежного

океана, морской ветер заполняет грудь, над головой ликующе трепещут вздутые паруса, а безбашенные пираты поют что-то о Флинте... ну, или о другом знаменитом корсаре, все они флинты и морганы, да и мы, если честно, в душе и сердцах.

Нахлынула сладкая тоска о такой утерянной возможности, как будто могу одновременно быть королем и пиратом, мудрым правителем и отважным бунтарем против этой гнусной тирании...

— Над чем мыслим, ваше величество?

Я оглянулся, из стены кабинета вышел Сатана в щегольском новеньком костюме, куртуазно поклонился, еще и руки развел в стороны, словно плывет брасом, затем сорвал громадную шляпу с разноцветными перьями и красиво помахал ею над выставленным вперед сапогом, словно сметал с него пыль перед тем, как дать мне поцеловать.

— Мыслим, — согласился я, — что это вы меня повысили в звании?

Он засмеялся, блестя отменными ровными зубами.

— Разве дело в титуле?

Я отмахнулся.

— Титул, звание, чин... Все равно у меня титул эрцгерцога, а должность майордома. Прошу вас, присядьте, а то у меня в глазах мельтешение от вашего костюма. Вина?

Он продолжал посмеиваться по-дружески, но с видом некоторого превосходства:

— Разве «ваше величество» не совсем рядом?... Да, если нетрудно.

Я посмотрел в упор.

— Не понял, вы меня подталкиваете или отговариваете? Если подталкиваете, то я должен противиться, если отговариваете — буду стремиться к трону. Но если вы это учли, то подталкиваете к трону для того, чтобы я думал, что не подталкиваете...

Он опустился в кресло, с наслаждением вытянул ноги и вкусно расхохотался.

— Ах, сэр Ричард, а каким вы раньше были веселым и беспечным! И не таким подозрительным. Да что там не таким, вы вообще были чисты и открыты, аки я сам на первый день творения...

Я сосредоточился, на столе качнулся кувшин, я буквально чувствовал, как он тяжелеет, наполняясь коллекционным вином, какое я пил только однажды в прошлой жизни.

Он с интересом смотрел, как я наполняю кубки: сначала плеснул себе, потом наполнил доверху его, затем долил свой. Возможно, и не знает сокровенный смысл такого ритуала, но, думаю, с его умом и хитростью поймет, почему именно так.

— Спасибо, — сказал он, — вы не задумывались об этой своей способности?

— Хотите сказать, — задал я встречный вопрос, — это от нечистого?

Он улыбнулся.

— В смысле от меня?.. Вряд ли. Я не вправе надеяться такими... да и не стал бы, если бы даже мог. В этом что-то нечестное, я не стану привлекать на свою сторону такими методами. Это меня унижает, а я о себе достаточно высокого мнения.

— Еще бы, — обронил я мирно, — поставить себя выше Господа...

— Я не ставил! — возразил он. — Клевета.

— Ну, на один с ним уровень, — поправил себя я. — Тоже нехило.

— И этого не было, — сказал он сердито. — Вы же знаете правду! Или нарочито хотите испортить вкус этого вина? Уверяю, ничто его не испортит.

Я пробормотал, поглядывая на него исподлобья:

— Все-таки, как мне кажется, вы подъезжаете ко мне не на той козе. Наверное, в это трудно поверить,

но меня в самом деле власть не интересует... Да-да, знаю, вся история состоит из сражений за трон. Ради этого лгали, предавали, травили, убивали в спину, душили родителей, а те, в свою очередь, казнили слишком нетерпеливых детей... И все эти усилия только для того, чтобы претендент на трон с помощью союзников в кровавой резне уничтожил соперников и наконец-то всадил зад в кресло трона.

Он сделал большой глоток, неспешно наклонил голову, не отрывая от меня взгляда живых блестящих глаз.

— Ну-ну, я внимательно слежу за вашей мыслью.

— Я сказал все, — отрезал я сердито. — Уже сказал! Что еще? Некто сел на трон и считает, что наконец-то достиг конечной цели, цели и смысла всей жизни. И все так считают. Борьба за власть... ради самой власти! Это считается не только нормальным, но и... единственным вариантом. Как будто нет счастья выше власти!..

Он проговорил негромко:

— Я понимаю, о чем вы. Другому достаточно победить в борьбе за власть. Дальше думает только о том, как бы удержаться на троне. Ну и, понятно, пользоваться всеми благами: жрать от пуза, таскать в постель самых красивых женщин, дарить имения фаворитам, цеплять на шляпу самые дорогие перья... Вам, понятно, этого мало. Но, дорогой сэръ Ричард, разве можно осуществлять те преобразования, что вы задумали, не имея всей полноты власти?

Он смотрел с победной улыбкой.

— Можно, — ответил я. — Еще как можно.

— Но вы ведь подумываете...

— Подумываю, — ответил я. — Нетрудно догадаться, верно? К тому идет. Да, я намереваюсь предьявить Кейдану ультиматум. Пусть передает корону мне, некоронованному правителю, официально, иначе сниму ее вместе с его дурной головой.

Он наблюдал за мной со сдержанной улыбочкой, что злила меня все больше.

— Честный поступок, — сказал он одобрительно. — Всего лишь скажете правду. А то прячетесь под картонными титулами! Вы — настоящий король, это все говорят открыто.

— А Кейдан?

— Кейдан, — начал объяснять он терпеливо, — законный король. Настоящий и законный... что выбрать? Что правильнее? Непростой вопрос для простого человека. Однако законы не боги пишут, а люди. Сильные, не скованные устаревшей, как бы это сказать помягче...

— Моралью? — подсказал я.

Он поморщился.

— Вы должны знать, что мораль тоже устаревает. Позавчера моральным было жрать своих соплеменников, вчера — только чужих пленных, а сегодня даже их нельзя, нехорошо, не так ли? Так что не только законное вчера может стать очень незаконным сегодня, но даже аморальным. Да и вообще... давайте же смотреть правде в глаза!

— Давайте, — сказал я. — Да, я подумываю забрать корону Кейдана.

— У Кейдана, — уточнил он.

— Да, — согласился я, — у Кейдана, так как короны Кейдана нет, а есть корона Сен-Мари. И собираюсь это сделать немедленно. Не откладывая. К чему бы вы меня ни подталкивали!

— Какой вы подозрительный, — укорил он мягко, — во всем я виноват... разве не вы начали строить большие корабли, что сделают войны ожесточеннее и кровавее?.. Разве я принес в этот мир эту жуть... как вы ее называете, ром? Виски?.. Да при мне ничего не пили крепче натурального вина!

Я ответил несколько сварливо:

— Не я, так другой бы придумал! Это дело времени. Есть вещи, что случаются обязательно.

Он кивнул.

— Вы правы. Но иногда лучше, чтобы некоторые вещи случились как можно позже. Я не склонен спаивать население. Трезвые проливают крови больше.

Он захохотал, очень довольный своим ошарашенным видом, ничего себе умозаключение, быстро допил вино, поднялся из кресла и отступил к стене.

Я тупо смотрел, как он ушел в монолитные глыбы гранита, словно туман в кустарник, не оставив следа, затем выплеснул остаток вина из своего кубка в камин, чтобы не туманило голову, и снова сел за бумаги.

Сэр Жерар принес новую кипу документов, которые должен подписать только я, пришлось пересмотреть, хотя все мелочи мог бы и барон Альбрехт, но то ли хочет меня загрузить, то ли не уверен, не изменился ли я сам, доверяю ли все так же...

После обеда я вышел во двор, это как бы променадная прогулка по королевскому саду с милостивыми наклонами головы в ответ на приседы и поклоны, на самом же деле просто проведал арбогастра в конюшне. Он довольно фыркал и обнюхивал меня, хватал мягкими губами за уши и не отпускал, я велел особо холить, кормить отборной пшеницей, а вместо сахара, который так любят кони, давать гвозди и негодные подковы.

— Дважды в день выводить на прогулку, — подсказал сопровождающий меня сэр Жерар, но увидел вытянувшиеся лица конюхов, поправил себя: — Конечно, если кто сможет...

Бобик прыгал вокруг и хвастался, что а вот он вхож в королевские покои, не то что некоторые копытные.

Когда я вышел из тихого полумрака конюшни в яркий жгучий свет полдня, там уже ждет барон Альбрехт Гуммельсберг, властелин Цоллерна и Ротвайля, как всегда одет с предельной тщательностью, хотя камзол

наброшен на голое тело и распахнут из-за жары на груди, но расписанные золотом львы на обеих сторонах, драгоценные камешки и прочие знаки отличия напоминают, что их хозяин принадлежит к очень знатному сословию, а небрежность в одежде — это аристократическая вольность, а не плебейское незнание этикета.

Он взглянул на меня снизу вверх, в серых живых глазах все тот же цепкий ум и пытливость, на лице подчеркнутое смирение.

— Ваша милость, — сказал я.

— Ваша светлость, — ответил он ровным и хорошо контролируемым голосом.

— Ты чего так боишься улыбнуться? — буркнул я. — Морда треснет?

Он пожал плечами.

— Да так, на всякий случай. Вдруг вас не та муха укусила. Тираны непредсказуемы...

Сэр Жерар за моей спиной хрюкнул, я сказал раздраженно:

— Уже начинаете? А чего тогда на трон пихаете? Оттуда я вовсе самодурить буду напропалую! Пойдемте, раз уж попали под мою самодурью длань, шкуры сдирать буду.

Далеко за деревьями мелькнул малиновый плащ барона Эйца. Начальник охраны дворца вообще старается держаться незримо, даже стража у него нередко замаскирована под лакеев, это уже придумка барона Альбрехта.

Сэр Жерар скупно начал докладывать о неотложных делах, барон Альбрехт молча идет с другой стороны, так прикрывают меня своими телами от стрел справа и слева, хотя в сад через такую ограду никому не попасть... кроме Бабетты.

Речь сэра Жерара оборвалась, по аллее навстречу идет яркая молодая женщина, движения быстрые,

крупная полная грудь красиво раскачивается из стороны в сторону. За несколько ярдов до меня замедлила шаг, и грудь пошла вправо-влево медленнее, а когда ее хозяйка остановилась, долгое время подпрыгивала, словно мы не на Земле, а на Луне или даже Меркурии, где гравитация вообще как бы и не гравитация.

Барон шепнул мне:

— Десять золотых монет тому, кто сможет смотреть ей в глаза!

Я пробормотал:

— Но глаза у нее в самом деле очень красивые.

— Неужели ваша светлость выиграет мои десять монет?

Сэр Жерар сказал успокаивающе:

— Просто его светлость умеет замечать все сразу. И даже эти, как их, глаза. В самом деле крупные...

Она присела в грациознейшем поклоне, но голову не склонила, а смотрела снизу вверх хитренько и явно наслаждалась теми усилиями, которые я предпринимал, чтобы не опускать взгляд ниже, а действительно смотреть ей только в глаза.

— Ваша светлость...

— Леди, — сказал я, — я вас раньше не видел при дворе.

Она прошебетала весело:

— Меня пригласила моя лучшая подруга Хорнегильда, королева турниров. Меня зовут Лилионна.

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, она говорила о вас в первый же день, когда сэр Айсторн, граф Олдвудский, отдал ей высшее место. Сказала, что вы намного красивее ее, но я даже не мог представить насколько! От вас нельзя оторвать взгляда, леди!

Она игриво засмеялась.

— Теперь я при дворе, ваша светлость! И буду так часто попадаться вам по дороге, что возненавидите.

— Давайте попробуем, — предложил я с апломбом.

— Ловлю на слове, — сказала она со смехом, ухитрившись показать белые ровные зубки, зовущий рот, две ямочки на щеках, одну на подбородке, а также нежную белую шею, открытые ключицы и все расширяющийся низкий вырез платья. — Правда, я не очень люблю двор...

— Почему? — спросил я.

Она засмеялась:

— Я совсем деревенская, как видите! И очень не люблю эти жуткие корсеты, они меня душат.

— Я тоже их не люблю, — признался я. — Они в самом деле душат все... живое.

Барон и сэр Жерар посмеивались, сразу растеряв деловое настроение. Я с сожалением отпустил это милое создание, просто предназначенное для того, чтобы его хватали и тискали, повернулся к друзьям и соратникам, но нечто тревожное пронзило, как шилом, от темени до пят: а чего такие довольные, будто у них нечто... получилось?

Сэр Жерар заметил фамильярно:

— Настоящая женщина может ничего не иметь в голове и за душой, но за пазухой у нее обязательно что-то должно быть!

Однако барон, ощутив, как моментально во мне изменилось нечто, спросил самым деловым голосом, словно мы уже час сидим в четырех стенах кабинета:

— Из Гандерстейма всего два дня тому примчался гонец с сообщением, что вы теперь милостью Его Императорского Величества Германа Третьего эрцгерцог...

— ...и властелин архипелага Рейнольдса, — добавил сэр Жерар.

Я отмахнулся.

— Это не так важно, как то, что пираты сильнее, чем мы думали. Это даже не пираты, а могучие республи-

ки... Может быть, даже державы. Во всяком случае, на одном острове я даже видел и общался с королем! Но хуже всего то, что...

Я запнулся, сэра Жерар спросил встревоженно:

— Что еще хуже?

— Последствия Великих Войн, — сказал я наконец. — По Северу удар был нанесен, видимо, значительно сильнее, чем по южной части. И хотя там и там человечество было отброшено в пещеры, на островах кое-где и кое-что из защиты уцелело.

Барон Альбрехт озабоченно присвистнул.

— Их будет взять непросто?

— Не знаю, — ответил я.

— Может быть, как-то удастся договориться о нейтралитете...

Сэр Жерар покачал головой.

— Шутите? Они уничтожают все на побережье, чтобы не дать местным выйти в море. А если построите флот... какой может быть нейтралитет?

— Или мы, — согласился барон, — или нас.

Я подумал, что остатки местной обороны, уцелевшей на островах или даже на Южном континенте, тормозят прогресс и любые перемены, потому что дают устоять старому под натиском нового, но это, конечно, сэру Жерару и даже барону будет непонятно и неинтересно.

— Будем настороже, — сказал я мрачно. — Хотя что-то надвигается...

Барон посмотрел пытливо, но промолчал, а сэра Жерара спросил обеспокоенно:

— Что, ваша светлость?

— Знать бы, — сказал я точно так, как и тогда на море. — Чутье, будь оно неладное! Просто пугает, предупреждает, но не говорит, с какой стороны и кто ударит... Ладно, идите, я пойду мыслить. Причуда у меня такая, видите ли.

Глава 13

Пару часов возился с указами и распоряжениями, карал виновных и вносил изменения в местное законодательство, в голове уже шумит и потрескивает, как всегда почти неслышно вошел сэра Жерар, встал слева у стола, почтительно склонив голову в полупоклоне, а глазки смиренно потуплены.

— Что? — спросил я.

Он сказал с поклоном:

— Ваша светлость, позвольте...

— Ну-ну, — сказал я нетерпеливо, — что еще у тебя? Шевелитесь, сэра Жерар, мы же свои, за нами никто не наблюдает.

Он отступил к двери, стукнул, она тут же отворилась, в комнату вошли трое в дорогих одеждах, но с эмблемами цеховых мастеров, первый опустился на колени и протянул в мою сторону богато украшенную шкатулку, скорее, ларец.

Руки вздрагивают от напряжения, тяжеловат, второй из цеховиков поднял крышку и вытащил крупную чернильницу в виде золотой чаши с откидывающимся верхом, украшенной крупными бриллиантами. Ножка массивная, широкая — когда чаша с вином опрокинется, невелика беда, куда хуже будет, если так же прольются чернила на мой стол и мои драгоценные бумаги.

Я повел глазом в сторону сэра Жерара, тот принял чернильницу и поставил передо мной на столешницу. Я взял длинное гусиное перо, пальцем откинул тяжелую, но тщательно подогнанную крышку, даже притертую, словно там духи, так что не только мухи не попадут в чернила, но сами чернила так просто не высохнут даже в такое жаркое лето.

— А куда дели предыдущую? — спросил я. — Помню, стояла такая... э-э... с конем.

Сэра Жерар объяснил:

— Убрали.

— Почему?

— Там был личный герб Его Величества, — пояснил Жерар.

Я фыркнул:

— Да мне по фигу. Считал бы боевым трофеем.

Он покосился на коленопреклоненных мастеров.

— Но не... все равно ремесленникам Сен-Мари. Вы загрузили всех работой, они счастливы, и это их дар вам, ваша светлость, за их, как бы сказать...

— ...счастливое детство, — прервал я. — Да-да, я тронут. Господа, спасибо, я в самом деле приятно польщен. Куда проще быть королем для лордов, чем для простого народа, вам хрен угодишь, все не так, все рыла воротите... Это признание дорого стоит, спасибо! Хочу сказать, что самые большие заказы сейчас в Тарасконе, там начата великая стройка века, деньги и заказы туда уже текут рекой... Можете встать, господа.

Они поднялись, рожи разругались, глаза блестят, запах наживы — лучшее средство от усталости и уныния.

Старейшина сказал с поклоном:

— Ваша светлость...

— Господа, — ответил я.

Они попятнулись и вышли, сэра Жерара хотел было удалиться тоже, я остановил кивком:

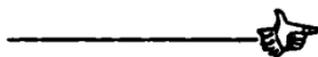
— Знаете, сэра Жерар, на самом деле мне один овощ, из какой чернильницы писать. Лишь бы в чернилах не плавали дохлые мухи.

Он сказал почтительно:

— Да вы святой, ваша светлость!

— Ага, — ответил я, — да, я он самый. В общем, вы поняли? Регулируйте там сами. А то попрут с подарками, а я человек совестливый, отказаться не смогу, буду жрать, пока не лопну.

Он помялся, отошел ко второму столу и вернулся с другой шкатулкой в руках, украшенной таким количе-

ством драгоценных камней, а сверху еще и жемчужинами, что пристала бы больше королеве, чем вообще мужчине.

— Ваша светлость...

— И эта мне?

Он кивнул.

— Принесли, когда вы проводили заседание Тайного Совета. Мои помощники приняли.

Я покачал головой.

— Ну-ну. И что я с нею буду делать? Бусы складывать? Или оторванные пуговицы?

— Это для письменных принадлежностей, — пояснил он. — Тут есть отделение для тонко просеянного песка, особо очищенный сургуч... и прочее необходимое.

— От кого?

— Гильдия писарей.

Я буркнул:

— Мог бы догадаться. Все остальные подарили бы меч, топор или доспехи... В общем, насчет подарков понял. Гони назад, но вежливо! Если увидишь, что отказаться — смертельно обидеть, бери, но без обязательств, а то я их, гадов, знаю. Подарят шкатулку, а хотят взамен получить сундук.

Он поклонился и отступил к двери.

Я сказал вдогонку:

— И как бы невзначай оброни, что лорд вернулся, гневен, недоволен и задаст чертей всем, кто прятался от обязанностей, как пес от мух! Вроде как утка информации, понял, дорогой сэр Жерар?

— Слушаюсь, ваша светлость.

Из окна кабинета видно, как во дворе среди зелени на позолоченных столбах ветер лениво треплет широкий красно-желтый полог, защищающий от солнца. На

дорогой ткани с обязательным шитьем золотом в глаза бросается королевский герб Кейдана. Барон Альбрехт в свое время хотел заменить, но бурно воспротивился сэру Растер, громогласно доказавший, что это символ победы сэра Ричарда и его рыцарей, потому, мол, пусть все видят. Главное не чье, а кому принадлежит сейчас. Не умаление чести сэра Ричарда, а доблестно завоеванный, даже захваченный, прямо скажем, трофей.

Я снова покосился в окно, со лба сорвалась капля горячего пота, в здании жарко и душно от накалившихся стен. Жерар сочувствующе вздохнул, но в глазах все то же непреклонное: надо, сэра Ричард, без пастуха любое стадо гибнет.

Я сказал с досадой:

— Да черт с ними, этими церемонными столами! Сэр Жерар, собрать мои письменные принадлежности, карты Гандерсгейма и архипелага Рейнольдса!..

— Будет сделано, ваша светлость.

— И все отнести вон туда!

— Как скажете, ваша светлость.

— Так и скажу, — сказал я раздраженно. — Изволю!

Он сказал с неуверенностью:

— Может быть, заменить хотя бы полог? Там привыкли... ну... развлекаться. В его сени, так сказать...

— Что такое сени? Ах да, сенные девушки... Сена не надо, без него накувыркаемся.

— Музыкантов позвать?

Лицо его было серьезное, я спросил с досадой:

— Издеваетесь? Для меня работа и есть развлечение, вот так вам! И без музыки. И вас приучу развлекаться таким странным для простого божьего создания извращенным образом.

Он тяжело вздохнул, а я вышел, заложив руки за спину. К счастью, на правах победителя я сразу ввел новую моду: в жару всего лишь в рубашке, брюках и башмаках, да и то рукава закатываю по самые бицепсы.

Молодежь Сен-Мари тут же подхватила моду, старшее поколение держится, под пышностью одежд скрывает недостатки фигур, хотя кое-кто, желая попасть в фавор победителям и у кого телосложение сохранилось, тоже вот так появляются в саду с распахнутыми на груди рубашками из тонкой дорогой ткани.

Полог установлен удачно: воздух свежий, тень от солнца, ветерок постоянно охлаждает жар моего тела, я устроился на легком стульчике и корпел над картой.

Стражи заняли все направления, откуда ко мне могли бы пожаловать незваные гости, я работал самозабвенно, пока в саду не раздались испуганные крики. Я услышал частый конский топот, рука привычно метнулась к рукояти меча. Из-за аккуратно постриженных деревьев выметнулся, как огромная дивная птица, прекрасный белый конь с роскошной гривой и пышным хвостом, а на нем пригнулась, зарывшись лицом в дикую прическу, хохочущая женщина с развевающимися волосами.

За нею со всех ног бежали стражи с копьями в руках. Я помахал им успокаивающе, мол, возвращайтесь к воротам, и они с облегчением остановились, но на оскорбившую их нарушительницу смотрели с лютой злостью.

Конь остановился возле меня, как вкопанный, не видно, чтобы устал или даже запыхался, это значит, леди Бабетта появилась уже прямо в саду. Стражи, по видимому, новые, еще не знают, что я запретил расследовать случаи, когда она появляется вот так из ниоткуда, минуя строжайшую охрану.

Она весело смотрела сверху вниз, ожидая реакции. Я поднялся во весь рост, он у меня хорош, подчеркнуто поморщился.

— Ах, леди, как вы можете?

Она очаровательно улыбнулась.

— Что?

— Ну, вот так на коне, — сказал я таким тоном, словно поймал ее на непристойности. — Мало того, что это конь, а не лошадь, но что за седло под вами?

Она смотрела насмешливо.

— Ах, милый Ричард!.. Если бы это говорил сэр Жерар или сэр Альбрехт — вон как осуждающе смотрят!.. даже бровями шевелят, — я бы поверила, но вы можете только дразниться, прекрасно зная, что я по доброте женской души и мягкости пылающего к вам сердца просто не посмею обидеться...

— Ага, — сказал я с тяжелым сарказмом, — и доброта... и женская... и душа... как много того, чего у вас никак не нащупаю! А мягкость пылающего сердца — это вообще нечто. Вы-то знаете точно, что это такая мышца, усердно гоняющая кровь от головы к жопе, ненадолго останавливаясь в гениталиях. Позвольте, я вам помогу...

Она не стала ждать, пока придержу стремя, попросту упала мне в объятия, обхватила, как бы страшась упасть, я тоже обхватил и сжал, тоже вроде бы спасаю, так некоторое время вдыхал нежный аромат ее кожи, свежесть ее дыхания, однако чувственное начало сразу же дало себя знать, и я сдавил ее уже со страстью.

Она счастливо вспикнула, засмеялась:

— Сэр Ричард, я вас тоже люблю... весьма и зело.

Я опустил ее на землю, коня ухватили за повод и увели, а я церемонно подал ей руку. Она оперлась так же церемонно, а затем расхохоталась и пошла уже свободнее, прижимаясь то боком, то горячей грудью, и все выглядит в пределах правил этикета, только других, менее сковывающих, нужно будет ее поучить новым правилам наших церемониймейстеров и учителей танцев.

В мозгу крутится это «весьма и зело», где это она могла услышать, я такое ввернул пару раз в самом тесном кругу своих близких, но отогнал всякое подозри-

тельное, с этим потом, заглянул в ее брызжущее весельем лицо.

— Надолго? — поинтересовался я.

— Пока не прогоните, — ответила она весело.

— Тогда останетесь жить здесь, — заявил я.

— Останусь, — согласилась она, — на всю жизнь, а то и вообще на два-три дня.

— Тогда велю приготовить вам покои, — предложил я.

Она вскрикнула в ужасе:

— Что? Мы уже не поместимся в вашей постели?

— Гм, — сказал я, — не могу же я таким сокровищем пользоваться в одиночку? Ваши красота и обаяние — народное достояние. Более того, всенародное!.. Вдруг захотите с кем-то переговорить еще?.. А моя кровать рассчитана только на двоих...

Она посмотрела с интересом:

— Правда? Какой же вы целомудренный, сэр Ричард!.. За что я так обожаю рыцарей, их нравы, их мораль...

— Вы не сказали, — заметил я, — ваши нравы, вашу мораль...

— Разве вы не стоите выше таких условностей? — спросила она. — Вы же государь!.. Ну ладно-ладно, не кривитесь! Все равно правитель. В некоторых случаях это даже... как вы сами знаете.

— Знаю, — ответил я. — Король останется королем и после разгрома, а вот я....

Краем глаза я видел, как сэр Жерар собрал мои карты, свернул в трубочки и уложил в продолговатый ларец. Двое стражей подошли по его знаку, он понес сокровище лично, никому не доверив взять в руки.

Мы с Бабеттой прошли через ряд залов, за нами неотступно следуют двое дюжих стражей в мягкой обуви, дабы не отвлекать правителя грозным топотом сапог, это уже не поле брани, на женщину рядом со мной смотрят неотрывно, да не ударит правителя в бок или со спины, от них можно ждать всего и даже больше.

Глава 14

Последнюю перед нами дверь распахнули с каменными лицами и отступили одинаковые, как механизмы. Леди Бабетту пропускать вперед не пришлось, в дворах такие широченные проемы, что стадо коров можно прогнать, мы вошли вместе.

Она охнула и прижалась ко мне.

— Сэр Ричард! Как обидно...

— Что стряслось?

— Я надеялась, вы меня тащите прямо в спальню!

— Ну да, — сказал я с сарказмом, — так и поверю, что вам интересны такие простые и привычные места. Спальни потому так и называются, что там спят.

Ее глаза заблестели любопытством.

— А-а, на вашем рабочем столе?

— Точно, — подтвердил я.

— Ой, какой вы хитрый выдумщик...

— Да вот с выдумкой у меня что-то все слабее, — пожаловался я, разворачивая карту на столе.

Взгляд ее быстрых глаз сразу же прикипел к карте, лицо приняло настоящее выражение, а брови сдвинулись так, что между ними даже появился намек на крохотную морщинку на чистом и ровном фарфоровом челе.

Я наблюдал с интересом. Если в самом деле на два-три дня, то нужно как-то объяснить появление при дворе, сюда не заходят просто так с улицы. Ее титул, цели, вообще должна быть какая-то легенда для успокоения общественности, придворного люда.

Она продолжала изучать внимательно карту, лицо сейчас серьезное, без тени игривости, иногда, как бы случайно, поглаживает карту на сгибах, но я замечал, что уточняет расстояние между островами, все мы знаем, какой длины у нас ногти, пальцы, и когда нет под рукой измерительного прибора, то большие площади

измеряем шагами, малые — растопыренными пальцами, а очень малые — ногтями или фалангами.

— Знаешь, — проговорила она медленно, все еще не отрывая взгляда от карты, — здесь довольно точно. Хотя и не везде...

— Где, — спросил я уязвленно, — неточно?

Она улыбнулась:

— Милый Ричард, как легко попадаете в простейшие ловушки! Значит, эту карту составляли вы лично?

— Под моим наблюдением, — ответил я дипломатично, стараясь, чтобы она не видела, как бью себя ногами за детские реакции. — Я же эрцгерцог! Не стану же сам рисовать, как простой...

— Ну-ну, — сказала она с неподражаемой интонацией, — конечно-конечно. Карта хороша, и нарисовано точно. Но что неполна, сами знаете, мой дражайший лорд и повелитель.

— Знаю, — согласился я. — А откуда знаете вы, совершеннейшая из женщин?

Она улыбнулась уже достаточно мило, хотя взгляд оставался серьезным и вряд ли из-за двусмысленности комплимента.

— Вы могли бы попросить и у нас карту... Без всяких хлопот.

— У вас?

— У императорской канцелярии, — пояснила она. — Через меня.

Я промедлил, сказал виновато:

— Простите, леди Бабетта, даже в голову не пришло. Привык, что все надо самому. А уж просить у женщины... Да еще, подумать только, карту...

Она победно хихикнула:

— Вот видите...

— А насколько ваши карты хороши?

— В каком смысле?

Я сказал невинно:

— Знаете, милая, о чем я. Что на ваших картах есть еще... помимо очертания берегов?

Она слабо улыбнулась.

— Сразу в корень, да? В основном, дорогой мой лорд и завоеватель королевства, как и моей души, вы правы, там всего лишь очертания. Однако кое-где отмечены места, где нас встретили враждебно. Я покажу эти точки... и эти гадкие острова.

— Там их больше?

— С южной стороны, — уточнила она. — Но наша карта чуть более подробная. В чем-то.

Я смотрел на нее неотрывно, она ответила ясным взглядом, но на этот раз я увидел, как в глубине ее ясных и одновременно хитрых глаз мелькнуло смущение.

— Бабетта, — сказал я, — насколько можете говорить правду? Я догадываюсь, императорскому флоту у тех островов надрали задницу. Об этом, естественно, стараются не говорить, а все данные — засекретить. Чтоб враги, внешние и внутренние, чепчики в воздух не бросали. А то еще вздумают всякое, враги везде такие... Но, если хотите использовать меня в своих интересах, я должен видеть всю картину. И знать про все предыдущие попытки овладения островами.

Она скупно улыбнулась.

— А вас, мой непредсказуемый воитель, можно использовать в своих интересах?

— Можно, — ответил я, — если это совпадает с моими. Уже используете, не так ли? Этот архипелаг и у меня, как бельмо на глазу. Ну, может быть, не все острова, а только один-два, где обитают держащие в страхе наше побережье?

— Тогда, — ответила она со смешинкой в глазах, но уже серьезно, — может быть, и рассказать только об этих островах?

Я пожал плечами.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок. Расскажите, прэлэстныца.

Она сказала с веселым укором:

— Милый Ричард, разве я паршивая овца? И вообще вроде бы не совсем овца... Еще как не овца, хотя мягкая, теплая и шелковистая... И такая покорная в ваших грубых лапах, сама удивляюсь. Дело в том, что одним-двумя островами не обойдешься. Грабят побережье не только в Гандерсгейме, но и по всему Сен-Мари, а у него очень протяженная береговая линия. Можно сказать, весь Сен-Мари разлегся вдоль моря... Однако и в той же Вестготии нет на берегу места, где можно было бы спастись от пиратов. А для такого масштабного грабежа, как догадываетесь, задействованы силы больше, чем одного-двух островов.

Я нахмурился.

— Ну, да... Хотя там и грабить нечего. Народ на берегу не селится давно.

Она кивнула, глаза и лицо стали совсем серьезными.

— С другой стороны, как уже знаете, нет попыток вторжений на континент. Значит, постоянные нападения на берег служат одной цели...

— Не дать построить флот, — закончил за нее я, — и не допустить на морской рынок еще одного конкурента. Но если корабли постоянно наблюдают за берегом, не получая никакой добычи, то им, выходит, кто-то платит за их работу?

Она снова кивнула.

— Это значит, у пиратов при всех разногласиях существует и некий центр, который определяет общие для всех задачи. Одна из них — не допустить в море новые державы. С этим согласны они все. Возможно, не центр, а существует некий общий договор. Но, мне кажется, вы сумели кое-что противопоставить...

В ее голосе прозвучала странная нотка.

— Охраняемую бухту?

Она медленно наклонила голову.

— Это прорыв, сэра Ричард!.. Но берегитесь, будут серьезные попытки сокрушить все, что строите. Серьезные!

— Пусть попробуют, — сказал я уверенно, хотя на самом деле такой уверенности не чувствовал. — У нас для них тоже есть кое-какие сюрпризы.

— Какие? — спросила она с любопытством.

— Кое-какие, — уточнил я с тайным злорадством. — Что, попытаетесь вывести?

Она засмеялась.

— Ох, милый Ричард! Если бы у вас можно было бы что-то вывести через постель или как-то еще, я бы не была в вас так безумно влюблена. Вы кремень, скала...

— ...утес, — подсказал я.

— Утес, — повторила она и посмотрела на меня с испугом в глазах. — Вы что, читаете мысли?

— Нет, — успокоил я, — просто в этом же порядке я говорил сэру Растеру, когда нужно было... гм... успокоить. Леди Бабетта, эрцгерцога нужно дурачить чем-то иным, чем простых рыцарей. Вас обманули, сообщив, что все мужчины одинаковы! Даже среди женщин попадаются неодинаковые, а уж мужчины...

Она улыбалась мило и счастливо, сейчас начнет беспечно щебетать, у нее это получается просто чудесно, и надо быть такой подозрительной скотиной, как я, чтобы не дать себе расслабиться и напомнить еще раз, что за этой птичкой нужно круглосуточное наблюдение как со стороны стражей, так и со стороны чародеев, да не ускользнет под покровом магии. А ускользнет, то хотя бы приблизительно ощутим, какие силы скрывает под беспечной улыбкой.

В дверь стукнули, сэра Жерар вошел с опущенной головой, не поднимая глаз, поставил ларец с картами, над которыми я работал, на полку шкафа и, закрыв дверцы, запер его на ключ.

— Спасибо, сэр Жерар, — сказал я. — Надеюсь, вы там ничего не дорисовали.

Он поклонился.

— Ваша светлость, кто рискнет совершить такое... зная о вашей особой памяти?

Он вышел, Бабетта повернулась ко мне, глаза полыхнули жгучим интересом.

— Что у тебя за особая память?

— Я все еще помню, — ответил я, — как ты в прошлый раз затащила меня в постель, хотя я и упирался просто бешено.

Сэр Жерар на удивление редко приносит бумаги, испрашивающих аудиенцию тоже маловато, сработал слух, что майордом явился зело зол и яростен, да и вообще крут нравом, я же то и дело застывал, глядя бараньим взглядом в пространство, где то и дело появляется лицо Бабетты.

После разговора с нею осталось двойственное чувство, словно все-таки сказала больше, чем сказала, но я смотрел в низкий вырез ее платья и где-то ступил, пропустив мимо ушей самое важное. А может быть, так нарочно делает, чтобы не врубился сразу, а то начну задавать неудобные вопросы, а вот только погода, перебирая слово за словом, могу отыскать важное, но уточнить подробности уже не смогу, на что ее дальновидный и очень точный расчет...

Сэр Жерар появился неслышно, отвесил поклон, которого, наверное, и сам не замечает, настолько привычно, взглянул исподлобья.

— Ваша светлость, как насчет приема послов?

Я удивился:

— А что, их надо перепринимать заново?

— Нет, — ответил он лаконично.

— Так в чем дело? Верительные грамоты нового образца?

— Есть новые...

— Грамоты?

— Послы, ваша светлость.

Я оживился, спросил с интересом:

— Кто? Откуда?

— От короля Фальстронга.

Я удивился:

— А где это?

Он пожал плечами.

— Понятия не имею. Говорит, из некоего королевства Варт Генц...

— А-а-а, — протянул я, — так там теперь уже Фальстронг? Как интересно...

Он посмотрел с недоумением.

— Вы... слышали о таком?

Я отмахнулся.

— Да я его прошел вдоль и поперек!.. Это же совсем рядом с Гиксией!

Он тяжело вздохнул.

— Сейчас там одни руины, да?

Я сказал оскорбленно:

— Хорошего вы мнения о своем лорде! Ничего подобного, там все цветет и пахнет. И птички, птички, везде птички...

— Птичек не тронули, — сказал он понимающе. — Добрый вы, ваша светлость. Так как насчет приема посла из этого далека?

— Примем, — решил я. — И никакое это не далеко.... Так, пару-десяток королевств в сторону севера и чуть-чуть на запад. Ну, конечно, за дикими лесами, быстрыми реками, глубокими озерами и высокими горами. Да, еще болота, как же без них... Скажите, приму в главном коронном зале, он же Золотой. Что для самых торжественных приемов и прочих непотребств.

Он слушал внимательно, но, как мне почудилось, понимает и то, что отвечаю, как говорящий автомат

в храме, а голова забита другим, когда мысль ползет, мучительно протискиваясь в узкие щели, и если ее придавит, то будет больно и мне.

— Будет сделано, ваша светлость.

Он бесшумно удалился, а я продолжал разматывать клубок мысли насчет каравелл. Их преимущества не только в том, что на каждой больше народа. Главное, на них можно разместить что-то поновее, чем отряды лучников. Правда, можно только на корме, она приподнимается над общим уровнем палубы и достаточно широка.

Сперва мысль пошла по проторенному руслу: поставить бы пушки, как и делалось, как раз две поместятся на корме. Больше негде, но с этим сложновато, пока даже не знаю, в каком из монастырей благочестивый монах Шварц, во имя Господа, но по наущению дьявола придумывает порох, да и не уверен, что надо его делать вот прямо сейчас... Поэкспериментировать с греческим огнем, что ли, но уже то, что его перестали применять сами греки, показывает, что не такое уж и стоящее дело. А слухи о том, что «секрет утерян», это пусть повторяют старухи и подобные им рерихнутые демократы, что в древности ищут и как бы даже находят ответы на все вопросы. Секреты не теряются, просто оказываются никому не нужными, а ценность утерянных знаний — весьма преувеличенной.

Есть варианты насчет катапульта, как раз на корме можно установить одну, однако из них хорошо стрелять, стоя на неподвижной земле, по крепости напротив, что не двигается и не рыщет на волнах. Как бы камень ни полетел криво, а в стену попадет. Или перелетит через, тоже хорошо.

Можно еще придумать нечто вроде крана, что будет подвешивать каменные глыбы, а потом ронять на палубу вражеского корабля, идущего на абордаж. Глыбы проломают не только палубы, но и днища, корабли тут

же потонут. Так, говорят, делал Архимед, когда к стенам Сиракуз подходили римские корабли. Но те краны стояли на твердой земле, их можно было делать любого размера...

Я вскинул голову, заметив что-то мешающее, с неудовольствием обнаружил сэра Жерара, стоит столбом и смотрит на меня с укором, словно это он майордом, а я невесть как сюда пробравшийся беспризорник в поисках чего бы спереть.

— Сэр Жерар, — буркнул я.

— Ваша светлость, — ответил он почтительно, — осмелюсь напомнить, вас ждут в Золотом зале. Как вы и велели.

— Иду-иду!

— Вы уже трижды сказали это «иду-иду», — напомнил он. — Ваша светлость, надо.

— Прямо сейчас? — спросил я с досадой.

— Как вы и говорили, — напомнил он вежливо и не меняя выражения лица, — труба зовет. Видимо, какая-то государственная, нам неслышимая. Так вот сейчас даже я слышу ее зов! Весьма и зело, как вы изволите таинственно выразаться, нетерпеливый зов.

Я со вздохом сожаления встал из-за стола, потянулся.

— Хорошо, идем.

— Вот так? Одеваться не будете?

Я оскорбился:

— Я что, голый?

— Нет, — ответил он с достоинством, — но... вы же сами придумали слово «затрапезный» и ввели в моду новый обычай, что в обществе нельзя появляться в одежде, в которой садились за трапезу!

Я скривился, будто хватил укуса.

— Мало ли что говорил! Меня только послушайте. Десять тысяч курьеров!.. Я брякнул, не подумал, похваляться восхотелось и даже возжелалось, а вы тут же в моду... Эх, что за жизнь, ходи и бойся всего...

Трон в Золотом зале, это значит, даже люстра выкована из лучшей меди, все начищено до блеска, а рогульки отделаны золотом, трон не просто на помосте, эта часть зала еще и отделена массивными колоннами, тоже в золоте сверху донизу с изображением мифологических зверей, древних королей и вздыбленных коней, похожих на беременных кенгуру.

Справа и слева от трона в стене двери, ведущие в мои покои, вернее — в мою часть дворца. Я появляюсь оттуда и сразу же на трон, а кто идет ко мне — выходит из дальней двери на том конце зала и двигается через проход в толпе внимательно наблюдающих за такими посетителями придворных и бдительных стражей.

Лицом к залу уже стоят сэр Растер и барон Альбрехт, неподвижные и величественные, я прошел за их спинами к трону, в зале все синхронно наклонили головы.

Некоторое время я смотрел тяжелым взглядом на покорно склоненные затылки, так принято, мы не умеем читать мысли, только в словах и жестах можем понять, кто покорен нашей воле, кто нет, и они все тоже, не имея других средств выражения, вот таким склонением голов указывают, что целиком и полностью принадлежат моей партии, так сказать. А еще прячут блудливые глазки, чтобы я в самом деле не догадался, кто к какой принадлежит на самом деле.

Глава 15

Донесся далекий голос церемониймейстера, слуги распахнули украшенные золотом и серебром створки двери. Вошел высокий и худой мужчина в широкополой шляпе и в роскошном камзоле, усеянном золотыми блестками и знаками отличия. Серебряные волосы красиво падают на плечи жипона старинного покроя, в руке трость, лицо строгое, а взгляд прямой.

Как и в первый раз, когда его увидели, мои рыцари оглядели его с недоумением и остановили взгляды на его высоких красных сапогах из тонкой кожи. Мелодично позвякивающие золотые рыцарские шпоры — единственно привычная нам деталь костюма, в остальном герцог Чарльз Фуланд выглядит реликтом иной эпохи.

— А он как тут оказался? — шепнул я одними губами и не поворачивая головы.

Альбрехт шепнул еще тише:

— Его сын, Арчибальд Вьеннуанский, если еще помните, сражается в Гандерсгейме.

— Помню, помню.

— Вот его отец решил, видимо, пока держать ему место, чтобы никто не занял...

— Арчибальд хорош, — ответил я тихо, — никто его место при дворе не захватит.

— Тираны непредсказуемы, — шепнул он и добавил мстительно: — И ох как капризны...

Ответить я не успел, лорд Чарльз остановился в трех шагах от помоста, за ним еще трое, один мне незнаком, высокий смуглый мужчина в дорогом костюме, поверх которого стальная кираса с гербом на всю выпуклую грудь.

Я смотрел с бесстрастно-благожелательным выражением лица, как солнце, что светит одинаково на чистых и грязненьких. Сэр Чарльз отвесил церемонный поклон «а-ля допотопное время» и сказал торжественно:

— Позвольте представить его высочество Джонатана Ферджехейма, полномочного посла Его Величества короля Фальстронга из далекого королевства Варт Генц!

Еще раз поклонившись, отступил, а на его место после короткой и точно рассчитанной паузы встал посол, лицо моложавое, хотя настоящую профессию таких вот обветренных в боях и походах, побывавших во многих битвах, узнаю сразу.

Он поклонился глубже, чем сэр Чарльз, хотя не так изящно.

— Ваша светлость...

Я проговорил с интересом:

— Я рад видеть вас в Геннегау. И передайте мою признательность, что Его Величество прислал ко мне послом человека столь высокого звания... тем более мужественного воина и полководца.

В зале негромко шушукаются, все-таки я — его светлость, а посол — его высочество, что говорит о его близком родстве с королевской фамилией, очень знаковый жест со стороны короля Фальстронга. Самим фактом посольства дает понять, что признает мою власть в Сен-Мари законной, а что во главе человек такого высокого ранга — знак, что выказано глубочайшее уважение и кровная заинтересованность... в чем-то.

Джонатан Ферджехейм поклонился.

— Спасибо за лестные слова, ваше... ваша светлость.

Он едва не сказал «ваше величество», я ж на королевском троне, и думаю, то не была запланированная оговорка, по ту сторону Хребта не такие хитрые и прощитывающие каждое слово придворные интриганы.

— Надеюсь, — сказал я, — вы найдете ваше пребывание здесь достаточно приятным.

Он снова поклонился, уловив по моему тону, что аудиенция закончена. Я перехватил взгляд барона Альбрехта, сейчас по дипломатическому протоколу полагается отправить посла в соседний зал, где его должна милостиво принять моя жена с ее фрейлинами... а если я вдруг оказался бы вдов, то мои дочери, однако я сингл, что затрудняет мою жизнь в подобных ситуациях, и на временные трудности военного времени уже не сошлешься.

Я шепнул Альбрехту:

— Кто у нас королева турниров?

— Леди Хорнегильда, — подсказал он. — Так я и поверил, что не помните ее глаза!

— Сэр Джонатан, — сказал я, — я уверен, вас еще теплее примет двор прекраснейшей леди Хорнегильды, признанной нашими рыцарями самой красивой женщиной Сен-Мари!

Посол улыбнулся уже свободнее, неуклюже отступил, не успели еще натащить наши церемониймейстеры кланяться «а-ля сен-мари», а на его место заступил следующий, но не посол, а представитель крупной торговой гильдии.

Я вздохнул и приготовился окунуться в простой и наивный мир, где еще не знают венчурных трастов и загугейных рейдеров.

Вечером под окнами прошли двумя рядами служащие парка, полили каменные дорожки, даже за пределами королевского сада поплескались, оттуда пахнет горячей пылью и нагретым за жаркий день камнем стен, а от сада несет приторно сладкими запахами роз.

От кафедрального собора донеслись тягучие звуки колокола. Усилиями отца Дитриха Церковь снова становится в Сен-Мари силой. Как ни странно, но опираться удается на молодых, что обычно везде и при любых формациях являются бунтарями, но здесь старшее поколение настолько зажралось, что молодые ощутили потребность в верности долгу, чести, доблести, самопожертвовании, что пока больше мода и вызов старшему поколению, но кто знает...

И хотя, как уже понимаю, со временем у большинства это пройдет, но сейчас именно они посещают службы, жадно слушают проповеди и с горящими глазами готовы нести Слово Божье на остриях мечей в дикие страны.

На Юге, как я помню, нет ничего подобного Церкви. Все языческие культы во все века во всех странах и на всех континентах были сами по себе. Даже в Древнем Риме, властелине мира, создавшем юриспруденцию, ин-

женеров и еще много чего важного, храмы богов были независимыми, в каждой местности свои, единого центра не было, да такая мысль и в голову не приходила.

Только Церковь сумела создать культ с единым центром, и все остальные, где бы ни находились, признают с той поры власть римских первосвященников и подчиняются им. Но на Юге Церкви нет, а культ какого-нибудь Черного Властелина не простирается дальше родного села, да и то приходится делиться властью с множеством мелких божков, у которых свои последователи и почитатели.

К примеру, хоть и считался Зевс самым главным из богов, но масса народу поклонялась не ему, а Аполлону, Афине, Афродите, Дионису, строила им храмы, воздвигала алтари и статуи.

Кстати, Зевс вполне подходит на роль Черного Властелина, так как убил родного отца, силой захватил власть, подавлял восстания титанов и гигантов, вел разгульный образ жизни. Жены и любовниц ему было мало, он держал при себе мальчика Ганимеда для плотских утех, совокуплялся с животными, рыбами, птицами и даже насекомыми.

Правда, другие эллинские боги не отставали от него в таких бесчинствах, но это только говорит в пользу того, что это подхвостье Черного Властелина, тот мир, нужно уничтожить и принести на выжженную святым огнем землю нашу чистую и кроткую веру в Господа и его бесконечную милость.

Я хмуро подумал, что выстраиваю идеологическую линию уже и за Церковь, ну прям работы у меня мало, да за дверь не выйти, чтобы не наткнуться на приседающих красоток с томными глазами и покорными взглядами.

Стол заботами сэра Жерара чуточку передвинут ближе к камину, а мое кресло так совсем рядом. От горящих поленьев всегда такое странное сухое тепло, что даже в

жаркий день, а тем более ночь — чувствуешь как нечто из камина о тебе заботится, тебя любит и защищает...

Неслышно отворилась дверь, появился сэр Жерар, поклонился с самым что ни есть непроницаемым видом.

— Ваша светлость...

— Сер Жерар?

— К вам леди Хорнегильда, ваша светлость.

Я вскинул брови, несколько мгновений пытался понять, зачем королеве турнира спрашивать аудиенцию у моей светлости.

— Хорошо, зови.

Он отступил за дверь, а через мгновение послышался шелест платья, пахло свежими лесными цветами, холодными и чистыми, леди Хорнегильда подошла почти вплотную и присела в низком поклоне.

Я помолчал, рассматривая ее, в подобных случаях сюзерен заговаривает первым, и сколько бы он ни молчал, вассал должен вот так пребывать в смиренном поклоне.

— Леди Хорнегильда, — произнес я наконец.

— Ваша светлость...

Она оставалась в низком поклоне, я постарался не смотреть в низкий вырез ее платья, хотя это неприлично, смотреть надо, хотя и не надо, спросил участливо:

— Что вас беспокоит, леди Хорнегильда?

Она подняла голову, оставаясь в той же позе, посмотрела на меня снизу вверх, мужчинам это всегда нравится, так женщины выглядят слабыми и беззащитными, а мы, соответственно, могучими и способными защитить, укрыть, спасти, согреть, поиметь...

— Ваша светлость, — произнесла она негромко, все-таки странные у нее глаза, круглые, светлые с темным зрачком, как у хаски, — ваша светлость... мне прислали сообщение, что мой любезный отец серьезно болен.

— Соболезную.

Она поднялась и, глядя мне в глаза гипнотизирующими зрачками, произнесла смиренно:

— Я испрашиваю вашего высокого позволения немедленно навестить моего родителя.

— Достойное рвение, — ответил я, — родителей надо чтить... как говорят.

— Ваша светлость, — сказала она тихо, — я осмеливаюсь порекомендовать на это время мою лучшую подругу занять мое место, я о ней вам уже говорила, Лилионну.

Я вроде бы порылся в памяти, так надо, хотя сразу вспомнил ту сочную красотку, с зовущим телом, наполненным словно бы густым теплым молоком и горячим медом.

— Эта которая... ага... я ее недавно видел в саду.

— Она вполне сможет меня заменить, — пообещала Хорнегильда. — Высокое происхождение, благородное воспитание, учтивость... а внешность вы могли оценить с первого взгляда.

Мне показалось, что по ее губам проскользнула едва заметная улыбка, но глаза оставались серьезными.

— Гм, — сказал я, — ну, если вы ненадолго...

— Постараюсь, — пообещала она, — леди Лилионна сумеет принять ваших высоких гостей и занять их при дворе, уверяю вас!

Я кивнул.

— Хорошо, леди Хорнегильда. Желаю вашему отцу скорейшего выздоровления!

— Ваша светлость...

Она снова присела в поклоне и, не поднимая головы, пошла к двери.

Сэр Жерар дважды заглядывал с обеспокоенным лицом и встревоженными глазами:

— Ну что? — спросил я сварливо. — Не сплю и другим не даю?.. Хорошо-хорошо, заканчиваю.

Он сказал смущенно:

— Ваша светлость, вы не так поняли...

— А как надо?

— Токмо беспокойство за ваше драгоценное здоровье... гм...

— Да, конечно, — сказал я и поднялся. Суставы сладко затрещали. — Доброй ночи, сэра Жерар.

— И вам, ваша светлость.

— И еще, сэра Жерар, — сказал я весомо, — корова не дает ни молока, ни мяса, то и другое у неё отбирают, не спрашивая. Налоговая система никому не нравится, даже налоговикам, но куда от нее деться? Так что следите за этим очень тщательно, сэра Жерар. Казна должна пополняться за счет налогов, а не за счет прямых и прочих понятных грабежей.

Он кивал, не записывая, у меня стойкое подозрение, что у него память не хуже моей.

— Спокойной ночи, ваша светлость!

Глава 16

Короли всегда окружали себя сладкоголосыми певцами и музыкантами, в то время как герои сражались за страну на границе, отражали вторжения врагов и сами вели ответные рейды в глубь вражеской территории.

Однако певцы, воспевая героев, как требовали короли, медленно и осторожно принижали их роль, а свою, напротив, приподнимали. И в конце концов все эти музыканты, актеры, певцы стали из слуг хозяевами, уже они ездили в роскошных каретах, покупали себе дворцы и замки, уже не их вызывали во дворцы, чтобы актеры дали представление, а прежние любители искусства теперь вынуждены были ездить во дворцы актеров...

Я проснулся, некоторое время хлопал глазами, слыша далекие звуки лютни, потом сообразил, почему приснились именно певцы и музыканты, мозг работает и

ночью, трудяга, в отличие от меня, вот и сейчас ищет вариант, как и актеров не обидеть, и не дать им сесть на голову, все-таки не актеры должны задавать вектор обществу, как кое-где, не буду указывать пальцем, практически получилось.

Я вылез из постели, в соседней комнате услышали скрип кровати и выстроились полукругом. Я вошел, увидел склоненные головы, пробурчал:

— Всякая ерунда снилась... зато отыграюсь на вас.

Пока одевали, я успел продумать налоговые льготы для открывателей новых рудников, а также послабления гильдиям плотников и столяров, если работают над госзаказами, с государства много не получишь, нужны добавочные пряники.

Затем я перешел в свой кабинет крупного государственного деятеля, посмотрелся в зеркало, да, в самом деле крупный, сделал себе чашку крепкого кофе и сел за бумаги.

Вскоре дверь распахнулась, вошел сэр Жерар. Дверь он оставил открытой и, придерживая ее одной рукой, с достоинством поклонился.

— Ваша светлость... отец Павел!

Я кивнул, не отрывая взгляда от большого рисунка на листе бумаги во всю столешницу. В распахнутую дверь вошел человек в сутане, поклонился замедленно. Я, не поворачивая в его сторону головы, указал на кресло на той стороне стола.

Он прошел и сел, лишь тогда сэр Жерар вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Священник остался сидеть тихий, как мышь, я закончил прорисовывать борт галеона по памяти, выделил жирной чертой жесткие шпангоуты и тогда лишь повернулся к отцу Павлу.

Мне он сразу показался похожим на церковную крысу, и хотя я этих церковных никогда не видел, но представляю именно такими: мелкими, сторбленными,

с бегающими глазками и нервными суетливыми движениями, злобными по самой натуре, когда все вокруг большие и сильные, обижают одним своим видом, преисполненным превосходства и пренебрежения, и в ответ можно лишь быстро укусить и спрятаться в норку.

Или, подумал я, за спину более сильного зверя.

— Отец Павел, — сказал я, — мне вас порекомендовал великий инквизитор отец Дитрих в качестве личного духовника и поверенного в некоторых делах. В миру ваше имя, если не ошибаюсь...

Я сделал намеренную паузу, он подсказал торопливо:

— Фридрих фон Фридрих, ваша светлость!

— Прекрасно звучит, — признал я. — Не буду спрашивать, почему вы сменили гордое рыцарское имя на менее звучное имя создателя христианства, меня интересует совсем другое. Мы многое делаем с запозданием, но не потому, что такие уж черепахи, просто в других делах мы продвинулись очень уж стремительно и далеко.

Он сказал быстро:

— Истинная правда, ваша светлость!

— Отставание кажущееся, — повторил я, — однако и его надо ликвидировать. А то в самом деле как-то не так, королевство уже наше с потрохами, усердно восстанавливаем веру в Христа, а во дворце все еще нет священника...

Он сказал торопливо:

— Вы паладин! Вы и воин, и священник...

— Верно, — согласился я, — я вот такой весь из себя, но сам всю работу не переделаю, я вообще-то ленивый, больше люблю смотреть, как другие работают и вообще трудятся. Нужен кто-то, кто принял бы часть ноши на себя, а лучше — всю, я же скромный, аки овца божья.

— Что я должен делать, ваша светлость?

— Перво-наперво, — ответил я, — нужно часть земель выделить монастырям, освободив их от любых налогов. Пусть изобретают порох или обучают народ грамоте, не заботясь о хлебе насущном.

— На свободных землях?

Я подумал, спросил удивленно:

— А что, в Сен-Мари могут быть свободные?.. Сэр Жерар покажет вам списки репрессированных, чьи земли еще не раздали моим орлам, их и можно изъять... на почти законных основаниях.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Ваша светлость, но это будет недостаточно обоснованно!

— А действия Бога должны быть обоснованны?

Он открыл рот и закрыл, потом наклонил голову.

— Простите, ваша светлость.

— Господь всегда прав, — сказал я внушительно, — хотя мне пока и непонятны Его замыслы... А вам?

Он вздрогнул, перекрестился.

— Господи, избавь меня от таких кошунственных мыслей!

— Вот и хорошо, — сказал я. — Действуйте. Заодно посмотрите, чтобы влияние Церкви усиливалось... без перегибов. Во дворце должен витать дух умеренного вольнодумства и фронды. Во-первых, с вольнодумцами общаться приятнее, они всегда дураки и бездельники, во-вторых, можно без помех наблюдать за оппозицией... Отец Павел?

Он поднялся, поклонился торопливо.

— Ваша светлость...

После обеда сэр Жерар заглянул на минутку и сообщил, что в Геннегау из Тараскона вернулся отец Дитрих.

— Отлично, — сказал я обрадованно, — вот уж кому я скучаю и кого рад видеть просто так, даже без особого дела!

— Послать за ним?

Я покачал головой.

— Нет, однако можно сообщить, что моя светлость будет рада его видеть. Если у него там ничего не горит, то может и заглянуть ко мне. Если захочет.

Он улыбнулся, поклонился и пропал за дверью.

Вечером мы вчетвером: отец Дитрих, барон Альбрехт, сэра Растер и я сидели в моем кабинете за столом, накрытым совсем не картами. Сэр Растер деловито наполнял вином кубки, такое приятное дело не стал доверять слугам, одобрительно поглядывал на горы паштета из гусяной печени, россыпь коричневых тушек скворцов, зажаренных в оливковом масле, но пришел в восторг, когда внесли огромного гуся, размером с откормленного кабана.

Отец Дитрих молитвенно сложил руки у груди.

— Благословение свое даруй нам через Господа и Иисуса Христа. Аминь.

— Аминь, — сказал я.

— Аминь, — поддержал барон Альбрехт.

Сэр Растер просто кивнул, не в силах выговорить слово, рот уже забит слюной при виде великолепного зажаренного гуся.

Отец Дитрих посмотрел на него с интересом:

— Сын мой, почему вы решили, что мне нужен полный кубок этого, без сомнения, замечательного вина?

Растер сказал многозначительно:

— Иногда человек за вином рассказывает то, что не выдаст ни под какими пытками. А вам есть что скрывать, святой отец?

Отец Дитрих пробормотал:

— Вообще-то инквизитор здесь я...

Сэр Растер сделал вид, что у него от ужаса дрожат руки, поспешно сел.

— Тогда наливайте себе сами.

— Святой отец, — сказал я, — наш новый священник, отец Павел, не слишком ли ревностен в вере и следовании обрядам? У нас таких зовут святошами.

Сэр Растер прогудел:

— Это как?

— Святоша, — объяснил я, — это тот, кто при неверующем короле сам был бы безбожником.

Отец Дитрих отпил вина, прикрыл глаза на миг, то ли отдыхая, то ли смакуя.

— Отец Павел, — сказал он наконец, — верный сын Церкви. Он учит прежде слушать Бога, а уже потом — короля.

— Он из рыцарского рода? — поинтересовался я.

— Он сам был рыцарем, — уточнил отец Дитрих. — Он говорил мне, что люди плачут над вымыслами поэтов, а на подлинные страдания взирают спокойно и равнодушно. Это и подтолкнуло его оставить меч...

— И заняться вымыслами? — спросил дотоле молчавший барон Альбрехт.

Отец Дитрих взглянул на него строго, я сказал поспешно:

— Святой отец, это барон Альбрехт, человек, от которого и капля воды не скроется в океане! Вы же знаете, для него укусить — это как мне меду хлебнуть.

— Благородный человек, — негромко произнес отец Дитрих, — говорит лишь о достоинствах ближнего, низкий — лишь о недостатках. И пусть оба лгут — первый идет на небо, второй — в преисподнюю.

Альбрехт сказал поспешно:

— Нет-нет, я хочу выбирать сам. Кстати, вчера в Геннегау прибыл великий магистр оккультных наук Адольф Фридрих, он обещает, что человеку будет дан выбор...

Отец Дитрих поморщился, я спросил в недоверии:

— Выбор в таком деле? Что-то он не так понял насчет выбора!

Сэр Растер пробурчал:

— Чем он великий?

— Может по руке предсказывать судьбу, — объяснил барон.

Отец Дитрих поморщился сильнее, а я пожал плечами.

— Еще Диоген говорил, что, когда смотрит на правителей, врачей или философов типа меня, он уверен, что человек — самое разумное из живых существ. Однако стоит взглянуть на прорицателей или людей, которые им верят, ему кажется, будто даже земные червяки умнее человека... Думаю, этого прорицателя нужно арестовать за что-нибудь, пусть барон Альбрехт придумает, а в тюрьме удавить втихую, чтобы не смущал народ. Как вы, отец Дитрих, думаете?

Он взглянул на меня исподлобья.

— Сын мой....

— Да, святой отец?

— Если без крови, — буркнул он тихо. — Церковь не любит убийств.

— Это не убийство, — сообщил я, — а лишение жизни.

— А-а-а, ну тогда другое дело.

Я повернулся к сэру Альбрехту.

— Видите? — спросил я торжественно. — У Церкви нет войск, нет острых мечей и длинных копий. Мы боремся только истиной, верой и правдой. Но, несмотря на отсутствие грубой силы, вера Христа проникает в самые глухие уголки и укореняется в сердцах!

— Ага, — сказал он и посмотрел на меня, как на мелкого жулика, что снова выигрывает крупную сумму, — тогда я пойду распоряжусь...

— Топайте, — разрешил я, — ах да, еще одна досадная мелочь... Подкиньте нашим лингвистам... ну, поэтам и бардам, мелкую задачку, но пообещайте большой денежный приз...

— Ваша светлость?

— Нужно заменить некоторые слова, — пояснил я, — в официальной и даже повседневной речи. Меня всегда коробила эта фальшь типа «потери в живой силе» или «сражение выиграно», «бой проигран», «войну выиграли»... Это не игра! Любая война — это не «потери в живой силе», а убитые люди, сожженные города и огромные потери для экономики. Кто говорит «войну выиграли» — тот военный преступник! Он не только оправдывает войну, но и ставит ее на уровень веселых развлечений. Мол, это же так здорово: убить десятки тысяч людей, сжечь их дома, изнасиловать женщин, вырубить их сады, насрать в их колодцы...

Отец Дитрих весь превратился в слух, барон кивал, запоминая, и только в честных глазах сэра Растера я видел растущее недоумение. Что-то непонятное лорд-эрцгерцог говорит, ведь в самом деле это так здорово: убить десятки тысяч людей, сжечь дома, изнасиловать женщин, вырубить сады, насрать в их колодцы...

— Какую премию? — спросил барон.

— Десять золотых, — сказал я.

— Ваша светлость, — воскликнул сэр Растер шокированно, — такие большие, просто огромные деньги!

— А если выражение удастся заменить, — добавил я, — победитель получит еще сто!.. Сэр Растер, не скулите, мне вообще-то насрать, что убьют десятки тысяч людей и что-то там спалят, но такое развлекательное мероприятие притормозит экономику, а мне спад ни к чему, зато на подъеме выиграем тысячи, даже сотни тысяч золотых! И все можно прикарманить, хотя... зачем?

Он не понял, но сказал послушно:

— А-а, ну тогда да, наверное, ага, конечно...

Барон поднялся.

— Ладно, здесь все уже выпили, так что пойду и прямо сейчас пошлю в город глашатая.

— Прямо в гильдию актеров, — сказал я, — там еще барды, певцы, художники и прочие труженицы горизонтального промысла... пусть поборются за приз! Как полагаете, отец Дитрих?

Великий инквизитор поднял на меня взгляд внимательных глаз, на лице проступило сильнейшее удивление.

— Ваша светлость, — произнес он почтительно, — я бы сказал, что вы растете очень быстро. Я даже сомневался, предлагать ли вам именно отца Павла...

Я насторожился:

— Почему?

— При дворе, — ответил он с некоторой неохотой, — священник должен быть весьма представительной внешности. Я сперва хотел было предложить отца Иеронима. У него огромный рост, красивое лицо, могучий голос и красивая жестикуляция, как у потомственного кардинала. И рясу носит с таким достоинством, словно это императорская мантия...

— Мужчина, обладающий большими достоинствами и умом, — возразил я веско, — никогда не бывает безобразен.

Он кивнул, не сводя с меня цепкого взгляда.

— Многие ли это понимают?

В саду деревья посажены редко, чтобы между ними оставалось вдоволь лужаек для прогулок, места для беседок и ажурных павильонов. В одном месте поставили высокие качели, из моего окна видно, как девушки с радостным визгом взлетают на высоту своего роста, верещат в испуге, хохочут, бросают друг в друга цветами.

Шелковые веревки, на которых подвешено сиденье из дорогих пород дерева, искусно перевиты виноградными лозами, умело вставлены цветы. Сейчас там раскачивается Лилионна... только имя и напоминает о Ли-

лианне, но та вся эфирная и небесная, а эта — кровь с молоком, налита юностью, свежестью и похожа на только что созревшее румяное яблоко, что с готовностью захрустит на зубах, а рот наполнится сладким соком...

Я отвернулся от окна, с каждым днем становлюсь все подозрительнее, и хотя помню, что качели там стояли изначально, еще при Кейдане, но чудится, что нарочито выставлены чуть ли не под мои окна... хотя, возможно, Кейдан тоже отсюда присматривал всяких, кого можно утащить в ту часть дворца, куда жена не заглядывает...

Дворец высок, просторен и с большими окнами, но что-то в нем сохранилось от древних времен, когда эти строения были еще замками: суровость обстановки, несмотря на обилие статуй в нишах, люстры тяжеловаты, выкованы из слишком уж толстых полос металла, словно их делали привыкшие к изготовлению мечей и топоров оружейники, на столах ровный ряд подсвечников, богато украшенных и вычурных, но слишком уж собакевичных, легкость и всякое там изящество придет позже.

Вдоль стены музыканты в ярких одеждах наигрывают нечто приятное на слух, между рядов изредка проходят гости. Я с высоты своего кресла увидел, как вдали показалась леди Хорнегильда, за нею две фрейлины, а следом леди Лилионна. На этот раз в тугом корсете, грудь не прыгает из стороны в сторону, да и двигается Лилионна мелкими шажками, как надлежит благородной девушке.

Они подошли к столу, я взглянул на королеву турнира и поприветствовал вежливо:

— Леди Хорнегильда...

Она присела в поклоне.

— Ваша светлость...

Я ждал, и она, выпрямившись, сказала с тем же подчеркнутым почтением:

— Позвольте представить мою лучшую подругу, леди Лилионну.

Она отошла в сторону, леди Лилионна сделала два шага вперед и, заняв ее место, присела в глубоком поклоне. Грудь, туго стиснутая жестокой хваткой корсета, беззвучно молила выпустить ее на свободу, а ее хозяйка смиренно смотрела в пол.

— Леди Лилионна, — сказал я.

— Ваша светлость, — прошелестела она тихим послушным голосом и подняла на меня взгляд безумно ярких синих глаз, крупных и даже огромных.

— Леди Лилионна, — произнес я дружески, — леди Хорнегильда предложила мне, чтобы вы заменили ее на троне на время отсутствия. Не думаю, что обязанности покажутся вам обременительными или вызовут войну между Сен-Мари и Армландией. Собственно, вам нужно только улыбаться и хихикать. Чем глупее, тем лучше, мужчины это обожают. Можно подхихикивать, еще с вами должны быть две подхихишки, тоже молодые и красивые. Справитесь! Да и леди Хорнегильда, надеюсь, скоро вернется.

— Спасибо, ваша светлость, — ответила она и поднялась, теперь смотрела мне прямо в лицо.

Я сделал широкий жест в сторону второго кресла.

— Занимайте, пока леди Хорнегильда не передумала.

Хорнегильда улыбнулась, Лилионна сделала робкий шаг к помосту. Я протянул руку и помог ей взойти, но она еще не успела сесть, как Хорнегильда спросила нетерпеливо:

— Ваша светлость, я могу идти?

— Даю свое разрешение, — ответил я. — Передайте родителям мои пожелания выздоровления.

— Ваша светлость, — произнесла Хорнегильда обрадованно и присела. — Спасибо, мою повозку уже запрягли.

— Вы все предусмотрели, — заметил я.

Она сдержанно улыбнулась.

— Одинокой девушке вдали от родителей приходится все продумывать самой.

— Соболезную...

— С вашего позволения, — прошелестела она тихо, — я отправлюсь немедленно.

Я кивнул, она поспешно пошла обратно между столами, а обе фрейлины-подхихишки, переглянувшись, заняли свои места за креслом исполняющей обязанности королевы турнира.

В свои покои я вернулся в полночь, устало отшвырнул шляпу, привычно дал себя раздеть лордам, кивком поблагодарил, что их удивило, это их долг, обязанность и высокая привилегия, а я подождал, пока выйдут все, прошелся по комнате, день был жаркий, воздух остынет только к утру, а сейчас просто душный, наполненный ароматами уже не трав и цветов, а жареного мяса, вина, острых приправ и запаха пота как мужского, так и женского.

На этот раз не полезу на крышу, ну что за дурак, сигаю мыслью в стратегические дали, а почему-то не сообразил, что стоит выйти потихоньку на балкон, дожждаться полной тьмы, и можно взлетать в небо, даже не прибегая к исчезновению...

Хотя, конечно, скорее всего заметят, будут вопросы, на другой день под балконом обнаружу дежурящий отряд отборных стрелков, дабы никакая тварь не пыталась напасть на спящего сэра Ричарда.

Я лежал в постели, лениво слушая, как затихают последние голоса в саду, со стороны двери пахло коридорным воздухом, в щель скользнула леди Лилионна и тут же тихонько прикрыла за собой.

Стараясь сообразить, где же это дал маху, я медленно поднялся. Леди Лилионна приблизилась быстро, на этот раз в ночной рубашке, настолько легкой и про-

зрачной, что не скрывает ее прелести, но я взял себя в руки и смотрел только в ее глаза.

— Леди Лилионна, — произнес деревянным голо-
сом.

Она присела в низком поклоне, рубашка ее настоль-
ко свободная, что я, заглядывая в вырез, увидел даже
узор ковра на полу.

— Ваша светлость, — ответила она и улыбнулась
так, что на щеках сразу появились две милые ямочки,
как и на подбородке.

— Встаньте, леди Лилионна, — сказал я, — гм... види-
мо, я где-то сглупил... подскажите, где... У меня не было
намерения заходить в своем восхищении вашей редкой
жизнерадостной красотой и здоровьем... так глубоко.
Мне жаль, что вы истолковали именно так... или кто-то
вам помог понять мои комплименты именно так...

Сияющая улыбка сбежала с ее милого лица. В гла-
зах сперва появилось непонимание, недоумение, затем
губы задрожали, а на щеках проступила бледность.

— Ваша светлость!

— Да, — сказал я с неловкостью, — вам нужно
вернуться к себе, леди Лилионна. У меня такой вот
обет безбрючия, что люблю Господа нашего и мать его,
а также большие корабли и яблочный пирог...

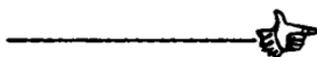
В ее прекрасных крупных глазах заблестели слезы.

— Простите, ваша светлость... я в самом деле...
Я очень виновата! Я не оправдала надежд нашей семьи,
я все испортила...

Слезы прорвали запруды и побежали по щекам. Она
попятилась к двери, не сводя с меня страдальческого
взгляда, но едва ее рука коснулась ручки, я спросил:

— А при чем тут семья?... А ну-ка погоди...

Она послушно остановилась, слезы продолжали бе-
жать по щекам, оставляя мокрые блестящие дорожки.
Она рыдала беззвучно, глотая эти сверкающие жемчу-
жины, боялась пошевелиться, испуганная тем, что все

не так, как думала, как ей сказали, к чему подготовили, а я подошел ближе, нависая над нею, как утес над ягненком.

— Ваша светлость, — прошептала она.

Руки мои против воли их хозяина взяли ее рубашку за ворот, дернули единственную завязку, и тонкая ткань заскользила вниз, собравшись у наших ног.

Она рыдала, не решаясь согнуться и закрыться, хотя я видел, как ей страшно и как хочется хотя бы обхватить свое нагое тело руками.

Да пошли они все, сказал я себе с яростью. Что хочу, то и делаю!.. Один раз — еще не гей, а так я вообще-то держу себя, ага, держу, даже не вспикиваю...

Я потащил ее к постели, она пошла покорно, все еще с заплаканным лицом и покорными глазами. И легла тихо и безропотно на самом краешке, страшась даже повести глазом в мою сторону.

— Не смущайтесь, леди, — сказал я. — Адам и Ева именно в такой одежде жили в раю, а здесь такая духота, что я и собственную кожу сбросил бы!

Ее голосок едва слышно прошелестел в полутьме:

— Как будет угодно вашей светлости.

— Мне угодно, — сказал я чуть строже, — чтобы вы не сжимались от ужаса. У вас настолько великолепное тело, что я даже не знаю... вообще не могу представить, что хоть одна из здешних женщин может сравниться с вами!

Она чуть повернула голову в мою сторону, глаза в полутьме блестят влажно и загадочно.

— Так что же... вам мешает, ваша светлость?

Я запнулся, чуть не начал рассказывать о своих высоких принципах, ну когда несет, то уже несет, настолько привык с отцом Дитрихом и толкать речи перед лордами, что чуть было не, ага.

— Ничто, — заверил я, — я готов удовлетворить свою разнузданную похоть, изнасиловать вас, моя леди,

грубо и смачно... в общем, насладиться, как паук на молодой толстой мухе. И я это сделаю! Чуть позже. Но я лорд и потому сперва хочу знать, что вам сказали ваши благородные и без всякого сомнения целомудреннейшие родители, отправляя в этот вертеп.

Она прошептала:

— Меня убьют...

— Почему

— Если скажу...

— Несмотря на мою защиту? — спросил я грозно.

Она глубоко вздохнула, сказала совсем тихо:

— Мой отец и мои братья настаивали, чтобы я приняла предложение леди Хорнегильды переехать ко двору. А когда она возжелала навестить отца, они настояли, чтобы я сумела уговорить ее временно заменить ее на троне...

— Ого, — произнес я. — Как им это удалось?

— Они пообещали подарить ей мазь волшебника Ирбигения, — прошептала она.

— Чем она хороша? — спросил я. — Делает невидимым? Позволяет летать? Дает бессмертие?

Она покачала головой.

— Нет, гораздо больше!

— Что же?

— Делает кожу лица молодой, — ответила она восторженным шепотом, — и убирает все морщины! Женщина старится только телом, но его не видно под одеждами, зато лицо остается юным.

Я проговорил в затруднении:

— М-дя, гм... да, наверное, весьма зело... и даже местами обло. И что, они в самом деле отдали?

Она прошептала:

— Да. Как только она представила меня вашей светлости. Они стояли там дальше в проходе, леди Хорнегильда проходила мимо, мой брат передал ей ларец.

Глава 17

Я помолчал, переваривая интересную информацию. Мазь, судя по их отношению, считается весьма ценной. Получена за то, что эта синеглазка с ямочками на щеках займет кресло королевы турнира на недельку. Пустяк, продешевили, если не предполагать, что намереваются получить через эту вот дублершу нечто более важное...

И в самом деле уже в первый же день при дворе, и вот рядом в постели вся из себя голенькая, жаркая, сочная, а другие так и не сумели оказаться на этом ложе, несмотря на все старания и ухищрения.

Возможно, потому, что те другие — простые любительницы, а на эту работает целый штаб... А во дворце везде незримо присутствует группа поддержки.

— Это хорошо, — прошептал я ей в ухо, — что вы мне рассказали. Теперь мы с вами друзья... Дружба приносит только пользу, а любовь иногда и вред.

— Ваша светлость...

Я сказал жарким шепотом:

— Мужчины смотрят на женщину, как на живительный напиток. Что женщин самих мучит жажда, они замечать не желают. Увы, леди Лилионна, я тоже такой... нормальный.

Барон Альбрехт с утра свеж и бодр, жипон на нем новенький, с иголочки, расшит золотыми нитями, а на груди обязательная золотая цепь с крупным загадочно поблескивающим камнем в серебряной оправе.

Мне показалось, что смотрит на меня как-то не так, что значит, уже осведомлен. Весьма осведомлен. И вообще, думаю, уже весь двор осведомлен, это в интересах определенной группы, борющейся за влияние.

— Ваша милость, — обратился к нему я.

— Ваша светлость, — ответил он с церемонным поклоном.

— Как спалось?

— Как младенцу, — ответил он, как мне почудилось, с некоторым вызовом. — Как безгрешному младенцу!

Я возразил благочестиво:

— Все мы появляемся на этот свет уже отягощенными грехом происхождения от животных предков с их дикими и плотскими инстинктами. Я имею в виду нашу прародительницу Еву, что понесла от этого грязного животного, Змея, от которого родила Каина и Авеля, наших родоначальников!

Он подумал, спросил с сомнением:

— Но дети бывают разные... одни в мать, другие в отца, третьи в дядю, четвертые в деда, а пятые вообще в соседа... так и люди, сэр Ричард... одни ведут род больше от Сифа с примесью крови Каина, а другие от Каина с малой примесью крови Сифа...

Я спросил с подозрением:

— Это вы к чему, крайне любезный сэр?

Он воскликнул патетически:

— К тому, что ваша светлость ведет свой род напрямую от ангелов небесных, таких чистых и непорочных, что прям плакать хочется! Вот как взгляну на вас, так и хочется.

— Ага, — сказал я, — понял. Но завидовать нехорошо, учтите, сэр. Это грех и даже гордыня. Вот вам нынче наказ государственной важности. Тщательно изучите родословную леди Лилионны, ее нынешнюю родню, связи, вкусы и политические пристрастия всех, даже самых дальних родственников.

Он хмуро поинтересовался:

— Что, настолько хороша?

— Нет слов, — ответил я. — Теперь надо понять, почему.

Он хмыкнул, иронически поклонился.

— Ваша светлость...

— Ваша милость, — ответил я.

Он ушел, я некоторое время думал о Лилионне. О таком всегда думается хорошо, даже мыслится, без напряжения и с великим удовольствием. Потому я взял себя железной рукой за хвост, пару раз со смаком с размаха хряснул о стену, после чего во мне протрезвело, я начал ломать голову над тактикой морского боя больших кораблей с множеством малых.

Как ни выкручивай мозги и ни брейнстормингуй, но уже видно, хоть и не сразу, что в поисках оружия нужно смотреть не в античность, а в далекое будущее. Самое удачное решение для парусного флота — это гарпун. Гарпунная пушка, из которой били китов, но точно так же можно бить и малые суда.

Вообще-то гарпунная пушка — это мощный лук, называемый гастрарфетом. Он может с силой и достаточно точно бить огромной стрелой, размером с рыцарское копье. Их применяют редко, катапульты и требушеты значительно эффективнее. Гастрарфеты против крепостных стен бесполезны, а в полевом сражении успевают выстрелить только раз, а дальше либо наступающие сомнут, либо придется стрелять в спину своим, что идут в наступление.

Однако установленные на корабле, они могут успеть выстрелить несколько раз. Главное же, в морском сражении достаточно и одного удачного выстрела. Корабль пойдет на дно, какая бы сила ни металась по палубе, потрясая мечами, нужно только пробить борт ниже ватерлинии.

Кроме того, изобретенный не то ассирийцами, не то персами или финикийцами, гастрарфет был хорош уже в эллинской армии, но эллины даже паровую машину не раз делали, гелиоцентричную систему разгадали и атомарную структуру материи открыли, ну и что?

Сейчас открываем и делаем все заново. Вообще-то привычные арбалеты — это те же гастрарфеты, массовое

применение которых отбило нападение карфагенского флота великого полководца Гамилькона, попытавшегося захватить крепость Мотию на западном берегу Сицилии.

Само слово «гастрафет» более точное, чем «арбалет», так как состоит из слов «живот» и «лук», то есть заряжается, когда упираешь конец в землю и наваливаешься животом, чтобы натянуть тугую тетиву, а «арбалет» из слов «дуга» и «метать», но восстанавливать справедливость в таких вопросах не мое дело, пусть будет арбалет, мне нужно только, чтоб он был как можно более мощным.

Гастрафеты античности били на двести пятьдесят ярдов. В то время как лучшие композитные луки — только на пятьдесят. Плутарх в своих «Изречениях царей и полководцев» записал, как сын Аргесилая Архидам, увидев, как далеко и точно бьет гастрафет, воскликнул с горечью: «Великий Геракл! Вот и конец всем доблестям».

На основе ручных гастрафетов были созданы станковые, что стреляли намного дальше и мощнее, хотя и заряжать приходилось дольше, но я, если воссоздам их по старинным чертежам без изменений, буду круглым дураком. Пусть другие этого не увидят, но я буду именно круглым дураком, потому что знаю, как на смену веревочной тетиве придет стальная проволока, а деревянную дугу из ясеня заменят стальной полосой.

И пусть это не станет массовым явлением, но корабли уж постараюсь вооружить по полной мере. И не тем, которое есть, а которое могло бы быть. Корабли терять — удовольствие дорогое...

Ничего не придумав с ходу, как очень хотелось, я хлопнул в ладоши, тотчас появился сэръ Жерар и молча склонил голову.

— Сэръ Жерар, — сказал я, — отыщите и принесите фолианты из королевской библиотеки.

— Все?

— Зачем мне все?.. Вы что, читать мысли еще не научились? Тоже мне, царедворец! Господи, какие здесь все дикари... Мне нужны те, в которых описывается осадная техника и различные метательные устройства, привычно называемые нами баллистами, а то и вовсе катапультами, подразумевая и онагры, и «скорпионы», и требюшеты, и эйнармы.

— Эй... — проговорил он, — чего?

— Эйнармы, — повторил я, — да не заморачивайтесь! Просто несите.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Немного прибалдел, вижу по лицу, я кивнул ободряюще, он еще раз поклонился и торопливо вышел.

Я покосился на зарешеченное окно, там на подоконнике простой деревянный крест на массивной золотой подставке, дерево потемнело от времени, зато ярче видна игра драгоценных камней в оправе из благородного металла.

В прошлый раз вроде бы не было, мелькнула вялая мысль. Если король Кейдан успел увезти с собой драгоценности, то сейчас кто-то стаскивает во дворец подобное, и в первую очередь — в покои майордома, все еще не понимая, что это за странный титул — эрцгерцог.

Явился сэр Жерар не скоро, в руке лишь свернутый в трубочку листок, виновато развел руками.

— Ваша светлость...

— Сэр Жерар, — ответил я в нетерпении, — принесли?

— В королевской библиотеке лишь любовная лирика, — сообщил он. — Великое множество фривольных сочинений, не увидел бы их отец Дитрих, удар хватит, множество альковных историй... с иллюстрациями, весьма подробно и... гм...

— Правдоподобно?

— Точно, сэр! Вы как будто сами их все прочли!

— Не читаю, — отрезал я твердо. — Библиотека крупного государственного деятеля должна состоять совсем из другого рода литературы! Кейдан не был крупным.

Сэр Жерар заметил тихонько:

— Он вообще не был деятелем.

— Почему так думаете?

— Иначе дал бы вам отпор получше, — ответил он. — Сторонников у него в Геннегау больше, чем мы думаем.

— А это что у вас? — спросил я.

Он протянул листок.

— Это все, что нашел.

Я тупо смотрел на стих, написанный витиеватым почерком, потом заметил, что на полях небрежно нарисованы различные требушеты и катапульты. Grimаса истории в том, что Петрарка всю жизнь писал на латинском языке трактат об Африке, а на полях, балуясь, набрасывал стишки на простонародном итальянском в честь своей подружки Лауры. С тех пор помнят основоположника итальянской поэзии и эту Лауру, и почти никто на свете не слыхал о никому не нужном трактате.

На полях довольно умело нарисованы эти штуки, кто-то свое дело знал, но я всмотрелся и требушеты, катапульты и все виды тяжелых баллист отбросил сразу, хоть и с тяжелым сердцем. Попасть с качающегося корабля по другой качающейся штуке, что к тому же идет под парусом — задача непосильная для любого Архимеда, а я еще тот перипатетик.

Часть III

Глава 1

Обед я велел подать в свой кабинет, уверенный, что пожру быстро и в приятном одиночестве, одним глазом в карту, масляные губы можно о скатерть или о штору, если та на расстоянии протянутой руки, однако следом за подносом, на котором двое слуг внесли жареного лебедя с длинным ярким пером в толстой жопе, вошла сияющая леди Лилионна, присела в приветствии и тут же красиво и улыбочиво заняла кресло с другой стороны стола.

Я мэкнул в недоумении, но прикусил язык, а вдруг так надо по протоколу, а я из тех шибко умных, которые инструкции никогда не читают, а потом устраивают пожары. Слуги быстро установили весь стол блюдами с жареным мясом, печеными и вареными яйцами мелких птиц, с тушками этих прожаренных малюток, карту аккуратно убрали и свернули в трубочку.

Леди Лилионна с прямой спиной и гордо-приветливым видом сидит в таком же, как и у меня, королевском кресле, что обеспечивает ей полную неуязвимость со спины, даже если в нее будут стрелять из башенного арбалета. Из такого сбивают драконов, но все равно стрела не пробьет толстую спинку, где внутри проложены три листа закаленной стали.

Я шумно потянул ноздрями, во рту сразу же начала скапливаться слюна, как у простолоудина, что недостойно крупного государственного деятеля.

— Сегодня же, — сказал я с подчеркнутым раздражением, — прикажу так вкусно не готовить!

Она широко распахнула невинные голубые глаза.

— Ваша светлость...

— Слишком вкусная еда, — объяснил я, — вредна для человека точно так же, как слишком пылкая и горячая любовь.

Она открыла и закрыла ротик, мило улыбнулась.

— Ваша милость шутит? Кто откажется от вкусной пищи? Вся суть любого пира в том...

Она озадаченно умолкла, сообразила, что перечит, а, судя по ее виду, это точно не входило в ее намерения.

— Лучшая приправа к пище, — сказал я твердо, — голод. Избыток пищи мешает тонкости такого изящного ума, как мой.

Она озадаченно смотрела, как я пожираю лебедя, оставив одни косточки, перешел на мелких жареных птичек, ел крабов едва ли не с панцирями, очистил блюдо с рыбой, не пропадать же добру, раз принесли...

Ее фрейлины Светлана и Морена молча внесли на широких серебряных подносах украшенные золотом тарелки с краснобокими яблоками, толстыми грушами и налитыми соком гроздьями винограда, тихо и неслышно перегрузили с двух сторон на стол, церемонно и одинаково точно присели, склонив головы, и, придерживая растопыренными руками подола платьев, так же бесшумно удалились.

Леди Гарция аккуратно зажигает свечи, я следил за ее точными движениями, выверенными настолько, что все проделает и с закрытыми глазами, прикидывал, случайно или нарочито поворачивается вот так задом и наклоняется весьма эротично, с виду такая тихая и

скромная овечка, целомудренная и краснеющая от одного взгляда в ее сторону...

И не потому ли фрейлиной у леди Лилионны, что выполняют с нею одно задание?.. Надо будет похлопать ее по заднице на виду леди Лилионны. Если улыбнется победно, то да, это заговор, если приревнует...

— Ваша светлость, — проговорила Лилионна таким тихим голосом, что я едва расслышал. — Вы так задумались... мыслите о великом?

— Уже нет, — промычал я любезно с набитым ртом. — Только о ваших прелестях.

Она слабо улыбнулась.

— А что о них мыслить? Они все в вашем распоряжении, никаких тайн для вас там уже не осталось...

— Может быть, так и должно быть?

— Не знаю, — прошелестел ее нежный голос. — Если бы знала, как должно быть! Слышала, в город прибыл великий прорицатель... Хотела узнать свою судьбу, но он исчез...

Я сказал небрежно:

— Зачем вам такая ерунда? Ваша судьба в ваших руках. Плюньте мне сейчас в суп — никакой прорицатель не спасет.

Ее улыбка оставалась такой же тревожной.

— Пророчества... гм... с ними жизнь... безопаснее, что ли... Нет, но определеннее, это дает спокойствие. Когда знаешь, что от тебя ничего не зависит, как бы ни барахтался, то и не дергаешься. Несоизмеримо более мощные силы все уже определили и... так будет, как они решили. Не зря же тысячи людей говорят, что прорицатели видят будущее.

— Если тысяча людей, — заметил я, — говорят одно и то же, то это либо глас Божий, либо колоссальная глупость. Но глас Божий последний раз звучал, когда Господь давал Моисею ценные указания, а вот глупость слышу сто раз в день...

Она сказала жалобно:

— Ваша светлость, женщинам можно быть глупыми!

— Нужно, — поправил я строго. — Необходимо!

И мир будет спасен.

Вошла с подносом в руках леди Виолина, нежная блондинка с голубыми глазами, в голубом платье и с голубой лентой в роскошных волосах золотого цвета. Все нежная и светлая, будто из солнечных лучей, трепетная, как лесная лань, и застенчивая.

Не говоря ни слова и не поднимая взгляда, перегрузила на стол огромные налитые сладким соком гроздья винограда. Я пересилил себя и погладил ее по ягоднице, нежной, горячей и упругой. Щеки Виолины вспыхнули ярким румянцем, она беспомощно взглянула в таком смущении и испуге, что мне в самом деле восхотелось ухватиться за эти нежные булочки, однако боковым зрением увидел, как леди Лилионна вместо того, чтобы нахмуриться, чуть-чуть улыбнулась, полагая, будто не замечу.

Леди Виолина торопливо ушла, едва не выронив поднос и почти не видя дороги, а леди Лилионна красиво отделила от большой грозди боковую веточку с налитыми соком ягодами и, отщипывая по одной, провизнесла небрежно и очень легко:

— Говорят, величие королевства зависит от величия короля. Это верно?

Я смотрел вслед леди Виолине, мой голос прозвучал, как и требовалось, рассеянно, словно совсем не обдумываю свои слова:

— Намекаете, в Сен-Мари короля нет вовсе?

— Что вы, мой лорд, — сказала она весело, — намекать — это иметь мужские мозги. Я лишь повторяю то, что слышала при дворе. Как говорящая ворона.

— Ну что вы, — сказал я укоризненно, — какая же вы ворона...

— В самом деле, — согласилась она. — Ворона — мудрая птица. И живет по сто лет.

— Зато не бывает королевой, — возразил я. — Миром правит красота.

— Красота правит очень недолго, — произнесла она тихо..

— Нет ничего нового под солнцем, — сказал я глубокомысленно, — но есть кое-что старое, чего мы не знаем.

Она посмотрела с вопросом в дивных глазах, но я объяснять не стал. Во-первых, красивая, а это значит, что как горохом о стену, во-вторых, я и сам не знаю, к чему это брякнул, просто фраза завораживает ложной многозначительностью, а нам всегда важнее не то, правдиво или нет, а как подано.

— Нарушение моды королями, — произнесла она, — становится модой для их подданных... Это ничего, что я о моде? Мы, женщины, только о моде и чирикаем... А вам уже начали подражать не только молодые щеголи, но и важные сановники...

— Но я не король, — обронил я.

— Но станете, — возразила она живо. — Об этом только и говорят!

— Правда? — изумился я.

— Точно-точно, — заверила она. — Не только при дворе, но и в городе. Говорят даже в селах.

— Поспешили, — ответил я. — Мне и в эрцгерцогах хорошо.

Она вскинула изумительно красивые брови в неподдельном изумлении.

— Почему? Если можете стать королем?

— А зачем? — ответил я вопросом на вопрос. — В моих руках вся власть короля, но без королевской ответственности и его обязанностей! Разве так не удобнее жить? Уверяю вас, милая леди, невыгодно считаться богатым, храбрым и сильным, к ним предъявляют требования, превышающие их силы. А я люблю жить без напряжения.

Она недоверчиво улыбнулась. Я вытер рот куском чистой материи и посмотрел на нее серьезно и вопрошающе.

Она поднялась, присела в поклоне.

— Ваша светлость...

— Леди Лилионна, — ответил я.

Она удалилась, слуги убрали со стола посуду, я самолично расстелил карту, а когда появился сэр Жерар, сказал ему сварливо:

— Дорогой Жерар, король — выше закона! Тем более, правил. И этикета. Это значит, этикет подчиняется мне, а не я ему.

Он сказал озадаченно:

— Как скажете, ваше... ваша светлость. Вы реформатор, уже поняли. Все трясутся и крестятся... Там, кстати, к вам барон Фортескью.

— Зови, — велел я.

Барон вошел быстрыми шагами, легко и красиво поклонился, застыв на миг в растопыренности, затем выпрямился и посмотрел на меня с вопросом в глазах.

Сытенький и розовощекий вельможа в крепости герцога Готфрида, изможденный узник с запавшими глазами и ввалившимися щеками после застенка в летнем дворце короля Кейдана, и вот сейчас преобразившийся лорд, собранный и четкий в движениях, взгляд внимательный, все-таки испытания даже из придворного делают человека.

— Сэр Людофинг, — сказал я.

Он поклонился еще раз.

— Ваша светлость.

— Дорогой барон, — сказал я, — я велел позвать вас, так как не сомневаюсь в ваших выдающихся способностях дипломата и крупного государственного переговорщика. Да-да, снова намерен отправить вас послом к королю. Знаю, для вас это нелегкое испытание, потому, если вам такое поручение в тягость, можете отказаться.

Его глаза сверкнули злой радостью.

— Ваша светлость, — голос его задрожал от переполняющих барона чувств. — Сочту за честь... Сделаю все... На меня можете положиться!

— Спасибо, барон, — сказал я. — Поручение очень простое, мой секретарь передаст вам все необходимые бумаги с печатями и подписями, а я пока скажу вкратце саму суть. Вы потребуете от Кейдана отречения от трона, передачи мне королевства и короны. За эти пустяки я гарантирую ему жизнь и неприкосновенность! Вы вольны договариваться об условиях передачи короны. Кейдану и его семье оставим замок, слуг, будем выплачивать ренту... сумму вы оговорите сами.

Глаза барона вспыхнули еще ярче, уж точно постарается оставить короля голым и босым за те унижения, которым тот подверг его дважды.

— Ваша светлость!

Дверь приоткрылась, заглянул сэр Жерар. Я кивнул на него барону, оба поклонились и степенно вышли обсуждать детали.

Поздно вечером, когда я вывалился из кабинета, слуги подтянулись, но на мордах облегчение. Даже стражи дальше в коридоре просветлели: кот ушел, мышам дозволены самими мышами пляски и веселые потребности по всему дому.

От кабинета до моих покоев не приходится топтать через залы, к счастью. Неловко смотреть, как взрослые и солидные люди протискиваются ближе к тому месту, где буду проходить, чтобы попасть в поле зрения моего благосклонного взгляда.

Возле двери моих покоев двое слуг и двое стражей в мою сторону не повели и глазом, но видят все и замечают все. Двери все-таки передо мной распахнули, я переступил порог и устало сбросил шляпу.

В предбаннике, так я молча назвал эту комнату, предшествующую собственно спальне, глазам больно от блеска золотого шитья на одеждах, массивных золотых цепей и широких золотых браслетов: не меньше десятка лордов уже ждут привычного и освященного веками ритуала, черт бы его побрал, прости, Господи, надо будет отменить этот обычай... объявив его языческим, в общем, подвести некую базу, а в христианстве можно найти все...

Сейчас эти важные и солидные люди тут же оказались рядом, один начал расстегивать мой камзол, другой снял золотую цепь, третий сопел и торопливо разбирался с узорной пряжкой пояса... Потом снимали сапоги, никогда не привыкну, что, как безрукого, раздевают перед сном, к тому же не слуги, а знатные лорды, но это считается почетной обязанностью, они допущены, дескать, доверенные, входящие...

Последними с моих пальцев стащили кольца, так называемые в обиходе «печатки», на каждом драгоценный камень с моими инициалами и гербом. Их уложили в особую шкатулочку и поставили на столик у моего изголовья, утром напялят обратно в том же порядке.

— Все, спасибо, — сказал я непререкаемым тоном. — Все свободны. Да-да, свободны!

Они поклонились и чинно пошли к дверям. Я лежал некоторое время, что-то не нравится здесь, какие-то перестановки, все о моем уюте заботятся, вон и решетки на окнах появились из четырехгранных прутьев кованого железа, это чтоб никто не проник к их лорду... А вот то, что я сам возжелаю выскользнуть неузнанным, не догадываются.

А если бы и догадались, то вряд ли восхотели бы, чтобы я неузнанно бродил хотя бы даже по дворцу, не говоря уже о городе.

Моя охрана вооружена не только острыми копьями и мечами, но и всевозможными амулетами, позволяю-

щими распознавать принявших чужие личины, потому я, перекинувшись в исчезника, долго прислушивался у двери, высматривая сквозь толщу деревянных досок, пока отойдут подальше, затем выскользнул и, ни к кому не приближаясь, прячась в темных нишах и за колоннами, начал долгий путь на крышу.

Буквально через десяток шагов увидел спины двух придворных, один — пожилой и очень солидный сэр Сильвестер Вильямс, лорд Нотрумба и земель в Иксонии, второй — сэр Дэвид Ньюманд, солидный с виду, но ничем не выделяющийся придворный.

Я вынужденно притормозил и услышал приглушенный голос сэра Сильвестера:

— В результате ареста и казней среди черномессиянцев в руки герцога и майордома... а теперь еще и эрцгерцога... подумать только!.. попали огромные средства.

— Да, мы тоже подсчитали, — прошептал сэр Дэвид.

— Логичнее было бы предположить, что растратит их на... гм... всяческие увеселения. При дворце и в городе.

Сэр Дэвид добавил:

— ...и начнет щедро одаривать фавориток.

Сэр Сильвестер сказал мрачно:

— К сожалению, он не из той глины.

— Да, — согласился сэр Дэвид, — он из камня. Но и камень смягчается со временем и в благоприятных условиях. Или дает трещины. Сейчас, когда в его руках такая власть, почему бы ему не воспользоваться ею...

— ...всласть?

— Да.

Сэр Сильвестер вздохнул, развел руками.

— Несмотря на молодость, наш майордом — старомодный дурак. Он верит в честь, слово, договоры, даже если те не подкреплены силой. Он верит в свое предназначение делать мир лучше. Конечно, это пройдет,

но сколько на это уйдет лет? Боюсь, будет слишком поздно, когда он начнет взрослеть и видеть настоящую картину мира.

— Поздно? В каком смысле?

— Увлеченные люди, — сказал сэр Сильвестер, — если их объединить одной целью, могут перевернуть мир, еще не соображая, что этого делать нельзя. Он уже сумел одурманить молодых и горячих там, на той стороне Великого Хребта, затем непостижимо быстро ухитрился склонить на свою сторону самых безрассудных здесь...

— К несчастью, — добавил сэр Дэвид хмуро, — их оказалось что-то слишком много. Никогда не думал, что в нашем просвещенном и богатом Орифламме столько дураков!

— Зажрались, — сказал сэр Сильвестер с отвращением. — Острых ощущений захотелось. Молодежи нужен риск, иначе жизнь кажется чересчур скучной...

— У нас в год теперь по пять турниров!

— Да, — согласился сэр Сильвестер, — это отвлекало. Но когда появился этот сумасшедший с его такой же безумной армией, наши горячие головы ухватились за его идею завоевывать Гандерсгейм! А что будет дальше?

Сэр Дэвид спросил настороженно:

— Утверждаете, что будет что-то еще?

Сэр Сильвестер сказал сварливо:

— Я пока ничего не утверждаю. Так, предположения... Возможно, он осядет в Геннегау и начнет править, как король.

— А Кейдан?

— Ну вы же понимаете, Кейдан хоть и король, но власть у этого человека с Севера. А у нас легитимность пока что хромает. При желании он в состоянии объявить себя королем.

— Почему этого не делает?

Сэр Сильвестер помолчал, потом заговорил задумчиво:

— Видимо, опасается гнева императора. Хотя тот далеко, однако... никто не знает всех возможностей заокеанского правителя. И этот Ричард не дурак. Он догадывается, что императора раздражать слишком уж не стоит. Потому и.

— Потому и, — согласился сэр Дэвид. Он тяжело вздохнул. — Что ж, некоторое время еще выждем. Потом начнем раскачивать лодку. Пока не повернется в нужную сторону.

— Я уже начал, — сообщил сэр Сильвестер шепотом. — Даже среди этих армландцев хватает недовольных.

— Чем?

— Одни хотят более решительных действий со стороны эрцгерцога, другие, напротив, желали бы осесть в наших южных благодатных землях и наслаждаться жизнью... Конечно, нам нужно опираться на последних. Но и первых использовать бы как-то...

Сэр Дэвид предупредил:

— Только осторожнее! Несмотря на свои желания, не совпадающие со стремлениями эрцгерцога, они все верны ему беспредельно. И, не задумываясь, отдадут за него жизнь.

— Учту, учту...

Они отделились, тихонько беседуя, навстречу начали попадаться люди, и я не решился последовать сзади, чтобы не быть обнаруженным, хотя моя незримость уже, так сказать, высокой степени, однако береженого бог бережет, я отстал и продолжил перебежками и с долгими затаиваниями путь на крышу.

Глава 2

Сердце стучит тревожно. Как же здорово было на корабле, когда врага видишь издали, а здесь улыбается и кланяется каждый. Но кто из них искренен, а кто приготовил нож?

За это время вечерний воздух незаметно перетек в ночной, стал чище, но такой же пряный, настоящий на запахах цветов сада, травы, пыли, женских притираний, издалека доносятся бодрые голоса ночных сторожей, то справа, то слева. Уверен, перекликаются чаще, чем в те дни, когда ужасный майордом отсутствует в столице.

Небо закрыто тучами, там еще темнее, чем на земле, здесь хоть изредка горят факелы, а в окнах лишь слабый свет за плотными шторами. На западе недобро вспыхивает широкой полосой малиновое пламя, где-то далеко за горизонтом гроза...

Я отпихнулся растопыренными лапами, крылья расправил только на миг и сразу же толчками погнал себя вертикально вверх, удаляясь от опасного ночного скопления домов, а там наверху, чуточку успокоившись, настороженно прощупывал жизнь внизу на предмет опасности.

Отсюда город красив даже в ночи, безопасен и выглядит спящим, хотя, конечно, не спят, кроме ночных сторожей, всякое ворье, ненасытные охотники до чужих жен да всякие заговорщики...

С высоты заметил крохотную фигурку, что вышла из городских ворот и медленно ковыляет к лесу, что совсем близко. Насторожившись, снизился, рассмотрел старуху, идет медленно, тяжело, при каждом шаге опираясь на клюку.

Чертова ведьма, мелькнуло в голове. Сейчас как раз полнолуние. Созревают самые ядовитые травы. Сварит что-то гадостное, во всей округе начнет болеть идохнуть скот, а ей в радость, такие вот ненавидят все живое, самим уже все обрыдло, при виде счастливых и молодых их прям перекореживает...

Она вошла в лес, я опустил следом и неуклюже пошел следом, волоча крылья. В лесу совсем темно, старуха то и дело натыкалась на деревья, одна-

жды охнула, провалившись в кротовую кучу, сказала раздраженно:

— Да чего я, дура, боюсь?.. Умирать же пришла, а каждого пня шарахаюсь... да вот тут прям и сяду. Не умру сама, так дикие звери разорвут...

Она в самом деле села под деревом, прижавшись к нему спиной, и опустила голову на грудь.

Я поколебался, не совсем вроде бы ведьма, хотя вид страшный, эти седые космы и крючковатый нос напугают кого угодно, а дети за такой каргой будут бегать и бросаться камнями и грязью.

Она сидела и не двигалась, я перевел дыхание и вышел из-за дерева. Шарик света выскользнул из моих крючковатых пальцев с перепонками, поплыл вперед и остановился перед нами.

— Ответствуй, — сказал я грозным голосом, — как ты посмела, дочь, даже думать о таком страшном грехе, как самоубийство?

Женщина испуганно вскинула голову, но шарик света мешает рассмотреть того, кто разговаривает с нею, ее голос задрожал, когда она возопила:

— Кто ты, ангел небесный?

— Тебе того знать не надобно, — ответил я грозно. — А вот то, что самоубийцы идут в ад, ты и сама знаешь. И как ты посмела?

Она прошептала:

— Господин... Моя жизнь в тягость всем в семье. Дети уже выросли, я только чужой хлеб ем, им меня попрекают... зажилась я, господин...

— Только Господь, — сказал я страшным голосом, — определяет, кому сколько жить. Только Господь дает нам жизнь, только он и волен отбирать!.. А ты, существо, решила поставить себя выше Господа Нашего?

Она упала на колени, ткнула лбом в землю.

— Прости, прости! Согрешила, дьявол попутал!

— Возвращайся, — велел я. — Живи, пока сам Господь не призовет к себе. Любой человек может быть полезен... и должен им быть.

Она торопливо поднялась, кряхтя и охая, ухватилась за дерево и стояла, жадно хватая ртом воздух. Ее суковатая палка лежит у ног, но, похоже, если она наклонится за нею, то подниматься будет до утра.

Я отступил за деревья, шарик света остался перед старухой, а я нарастил массу, увеличил крылья и вернулся, однако старуха увидела на этот раз и вскрикнула дурным голосом.

— Нечистый!.. Изыди, заклинаю тебя, сатана!

Я сказал скрипучим голосом:

— Я отнесу тебя обратно в город.

Она вскрикнула:

— Но ты же... демон!

— Демон, — согласился я.

— Ты потащишь меня в ад!

— Пока рано, — сообщил я. — Потом — да, если будешь жить неправильно и несправедливо. А пока — в город! Все на свете выполняют волю Господа, даже демоны. Только по-своему.

Я ухватил ее за плечи, старуха весит чуть больше мешка с шерстью, высохшее тело бессильно вытянулось, я пронесся между деревьями, волоча ее ногами по земле, а на просторе пошел по дуге вверх в сторону города, перемахнул через крыши ближайших домов, пронесся до центра и опустил ее на булыжную мостовую.

— Жива?

Она пролепетала:

— Жива... господин демон...

— Утром сходи к отцу Дитриху, — велел я. — Расскажи, что с тобой случилось. Может быть, инквизитор даст тебе посильную работу.

— Господин...

Я взмахнул крыльями и нырнул головой вперед в черное, как раздавленная черника, небо, а уже там, осмотревшись, медленно начал снижаться, прошупывая внизу на случай опасности, за последнее время я стал то ли трусливее, то ли чувствительнее, но если мне грозит беда, то словно холодной водой окатывает...

В двух местах на площадях горят костры, там собрался народ, кто-то пляшет, играет музыка, чуть дальше на площади, где сходятся улицы, висится небольшой деревянный помост, на нем виселица с двумя столбами и перекладиной, где в качестве наглядной агитации, что воровать — нехорошо, покачиваются три трупа.

Сейчас вот кажется, что я все чаще сперва делаю, а потом думаю. Это хорошо для... ну, для разных, но не для крупного государственного деятеля. Вот так в ночи обозреть острова было очень кстати, но что делаю сейчас? Просто по инерции? Там что-то высматривал, но здесь разве не глупо?

Я испытал настолько огромное облегчение, когда неподстреленно сел на крышу одного особняка, что несколько минут только прислушивался, как отходит мое окаменевшее тело, ежесекундно ожидавшее то ли простых, но мощных стрел, что пронзят мое тело насквозь, то ли чего-то понеизвестнее, мало ли какая гадость может сохраниться у бдительных лордов...

Внизу сильно пахнет ванилью, смолой, рыбой, свежими овощами, в окнах горит свет: где простые свечи, где заправленные бараньим, а то и рыбьим жиром чаши с фитилями из мешковины.

Из одного дома с погашенными огнями выскользнул человек в плаще, прикрывая им лицо. Я бы его не заметил, но это случилось вблизи танцующих, где все собралось в круг и смотрят на полутолых женщин в танце, а этот быстро пошел прочь, в переулке перестал прятать лицо, выпрямился и пошел, напевая фриволь-

ную песенку. Фонарь у подъезда богатого дома на миг осветил его довольно глупое лицо, мне даже почудился запутавшийся в его одежде, а то и прилипший к телу запах женских духов.

Две темные фигуры отделились от забора и пошли за ним. Щеголь напевал все так же беспечно, но теперь мне почудилось в его голосе новая нотка.

Один из грабителей сказал резко:

— Господин, вам лучше остановиться и отдать нам кошелек!

Щеголь круто развернулся, в его руке тускло, но грозно блеснул клинок.

— Что? — спросил он надменно. — Это вам лучше отдать, что вы сегодня награбили. И пойти покаяться.

Первый грабитель скупно хохотнул:

— Смелые речи, узнаю благородных... Да только мы все равно возьмем кошелек. Но теперь уже и шляпу...

— И сапоги, — сказал второй.

— Да и камзол, — согласился первый. — Хотя с трупа снимать не так удобно...

Они придвигались все ближе, в руках длинные ножи, щеголь чуть пригнулся и настороженно следил за их движениями, а в это время из-за спины вышел из темноты еще один, в руке топор, начал подкрадываться.

Он уже занес его для удара, как я прыгнул с крыши. Лапы вцепились в плечи, а клювом я ударил точно в темя. Щеголь рискнул на короткий миг оглянуться, но те двое и не подумали броситься на него, потрясенные страшной гибелью напарника.

Я тут же взлетел, выпустив безвольно обвисшее тело, сел на крыше в темноте. Щеголь обернулся к обоим разбойникам.

— Ну, — рыкнул он грозно, — что я сказал? Кошельки на землю!

Оба трясущимися руками сорвали с поясов кошель и бросили ему под ноги. Щеголь посмотрел на них с сомнением, подумал, бросил резко:

— Теперь пояса!

Оба трясущиеся, как жабы перед удавом, отстегнули пояса и уронили на землю.

— Господин, — пролепетал один. — Прости... мы не знали, что у тебя такая охрана...

Щеголь изумился с благородной надменностью:

— Как?.. Весь город знает, что меня, сэра Донована Аккенбергера, охраняют могучие силы, что поклялись служить моему древнему роду и охранять его потомство!.. Поняли? А теперь убирайтесь, пока я пьяный и добрый.

Они умчались, щеголь некоторое время смотрел им вслед, но когда поднял голову и поискал взглядом в темноте неожиданного спасителя, я уже летел по направлению к своему дворцу.

Дурак, лопух, только на это и способен, никак не вырастешь из коротких штанишек! Подумаешь, старуху спас! По королевству сто тысяч таких старух, всех не спасешь. Если ты правитель, то разработай пенсионную реформу, чтоб обеспечила всем сытую старость... или вообще придумай что-то, достойное короля, а не эти блошинные прыжки...

И щеголя спас от грабителей, какой бла-а-агородный! Это вообще-то дело городской охраны. Всех не спасешь лично, но если сумеешь укрепить ряды стражников, то спасешь народу гораздо больше.

Или еще рано лезть на королевский трон?

Глава 3

Весь в невеселых думах, я медленно летел, сохраняя незримость, время от времени усаживался на крыши и, уцепившись когтями за козырек, свешивался вниз голо-

вой, как летучая мышь. Заглядывать в окна так удобно, хотя все вижу вверх тормашками, но такого крылана, как я, это не тревожит. Простые горожане пока не интересуют, зато приближенные ко двору вельможи весьма и весьма, если учитывать, что сэр Сильвестер наверняка не один с такими мыслями.

Попался по пути роскошный особняк Фридриха Рюккерта, владетельного лорда, замок его в землях Алых Маков, в Геннегау собственный дом, при Кейдане был его приближенным, но сейчас, как вижу, в его покоях течет обычная жизнь, а сам он нежится в огромном корыте, куда две женщины кружками неторопливо подливают горячую воду. Даже то, что обе немолодые и не красотки, говорит о том, что они здесь не для запретных утех.

В остальных комнатах либо спят, либо молятся, жена перед зеркалом старательно расчесывает волосы, длинные и все еще пышные.

В доме сэра Рудольфа Германа Лотце просто играют в карты, никаких заговоров, а кто на троне — начхать, хорошая демократическая позиция, устраивающая любого сатрапа типа меня.

Зато во дворце лорда Вильгельма Рошера, несмотря на плотно закрытые шторами окна, чувствуется оживление, людей слишком много. Мне видеть необязательно глазами, тепловое зрение указывает всех по ту сторону окон, а запаховое — даже тех, кто находится за толстыми стенами и этажами ниже.

Я сел на крышу, перевел дыхание и неуклюже сполз к краю, где, как огромная летучая мышь, уцепился когтями и свесился головой вниз. Поза не слишком удобная, зато видно, как в оббитой синим бархатом комнате расположились в креслах лорды Карл Людвиг Кнебель и Оскар Лаубе, я их видел во дворце, хотя и нечасто.

Сперва, как обычно между мужчинами, разговор шел о бабах, я уже хотел было лететь дальше, но вошел церемонный важный слуга и провозгласил:

— Ваша светлость, лорд Бенедикт Карберидж.

Кнебель и Лаубе переглянулись, Кнебель поднялся, как и Лаубе, хотя и чуть позже. В комнату вошел лорд Карберидж, собранный и не сводящий взгляда с хозяина.

— Ваша милость, — поприветствовал Рошер, хозяин дворца.

— Ваша светлость, — ответил лорд Карберидж.

Не пожимая друг другу руки, не обнимаясь и не демонстрируя никаких чувств, оба некоторое время стояли друг перед другом, глаза в глаза, наконец Рошер спросил учтиво:

— Чему обязан таким счастьем?

Лорд Кнебель поднялся, подошел неспешно.

— Дорогой лорд Карберидж, вы можете говорить откровенно. Лорд Рошер мой старый друг... иногда и противник, но никогда не враг. Мы уважаем друг друга и, как видите, иногда даже общаемся в такой обстановке.

Рошер повел бровью в сторону слуги, тот неслышно вышел и прикрыл за собой дверь.

Оба лорда еще стояли друг против друга, я чувствовал, как нарастает напряжение, но лорд Кнебель торопливо наполнил три кубка вином, два сунул им в руки, сам взял третий.

— Милорды, — сказал он с чувством, — вы не всегда, скажем мягко, бывали друзьями.

Лорд Карберидж вскинул бровь.

— А бывали?

Рошер мягко улыбнулся:

— Нет, никогда не бывали. Но достойными противниками — практически всегда. И ценили друг друга.

Сейчас же у нас особый случай... Давайте выпьем хотя бы за то, чтобы у нас у всех были такие же достойные и знатные противники... а не всякая мелочь, что поднимается наверх на продаже овечьей шерсти!

Я смотрел с интересом, но, как и ожидал, все лишь подержали кубки, а затем неспешно поставили обратно. Первым вернулся на свое место лорд Кнебель и уселся, откинувшись на спинку кресла, Лаубе отошел к стене и, прислонившись, показал этим, что в разговор не вмешивается, а лорд Карберидж остался стоять.

— Лорд Вольфганг Менцель, — произнес он ровным голосом, — желает установить с вами сотрудничество.

— Вольфганг Менцель? — переспросил Рошер. — Его я даже противником не могу назвать. Он был врагом, им и остается. Зачем он пытается наладить с нами связь?

Карберидж слегка поклонился.

— Для меня он тоже враг, вы это знаете. Но сейчас уникальная ситуация. Умолчу, что на троне сейчас узурпатор, для вас это не новость. Но то, что при дворе резко усиливается влияние никчемного, но слишком быстро набирающего влияние рода Саммерсетов... вам не понравится так же, как и нам.

Рошер нахмурился:

— Извольте пояснить, я чего-то не улавливаю.

— Лилионна, — произнес Карберидж, — дочь Джона Карпентера из Саммерсетов. Об их древности и знатности можете судить по их фамилии! Она сейчас в постели у этого узурпатора. А это значит, этот род плебеев начнет получать должности при дворе, владения, земли, дома в столице...

Кнебель пробормотал:

— Насколько мы можем судить об этом майордоме... гм... он не из тех, кто позволяет собой руководить женщине.

— Не руководить, а влиять! — уточнил Рошер.

— Даже влиять, — ответил Карберидж. — Насколько мне память не изменяет, он именно поэтому мягко убрал леди Розамунду, которую так умело предложили мы, и заменил ее Хорнегильдой...

— А та не будет влиять?

— Он застраховался, отдав кресло рядом с собой королеве турниров. А раз выбирает не он, то и ее желания для него ничего не значат. Это хитрый ход, лорды!

— Но сейчас у него в постели Лилионна, — жестко напомнил Карберидж. — А она весьма послушная дочь. И, несмотря на ее весьма легкомысленный вид, она воспитана в строгих нравах подчинения воле родителей.

Ага, подумал я ехидно, в строгих. Очень уж тонкий слой этих строгих нравов у нас у всех...

Рошер ему так и не предложил сесть, и Карберидж, делая вид, что ему и не хочется, слегка прошелся по комнате, снова взял кубок, постоял у окна и посмотрел на улицу, а я с отвращением полюбовался на его розовую плешь, просвечивающую через редеющие на макушке седые волосы.

— Мы попытаемся свалить род Саммерсетов, — сказал Карберидж, — и сами. Но с вашей помощью это было бы легче. У нас есть сведения о злоупотреблениях рода Саммерсетов, о присвоении значительных сумм, выделенных узурпатором на строительство новых дорог к Тоннелю и расширение старых... даже есть намеки, что в их владениях все еще проводят тайные черные мессы.

Рошер осведомился:

— И почему сразу не идете к узурпатору?

— У нас нет к нему прямого доступа.

— Можно испросить аудиенцию.

— Увы, он прислушается только к тем, кому доверяет. Лорд Джон Карпентер из-за дочери в постели узурпатора слишком силен, чтобы его опрокинуть нам

в одиночку. А вот вместе... И тогда сам захватчик теряет опору... или ее большую часть в обществе. А мы разделим плоды.

— Какие?

Карберидж понизил голос, я едва расслышал:

— Нам кажется, что Его Величество Кейдан потерял доверие лордов в умении управлять королевством. А это значит, мы можем посадить на трон кого-то другого. Кого выберем мы с вами. И кого будем контролировать.

Рошер долго молчал, Карберидж сдержанно улыбнулся, поставил кубок на стол и с легким поклоном вышел за двери.

Лаубе, что все время наблюдал, как гвардеец во дворце, и не шелохнул даже пальцем, сделал крохотный глоток из кубка и проговорил вопросительно:

— И как вам наш гость?

В слово «наш», как я понял, вложил множество оттенков, Рошер наконец поднял на него взгляд, неспешно и со вкусом отпил из кубка, сказал с удовольствием:

— Прекрасный аромат! Просто обожаю вина с нежным запахом и терпким привкусом. И достаточно сладкое, чтобы пить с удовольствием... Так о чем мы говорили?

— О вашей прекрасной коллекции вин, — ответил Кнебель, — я не знаю ей равных.

Я прислушивался некоторое время, но уже и мне даже ясно, что дальше поговорят еще о каких-то пустяках и разойдутся, так как главное уже сказано. Хотя, конечно, это может быть только передышка...

Со стороны запада пахнуло холодом. Я настороженно всматривался в темноту, оттуда между домов, плавно взмахивая крыльями, летит огромная черная полуптица-полурептилия. Когда от освещенного дома на нее упал свет, все равно осталась в тени, а когда пролетела

над головами троих гуляк, распевających песни, ее даже не заметили...

Правда, один вскинул голову, я увидел непонимающие глаза, словно на него пахнуло ветром от крыльев и незнакомым запахом, но позыркал по сторонам и продолжил горланить с друзьями песни.

Сердце мое похолодело, я собрался в ком, еще не зная, что делать, чудовище как раз пролетает подо мной, мои лапы оттолкнулись как будто сами по себе, я упал сверху и с силой вонзил зубы в шею, где соединяется с черепом и где самое уязвимое место. Летящая тварь захрипела, крылья взметнулись, но ударили по воздуху слабо. Я сдавил челюсти, хрустнули слабые позвонки. По крыльям пробежал недобрый синеватый цвет, они стали ярче, объемнее, стали видны каждое перышко и каждая шерстинка.

Я выпустил ее из лап и торопливо взлетел обратно на крышу. Тварь ударилась о землю, лапы остервенело скребли землю.

Гуляки оглянулись все разом, я видел их выпученные глаза. Один вскрикнул в ужасе:

— Что... это?

Все крестились, но не убежали, а вытащили ножи и медленно подходили ближе. Я ждал, что тварь, ставши видимой для всех, еще и превратится в человека или в то, кем она была раньше, однако все оставалось и тогда, когда ее, уже мертвую, ухватили за лапы и с криками потащили по улице.

Сердце уже успокоилось, но я продолжал сидеть, как сыч, и старался понять, что же это было. Некая тварь сама по себе или же кто-то из местных колдунов передвигался в своей оригинальной манере по своим делам? Ну, это еще хорошо, я же и для таких сюзерен, и пока он не требует каких-то особых прав, мне нет дела до его ориентации, но... если это засланный к нам чужак?

Глава 4

Рассвет сегодня наступает странно медленно, город тонет в непонятном серо-желтом тумане, деревья черные и такие мертвые, что и лучи солнца, кажется, не оживят, а запоздалая заря начинается медленно, вяло, нехотя, будто только и думает, как спрятаться снова за темный край земли, а там свернуться в клубок и, подогнув лапки, поспать еще всласть.

Я опустил на свой балкон, превратился в человека и сказал себе зло: нет, не рано. Я смогу быть королем. Я сделаю. Я справлюсь. Во всяком случае, лучше этого никчемного Кейдана. Нужно только помнить, что у меня в руках в самом деле огромная власть, и не браться все решать самому.

Успел даже вздремнуть, во всяком случае, когда открыл глаза, в черепе медленно затихает гул то ли от схватки с варварами, то ли это стук плотницких топоров на закладке флота, а вообще-то ночью я успел подраться с големом, стимфалийскими птицами и даже с шести-грудой танцовщицей, хотя то была не совсем драка...

Повторилась процедура моего одевания, я стоял, как дурак, растопырив руки, а на меня сперва напяливали костюмы, потом драгоценности, что здесь выполняют роль знаков различия.

Что-то мне кажется, будто ритуал становится все изощреннее и сложнее. Во всяком случае, после захвата Геннегау я сапоги снимал сам. Но тогда, правда, дворец был пуст, даже слуги прятались по норам.

Правда, с той поры я вырос до эрцгерцога... Гм, а чего ожидать, когда примерю королевскую корону?

— И еще, ваша светлость, — произнес лорд Рудольф Лотце. — Кое-что сделано специально для вас.

Меня подмывало спросить, кто вчера выиграл в карты, масть у него была плохая, но пересилил себя, только буркнул:

— Что еще?

Он поклонился и замедленно повел рукой в сторону выхода. Двое слуг так же замедленно, словно жабы на морозе, отворили дверь, из коридора вошли двое в одежде гильдии ювелиров. У одного в руках искусно инкрустированная слоновой костью шкатулка, сделанная со вкусом и без излишней пышности, которую не люблю, хотя и терплю, очень элегантную и всем своим видом выражающую достаток, власть и достоинство.

Лорд Лотце поклонился.

— Ваша светлость...

— Сэр Лотце, — сказал я нетерпеливо, — что еще?

— Ваша светлость, — повторил он, — как только наших ушей достигла радостнейшая весть, что вы, наш господин, милостью императора Германа удостоены титула эрцгерцога, мы сразу же повелели создать нашим придворным ювелирам соответствующую нагрудную цепь, дабы никто вас не спутал с простым герцогом...

Ювелиры синхронно поклонились, затем один вытянул шкатулку и держал с непроницаемым лицом на протянутых руках, а второй откинул крышку, я успел увидеть белоснежные внутренности, затем он поднял со дна толстую золотую цепь, медленно и торжественно передал сэру Лотце.

Тот поклонился и подошел ко мне.

— Ваша светлость...

Я тупо посмотрел на цепь, уже которую по счету, но здесь они не столько украшение, как знаки отличия. Я сперва не сразу научился ориентироваться в числе звеньев, толщине колец, их форме, драгоценных камнях, вставленных через равные промежутки, тем более что один и тот же вельможа нередко вчера приходил в одной цепи, а сегодня в другой, но они являются, как выяснилось, одного, так сказать, ранга.

Сейчас же над каждым звеном поработали еще более искусные ювелиры, благородный блеск золота перемежается с крупными ограненными рубинами, вправленными так умело, что просто оправа сама по себе ценность совсем не потому, что из золота.

Я наклонил голову, Лотце осторожно одел мне на шею, тяжелый медальон, усеянный рубинами и топазом, лег на мою грудь так уверенно, словно так и лежал всегда. Хотя вообще-то цепь герцога, которую носил до этого, отличается разве что лишь меньшего размера рубинами, а так даже эта штука на груди примерно такой же формы.

— Ваша светлость, — произнес Лотце, — сегодня ваш день. И эту цепь сразу заметят!

— Если бы, — пробурчал я, — разве замечали еще что-то помимо драгоценностей?.. Но, наверное, я хочу слишком многое. В общем, благодарю весьма.

Сэр Лотце сказал нравоучительно:

— Это наш долг, ваша светлость.

Брови оставил укоризненно приподнятыми, как бы намекая, что благодарить нужно за перевыполнение долга, да и то не весьма, а так, небрежным наклоном головы.

Сэр Жерар в моем утреннем туалете не участвует, но встретил меня за дверью уже одетого, поклонился.

— Сэр Жерар, — сказал я.

— Ваша светлость, — произнес он.

— Пойдемте, — сказал я обреченно. — Надеюсь, сегодня будет хоть малость государственных дел, а не только бесконечные тяжбы лордов из-за земель и права наследования титулов...

— Ваша милость, — обронил он, — страны процветают только при незаметных королях.

— Как это?

Он сказал осторожно:

— Великие короли ведут великие войны и разоряют свои страны больше, чем чужие. В истории остаются даты грандиозных битв, захваченные и сожженные города, а не то, сколько король построил школ, сиротских и домов призрения, насколько снизил налоги... Когда король разбирает тяжбы лордов из-за титулов, он... гм... не ведет войны и не избивает народы.

— Но и разбирать тяжбы, — отрезал я, — не королевское дело! А извозчики... в смысле суды на что?.. Ах, у нас нет таких судов? Надо учредить! А еще касационный и апелляционный. Плюс — суд пристяжных. И тогда королю останется либо воевать, либо утонуть в плотских утехах. Даже не знаю, что интереснее.

Мои покои соединены прямым проходом с покоями королевы, где сейчас располагается леди Лилионна, в коридоре ждут ее выхода фрейлины-подхихишки, уже проснулись ранние пташки, как и положено, раньше королевы, надо же помогать в утреннем туалете, сама она только зевать умеет...

Я прошел мимо фрейлин со словами:

— Леди...

Все они почтительно присели, кто застенчиво опустил голову, кто смотрит прямо перед собой, а кто и зыркает хитрыми глазками снизу в мое лицо: туда ли смотрю, заметил ли, какие у нее там нежные белые округлости, выдавливаемые наверх жестоким корсетом.

Вдогонку мне слышались тихие голоса:

— Ваша светлость...

— Ваша светлость...

— ...Ваша светлость...

Впереди громко и торжественно прозвучали трубы, донесся мощный голос:

— Майордом!

Я быстрыми шагами вышел из боковой двери, коротко бросив:

— Милорды...

Допущенные в малый зал члены Тайного Совета и наиболее влиятельные лорды, красиво выстроившись в три шеренги, степенно склонили головы, все путем, я опустил в кресло, возложил длани на широкие подлокотники, в самом деле удобные для этого величественного жеста, выпрямил спину и обвел всех царственным взглядом человека, от которого ничто не скроется.

Все распрямылись и с почтительными выражениями лиц ждут, никто не смеет открыть рот, пока к нему не обратится король... черт, в самом деле пора, что-то я затянул это дело. Сам начинаю чувствовать себя узурпатором, потому что еще полевой вождь, а требую королевских почестей. Или не требую, но все равно получаю, а это выглядит как краденое.

— Что у нас на сегодня? — спросил я звучно. — Сэр Жерар?

Сэр Жерар поклонился и сделал шаг вперед.

— Ваше... ваша светлость, — сказал он, я посмотрел с подозрением, но сэр Жерар просто обмолвился, потому что дворец королевский, придворные тоже, ритуалы королевские, а сижу я на королевском троне. — Ваша светлость... прибыл гонец из Армландии.

Я оживился, потер ладони.

— Давай его сюда! Давно оттуда никаких вестей.

Сэр Кристоф Шлоссер, армландский лорд, сказал с обидой:

— Ваша светлость, почти ежедневно прибывают армландские рыцари и священники в помощь вашему благородному завоеванию!

— Да-да, — согласился я, — моя светлость не совсем точно выразилась. Я имею в виду, как там в целом...

В зал вошел из дальней двери высокий мужчина в доспехах, но без шлема, с плеч свисает, закрывая спину, длинный алый плащ, на груди герб рода Пурпурной Лилии, шаги уверенные, лицо жесткое и хмурое.

Все расступились, он остановился в двух шагах от помоста и кротко склонил голову.

Сэр Жерар сказал бесстрастно:

— Виконт Рутгер Хауэрден, гонец из Армландии.

— Милорд, — сказал я.

— Ваша светлость, — ответил он и, не дожидаясь моего кивка, сказал быстро: — Ваша светлость, тревожные вести.

Я насторожился.

— Из Армландии?

— Да, ваша светлость, — ответил он быстро и четко. — Король Гиллеберд усилил свои пограничные замки новыми башнями, построил дополнительные стены, а также усилил их войсками. В замке Пронзающий Тучи около тысячи солдат, а в Холлиграде — еще две тысячи.

Барон Альбрехт охнул, сэр Растер выругался. Понятно, никакой замок не прокормит и половины такого гарнизона, а это значит, войска скапливаются перед переходом границы. А мы тут увязли с войной в Гандерсгейме, раздразили пиратское гнездо, бросили все ресурсы на строительство большого океанского флота...

Я сказал тяжелым голосом:

— Я вижу, вы спешили так, что дорожная пыль въелась в вашу кожу и пропитала одежду. Сэр Жерар, распорядитесь, чтобы сэра Рутгера Хауэрдена накормили, помыли и отвели ему хорошую постель.

Один из старших слуг сделал виконту знак, тот поклонился мне и отбыл, а барон Альбрехт проговорил мрачно:

— Расчетливый гад... Момент для давления выбрал самый удачный... Лучше и не выберешь.

Сэр Жерар спросил в недоумении:

— Но... зачем? Его купцы торгуют по Сен-Мари, как у себя дома, без пошлин! Он получает хорошую прибыль, облагая их налогами. Что еще?

Я сказал медленно:

— Это хорошо было бы для его соседа, Роджера Найтингейла, короля Шателлена. Тот воевать не любит и не хочет, а Гиллеберду все равно, каким путем получать преимущество: торговым, дипломатическим или военным.

Сэр Растер прорычал:

— Дайте мне рыцарскую конницу и пять тысяч пикейщиков, я отброшу его к стенам его же столицы!

— Вряд ли, — сказал я невесело, — он сам рвется в войну. Начинается, мои друзья, то, чего я так не люблю... Да-да, интриги, дипломатия, раскачивание лодки, шантаж, скрытые угрозы... а все-то он хочет, как предполагаю, увеличить свою долю в наших проектах.

— Это как?

— Например, — сказал я, — хочет иметь свои корабли в нашей гавани. У него же выхода к морю нет, вы не забыли? Но если другие короли это принимают как данность, то Гиллеберд постоянно готов изменить при удобном случае... В общем, сэр Растер, давайте пока не будем пороть горячку. Если бы Гиллеберд хотел напасть, он бы все приготовления сумел проделать тайно. А вот так демонстративно... Сэр Жерар, пошлите к его двору гонца, узнайте, что его встревожило, предложите помощь, если вдруг какой лорд вздумал взбунтоваться против его воли... Это он, конечно, отвергнет, однако наверняка сообщит как бы невзначай о своей заинтересованности...

— В чем? — спросил он, не дождавшись конца мучительной паузы.

— В чем-то, — ответил я. — Это ваша задача, узнать, в чем дело. И постараться дать как можно меньше. Не люблю торг, но что наша жизнь, как не постоянный торг?

Сэр Жерар сказал упрямо:

— Ваша светлость, теперь по поводу вашего... флота, простите за грубое слово.

Глава 5

В зал вошел очень пышно и вычурно одетый человек в громадной трехэтажной шляпе с затейливо изогнутыми краями, вздернутыми плечами, широкий в поясе, одежда вся в тщательно собранных складках, что-то новое в моде, издали эффектно сорвал шляпу, поклонился, да не просто, а станцевал нечто эдакое, так выглядит его поклон с помахиванием шляпой, прыжками, сменой ног и красивым разведением рук.

Сэр Жерар провозгласил с каменным лицом:

— Мастер Френк Мазон, главный художник верфи.

Я сказал с интересом:

— Мастер Мазон?

Он гордо выпрямился и сказал с великим достоинством художника, прекрасно понимающего, что художник — это все, а короли и всякие майордомы — всего лишь мелкие и временные управители:

— Ваша светлость, я разработал систему украшения ваших великолепных кораблей, которую уже скоро можно будет начинать готовить с вашего высокого разрешения...

— Украшений? — переспросил я с настороженностью. — И что изрекли в своей великой мудрости святые отцы Бонидерий и... как его, который совсем лысый? Им, насколько помню, поручено руководить строительством кораблей.

Он ответил с негодованием:

— Священники! Что они могут понимать в высоком искусстве?..

— А все-таки?

Он гордо вскинул голову.

— Они... они ссылаются на ваше личное распоряжение, ваша светлость! Утверждают в своем невежестве, что вы такое сказали!

— Так и говорят? — переспросил я. — Хорошо. А то я уже думал, что пойдут по проторенной. Да, все верно, никаких дурацких и глупых украшений, что удорожают стоимость корабля на треть, а то и больше. А то еще и ухуждают его мореходные качества.

Мастер Мазон охнул, глаза полезли из орбит.

— Ваша светлость, — выговорил он с трудом, словно произносил нечто святотатственное, — как можно такое чудо выпускать без украшений статуями царственных зверей, мифологических героев?

Я отрубил жестко:

— Лучшее... и единственное украшение — кресты на парусах. Спросите отца Дитриха, нашего духовного вдохновителя. Крестоносцы не нуждаются в суетных... финтифлюшках. Наша вера — наша ценность и наша защита.

Он поклонился, но не отступил, как я ожидал, не удалился робко и молча, а вскинул голову и посмотрел прямо и бесстрашно.

— Ваша светлость, — сказал он вздрагивающим голосом, — корабль — тот же человек. Бедный корабль, как и бедный человек, ходит в обносках и без украшений, а вот ваша светлость в дорогом бархате, шитом золотом, на вас золотая цепь с кулоном из рубина в обрамлении, если не ошибаюсь, мелких изумрудов из копей Блэчета?.. А ваша украшенная золотом и опалами шляпа?.. А ваш пояс, над которым трудились лучшие мастера Сен-Мари, делая его произведением искусства?.. Так почему же отказываете в этом кораблю? Цели украшения одни и те же!

Я поморщился.

— Какие?

— Внушать, — ответил он бестрепетно. — Когда видят такое богатство, вложенное в постройку и украшения, человек начинает трепетать перед подобным могуществом.

Я подумал, он выпрямился и ждал, готовый хоть на плаху за убеждения, гордый и негибачаемый.

— Да, — сказал я мрачно, — таков порядок, все к этому привыкли. Богачый, как дикарь какой-то, все свои сбережения цепляет на себя, чтобы все видели издали... Но по-настоящему богачый, который действительно богат, не нуждается в этой показухе. Мы сделаем корабли нарочито и подчеркнато без единого украшения! Прекрасные элечантным корпусом, изумительными очертаниями бугшприта, гордым разворотом мачт. Понимаете, великий мастер?

Он смотрел напряженно, стараясь поймать мою мысль.

— Не совсем, ваша светлость...

— Можно, — сказал я, — урода с горбачой спиной, вислым животом и кривыми ногами постараться одеть настолько пышно, что ни горб, ни живот не заметят. Да, это мастерство! И за такое искусство урод хорошо заплатит. Но мы создаем не мелких горбунов, а рослых мускулистых красавцев с прямой спиной и плоским животом, понятно? А для таких лучшая одежда — отсутствие ее или самый минимум, чтобы видны были мускулы и широкая выпуклая грудь. Если вы в самом деле великий художник или жаждете им быть, то езжайте в гавань и присутствуйте на постройке! Смотрите, как можно сделать их красивыми... без пышности, которая призвана прятать уродство... Один великий человек сказал, что нет лучше одежды, чем бронза мускулов и свежесть кожи! Разве древние наряжали своих гераклов и аполлонов в пышные одежды? Так и наши корабли должны быть прекрасными в мужественной нагоде!

Я нетерпеливо шевельнул пальцами, и сэра Жерар, уловив знак, ухватил мастера Мазона за рукав и оттащил в передний ряд, а оттуда его выпихнули в задние.

Остальные дела показались мне еще проще, я шепнул сэру Жерару, что дальше разбирайтесь сами, он сразу же провозгласил:

— Его светлость майордом Ричард удаляется заниматься государственными делами! Остальное рассматривает барон Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, доверенное лицо его светлости...

Барон вышел из рядов и поклонился.

— Милорды...

По рядам прошелестело:

— Ваша милость...

Я сошел с помоста, сэр Жерар сразу же пристроился сбоку и чуть-чуть сзади, так нужно по протоколу, уже знаю, придворные расступились, так как я двинулся через зал, а не коротким путем в свои покои.

В соседнем зале, большом и парадном, придворных гораздо больше, все одеты ярче, пышнее, треть из присутствующих — женщины, как молоденькие и миленькие, так и мамыши, что привезли их на продажу и ловлю женихов.

Мы прошли едва треть, как распахнулась входная дверь, во всем блеске появилась леди Хорнегильда, в великолепном зеленом платье, что так идет к ее странному безумно светлым глазам. Она сразу же, вздернув голову, двинулась через зал, а со всех сторон зазвучало: «...леди Хорнегильда», «леди Хорнегильда», «...леди Хорнегильда», а эта королева турнира почти не смотрит по сторонам, хотя замечает, как вижу. Иногда чуть-чуть наклоняет голову, еще реже улыбается, даже не улыбается, а допускает легкий намек на улыбку, когда губы остаются на месте, а улыбается одними глазами...

Волосы ее скромно убраны под украшенный жемчугом платок, уши в серебряных подвесках с крупными жемчужинами. С голой шеи свисает длинная цепь из темного серебра, минуя вырез платья, опускается серебряным крестом в половину ладони между грудью и поясом.

За нею две фрейлины в одинаковых платьях песочного цвета, волосы уложены в затейливые прически, сверху их прижимают и удерживают на месте блестящие

серебром и драгоценными камешками изящно выполненные лучшими ювелирами полуобручи.

Я подождал, сказал с улыбкой:

— Леди Хорнегильда...

— Ваша светлость, — произнесла она и красиво присела, чуть разведя руки.

— Леди Хорнегильда, — сказал я, — как здоровье вашего родителя?

— Идет на поправку, — ответила она ровно и посмотрела на меня глазами хаски. — Я передала ему ваше пожелание, он растроган и даже прослезился.

— Вот как, — сказал я смущенно, — ну ладно... мы с сэром Жераром пойдем всякой фигней заниматься, а вы пока посидите на двух креслах, вашем и моем.

— Как скажете, ваша светлость, — произнесла она почтительно.

— Только не объявите войну всему свету, — предостерег я, — и вообще... никому пока не объявляйте.

Она позволила себе чуть-чуть улыбнуться.

— Уверяю вас, ваша светлость, буду только щебетать и щебетать, пока не разбегутся.

— А новые подойдут?

— Их тоже защебечу, — пообещала она.

— Прекрасно, — сказал я. — Ну, успеха вам. Эх, почему я щебетать не научился...

Она пояснила без улыбки:

— Ваша светлость, в благородных семьях этому нелегкому ремеслу учат с детства.

— А-а, — сказал я, — тогда я не, я учиться вообще не люблю. Другое дело — других дураков учить.

Под левой стеной парадного зала два кресла с высокими спинками, в торжественных церемониях там принимают гостей король и королева. Леди Хорнегильда приняла мою руку и позволила отвести себя и усадить в то, что справа, мое осталось пустым, а мы с сэром Жераром обошли помост и свернули в узкий коридор, где

у стен застыли четверо стражей, а прямо перед дверью кабинета сэра Жерара стоят двое слуг, как изваяния из темного дерева.

Сэр Жерар остался в своем, а я прошел наискось, толкнул дверь и оказался в помещении, где кое-что успел перестроить под личные вкусы, чтобы не так уж остро чувствовать себя захватчиком.

На столе вразброс карты Сен-Мари, Гандерсгейма, островов, чертежи каравелл и наброски вариантов, как сделать корабли еще крупнее, устойчивее и вместительнее.

Попытался сосредоточиться на строительстве флота, однако мысли то и дело возвращаются к сообщению виконта Хауэрдена насчет демонстративных приготовлений короля Гиллеберда.

К сожалению, Гиллеберд выбрал самый удачный момент для себя и наиболее болезненный для меня. Чтобы разбить варваров Гандерсгейма, достаточно рыцарской конницы в тысячу человек, чтобы завоевать те земли — хватит пяти тысяч, но чтобы удерживать в повиновении, понадобится тысяч тридцать. У меня столько нет, во всяком случае свободных, так что надо продумывать иные методы, кроме прямой силы, как удержать мятежный Гандерсгейм в составе королевства.

Но чтобы остудить пыл Гиллеберда, я должен изъять из Гандерсгейма не меньше половины войск и отправить их в долгий путь через Тоннель и всю Армландию на границу с королевством Турнедо. И все только для того, чтобы продемонстрировать, что давлению не поддамся...

Черт, проще бы послать отряд убийц на ликвидацию самого Гиллеберда. Я не сентиментален, а великая цель в самом деле оправдывает средства, как бы Лойолу ни склоняли. Однако Турнедо переживает экономический подъем, энергия бурлит, королевство хочет и готово расширяться, преемники Гиллеберда могут отдать при-

каз о наступлении раньше, чем сделает расчетливый Гиллеберд.

Не поднимая задницы из удобного кресла, я прокричал:

— Сэр Жерар!

Он появился мгновенно, склонил голову.

— Ваша светлость...

— Вызвать посла Турнедо, — распорядился я. — Наверняка тот жук уже в курсе затеи своего короля.

— Будет сделано, ваша светлость. Кстати, на днях старого посла отозвали. Но на его место тут же прибыл новый.

— Ого, — пробормотал я, — вряд ли это случайность. Ладно, скоро узнаем, чего требует король Гиллеберд!

Глава 6

Косой солнечный свет с запада странно высвечивает деревья в саду, доносится шум и плеск фонтанов, спрятавшихся за высокими пышными кронами. Несколько дворовых рабочих торопливо бегают с ведрами к бассейну, оттуда возвращаются уже медленнее, старательно поливают вымощенные каменными плитами дорожки.

При моем появлении начали останавливаться и кланяться, я нетерпеливым жестом велел продолжать работу.

Барон Альбрехт старательно растягивает шаги, чтобы идти со мной в ногу, обеспокоенно посматривает по сторонам, у него, видите ли, дурные предчувствия. Прошли мимо большого пруда с плавающими в нем лебедями, а с другой стороны дорожки еще один, совсем крохотный, весь зеленый от полностью покрывающих его мясистых листьев кувшинок. Толстые лягушки вылезают на них погреться под солнцем и подолгу дремлют, закрыв глаза.

— Его королевское Величество, — произнес он задумчиво, — Ричард Длиннорукий, король Сен-Мари!.. Разве не звучит?

Я поморщился:

— Слишком высокопарно.

— Тогда просто, — сказал он, — Его Величество король. Или Его Величество Ричард, просто и внушающе.

— Все равно...

Он сказал уже сердито:

— Ваша светлость, что с вами? Ищете повод, чтобы отказаться?

Я подумал, кивнул:

— Похоже на то.

— Не-е-ет, — сказал он, — нельзя все наше завоевание пускать псу под хвост! Вам придется стать королем, сэр Ричард. Я сегодня же составлю приглашения знатным особам на коронацию. Вряд ли папа римский прибудет, чтобы вас короновать лично... хотя кто знает?..

Я покачал головой.

— Никто не прибудет. Даже Барбаросса, который меня любит. Напялив на чело корону, я стану нелегитимным еще больше, не знали? И остальные короли будут опасаться иметь со мной дело. То ли опасаясь гнева папы, то ли из страха за репутацию.

— Мы это учли, — процедил он сквозь зубы. — Потери невелики, зато выгода... В Сен-Мари исчезнет неопределенность, прекратится борьба за трон, поутихнут амбиции, даже соседние короли смирятся, что сэр Ричард отныне равен с ними и по титулу, и все договоры могут быть только на равных... Как хотите, сэр Ричард, но я бы немедленно послал за бароном Фортескью.

Я поморщился.

— Зачем?

Он отрезал твердым голосом:

— Разве вы не собираетесь предъявить Кейдану уль-

тиматум? Он отказывается от короны в вашу пользу, а вы гарантируете ему неприкосновенность. Пора, сэръ Ричард! Давно пора.

— Слова-то какие знаете, — прорычал я, — ультиматум, гарантии, неприкосновенность... А если Кейдан откажется?

— Он не дурак, — сказал барон холодно. — Реальность такова, что корона уже в ваших руках. А неприкосновенности нет... Вообще-то я на вашем месте уже послал бы людей в Ундерленды. Какая бы у короля ни оказалась охрана, но против отважных да умелых... Не с первой попытки, так с пятой. Но, думаю, еще раньше он все поймет и сам принесет корону. И даже попросит ее принять.

Я сказал негромко:

— Барон, это между нами, но барон Фонтескью уже по дороге в Ундерленды.

Он посмотрел удивленно.

— Послали? С ультиматумом?

— Да, — подтвердил я, — но пока молчок. Кейдан непредсказуем, это я весь как на ладони.

Он хмыкнул:

— Да? Тогда ладонь, как у огра, вся в трещинах.

Я свернул к аккуратному зданию, спрятавшемуся за деревьями. Двое стражей бодро стукнули тупыми концами копий в землю и широко заулыбались, это не дворец, здесь нравы посвободнее.

Барон саркастически приподнял левую бровь.

— Ого, уже новую корону заказываете? Интересно, интересно...

— Если интересно, — буркнул я, — заходите, дорогой барон.

В просторном помещении за столами склонились четверо мастеров, старший из них, Маркус, заспешил к нам навстречу.

— Ваша светлость!

— Все в порядке, — успокоил я. — Я вполне доволен вашим умением, дорогой Маркус. Но у меня еще заказ...

У барона от любопытства глаза вспыхнули, как факелы в ночи, а мастер Маркус согнулся в поклоне.

— Буду счастлив выполнить, ваша светлость! А то вы не балуете заказами.

— Мне нужно несколько двояковыпуклых линз, — объяснил я. — Вы их делаете для забавы бездельников...

Он возразил быстро:

— И для тех, у кого слабое зрение! Через них можно видеть мелкие буквы...

— Вот-вот, — согласился я. — Только двух видов. Одну вот такую, смотрите... а вторую поменьше, но фокусное расстояние чтобы вдвое короче...

— Ваша светлость, — пролепетал он, — а что такое... фокусное...

— У тебя есть готовые? — спросил я. — Дай-ка сюда... Вот смотри. Наводишь вот так, чтобы получилась одна яркая точка, понял?.. Это и есть фокусное расстояние. У этой смотри какое длинное! А эту крохотульку надо держать к столу совсем близко. Только не вздумай так держать долго, весь дом спалишь!

Он посмотрел обалдело.

— Ваша светлость?

— Не знал? — удивился я. — Ладно-ладно, не смущайся. Все равно огниво лучше, им можно высечь искры даже ночью, не только в пасмурную погоду. В общем, сделаешь две... нет, лучше три пары. Об исполнении доложить!

Он остановившимися глазами смотрел мне вслед, притихший барон последовал за своим сюзереном, долго молчал, наконец проговорил неуверенным голосом:

— Что, вот так в самом деле можно... разжечь костер?

— Только в солнечную погоду, — ответил я. — Но мне совсем для другой цели.

— А позволено мне будет спросить... зачем вам это нужно?

Я кивнул с непроницаемым выражением лица.

— Да. Будет позволено. Можете как-нибудь спросить.

И, не дожидаясь самого вопроса, медленно пошел вокруг пруда, прикидывая, стоит ли выходить в город,

За спиной закрипели шейные позвонки барона, когда он повернул голову и провожал меня взглядом, от которого в затылок дохнуло холодным воздухом, однако, едва я вышел за пределы сада, он догнал и сказал несколько раздраженно:

— А нужны ли такие тайны?

— Нет, — согласился, — но и лишняя информация ничего не добавит. Как там работает школа повышения квалификации?

Он запнулся на миг, стараясь понять мудреный вопрос, переспросил угрюмо:

— Это где выпендриваются матросы с «Синего Осьминога»?

— Да.

— Хорошее вы им занятие нашли, — согласился он. — По крайней мере, пьют теперь умеренно, город не разносят...

— Не поверите, барон, — сказал я искренне, — но я их туда сунул в самом деле вовсе не для того, чтобы меньше буянили.

— А для чего?

— Мы входим в новый мир, барон. Новые большие корабли, новые правила воинского этикета на море. Ну, у нас вообще никаких не было, теперь вводим с нуля. Для начала весьма упрощенные. И хотя до демократии далеко, но все служат цели и мне, эрцгерцогу, так что никакого козыряния происхождением и знатностью рода.

Он поколебался, но кивнул.

— Да, конечно, какое там происхождение у матросов...

— Согласен, — сказал я, — но все же пришлось ввести новые должности или профессии, не знаю, как их называть вернее. На таком огромном корабле не может быть только капитан и однородная масса матросов, согласны?

Он подумал, спросил:

— Почему?

— Это как деревня и город, — объяснил я. — В деревне все одинаковы. А в городе... Пришлось ввести боцмана, мичманов, старшин шлюпок, а матросов разделить на марсовых, фалрепных и прочих. Вот матросы с «Синего Осьминога», который все равно лежит почти на боку на суше, учат будущих моряков вязать морские узлы, отличать грот-мачту от бизань-мачты... Барон, мы же не пьянствовать сюда пришли, а менять мир!

Он тяжело вздохнул. Мы повернули через площадь в сторону королевского дворца, но внимание привлекла толпа народа, где в середине на помосте высятся два столба, обычно их применяют для публичной порки, но сейчас там нечто другое...

Заинтересовавшись, я двинулся в ту сторону, барон кивнул незримым стражникам и пошел со мной рядом.

Народ расступился, послышались восторженные вопли, я улыбался и кивал, но глаза прикипели взглядом к распятой на всеобщее обозрение огромной крылатой твари. При свете дня выглядит не такой загадочной и страшной, как показалась мне в ночи, и даже не такая крупная, но все же чудовищно огромная, словно летучая мышь размером с корову.

И еще один сюрприз: в переднем ряду стоит Бабетта и с интересом рассматривает крылатое чудовище. Оглянулась на радостные крики, просияла.

— Ах, ваша светлость!.. Какие только диковинки в вашем городе! Неужели они всегда были?.. Здравствуй-те, барон.

Барон Альбрехт сухо поклонился, подумал и сказал мрачно:

— Ваша светлость, мне срочно нужно... в мастерские. Что-то у них там тормозится.

— Взгляните их как следует, — сказал я и повернулся к Бабетте. — Да, вы угадали, здесь это как бы обычно. Но как хорошо, что с вами все в порядке!

Она удивилась:

— А что со мной могло случиться?

Я кивнул на распятое существо.

— Здесь ночами беспокойно, как видите.

Она расхохоталась:

— Милый Ричард, вы полагаете, что такая тварь могла бы напасть на меня?

Я взял ее за руку и повел из толпы. Стражи шли по бокам и сзади, не давая зевакам и любопытным напирать слишком близко.

— Нет, не полагаю, — ответил я дипломатично, — я имею в виду, что если бы вы вот так летели этой ночью, то... гм... мне очень не хотелось бы вас увидеть на этих столбах...

Она рассмеялась громче, но я уловил в ее голосе и те нотки, которые ожидал услышать.

— Сэр Ричард! Что у вас за причуды?

— Очень рад, — ответил я, — что вы, леди Бабетта, находились эту ночь в отведенных для вас покоях.

Она внимательно смотрела мне в глаза, стараясь угадать, что мне известно и насколько, покачала головой.

— Конечно же, я находилась в своих покоях!.. А вы что, ревнуете?

— Ужасно, — ответил я. — Прямо сгораю. Как только подумаю, что вы летели над домами к кому-то... так прямо всего и перевертывает!

— Ни к кому я не летела, — ответила она твердо. — И вообще не летела!

— Да? — спросил я. — Вообще-то это неплохой способ передвижения. По прямой, сравнительно быстро...

— Я была в покоях, — отрезала она. — Спала. А то, что кто-то пытался войти среди ночи и не смог, это не моя вина, не так ли?

— Правда? — спросил я с беспокойством. — Я велю поставить дополнительные засовы.

Она отмахнулась.

— Не стоит. Как не смогли войти... так и не смогут. Вы лучше скажите, что тут за разговоры пошли, что вы намереваетесь укрепиться...

Я переспросил:

— В смысле легализоваться?

Она мило наморщила носик.

— Ну вот, поправляете... Хотите сказать, что я дура? Зато красивая!.. Легализоваться — это в первую очередь укрепиться. С короной на голове вам могло бы быть намного легче править...

— Но? — спросил я. — У вас очень отчетливо звучит это «но».

Она улыбнулась.

— Всегда вперед забегаете. С вами хорошо невкусное кушать... Легче править тогда, когда корону признают остальные государи. А если не признают, то лучше и не пытаться брать ее в руки.

— Ого, — сказал я. — Даже так?

Она мило улыбнулась:

— Именно так.

— А чье признание мне нужно? — спросил я. — Король Вестготии признает, с той стороны Хребта все ближайшие королевства признают... разве что дальние, где обо мне совсем не слышали? Но у них, думаю, и поважнее дела найдутся.

Она покачала головой.

— Милый Ричард, вы не представляете... бароны, графы, герцоги, эрцгерцоги, да кто бы они ни были, это все одна ступень, а государь — другая! Для него легитимность необходима, на ней держится весь миропорядок. Без легитимности любой король — ничто.

— Бабетта, — сказал я предостерегающе, — не переигрывайте с этой чертовой... прости, Господи!.. легитимностью. Справедливый государь всегда легитимен, даже если он... нелегитимен на чей-то взгляд. А если на престоле сидит какая-то сволочь... я ни на кого не указываю, просто для вящего примера... что угнетает подданных, разоряет страну, а сама только пьет да таскает баб в койку, то народ не только имеет право, но и обязан бунтовать!

Она отшатнулась, во взгляде мелькнул непритворный испуг.

— Сэр Ричард, как можно такое говорить?.. Разве такое уж преступление для короля — таскать баб, как вы вульгарно говорите, в койку? Кстати, что это, так интересно...

— Простите, — сказал я, — неудачный пример. Берем другое: король затевает бессмысленные войны для захвата чужих территорий, в которых гибнут тысячи людей, страна разорена, уцелевшие объединяются в шайки грабителей...

Она сказала с достоинством:

— Император такое предвидит и пресечет в самом начале. Милый Рич, разве не видите, что такими странными речами подкапываетесь и под себя? Вы теперь тоже легитимный правитель!

— Если сойду с пути истинного, — сказал я твердо, — да постигнет меня кара, как какого-нить сраного Людовика, Карла или вечно пьяного Николашку...

Она не поняла, но очаровательно улыбнулась, уловив момент, когда можно сойти с опасной тропки.

— Милый Ричард, вы удивительно умелый правитель! Я не верю, что так уж заботитесь о черни, но,

с другой стороны, когда простолюдины сыты и довольны в своих хлевах, такая страна выдержит натиск любого противника.

— Спасибо, милая Бабетта... Кстати, всегда хотел спросить...

— Ну-ну, дерзайте, я вся ваша! Что угодно...

— Как получилось, — спросил я, — что вы в такой важной роли? Насколько говорит мой опыт, все дипломаты и послы даже мелких королей — самцы...

Она очаровательно надула губы.

— Я уж надеялась, что вы та-а-а-кое спросите, что я покраснею и застесняюсь вся... А это, гм... Император учел, что политику делают мужчины. Это мужской мир! Мужчина встречает другого мужчину всегда настроенно, зато для женщины сразу исключения... если не считать вас, конечно. Потому мне в таком мире везде легче, чем даже более опытным и знающим мужчинам. Только и всего, сэр Ричард! Разочарованы?

— Нет, — ответил я честно. — Так и предполагал, но не думал, что признаетесь. Вашему императору хвала за дальновидность и смелые решения.

Она напомнила скромно:

— Он и ваш император, кстати. Но это так, к слову. Ой, мне пора по делам, милый Ричард!.. Но все-таки с легитимностью поосторожнее, можно обжечь пальцы...

Она отступила в сторону, очаровательно улыбнулась и ушла в стену, а улыбка еще оставалась в воздухе, словно и Бабетта среднечеширской породы.

Сердце мое заколотилось чаще, я подошел и обозленно пощупал стену. Твердый холодный камень, даже не нагрелся, сволоочь. То ли иллюзия, а сама Бабетта в двух шагах хихикает над моим глупым видом, то ли достаточно мощное колдовство, которое не по зубам какому-то там эрцгерцогу.

Глава 7

Во дворе празднично от богато украшенных повозок, кони все с султанами, упряжь блещет серебром, в конюшнях мест нет, у коновязей лошади все под такими роскошными попонами, что глаз не отвести, а гости все прибывают.

Весть о возвращении майордома из почти покоренного Гандерстейма достигла и самых отдаленных земель королевства. Лорды прибывают на обязательный праздник и торжество, что закончится пиром, танцами в главном зале и на свежем воздухе, состязаниями в стрельбе из лука и гуляниями в королевском саду.

Я появился, когда в расцветенном флагами и яркими полотнищами материи зале уже гремит музыка, вдоль стен столы с яствами, кто-то уже сидит и жрет, а в центре женщины вышагивают под музыку не чинным строем, а в самом деле танцуют, даже пляшут, это же Сен-Мари, а не строгая Армландия, здесь в ходу вольности и адюльтеры, смеются и хохочут, хотя, конечно, до таких непристойных танцев, каким будет вальс, еще далеко...

Как и положено, я сел в тронное кресло, улыбался милостиво, иногда кивал, иногда позволял себе небрежный дружественный жест, но не слишком, а то сразу нарушится некое равновесие в придворной иерархии.

Кстати, о равновесии, вроде бы и недолго отсутствовал, а новых лиц многовато. Хотя и не моей светлости это дело, но навести справки надо о каждом. При дворе не бывает мелочей.

Танцуют довольно легко и вольно, но женщины своей группой, а мужчины на некотором расстоянии выплясывают перед ними, хорохорясь и показывая, какие у них плечи, морды, и старательно втягивая отвисающие животы.

Барон Альбрехт наклонился к моему уху:

— Ваша светлость, не хотите ли принять участие?

— В чем?

— В веселии, сэс Ричард.

— Дык я веселюсь!

— Я имею в виду, в танцах.

Я посмотрел на чинно танцующих, поморщился.

— Боюсь, мой танец покажется здесь чрезмерно...
благочестивым.

Он посмотрел на меня с некоторой странностью во взоре.

— Благочестивым?

— Ну да. Разве не благочестие мы принесли в эту погрязшую в грехах страну?

Он пробормотал:

— Да, конечно. Хотя мой дед как-то говорил, что необязательно самим есть то, что подаешь другим.

— Ваш дед был циник и распутник, — сказал я строго. — Разве не так?

Он взглянул несколько смущенно:

— Вообще-то он кончил плохо, вы правы. Но прожил весело.

— Мы не чернь, — напомнил я, — только она жаждет бездумно веселиться с утра до вечера, а о великом думать не желает и не умеет. Так что эта... веселитесь, барон. Меня не надуете насчет своего танцевания.

Он мрачно усмехнулся.

Среди молодых девушек я заметил одну, раньше не видел при дворе, яркая, хоть и с очень бледным лицом, зато густые черные волосы, перехваченные узкой красной лентой, пурпурные губы, изящной формы нос и рот, красиво и смело вычерченные брови, стройная фигура, полная уверенности и достоинства...

Я тихонько спросил у сэса Жерара:

— Это кто?

Он проследил за моим взглядом, нахмурился.

— Наверное, зря ее сэс Теренц пропустил... Я бы точно закрыл перед такой ворота.

— Почему?

— Это леди Глория Ваттер, — произнес он.

Я сказал сварливо:

— Думаете, я всех баб знаю?

— Вы даже слуг помните по именам, — ответил он хмуро.

— Так то слуги, от них польза.

— Леди Ваттер, — сказал он тихонько, — из четырех дочерей графа Финлэйна Дугласа была самой умной, всех видела насквозь и не упускала случая это показать. Из-за ее высокомерия и язвительности ее старались избегать, чтобы не стать мишенью острых насмешек. Однажды расчихалась, но никто не пожелал ей здоровья...

Я спросил тупенько:

— Невежливо, но... что тут такого?

Он посмотрел на меня с жалостью.

— Ваша светлость, у нас, как и везде, если девушке на три чиха не сказать хотя бы раз «Будь здорова!», то ее берет в жены злой гном из племени леприконов.

Я пробормотал:

— Добрые вы...

Он спросил:

— Правда?

— Ну да, — подтвердил я, — хотя бы гномы, но берут? А у нас в срединном такие чересчур умные остаются старыми девами. И не дают потомства. Так мир становится лучше и добрее.

Он зябко передернул плечами.

— Жестокое у вас общество.

— Да, — согласился я, — а леприкон... он как?

Сэр Жерар пожал плечами.

— Ну, трудно сказать... Если раз в год отпускает в мир людей... наверное, добрый?

— А она может не вернуться? — спросил я.

Он посмотрел в недоумении:

— Как это? Она ж замужем.

— Ну да, — пробормотал я, — ну да, разводы не предусмотрены. Здесь, чтобы развестись, рубят головы, как Генрих VIII своим женам. Тоже вариант экономии на адвокатах и разделе имущества... Мне кажется, она выглядит неплохо?

— Да, — согласился сэръ Жерар. — Говорят, если обживешься, то и в аду неплохо. А настоящая женщина должна уживаться и с леприконами. С нами же уживаются?

— Да, — согласился я, — мы еще те леприконы... всем леприконам леприконы. Пойду-ка представлюсь. Все-таки я должен быть радушным ко всем... существам.

Леди Глория Ваттер ощутила мое приближение, обернулась, присела в поклоне.

— Леди Глория, — произнес я.

— Ваша светлость, — ответила она чистым ясным и в то же время слегка насмешливым голосом, в котором слышится подтекст: да-да, знаю, куда смотришь и что со мной проделываешь мысленно, но я даже не ударю, все вы такие...

— Надеюсь, — сказал я, — вам понравится при этом дворе, леди Глория.

Она спокойно смотрела мне в глаза, что-то в аристократическом лице от вечности и неспешного движения галактик, а в глазах настоящее звездное небо.

— Возможно, — ответила она контролируемыми голосом, — а что, в нем нечто особенное?

— Не знаю, — признался я, — но вообще-то должно быть. Мы же гнусные захватчики с Севера, а я вообще отвратительный узурпатор королевского трона. У нас все не так!

Она огляделась.

— Правда? А мне показалось, ничего не изменилось.

— Человеческая природа гомеостатична, — объяснил я. — И сам человек стремится к равновесию.

Неосознанно. Как ни тащи к счастью, все равно в причудливое дерьмо лезет. Ну сами видите...

Она усмехнулась:

— Правда? У вас интересный взгляд.

— Потому что я тоже леприкон, — объяснил я. — В своем роде. Только я леприкон внутри. Из скромности. А ваши там все нараспашку, что и понятно, все свои, таиться или защищать свои ценности не перед кем... А ценности в самом деле ценности?

Она улыбалась, глядя мне в глаза, но взгляд стал серьезным.

— Все зависит от угла зрения, — произнесла без всякой ехидцы. — Леприконы не видят солнца, а в этот мир могут подняться только ночью в новолуние и еще чтоб тучи закрыли даже звезды... зато они живут по тысяче лет, а женщины их никогда не старятся.

— Это серьезный козырь, — согласился я. — Главное, никаких морщин?.. И щеки не обвиснут? И на боках не нарастут горы дурного жира?

Она чуть усмехнулась.

— Да, вы тоже леприкон... хоть и не похожи.

— У меня просто другая раса, — объяснил я. — Высшая, разумеется.

Она засмотрелась на сидящих за столами, это молодежь пляшет, а солидные люди сразу жрать и пить, там такие жареные лебеди и гуси, что какие танцы, не смешите.

В ее глазах появилось изумление, наконец спросила тихонько:

— Что это у них в руках?

Я сразу понял, о чем она: рыцари Ундерлендов завезли в Сен-Мари такую странную штуку, как вилка, модницы сразу приняли ее с восторгом, шеголи тоже начали пользоваться с первого же дня, а нормальные люди хмурились и продолжали брать мясо и рыбу руками.

— Это называется вилка, — объяснил я, — придуман новый столовый прибор, что совершит революцию. Не верите? Начинается переход к бесконтактной еде... в смысле еду больше не берут руками, как животные. И отныне брать не будут.

Она смотрела загоревшимися глазами, вряд ли поверила, однако даже рот открыла в удивлении, год назад точно в Сен-Мари вилок не было.

В зал вошел отец Дитрих, его сопровождают два священника, но на пороге он бросил им пару слов, оба с поклонами развернулись и пропали за дверью.

Великий инквизитор на ходу поглядывал неодобрительно на орущих песни, там сразу стыдливо умолкли, он кивнул мне, ему моментально освободили место, но он долго не садился, оглядывая всех из-под кустистых седых бровей.

Мне показалось, что уже успокаивается и вот-вот опустился в кресло, однако глаза его метнули молнии, он заговорил громко и гневно, голос его загремел, как у пророка Ильи:

— Разве не видите, что это двурогое чудовище символизирует дьявола?.. Вы и так забываете прочесть молитву, садясь за стол, а еще и берете в руки эту мерзость?.. Я отлучу от Церкви всякого, кто будет пользоваться этими вилками... так их называют?.. и направлю папе прошение, чтобы он обнарудовал такой билль...

Все затихли, кто-то в испуге выронил вилку, кто-то так поспешно бросил на блюдо, что звон услышали и во дворе.

Леди Глория с удивлением смотрела то на него, то на меня, к нам быстро подошел сэра Альбрехт, коротко поклонился женщине, а мне сказал негромко:

— Сэр Ричард, спасайте...

Леди Глория посмотрела уже с интересом на него, потом на меня, а я пожал плечами:

— Дорогой барон, что спасать? Все верно святой отец Дитрих говорит.

— Но... вы тоже так думаете?

— Абсолютно, — сказал я.

— Но... гм...

Отец Дитрих грозно осматривал сидящих за столами, и везде отдергивали руки от вилок, словно их только что вынули из горна с горящими углями.

Я оставил леди Глорию на попечении барона, подошел к своему месту, но тоже не сел, сказал громко:

— Мне отраднo видеть единство светской власти и духовной!.. Его Святейшество папа римский будет абсолютно прав, если запретит такое кощунство! Только дьяволу могла прийти в голову такая штука, и лишь его сторонники могут пользоваться этой так называемой вилкой!.. Нет-нет и еще раз нет!.. Ни один христианин не станет ею пользоваться, а кто станет — да сгорит в аду! А мы ему поможем. Я заявляю со всем смирением христианина, что лишь с тремя зубцами можно брать вилку в руки, и только в таком виде она приемлема, так как тремя зубцами олицетворяет Отца, Сына и Святаго Духа!

Сэр Растер открыл рот для протеста и тут же звучно захлопнул. Барон Альбрехт ехидно улыбнулся, леди Глория вскинула тонко очерченные брови, к ним быстро подошел сэр Жерар и что-то жарко начал нашептывать барону. Мне показалось, что в интересах наполнения казны договаривается разместить большой заказ на изготовление трезубых и утилизацию двузубых.

— И еще, — добавил я, — вилка с прямыми зубцами не только символизирует рога дьявола, но и его гордыню! Потому вилки надлежит изготавливать слегка изогнутыми, напоминая, что не только люди, но и вещи должны склониться перед Господом Нашим!

Отец Дитрих смотрел на меня пристально, явно колеблется, затем медленно кивнул, сел за стол, ему тут же подвинули блюдо с уже порезанным гусем, и великий инквизитор начал брать мясо руками, раз уж трезубые вилки еще не изготовлены.

Леди Глория уже исчезла, а барон приблизился ко мне сзади и пробормотал:

— Три зубца вместо двух, гм, понимаю, это просто гениальный ход, чтобы легализовать...

Я возразил:

— Просто удобнее, увидишь.

— ...но зачем эта изогнутость?

— Ах, барон, — ответил я рассеянно, уже снова думая о флоте и его проблемах, — прямой вилок можно только накалывать, а изогнутой — еще и зачерпывать. Только изогнутость позволитвилке стать королевой кухонной утвари.

Он недоверчиво заулыбался.

— Ну да, прямо королевой...

— А что? И этих вилок будет множество. Для мяса, для рыбы, для десерта...

Он замахал руками, прерывая меня на полуслове:

— Сэр Ричард, я лопну от смеха! Вилки, да еще разные? Одни для мяса, а для фруктов совсем другие? Га-га-га, это же надо!.. Га-га-га!...

Глава 8

В зал вошел и остановился, оглядывая танцующих, высокий поджарый рыцарь в кирасе поверх бархатного кафтана. Лицо жестокое, хмурое, нос перебит, шрам на левой брови, штаны из толстой кожи с мелкими вставками из блестящей стали, а сапоги высокие, укрепленные металлическими полосками...

Я вскочил обрадованно, обогнул стол и быстро пошел навстречу. За столом все поднялись и с притворной радостью смотрели на незнакомого большинству из них рыцаря.

— Дорогой сэр Генрих, — сказал я и раскинул руки.

— Мой лорд, — произнес он с улыбкой.

Мы обнялись, я через его плечо видел, как в спину графа Гатера поглядывают с завистью, сегодня же начнут набиваться в друзья, и, отстранив чуть, сказал искренне:

— Дорогие друзья, рад представить вам своего друга графа Генриха Гатера фон Мерзенгарда! Он первым... или в числе первых принес мне присягу в Вестготии, так что прошу любить и жаловать!.. А вас, дорогой сэр Генрих, прошу остаться при моем дворе! Мне так недостает вашего светлого ума и практичного взгляда на вещи!

— Ваша светлость...

— Не возражайте, — прервал я на полуслове. — Покои вам отведут одни из лучших! Даже лучше, чем у меня, клянусь.

Он покачал головой.

— Ваше вели... ваша светлость, вы же знаете, я человек весьма даже семейный...

— Правда? — изумился я. — Так тащите сюда и семью! Места хватит.

Он вздохнул.

— Ваша светлость, вы не поверите, но я воспитываю детей в строгости и чистоте.

— Намеряете, что у нас тут вертеп?

Он прямо взглянул мне в глаза:

— Намеряю?

Я с усилием улыбнулся:

— Ну... если с самых высоких позиций... а вы живете в их мире, да, вы правы. Но я — правитель, я не могу быть слишком выше своего народа, иначе перестану его понимать. Я должен быть среди этого вертепа и стараться тихонько тащить его на чистую вершину ближе к Господу Богу.

Он опустил взгляд.

— Простите, ваша светлость, но вы — подвижник. Вы можете находиться среди них и... не пачкаться. А я

не смогу. Низменные желания во мне слишком сильны, мне нужно держаться от соблазнов подальше. И семью держать... Но сам я счастлив выпить с вами!

Я крикнул:

— Освободить место моему другу!.. Граф, рассказывайте, что случилось, как вы оказались здесь?

Он опустил в кресло, довольная улыбка стала шире на его жестоком лице.

— Мы прижали остатки варваров к морю, ваша светлость! Всей армии там уже делать нечего, и граф Ришар велел отправлять нас обратно небольшими группами. После окончания войны останутся лишь гарнизоны, это для удержания Гандерсгейма в узде вполне...

Ел он, понукаемый мною, быстро и не делая лишних движений, так насыщаются на коротких привалах, когда нужно и самому успеть поесть, и коня накормить, и сбрую проверить.

Я выждал, когда он осушит третий кубок вина, поднялся и сразу же сказал начавшим подниматься с мест:

— Сидите, сидите! Я только провожу моего дорогого друга в его покои, тут же вернусь. Не успеете и на столах поплясать в непотребно веселом виде...

Кто-то хихикнул, а граф Готар поднялся гордый и надменный, разве кого-то еще сам сюзерен провожает до его покоев, бундючно оглядел пирующих и красиво пошел между столами к выходу, высокомерно глядя поверх голов.

В следующем зале уже не так чинно, как вчера: морды веселые, разговаривают громче, винные пары стелются осязательным слоем над полом и поднимаются все выше, нас с Готаром замечают лишь тогда, когда мы упираемся в них, да и тогда не сразу догадываются дать дорогу.

В дальних дверях показался барон Альбрехт, увидел, что нам с графом Готаром приходится почти что про-

талкиваться через толпу веселящихся, кивком отправил двух малоприметных дворян в нашу сторону.

Я чувствовал нарастающий холод, насторожился, но вокруг лишь глупо-веселые морды, многие видятся друг с другом только вот на таких праздниках. Готар попер вперед энергичнее, отталкивал зазевавшихся или не успевших отступить.

Впереди группа молодых дворян, что совсем недавно вышли в свет, я узнал барона Френка Ховарда, юного отпрыска знатного рода Холбергов, с ним пара его друзей, юношей с горящими глазами, холод пробежал по моему телу отчетливее, я остановился, чувствуя опасность...

...сбоку что-то мелькнуло, я услышал предостерегающий вскрик, тут же бок резко и сильно пронзило острой болью. Ощетинившись, я развернулся и ударил, не глядя, кто-то упал, одновременно барон Ховард хищно оскалил зубы, его рука метнулась вперед, я вскрикнул, ощутив, как острие кинжала вонзается в живот.

Он прохрипел люто:

— Умри, тиран!

Стражи, расталкивая придворных, ринулись в нашу сторону. Я ударил Френка в лицо, он отлетел на несколько шагов и обрушился на непонимающих дворян, что смотрели на меня выпученными глазами. Граф Готар ринулся на них с диким ревом и смял, как разъяренный бык телят.

В животе неистовая резь, я едва не терял сознание, ухватился за рукоять и с силой выдернул клинок с узким трехгранным лезвием, раны от которого заживают особенно плохо.

С лезвия закапала густая темная кровь, уж не знаю, хорошо это или плохо, но от боли меня согнуло. Как из-под земли появился сэра Жерар и подхватил под руку, трубным голосом требовал срочно доктора или хотя бы врача. Совсем рядом барон Альбрехт кричал, чтобы на-

павших на лорда берегли, как зеницу ока, и если умрут, то казнят в пыточной и того, по чьей вине...

Сэр Жерар и барон Альбрехт потащили меня, едва передвигающего ноги, в сторону моих покоев. У самого конца зала я с усилием выпрямился и повернулся к залу, где все еще вяжут напавших на сюзерена, а граф Готар возвышается над ними грозный, как карающий языческий бог, и озирает всех безумными глазами.

На меня все смотрят круглыми глазами, я заставил губы раздвинуться в жестокой усмешке.

— Никакой паники, — проговорил я хриплым голосом. — Заговорщики промахнулись. Я этого ждал и был готов. Ваш лорд все так же у руля и крепко держит штурвал. Никакие происки темных сил оппозиции не заставят нас свернуть прогрессивные преобразования!

Сэр Жерар дышит чуть ли не в ухо, готовый подхватить в любой момент. Барон Альбрехт даже руки вытянул, словно незримо держит сюзерена в вертикальном состоянии.

— Ничего не изменилось, — сказал я громче. — А теперь я отправляюсь работать на благо Сен-Мари!

В мой кабинет вместе со мной вошел только сэр Жерар, а барон Альбрехт исчез перед дверью. Я еще слышал его холодный злой голос, похожий на удары стальной полосы по наковальне, пока переступал порог своей спальни, потом все как отрезало, я доковылял до кресла и сел в изнеможении.

Сэр Жерар крепко ухватил меня за плечо.

— Ваша светлость! Очнитесь. За доктором уже послали. Сейчас вам окажут помощь...

Я покачал головой.

— Я же сказал, заговорщики промахнулись...

— На вас нет кольчуги, — выкрикнул он.

— Но кто это видел? — спросил я. — А вам нужно бы иметь больше доверия к словам моей замечательной светлости и умности. Помогите снять этот жипон, на животе присохло, отрывать будет больно...

Он не решался притронуться, на лице недоверие, я должен испытывать ужасные муки, лучше уж так, пришлось раздеваться самому. Он только помогал и принимал окровавленные тряпки, а когда я снял рубашку, глаза округлились.

— Ваша светлость...

— Все в порядке, — успокоил я. — У них руки тряслись, не видите? Удар пришелся вскользь, чуть-чуть поцарапал кожу. Потому и кровь...

— А второй? — спросил он недоверчиво. — У него тоже руки дрожали? Это же был сам сэръ Ховард! Несмотря на молодость, прекрасный турнирный боец...

— И что? — спросил я. — При виде моей августейшей персоны у кого угодно затрясется. И не только руки.

Он наконец решился потрогать вздутый сизый шрам на боку. В глазах появилось странное выражение.

— Это от сегодняшнего?

— Нет, старая рана, — заверил я. — До сих пор ноет на плохую погоду.

— А где тогда следы от сегодняшней?

Я прямо посмотрел ему в глаза.

— Сэръ Жерар, мы же армландцы? Граф Ришар рекомендовал вас в секретари именно потому, что знаете: это можно сказать, а это нельзя... Вот следы, вот!.. И рана вот, видите?

Он посмотрел, сказал неуверенно:

— Да-да, ваша светлость, теперь вижу. Простите, не сразу заметил, слишком уж она... огромная. И даже зияющая, я бы сказал. Но что делать с доктором? Он уже за дверью.

— Я уже говорил, — повторил я, — заговорщики промахнулись. Зачем мне доктор?

— И-и... и что с доктором...

— Так отправьте его обратно. Скажите, была ложная тревога, я цел и невредим. Сейчас моя замечательная светлость переоденется и вернется к гостям.

Он смотрел на меня очень серьезно.

— И что теперь?

— Уверен, — сказал я, — барон Альбрехт уже потащил заговорщиков куда надо, барон Эйц вот-вот явится с просьбой об отставке, а граф Готар ликует, что сразу же попал в нечто опасное и рискованное, как всегда, когда встречает меня... Но сейчас, дорогой сэр Жерар, подайте мне новый камзол. Надо в зал, а то там перепьются от радости, что узурпатор повергнут.

Он поморщился, но глаза серьезные, нехотя наклонил голову.

— Боюсь, что это... разумно. Пока весть об успехе заговора не распространилась, надо слухам крылышки оборвать.

Он подал жипон, я торопливо оделся, в боку покалывает, в животе все еще неприятное чувство, будто острый стальной клинок все еще там, но я через силу улыбнулся, выпрямил спину.

— Пойдемте, сэр Жерар. И не такое мрачное выражение лица, у нас же праздник!

В зале, где меня чуть было не убили, народу стало еще больше. Как понимаю, многие оставили пиршественные столы, жадно выспрашивают подробности.

При нашем появлении наступила звенящая тишина, кто-то пробормотал отчетливо: «Заговоренный он, что ли?» — затем начали кланяться, вперед поспешно выдвинулся герцог Фуланд.

— Ваша светлость, — проговорил он дрожащим от волнения голосом, — поздравляю с чудесным спасением!

— Мы все поздравляем, — сказал рядом с ним сэр Рюккерт.

Остальные начали заверять в своей неопишуемой радости, как только увидели, что я цел и невредим.

— Это верно, — согласился я. — Господь все замечает! И оберегает верных и, главное, нужных ему людей. Как от соблазнов, так и от вражеских козней. Веселитесь, дорогие друзья!

В зале, где гремит пир, меня встретили громкими воплями восторга. Сэр Жерар хмурился, а мне эти гуляки, что даже не вылезли из-за столов, чтобы поинтересоваться, как там убивали их лорда, показались, напротив, более симпатичными. Вовсе не из-за равнодушия ко мне остались пировать, большинство просто уверены, что с их сюзереном ничего не случится, ведь столько прошли в Армландии, Сен-Мари и Гандерсгейме!

Я пару раз поднимался и вздымал кубок, показывая, что я да, ага, весьма, обло и озорно, как усе, все путем, гуляем ребята, завтра опять работа и всяческие груды...

Барон Альбрехт явился мрачный, тихонько подсел сзади, наклонился к уху и поинтересовался моим самочувствием, но чисто механически, раз жив, то не окопею, даже обидно за такое бессердечие, зато сообщил гут же, что заговорщики живы и под надежной охраной в подвальной темнице. Сэр Ротвуд уже начал с помощью палача проводить дознание...

Я поморщился.

— Не слишком рано... палачу?

— Надо спешить, — заверил он, — пока сообщники не уютюкали. Барон Эйц рвется сложить с себя полномочия начальника охраны дворца. Я пока отсоветовал...

— А что он мог? — спросил я устало. — Его охрана не пропускает чужих и посторонних, но сэр Френк был своим при дворе. Да и остальные, как я понимаю, не через забор перелезли...

— Совершенно точно, — подтвердил он. — Все из весьма знатных семей. Им есть что терять.

— Я хочу сам с ними поговорить, — сказал я.

Он посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— В самом деле сможете?

Я поднялся, кивнул сэру Жерару.

— Вы тоже с нами.

За столами почти не обратили внимания, что я опять покидаю застолье, уже в такой кондиции, что и себя не слышат, очень веселые и довольные, а мы вышли через боковую дверь, затем через несколько коридоров, и через четверть часа молчаливые часовые открывали перед нами металлические двери подземной темницы, а затем убрали перегораживающие дорогу решетки.

Глава 9

Солнечный день померк, отступил, угас, даже прогретые дневным теплом камни стали холодными. Мы спускались все ниже, ступени выщербленные, что значит движение весьма, барон Альбрехт кивнул стражу, тот взял факел и пошел впереди.

От стен тянет могильной сыростью, камни здесь настоящие глыбы, на них держится дворец, а дверь вся из металла и на таких толстых петлях, что выдержали бы крепостные ворота.

Страж с этой стороны всмотрелся в нас, отсалютовал, это же не дворец, поспешно ухватился за массивную ручку и с натугой потащил на себя.

Подвал с таким низким потолком, что и не повесишь-ся толком, тем более нет смысла подвешивать заключенных, зато мы прошли мимо трех дыб для растягивания на столе, испанского сапога, горна с раскаленными прутьями и прочих прелестных изобретений человеческого гения. Возможно, здесь они называются иначе, чем у нас в срединном...

Барон забежал вперед, там дальше за массивными колоннами, подпирающими потолок, на стене распяты обнаженные тела, пахнет горелым мясом, блевотиной и мочой.

Сэр Ротвуд оглянулся, сам вспотевший, с крупными каплями на лице.

— Ваша светлость!

— Все в порядке, — успокоил я. — Небольшая инспекция, а так я вовсе не посягаю на ваши развлечения. Что-то удалось узнать?

— Только косвенные улики, — ответил он с неохотой. — Но пятерых уже можно арестовывать.

Я повернулся к барону Альбрехту:

— Распорядитесь.

Тот быстро ушел, а я подошел к распятому Френку Ховарду, он и здесь держится вожаком, лицо смелое, взгляд вызывающий,

— Я жив, — сказал я холодно. — Господь спас меня. Чего вы хотели добиться?

Он откинул голову назад, чтобы смотреть не исподлобья и не так уж снизу вверх, я увидел в глазах ярость, во взгляде еще нет осознания поражения.

— Непонятно? — ответил он разбитым в кровь ртом. — Убить врага!

— Чьего врага? — спросил я. — Вы что, родня Кейдана?

Он посмотрел на меня с презрением.

— Враг для нас любой, кто посягает на трон законного короля Орифламме!

— Значит, — сказал я, — просто борцы за справедливость. Понятно. Хотя, конечно, Кейдан наверняка пожаловал бы вас высокими должностями и титулами, не так ли?

Он надменно усмехнулся, остальные трое смотрели с тем же вызовом и отвагой в лицах.

— Мы шли на смерть, — ответил он гордо. — Мы собирались просто успеть убить узурпатора до того, как убьют нас. Других планов у нас не было.

— Какая самоотверженность, — пробормотал я, — и, главное, для чего и для кого...

— Для Его Величества короля Кейдана!

— Да-да, — сказал я, — вы за легитимность. За короля, который является законным по праву престолона-

ледования, хотя, как известно, на детях гениев природа отдыхает, на внуках вообще отрывается по полной... а Кейдан, насколько понимаю, так и вовсе пятый или десятый в линии этих законных королей?

Они не поняли, судя по их лицам, как это природа может отрываться, а Френк сказал с вызовом:

— Пятый! И что?

— А вы не знаете, — спросил я, — что по высшему закону, установленному самим Господом, народ имеет право свергать короля, который недостаточно полно заботится о нем, народе, утопает в похоти... и вообще ведет грешную жизнь?

Трое растерянно переглянулись, но Френк ответил непримиримо:

— Мы не знаем такого закона!

Я кивнул, сказал сочувствующе:

— Понятно, от вас его утаивали. Это естественно в данных обстоятельствах. Вы за Кейдана потому, что он — свой, а я — чужой. Вы еще не знаете, что свой может быть плохим человеком, а чужой — хорошим. Я сам, честно говоря, совсем недавно это понял, а большинство так и умирают с убеждением, что за своих нужно стоять всегда, даже если это подонки, убийцы и насильники... Ладно, я все понял. Сэр Ротвуд, они в вашем распоряжении!

Сэр Ротвуд кивнул застывшим у стенки палачам. Те оживились и начали вынимать из горла с пурпурными углями раскаленные металлические штыри.

Отвращение к бессмысленному пожиранию жареного мяса, пьяным крикам, глупым здравницам остановило на пороге зала, я повернулся к секретарю.

Он поклонился.

— Ваша светлость?

— Сэр Жерар, — сказал я. — Возвращайтесь к пирующим, успокойте народ еще раз. Пусть посмотрят

в окно, если кто желает, я буду прогуливаться в саду. Что-то помыслить восхотелось с чего-то, сам не знаю... наверное, съел что-нибудь.

Тень беспокойства метнулась в его глазах, но смолчал, вторая попытка покушения будет не скоро, если и будет.

— Ваша светлость...

— Не бойся — люди барона Эйца мне пятки оттопчут.

Он поклонился и ушел, а я прошел мимо входа во дворец, дальше шум фонтанов, прямые широкие аллеи, везде пусто, гуляющих чудаков не отыскалось, все едят и пьют, общаются, завязывают полезные знакомства.

Я старался думать о флоте, но перед глазами то и дело всплывают гордые лица юных дураков, отечество спасают, видите ли, за справедливость, а справедливость только в том, что Кейдану повезло родиться сыном короля...

Дорогу впереди пересекла темная тень, я вздрогнул, но это всего лишь блистательная леди Розамунда, все так же прекрасная, сверкающая белозубой улыбкой и ясными глазами так ярко, что жемчужины на ее графской короне и платье тускнеют перед их блеском.

— Ох, — сказал я шутливо, — кто бы подумал, что от такой светлой и гибкостанной девушки такая огромная и темная тень!

Она засмеялась, показав и зубки, и ямочки на щеках, вот уж не замечал раньше, присела в низком полклоне.

— Ваша светлость...

— Леди Розамунда.

Она поднялась, взгляд гордый и вместе с тем лукавый.

— А если я такая и есть?

— Не поверю, — сказал я, но на всякий случай сделал то, до чего раньше не додумался, взглянул в теп-

ловом диапазоне, потом в запаховом. — На самом деле вы вообще ангел!

— Я все та же, — ответила она, — а вот вас, как я слышала, нужно поздравить с новым высоким титулом?

Я отмахнулся.

— Что титулы? Были бы зубы.

Она посмотрела в удивлении, на милом личике проступило легкое замешательство.

— Как это... Титулы — это все! За них мужчины убивают друг друга. Иногда убивают и женщины.

— Леди Розамунда, — сказал я с печалью, — в подъеме по лестнице титулов много печали.

Она удивленно вскинула брови.

— Печали?

— Увы, да.

— Почему?

— Начинаешь называть искушением то, что прежде считал бы просто удачным случаем.

Она кивнула, взгляд стал серьезным.

— Мне жаль вас, сэръ Ричард... Так всего опасаться! Это же почти... не жить!

— Жизнь бывает, — заверил я, — и помимо прыганья по постелям. Хотя, согласен, самые сильные радости — самые примитивные. В смысле простые, незатейливые.

Она прямо посмотрела мне в глаза, взгляд чистый, а голос прозвучал очень серьезно:

— Сэръ Ричард, я больше не сажу рядом с вами, так что теперь вас ничто не обязывает. Вы можете поцеловать меня, я не стану кричать и отбиваться. Но и вам это ничего не будет стоить.

Я пробормотал:

— Стоить?

Она кивнула, в глазах проступило странное веселье.

— Уже все, — произнесла она тихо, — знают о вашем кредо. Странное, конечно, и очень обидное... вы

обесцениваете нашу женскую честь! Вы ни во что ставите нашу девственность... Но у нас вообще больше ничего нет, вы это понимаете?

Она смотрела на меня широко открытыми глазами, я видел предельную искренность взгляда и внезапно ощутил себя последней свиньей на свете.

— Все будет, — пробормотал я. — Все будет, леди Розамунда. Вы, женщины, всего добьетесь, только многим эта победа будет не в радость. Я имею в виду снова женщин.

Она спросила горько:

— Когда?

Я развел руками.

— Увы... Леди Розамунда, вы мне в самом деле нравитесь. Красивые женщины при дворе попадают, но чтоб еще и умная... Мы могли бы подружиться, хотя, если честно, я все-таки вас опасаюсь. В интригах я не силен, к ним прибегают те, у кого недостаточно открытой мощи, а мне в этом везло...

Она прямо смотрела мне в глаза.

— Сейчас никаких интриг. Правда. Да и раньше были не интриги, а... в общем, теперь все предельно чисто.

— Верю, — ответил я. — Но у вас могли остаться какие-то обиды. Ну, вы понимаете, все как-то рассчитывали, что вы останетесь сидеть в кресле королевы долго.

Она кивнула.

— Да. Я сама допустила ошибку, когда принялась усердно помогать, не сообщая вам о мелочах.

— Гм, — сказал я в затруднении, — как вы понимаете, если уж мы сейчас в самом деле начистоту, это было слишком опрометчиво. Ни один мужчина, если он еще мужчина, не позволит, чтобы решали за его спиной... даже в его пользу. У нас есть самолюбие, гордость... да и простая осторожность. Я предпочитаю все держать в своих руках.

— Все не удержите!

— Знаю. Но передаю только особо доверенным вас-салам, которых знаю, как облупленных.

Она улыбнулась.

— Вы меня тоже можете узнать, как облупленную. Под шелухой, я имею в виду не только одежду, хотя ее... тоже.

На ее щеках проступил румянец стыда при таких словах, даже голову опустила, но тут же вскинула ее и снова посмотрела мне в глаза честно и открыто.

Я сказал смущенно:

— Леди Розамунда, я восхищен вами. Знаю, какое воспитание дают девушкам в благородных семьях. Просто не ожидал встретить сочетание острого ума и ясного понимания вещей... да еще в таком юном возрасте.

— Спасибо, ваша светлость...

— Мы еще увидимся, — пообещал я.

Она улыбнулась.

— Правда? Я слышала, леди Хорнегильда представила вам свою лучшую и самую верную подругу, что уж точно ее не вытолкнет. Но я советовала бы вам проверить на прочность нашу женскую дружбу и верность друг другу. Ваша светлость...

— Леди Розамунда, — ответил я.

Она присела в низком поклоне, я кивнул чуть-чуть и прошествовал мимо с гордо поднятой головой и государственным выражением на лице, но понимал, что просто убегаю, и, хуже того, она это понимает тоже.

Глава 10

Барон Эйц поспешил навстречу, я выставил перед собой ладони.

— Барон, никаких извинений и отставки не принимаю!

Он посмотрел на меня волком.

— Тогда хоть не разгуливайте вот так, голым.

— Но я вроде бы не совсем...

— Без охраны, — отрубил он, — это голым!

— Барон, — сказал я, — такое случается крайне редко. И, думаю, не повторится. У меня есть очень мощный амулет, предупреждающий... Но он пробудился очень поздно. Это значит, у них было при себе что-то помощнее, а это редкость, согласитесь. Такими амулетами не разбрасываются. Теперь, кстати, у них отобрали все эти штуки, мои алхимики с ними разбираются. Что-то еще?

Он кивнул.

— Да. Только что прибыл из Гандерсгейма второй отряд армландцев. Граф Ришар очень извиняется, что не может прислать больше. Остальные нужны еще некоторое время, пока не укрепит стены городов и не обучит там гарнизоны.

Я усмехнулся.

— Не понимаю, о чем он беспокоится?.. Здесь у нас тишь да гладь...

Он снова посмотрел волком.

— Да, ваша светлость, танцуйте, адюльтерничайте...

— Что? — потребовал я. — Что не так?

— Да так, — ответил он со злостью. — Слухи, слухи... Когда мы вломились сюда с «Кирийе элейсон» в блеске доспехов и обнаженных мечей, все притихли, как мыши, а теперь осмелели, плетут интриги, сколачивают какие-то группы, союзы... Армландцев пустить во дворец?

Я переспросил:

— А что с ними? Каких?

Он пожал плечами.

— Ну, не все из них лорды...

— Пустите командиров, — распорядился я. — Поблагодарю перед строем... придворных, вручу чё-нить, что

подберет из ненужного сэра Жерар. Герои должны быть отмечены!.. Всем остальным тоже по прянику и августейшее похлопывание по плечу. Дистанционно.

— Хорошо, ваша светлость. Сейчас я велел им стряхнуть пыль и почистить сапоги, а то у вас тут везде чертовы ковры, плюнуть некуда. Еще покормиться в трактире, чтобы не толкались тут, а потом предстанут перед ваши светлы или гневны очи.

Ради постройки большого флота я намеревался пожертвовать только прекрасными лесами вокруг Тараскона, но, как мне докладывали ежедневно, предприимчивые торговцы деревья везут даже из соседних земель, где они ничего не стоят, а рабочую силу можно нанять за бесценок.

Не доверяя казначеям, я старательно подсчитывал всевозможные расходы сам. Каравеллы достаточно простые в конструкции, постройке, а потому и недорогие. Это не галеоны.

Но что-то меня занесло в мелочи, я же стратег, я не должен лезть в дела инженеров и моряков, у меня задача потруднее — выработать прямой и наименее затратный путь к цели, что я по мере сил и стараюсь делать...

Сэр Жерар вошел, произнес с непроницаемым лицом:

— Мастер Ноэль Лэнгли.

Я поднял голову от стола.

— Это кто?

— Корабельный мастер.

— А-а, — сказал я, — помню, зови.

В комнату быстро вошел этот самый Лэнгли, там я его видел только мельком, прошел через весь кабинет, не обращая внимания на всю его нелепую пышность, что мне понравилось, а за ним робко держится кудрявый юноша с орлиными глазами и черным пушком над верхней губой.

— Мастер Ноэль, — сказал я.

— Ваша светлость, — ответил он почтительно и замер, несмотря на то что из него так и рвется нечто, но заговорить первым должен старший по титулу, званию или должности.

— Что случилось? — спросил я. — От Тараскона до Геннегау путь не близкий, а мы каждой минутой дорожим...

Он торопливо поклонился.

— Ваша светлость! Позвольте...

— Смотря что, — буркнул я. — Вам только начни позволять. Чтостряслось такое важное, что вы вот, а?

— Вы говорили, — сказал он с новым поклоном, — нам можно вносить некоторые улучшения?

Я сказал коротко:

— Да. Что именно?

Он торопливо развернул длинный рулон бумаги.

— Вот тут вариант... уж простите... корабля... несколько покрупнее... Еще крупнее, чем большая каравелла...

Я придержал угол, что стыдливо пытался спрятать чертеж, там довольно умело нарисован крупный корабль, в самом деле очень крупный.

— И что? — спросил я. — Это ваша идея?

Ноэль Лэнгли вздохнул.

— Нет. Моего помощника. Он сутками не спал, не ел, все вычерчивал это чудо.

Я потребовал:

— А ваше мнение?

Он вздохнул еще тяжелее.

— Не вижу причин ему отказывать, но... что-то говорит во мне, что это неправильно. Что-то здесь не так. Такой корабль просто не может существовать.

Я перевел строгий взгляд на орлиноголового помощника.

— Что скажете?

Он воскликнул смело:

— Ваша светлость! Совсем недавно мы не могли представить и таких огромных кораблей, как эти великолепные каравеллы!.. Значит, можно построить и такой корабль!

Я снова посмотрел на Ноэля Лэнгли.

— И что? Каково твое окончательное решение?

— Ваша светлость, — произнес он с тяжким вздохом, — хоть убейте меня, но я не поставлю свою печать под разрешением строить этот корабль. Сам не знаю, что с ним, но... такие корабли просто быть не могут. Однако часть моих инженеров хотели бы поддержать этот проект...

Я кивнул.

— Ты прав. Этот гигант разломится на первой же волне. Сопромат не учили? Зря-зря... Правда, я тоже не, но знаю, что он есть, суровый и неподкупный. Сопротивление материалов, если по-научному. Дерево, знаете ли, ломается. Корабли у нас не литые, как подковы, а из досок и бревен, если вы вдруг подзабыли! Так что ты, Ноэль, молодец. Хотя чутье чутьем, а надо учить основы... Правда, сперва их хорошо бы сформулировать... ладно идите!

Лэнгли вскрикнул с восторгом:

— Милорд, как вы... правы! Такой корабль можно только в пруд на тихую, как в зеркале, воду!.. А если попадет носом и кормой на волны, а середина провиснет... там и треснет!

— Или серединой на волну, — согласился я. — Молодец, чутье твое выручает там, где нет знаний. Все, идите.

Мастер взыграл, помолодел, а его помощник, которому так грубо оборвали крылья, напротив — сник, сгорбился и стал похож на вороненка, попавшего под сильный холодный дождь.

Гонцы доносят, что прибывшие на «Богине Моря» Ордоньес и вся его команда тоже забывают поесть и

поспать, все азартно учат тупых сухопутных крыс строить корабли. Я не забыл вскользь упомянуть, как о само собой разумеющейся вещи, что все они в новом флоте автоматически получают повышения, начиная с капитана Ордоньеса, который будет адмиралом. Ведь мы заложили двенадцать больших каравелл. Ныне простых матросов распределяют по всем кораблям в качестве высших командиров или хотя бы первых лиц, после капитанов.

Работа не прекращается ни на миг, даже ночью при свете костров кипит едва ли не жарче, чем днем, когда жара и знойное солнце, а я не мог спать во дворце и ворочался короткими ночами, прикидывая разные варианты, как ускорить строительство и удешевить корабли, не снижая надежности.

Сегодня к вечеру пришлось принять еще одного мастера, сэра Роджера Рульфа, выходца из благородных, возможно, как раз поэтому больше думает не о парусах или обводах корпуса, а о воинском оснащении.

У меня как раз докладывал о прогрессе в раскрытии заговора барон Альбрехт, сэр Жерар слушал и запоминал, я велел им остаться и принять участие в обсуждении.

Мастер Рульф с готовностью развернул на моем столе красиво выполненный рисунок могучего корабля с мощным рогом в подводной части.

Я сразу же ткнул в это самое пальцем.

— А это что за?

Рульф ответил с гордостью:

— Таранный форштевень!.. Один мощный удар в бок вражеского корабля сразу же пустит его на дно.

Я вздохнул, первой мыслью было отправить этого умника пасти овец, вдруг да сумеет нанести меньше вреда, но посмотрел на лица Альбрехта и Жерара: одобряют, судя по их мордам, даже завидуют блестящему решению.

— Таран, — сказал я. — А корабль будет из цельного куска железа? Или камня?

Рульф растерялся, проговорил, запинаясь:

— Нет... таран предполагается устанавливать на корабли... которые строим...

— А они составлены из множества частей? — спросил я. — Деревянных? На те самые корабли, которые сейчас расшатывает качка и даже легкий ветер? Которые, если не ремонтировать постоянно, рассыплются на тысячи частей?.. И вы полагаете, что таран, расколовший корабль врага, не заставит развалиться и наш корабль-победитель?

Все молчали, только сэр Жерар проворчал с досадой:

— Вот чувствовал же... но только в слова облечь не сумел! Что я за тварь такая бессловесная? Вот так всю жизнь прохожу в исполнителях...

Рульф проговорил, запинаясь еще больше:

— Но почему... почему рассыплется? В старинных рукописях...

— На таран можно, — пояснил я раздраженно, — только в лодке-дубленке. Эта такая пирога, выдолбленная из цельного дуба. Или не дуба, неважно. А любое судно, составленное из множества частей, что и так готовы рассыпаться, если постоянно не подправлять, не сбивать и не склепывать, тут же разлетится на куски.

Рульф вскричал, забыв о своей робости:

— Но, ваша светлость! В старинных рукописях у всех кораблей тараны!

Я отмахнулся.

— Там не чертежи, а рисунки. Художников! У которых главное не точность, а впечатление. С тараном корабль выглядит более грозным, не так ли? Ну вот, главная цель достигнута. Я в таких рукописях видел весельные корабли с двумя рядами весел и даже с тремя! Представляете?

Он посмотрел на меня ошалело.

— Но, ваша светлость... что не так? Такие были, во многих документах упоминаются...

— Пропаганда, — ответил я уверенно. — Я знаю, как-то пытались построить... дескать, у древних же были, вот и мы запросто. Ни фига! Такими веслами даже шевельнуть не смогли, не то чтобы грести... Нет, дорогой мастер Рульф, ищите новое не в старинной мудрости якобы великих древних.

Он кое-как свернул свой великолепный рисунок, прямо Леонардо да Винчи, у которого все было гладко на бумаге, но ничто не работало, и ушел, ухитрившись дважды промахнуться мимо двери.

Барон Альбрехт покрутил головой.

— Гм... честно говоря, я тоже бы уверен, что таран — это мощь... Но почему не получится? Когда я с копьем наперевес иду на таранный удар, я же не рассыпаюсь?

— У вас все тело амортизирует, — сообщил я. — Каравеллы, как и все корабли этого типа, постоянно требуют ремонта! Их расшатывают не только штормы и бури, но любой переход по морю. Команда постоянно чинит, шпаклюет, затыкает дыры, откачивает проникающую в трюмы воду, даже обвязывают канатами корпус и стягивают узлами, чтобы не развалился на ходу. А первый же таранный удар... ну, представьте себе, ну!

Судя по их лицам, представляют, сэр Жерар побледнел даже, а барон поморщился.

— Хотя, — сказал я вдруг, — в чем-то вы правы...

Барон спросил в удивлении:

— Вернуть?

Я покачал головой.

— Нет, просто я поступил неправильно. Как честный и благородный рыцарь, а не политик. А правильнее было бы поддержать мастера Рульфа с его идеями насчет бирем и трирем, катапульт на палубах, суперог-

ромных кораблей, таранов... а потом, в чем-то обвинив, заставить убежать к нашим противникам.

Оба раскрыли рты.

— Зачем? — спросил барон, как более близкий ко мне человек, хотя при мне в личных секретарях сэра Жерар.

— Такая акция, — пояснил я, — принесла бы больше выгоды, чем даже создание огромной армии! Побудить противника строить корабли, что не смогут двигаться, или те, что развалятся на первой же волне — разве это не победа?

На лице сэра Жерара отразилось отвращение, даже барон нахмурился.

— Вот-вот, — сказал я уныло, — даже вы, мои друзья и союзники, не понимаете блистательного хода замечательного политика! Это я о себе, если никак не поймете. Да, это нечестно, подло, гадко, недостойно христианского государя, ну и что? Эх, как еще далеко до просвещенного времени, когда удар в спину или простая подножка перестанут казаться верхом коварства и цинизма!

Глава II

Сэр Жерар заглянул в полуоткрытую дверь вполглаза, уже хотел было попятиться, сюзерен державно склонился над столом с развернутыми чертежами и картами, но я почти все время так корячусь, рискнул сообщить:

— Там дожидается аудиенции леди Сильвиния.

— Какая еще Сильвиния? — спросил я раздраженно. — Гони в шею... Постой, это же та, которой сэра Макс уступил пожалованные мною земли?..

Он ответил уважительно:

— Ох у вас и память, мой лорд!

— Да уж, — буркнул я, — хочешь что-то забыть, а оно так и прыгает перед глазами, напоминает, каким дураком был... Ладно, зови.

— Прямо сейчас?

— Шас и зови, — ответил я, — все равно раз свинья перебила Отче Наш, пусть сама и молится!

Он исчез, минуто спустя за дверью простучали каблучки, в комнату вошла в голубом платье с волочащимся по ковру подолом молодая женщина с пышной копной золотых волос, перехваченной широкой голубой лентой, а еще золото волос падает на плечи и струится по прямой спине. Лицо серьезное, бледное, глаза огромные и загадочные, алый рот плотно сжат.

Она присела в низком поклоне и осталась так, пока я тупо рассматривал ее и пытался понять, что же ей надо, не попытается ли как-то заняться привычным женским делом охмурения.

— Леди Сильвиния, — произнес я наконец.

— Ваша светлость, — прошелестела она, не поднимая взгляда.

Я выждал еще несколько секунд, удостоверюсь, что ведет себя, как покорнейшая из подданных, хотя когда-то пыталась убить меня и дерзко заявляла, что ни за что не покорится моей гнусной власти захватчика и узурпатора.

— Что привело вас к нам, леди? — спросил я.

Она подняла на меня взгляд, а когда я небрежно шевельнул кистью руки, позволяя встать, поднялась и произнесла тихим и непривычно для нее послушным голосом:

— Ваша светлость, ваш священник весьма доволен добычей железа в рудниках на моей земле. Плавильные мастерские загружены так, что работают и ночью, пришлось построить новые...

Я поморщился.

— Вы прибыли, чтобы похвастаться?

Она вскрикнула торопливо:

— Нет-нет! Я только хотела сказать, что все идет прекрасно, я платила налоги на общих основаниях, обустроивала замок, земли, развивала ремесленничество,

как вы и потребовали, так что у вас нет повода гневаться...

— Ну, дальше.

— Однако я прибыла, чтобы отказаться от этих земель, и хочу подписать необходимые бумаги.

Робость ушла из ее голоса, и бледное лицо вспыхнуло жизнью, зато я впал в ступор и некоторое время смотрел бараньим взглядом и старался понять, где прячется подвох.

— Леди Сильвиния Безансонская, — произнес я медленно, — урожденная Блуа, из рода Сен-Тристан, единственная законная наследница земель, замка... еще чего-то, что подло и вероломно отнял у вашего деда коварный Калигурдий...

— Кунигундий, — поправила она и сказала торопливо: — Простите, ваша светлость! Все так. У вас потрясающая память.

— М-да, — согласился я, — она меня то и дело потрясает так, что зубы стучат. Что произошло? Перестали справляться?

— Справляюсь, — ответила она. — Но вы тогда сказали, что нарочито делаю вид, не замечая той жертвы, которую принес ваш великолепный военачальник, чистейшая душа на свете, Максимилиан фон Брандесгерт? И что он, отказавшись в мою пользу от замка и земель, повел себя как настоящий рыцарь...

Я буркнул:

— Ну? И чё?

— Мне уже тогда было очень стыдно, — прошептала она. — Наверное, надо было сразу отказаться в его пользу! Но я так долго мечтала, видела во сне и в грезах, что именно я восстановлю поправленную справедливость, верну замок и земли... я просто даже не подумала, что этот Максимилиан... какое прекрасное имя... так бесподобно благороден и великодушен... о нем будут слагать песни, а я... я своим поступком запятнана...

Я сказал чуть теплее:

— Я вам сказал тогда и повторю сейчас, вы поступили правильно, как любой рассудительный человек. Все, что плывет в руки, надо хапать. Сперва хапать, а потом смотреть, что хапанули, не испачкало ли... Так что все в порядке. Не терзайтесь, вы нормальная женщина.

Ее взгляд был прям, как и ее спина, а голос прозвучал с необыкновенным достоинством:

— Ваша светлость, вы были абсолютно правы, что пожаловали те земли сэру Максимилиану. Я признаю, что была неправа, хотя формально и права. Потому хочу и настаиваю, чтобы те земли вернули сэру Максимилиану.

Я поморщился.

— Еще одна ненормальная. Вы с сэром Максом меня задолбали своими капризами... Хотя, конечно, приятно, услышать ваше признание, что я был прав! Увы, как редко это говорят...

— Я говорю! Всем говорю.

— Даже всем? Здорово.

— Уверяю вас...

— Вы что, всерьез? — спросил я. — И куда эта... сами? Себя, в прямом смысле?

Она гордо вскинула голову, отчего ее и без того вздернутый носик посмотрел на меня двумя милыми розовыми дырочками.

— Я приняла предложение моей тети, — сообщила она, — леди Марсаллы, поселиться у нее. Мы всегда были дружны.

— Гм, — сказал я в затруднении, — я не могу ничего решать за сэра Максимилиана. Я его люблю, а он, в свою очередь, меня слушается, однако я нигде и ни в чем не принуждал его и не буду. Так что, милая леди, если хотите вернуть земли сэру Максу, сделайте это лично.

Ее щеки вспыхнули румянцем, а глаза заблестели, как две звезды.

— Я очень хотела бы именно так и поступить! Во имя... справедливости!

— Да-да, — согласился я, — именно во имя справедливости. Однако он сейчас в Гандерсгейме.

Она сказала с надеждой:

— Я слышала, оттуда начали возвращаться войска.

— Только небольшая часть, — сообщил я. — Гандерсгейм покорен почти весь, но несколько племен еще не сдаются, их теснят к морю, а наш Максимилиан всегда в первых рядах. Но, думаю, что и после полного покорения останется там надолго. Двор его не прельщает, а в земле варваров может укрепить крепости, создать боеспособное войско из местных удальцов...

Ее щеки побледнели, в глазах проступила грусть.

— Как жаль...

— Что делать, — сказал я, — такова жизнь.

— Тогда просто прошу вас, ваша светлость, — сказала она, — принять эти земли и передать сэру Максимилиану, когда он все-таки вернется. Или просто сообщить ему.

Я отмахнулся.

— Знаете, леди, мне больше делать нечего, как улаживать такие мелочи между двумя ненормальными! Хотите сообщить ему что-то? Сделайте это лично. Вы так лихо носитесь верхом и даже управляетесь с мечом, что для вас нетрудно с десятком верных людей примчаться в Гандерсгейм и сообщить сэру Максиму о своем решении. Можно вообще с глазу на глаз. Шатер узнаете по его гербу.

Ее щеки снова вспыхнули, но на этот раз так жарко, что от них можно бы зажечь все свечи в зале. Знойный румянец поднялся на уши, заставив кончики засветиться, как бенгальские огни, а другая часть багрово сползла на шею.

— Правда? — выдохнула она. — Так можно?

Я пожал плечами.

— А почему нет? Вы же хозяйка?

Она присела в низком поклоне.

— Благодарю вас, ваша светлость!

— Не за что, — буркнул я.

Она поспешно ретировалась, и только когда за нею захлопнулась дверь, я вспомнил, что вообще-то Максус я подарил во владение земли карликового королевства Йеремланд, где не только лучшие во всем Гандерсгейме плавильные и оружейные мастерские, но и... принцесса Вики.

Да, собственно, какого черта мне о таком думать, мне в темя все время долбятся сложные вопросы строительства флота!

Сэр Жерар вошел и молча стоит у двери, вид у него укоряющий. Я делал вид, что не замечаю, но раздражает, когда кто-то стоит за спиной и смотрит, наконец, развернулся в его сторону.

— Ну что еще?

Он холодно поклонился.

— Ваша светлость забывает, что нужно время от времени появляться в тронном зале... большом или малом, в зависимости от.

— А сейчас?

— Командиры отрядов терпеливо ждут вашей аудиенции.

— В большом?

— В малом.

— Слава Господу, не переодеваться.

— Но цепь одеть стоит, — напомнил он. — Не такая уж и тяжелая. Сэр Фридрих Рюккерт примерно в такой же по весу даже спать ложится, когда наедине.

— Куда мне до сэра Рюккерта, — проворчал я. — Давайте это ярмо, не будем заставлять героев ждать самодура.

Я вышел из боковой двери упругой походкой, бравый и молодежавший, излучающий силу и уверенность, жизнерадостно и светло улыбнулся и опустился в кресло под запоздалый выкрик чем-то отвлекшегося церемониймейстера: «Его светлость майордом!»

В малом тронном зале присутствуют только самые знатные из лордов, все склонили головы, как перед королем, что и понятно, я же в королевском кресле. Отдельной группой держатся командиры малых отрядов, прибывшие из Гандерсгейма. Их можно отличить как по плотному загару и обветренным лицам, так и особой стойке, словно и сейчас на их плечи давит вес стальных доспехов, а ладони сжимают тяжелые рыцарские мечи.

Общее командование, как мне уже сообщили, на бароне Жераре де Брюсе, с которым мы когда-то схлестнулись, когда он еще не был бароном и даже виконтом, однако сейчас он держится в задних рядах.

Я все понял и сказал жизнерадостно:

— Нет-нет, сэр Жерар, не нужно мне представлять этих героев, покорителей Гандерсгейма! Я очень хорошо помню их мужественные лица. До сих пор слышу воинственные кличи каждого и знаю их доблестные имена, как знают и рядовые воины своих прославленных командиров!.. Подойдите ко мне, сэр Джон Мичинер!

От их группы отделился и с неловкостью шагнул навстречу высокий и поджарый воин, но я сам уже поднялся, сошел с трона и крепко обнял, не дав преклонить колено.

— Сэр Джон, — сказал я по-державному тепло и отечески, — счастлив видеть вас снова. Ваша быстро растущая слава летит впереди вас.

Он польщенно улыбнулся:

— Сожалею, ваша светлость, мои дни, увы, давно позади.

— Нет-нет, — возразил я живо, — о вас будут помнить не только ветераны! Вдохновленные вами, по от-

крытой вами дороге подвигов и свершений пройдут с вашим именем на устах молодые и отважные рыцари, и ваша слава только засияет ярче!

Он поклонился и отступил, его место занял Джон Ромеро, черноволосый и темноглазый с короткой черной щетиной вместо бороды и усов, поклонился молча и несколько мрачно. За последние годы, как я слышал, удача избегала этого некогда прославившегося рыцаря, зато неудачи преследуют по пятам.

Я сказал тепло:

— Вам нужно просто перевести дух, сэра Джон. Талант при вас, а удача вернется!.. Я надеюсь увидеть вас, как сэра Джона и остальных героев, на пиру в вашу честь!

За ним обнимал Стюарда Мальдера, Джона Кармака, их тоже хорошо помню, и хотя молодежи кажутся устаревшими, но эти ветераны и сами бросаются в бой первыми, и молодых ведут в атаку умело и профессионально, распределяя и не давая истощать силы в одиночных схватках.

Последним подошел барон Жерар де Брюс, успел преклонить колено, я его тоже поднял и с некоторой неловкостью обнял, когда-то враждовали.

Он смотрел на меня снизу вверх, это я здесь как будто еще вырос, а он только уменьшался в объеме, хотя все такой же колючеглазый и настороженный, как и в тот первый день, когда мы с ним схлестнулись за подстреленную добычу.

— Сэр Жерар, — сказал я приветливо.

Он отвесил поклон средней учтивости.

— Ваша светлость...

— Рад вашему возвращению, барон, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал важно и отечески. — И не просто возвращению, а с победой! Чем могу помочь в обустройстве в мирной жизни, барон?

Он распрямился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Ваша светлость, вы с вашей дивной проницательностью смотрите прямо в корень. Моя служба у барона Пасе и... дальнейшая не располагала к семейной жизни, и я так и не успел обзавестись семьей.

— Так-так, — сказал я заинтересованно, — что-то меняется?

— Да, ваша светлость, — сообщил он. — Одна милая леди, зовут ее Элизабет, она из провинции и при дворе не бывает, оказывает мне знаки внимания. Я уже переговорил с ее родителями...

Я прервал:

— Если они не против, то можете заручиться моей поддержкой! Поздравляю вас, барон!

Он поклонился и отступил, а на его место торопливо шагнул следующий из удостоенных аудиенции.

Глава 12

День прошел как-то суматошно, я переделал кучу дел, но остается странное и тягостное ощущение, что топчусь на месте. Возможно, в этом и заключается вся жизнь правителей: поддерживать стабильность, не давать государственной каравелле рассыпаться от ударов волн и ветров, а до столкновения с другими кораблями не допускать вовсе?

Где мое беспечное паладинство, когда несся на арбогастре, догоняя ветер, а нас обгонял веселый Бобик? А теперь их обоих почти не вижу...

Сэр Жерар то и дело заносит указы и распоряжения на подпись, половину бракую и пишу свои формулировки, сэр Жерар ахает, но я свиреп и зол, наконец он осмелился поинтересоваться:

— Чем вы так недовольны, ваша светлость?

Я с неохотой посмотрел в его честное лицо.

— Знаете, сэр Жерар, я как-то незаметно начал сползать в мир.

— Простите, ваша светлость...

— В мирские слабости, — пояснил я.

Он посмотрел удивленно.

— Но... сэра Ричард, вы же не монахи...

— Да? — переспросил я. — Мне кажется, каждый великий государственный деятель вполне из себя монахи. Или великий философ, ученый, подвижник... Это все, конечно, обо мне, как вы понимаете, потому могу говорить и за других великих. А такое сползание чреватое тем, что принимаешь систему ценностей не мира даже, а вообще мирка. Я чуть было не принял, но уж больно натерло шею, и я подумал: король я или не король?..

Он взглянул опасливо, наклонил голову, как бы соглашаясь, что да, король, но вслух сказать так и не решился.

— Вы как-то все воспринимаете иначе, — осторожно произнес он.

— Видите ли, любезный сэра Жерар, — сказал я, — и вы, и я, мы оба смотрим на небо. Не часто, но... смотрим. Однако видим разное.

— Да, — ответил он и, собрав со стола подписанные бумаги, пошел к двери, бросив уже оттуда, — да, конечно...

Я не понял, что за подтекст в его словах, но слово «небо» натолкнуло на то, что уже пора бы попробовать кое-что для будущей экспедиции в океан, позвал сэра Жерара и велел принести мне лопату и швабру, которой утром достаточно небрежно помыли пол вокруг моего стола.

Он вытаращил глаза.

— Ваша светлость...

— Надо готовиться, — объяснил я.

— К чему?

— А вот лишат меня всех титулов, чем заниматься? Надо научиться хотя бы полы мыть...

Не говоря ни слова, он ушел, вскоре явился на-смерть перепуганный слуга, дрожащими руками поставил у камина лопату и швабру, исчез бегом.

Вчера мастера принесли три пары линз, как я и заказывал, но никто даже не догадывается, что я задумал. Увеличительные стекла, так их называют, знали еще в глубокой древности, но никому не приходило в голову взять два и посмотреть в одно на другое.

Да если кто и взглянул нечаянно, то увидел еще больше размытое мутное пятно. С двумя линзами, самое главное, расположить их на таком точном расстоянии друг от друга, чтобы изображение было не только увеличенным, но и четким.

Я еще вчера хотел поискать две трубы, но понял, что это не эрцгерцожье дело, да и можно поступить намного проще.

Сейчас, оставшись наедине с таким замечательным умницей, как я сам, взял два листа плотной бумаги, один накрутил на ручку швабры, другой — на ручку лопаты. Лопатья, как и положено, оказалась шире и легко принимала в себя ту, что я снял с ручки швабры. Я накрутил еще лист, чтобы не болталась, а двигалась с некоторым усилием, теперь осталось на край лопатей прикрепить линзу, она послужит объективом, а на выступающий конец более тонкой трубки — вторую, эта будет окуляром.

Приклеить линзы оказалось труднее, но через полчаса упорных попыток я уже рассматривал домики напротив в эту подозрную трубу и прикидывал, с какого расстояния смогу замечать вражеские корабли.

Вчера все небо сгорало в пламенном закате, словно в Первый День Творения, в нем разверзались бездонные глубины, громоздились библейские горы, а сегодня заход солнца бледнее, чем щеки умирающего, облака застыли, словно мертвые, даже полиловели, ветерок стих, все замерло до утра.

С востока медленно надвигается тьма, даже не дожидаясь, когда погаснет последний намек на недавний день, я вышел на балкон, внизу прошла стража из че-

тырех бдительных армландцев, потому сперва вошел в личину исчезника, потом с трудом перетек в птеродактиля, потому что так получается всегда труднее, а если слабо сконцентрироваться, то и вовсе хоть головой в стену бейся.

Сегодня барон Альбрехт немногословно доложил, что заговорщики под пытками молчат, но нити ведут в замок герцога Фуланда, к тому же один из юных заговорщиков оказался его родней, так что попытаться получить какие-то сведения подслушиванием и подсматриванием хоть и не совсем по-майордомьи и эрцгерцожьи, зато самый прямой путь.

Особняк герцога Чарльза Фуланда возвышается в ночи огромный и мрачный, почти весь черный, кроме двух окошек под самой крышей, в тех комнатах странный свет, слишком яркий для свечей и недостаточно багровый, если от факелов или светильников на жире.

Я осторожно опустился на крышу, выждал, не двигаясь, на тот случай, если кто-то услышит царапанье когтей, и насторожится, а спустя приличное время повис вниз головой и, вытянув шею, начал всматриваться сквозь плотные шторы.

Тепловым зрением рассмотрел трех мужчин, двое в креслах, третий прохаживается вдоль стены, по запаху определил лишь герцога Фуланда, он в кресле, шагающий взад-вперед неизвестен, как и второй в кресле, от него несет неизвестными запахами...

Ночной ветерок колышет шторы, мне пришла в голову дерзкая мысль, потихоньку зацепил когтем плотную толстую ткань и чуть потащил, замирая при малейшем скрипе и шорохе, в сторону. Щелочка получилась узенькая, но достаточная, чтобы, прильнув к ней, рассмотреть трех солидных и очень немолодых мужчин государственного облика, что значит со щеками на плечах, обрызгших, исполненных важности и собственной значимости.

Даже тот, что прохаживается, похож на престарелого дога с его седыми брылями и печальной мордой, животик выпирает, спина сгорблена, коротко срезанные седые волосы торчат ежиком. Все трое одеты по моде прошлого века, что выглядит, как ни странно, прилично.

Тот, что прохаживался вдоль завешенной гобеленами стены, остановился и нравоучительно изрек:

— Умным людям свойственна одна серьезнейшая ошибка. Они почему-то уверены, что все думают, как и они. Им в голову не приходит, какими дикими путями ходит мысль у дураков! И к каким невероятным выводам они приходят вопреки очевидности.

Герцог промолчал, а второй, расположившийся в глубоком кресле, посмотрел на говорящего с вопросом в сильно поблекших от возраста глазах.

— Простите, дражайший сэра Фердинанд, я не совсем понял...

— Чего именно, — спросил тот, который сэра Фердинанд, — любезнейший сэра Людвиг?

— Умные люди, — уточнил сэра Людвиг скрупулезно, — это мы или сэра Ричард? А то, знаете ли, дураком не хочется выглядеть даже в ваших глубокомысленных умозаключениях!

Сэра Фердинанд посмотрел на него со сдержанной неприязнью.

— Что тут непонятного? Поступай сэра Ричард правильно, я бы с ним во всем соглашался! Но когда идет к катастрофе и всех нас уже привел на край пропасти, мы не только имеем право, мы обязаны действовать!

Герцог Фуланд, все такой же худой, казалось, дремлет, только пальцы все так же безостановочно поглаживают блестящий набалдашник трости.

Сэра Фердинанд бросил на него внимательный взгляд.

— А что скажет наш осторожный друг?

Герцог пробормотал, не поднимая тяжелых набрякших век:

— Дело не в осторожности, благороднейший сэра Фердинанд...

— А в чем, простите?

— Надеюсь, — проговорил герцог тем же усталым голосом, — вы не станете отрицать, что сэра Ричард сумел снискать любовь и горячую поддержку всей молодежи королевства? Вообще всех недовольных, которым нужны перемены. Это мы понимаем, что перемены обычно ведут к худшему, но у молодых ни мозгов, ни опыта. Им кажется, что впереди — счастье, вот и бегут за ним. С этим надо считаться, а не пытаться встать на пути.

Сэр Фердинанд сказал раздраженно:

— Но что-то делать надо? Сэр Ричард, опьяненный успехами, не понимает, что его положение становится все более шатким. Не сумев заручиться поддержкой других государей, не укрепив связи родственными узами... он рискует всеми нашими завоеваниями.

Герцог бледно усмехнулся.

— Нашими? Сэр Ричард считает их своими.

Сэр Фердинанд покачал головой.

— Как раз именно он и считает их нашими, что связывает нас с ним еще больше. Потому мы сами должны предпринимать усилия, чтобы удержать и закрепить эти завоевания. А лучший путь, как проверено веками, это удачный брачный союз...

Сэр Людвиг поморщился.

— Насколько я помню, такие попытки уже делались. Правда, достаточно вялые. К счастью.

— Почему?

— Первые попытки женить предпринимались, если верить слухам, еще когда он был графом. Или чем-то даже мельче, хотя я такое даже представить не могу, мне кажется, он и родился в королевском кресле со скипетром в руке вместо погремушки.

Сэр Фердинанд сказал страшным шепотом:

— Есть люди, что помнят его еще бароном, клянись!

Сэр Людвиг перекрестился.

— Господи, спаси от барона, севшего в королевское кресло!

Герцог обронил:

— Церковь не одобряет разводы, так что сейчас трудно было бы расторгать брак и тут же связывать его новыми узами с дочерью какого-нибудь достаточно могущественного короля.

Сэр Фердинанд заметил осторожно:

— Насколько я знаю, все перспективные невесты уже разобраны заранее. Их обручают с детства...

— Ну, помолвку можно и расторгнуть, — напомнил сэр Людвиг, — повод для умелых людей всегда найдется.

— Что насчет дочери короля Вестготии?

— Была обручена, потом вообще сбежала из королевского замка.

— А принцесса Клеменотская?

— Отец обещал ее соседу, что и понятно, в первую очередь все думают о безопасности границ.

Герцог подумал, спросил хмуро:

— А почему именно дочери королевей? Сен-Мари расположено настолько удобно, что извне нам ничто не грозит. Гораздо больше опасности изнутри страны... Потому нужно ли искать кого-то на стороне, если в семьях знатных и могущественных лордов Сен-Мари есть прекрасные и достойные дочери?

Сэр Фердинанд кивнул.

— Вы правы, дорогой друг. Для сэра Ричарда поддержка внутри страны важнее, чем союз с далеким королевством, с которым даже нет общей границы.

— Тогда кто? Пока что он свободен, даже с фрейлинами развлекается на удивление мало, за что я его

крайне уважаю. Не ожидал, что в столь юном возрасте уже понимает пагубность мимолетных страстей и не дает себе увязнуть...

— Да, — согласился герцог, — этим он и меня поразили. Ровесник моего Арчибальда, но тот рядом с ним дурак дураком. Я обожаю своего дурня, но хотел бы, чтобы он научился владеть собой, как делает это сэр Ричард. Кто умеет управлять собой, сумеет со временем управлять и королевством...

Мне хотелось еще послушать, как раз дошли до самого интересного, но это крохотная летучая мышь может висеть вниз головой весь день, еще и ухитряется спать, но у меня руки затекли, а вся кровь от задницы слилась в голову и распирает череп так, что в глазах уже багрово...

Я ощутил, что взобраться обратно уже не смогу, когда со скрипом соскользнули с камня. Щель исчезла, а меня понесло вниз, я поспешно растопырил крылья и летучемышно спланировал подальше в сторону, где рухнул за темными кустами и долго хрипло хэкал, восстанавливая дыхание.

Похоже, заговорщики дают ложный след. Герцог и его гости озабочены не тем, чтобы меня сместить ради Кейдана, а тревожатся, как всякие повидавшие жизнь люди, безрассудным авантюризмом молодости, и хотели бы, чтобы я помедленнее, помедленнее... чтобы не сломал шею в бешеной скачке по бездорожью и не погубил то, чем уже и они пользуются себе в удовольствие.

Поспать я не успел, да и не очень надо, разделся и вышел в предбанник, зевая и потягиваясь, где меня встретили весьма почтительно допущенные до туалета его светлости.

Хотя, может быть, зря кривлюсь, есть в таком вот и свои прелести, могу мыслить о своем, пока меня одевают, а потом еще и сверху надевают, цепляют, за-

стегивают, зашнуровывают, затягивают, поправляют и стряхивают пылинки.

— Всем спасибо, — сказал я державно и отправился к выходу.

Лорд Роккерт величественно поклонился.

— Это наш долг, ваша светлость, — произнес он чопорно.

Скоро ты на меня будешь и королевскую корону напяливать перед выходом на люди, мелькнуло у меня в голове. Совсем раздуешься от важности...

В коридоре прибавилось часовых, а в зале вдоль стены застыли пятеро слуг на тот случай, если мне срочно понадобится пригласить разных людей или отправить с разными поручениями. Все пятеро из простых латников, которые пришли из Армландии, только им и можно доверять хоть в какой-то степени.

До попытки устранить властелина насильственным путем их было двое.

Я поморщился, сказал сэру Жерару раздраженно:

— Вон тех двоих замените на более... ну, не таких непосредственных. Ничто не должно отвлекать мой взгляд или мысль, понятно? А эти вертят головами, один даже постоянно чешется. Короста у него, что ли?

Он почтительно поклонился:

— Простите, ваша светлость! Конечно, прежние не позволили бы такие вольности, но вчера последних сенмаринцев заменили на всякий случай бравыми парнями из Армландии. Наши уж точно не предадут, мимо них муха не пролетит.

— Знаю, — оборвал я. — Мне нужны не объяснения, а результаты!

— Слушаюсь, — ответил он, отступил, поклонился еще раз и пропал за дверь. Я услышал его частые шаги, а потом он и вовсе перешел на бег.

Барон Альбрехт явился с докладом, что заговорщики упорствуют, несмотря на применяемые к ним меры

воздействия. Кроме как на герцога Фуланда, ни на кого еще не указали.

Я отмахнулся.

— Врут.

Он отшатнулся.

— Почему?

— Дают ложный след, — сказал я мрачно. — Герцог не участвует.

Он покачал головой.

— Не поверю. Он и его окружение давно плетут интриги. А они это умеют.

— Интриги еще не заговор, — возразил я. — Герцог действует не совсем честно... хотя почему нечестно? Нормальное желание подсунуть мне в жены родственницу... нет, барон, копайте в другом месте. Я знаю точно, герцог не замышляет свергать законное правительство в моем почти августейшем лице.

Он спросил с подозрением:

— Откуда такие сведения?

— Чутье, — ответил я.

Он поморщился.

— Я даже своему чутью не доверяю.

— А если чутье вам скажет, — предположил я, — что этой ночью в особняке герцога его старые приятели сэр Фердинанд и сэр Людвиг обсуждали с ним планы, как укрепить наши завоевания, подсунув мне жену из рода знатных и влиятельных семей, чтобы я укрепил их положение? И что герцог сидел в малиновом кресле, а сэр Фердинанд ходил вдоль стены с гобеленами и со вкусом перебирал кандидатуры подходящих невест, даже облизывался?

Он посмотрел хмуро.

— Ну, если ваше чутье позволяет рассмотреть даже такие детали, тогда поверю. Значит, те дураки действовали сами по себе?

— Похоже, — согласился я. — Молодые и честные дурни. Пока сердца для чести живы... отчизне отдадут

свои порывы! Надо их подержать взаперти, а потом выпустить где-нить по ту сторону Хребта с запретом возвращаться. Да их и не пропустят через Тоннель, внесем в запретительные списки.

— Неплохой ход, — сказал он с одобрением.

— И не навечно, — добавил я, одобренный даже такой скупой похвалой. — Лет через десять можно разрешить вернуться.

Он кивнул.

— Ну да, к тому времени честь подрастрепают, остепенятся, станут обычными и равнодушными к нуждам королевства свиньями...

— Типун вам на язык, барон. На свиньях держится порядок! И не свиньи вовсе, а нормальные добропорядочные члены общества. Это только если очень хорошо присмотреться, тогда видно, что да, свиньи, но мы же себе не враги, чтобы присматриваться, а потом ночами депрессировать?

Глава 13

До полудня я принимал местных лордов, их разбавили разве что главы купеческих гильдий, этим пришлось пообещать государственные гарантии на рискованную торговлю в королевствах Честер и Марешаль, а также в Гиксии, молодцы, далеко забрались...

Снизил, а кое-где вообще убрал пошлины на добычу железной руды и выплавку железа, увеличил жалованье городской охране, а также повелел горожанам освещать дорогу перед своими домами.

Последним явился отец Дитрих, я не дал ему раскрыть рот, выскочил из-за стола, усадил в кресло и сказал ликующе:

— Отец Дитрих, как приятно убедиться моей христианской душе, что вы моложе меня и покрепче...

Он нахмурился.

— Это вы к чему? Скажу сразу, я забыл уже, когда нормально спал, даже во сне еретиков жгу, монастыри закладываю, уставы разрабатываю...

Я сказал быстро:

— А как насчет канцлера? Самые лучшие канцлеры были кардиналами, Ришелье, Мазарини, Филби... При них королевства расцвели и укрепились, а вы в роли первого человека у власти так и вовсе заставите всех цвести и пахнуть!

Он буркнул:

— Я не могу быть канцлером, так как вы еще не король, сын мой.

— Буду, — сказал я твердо. — Как и вы кардиналом, а потом — тьфу-тьфу! — папой. Чего принижать свои возможности? Как король, я принесу больше пользы, чем вот таким эрцгерцогом.

Он вздохнул.

— Ох, сэр Ричард... Не слишком быстро мчитесь? Можете сломать шею на крутых поворотах.

— Для того вы и нужны, — возразил я. — У королей есть власть, но нет морали. Церковь — наша мораль, наша совесть, наш судья.

Он смотрел на меня пристально.

— Это вы к чему, сын мой?

— Церковь должна вести по пути добродетели, — заявил я, — иногда даже и против нашей воли!.. Иначе я вас в такое заведу! Обхохочетесь, да поздно будет. Вы же знаете, как нам важны примеры из жизни великих, как мы должны постоянно оглядываться на жизнь Иисуса Христа...

Он нахмурился.

— А вот это, сын мой, и не надо.

Я посмотрел в великом удивлении.

— Что не надо?

— Примеры, — сказал он.

— Из жизни Христа?

— Именно.

— Но почему, святой отец?

Он поморщился, даже по сторонам посмотрел, не слышит ли кто, сказал негромко:

— От детей же скрывают некоторые подробности жизни взрослых?

— Так то от детей! — возразил я.

Он кивнул.

— Большинство взрослых во многом остаются детьми, да еще, идиоты, и гордятся этим. Вот им-то и нельзя знать...

Я насторожился, спросил тоже тихонько:

— Что... о Христе?

— Да, сын мой.

Голос его был мудрый и грустный, я спросил шепотом:

— А что... с ним... не так?

Он снова посмотрел по сторонам, сказал негромко:

— Сын мой, ты, как и все люди, занятый своими делами и заботами, конечно же, не обратил внимание на такую странность жизни Христа, как то, что дату его рождения знали заранее, запротоколировали, три волхва принесли дары, потом бегство из Мекки в Медину... но потом долгое молчание на целых тридцать лет! Всем доступна только последняя глава этой великой драмы: появление уже в тридцатитрехлетнем возрасте, недолгий период проповедничества и страшная казнь.

Он умолк и смотрел на меня изучающее, в запавших глазах я увидел вопрос, пойму ли, все-таки молодой, а молодые все дураки, но я же тот молодой дурак, что старые книги читал, и я сказал осторожно:

— Судя по Святому Писанию, он был груб с родителями, относился к ним... неласково, мягко говоря, но дальше... гм... все покрыто мраком. Однако, возможно, не для всех?

Он кивнул.

— Ты угадал. Не для Ватикана.

Я ахнул:

— Ватикан знает больше?

Он ответил совсем тихо, в голосе прозвучали боль и неловкость:

— Ватикан знает, где он был все тридцать лет и как себя вел.

— Как? Откуда?

— Сохранились документы, — объяснил он. — И немало. Разных источников.

Я подпрыгнул, снова сел.

— Выходит... власть Ватикана так велика, что гасит всякие попытки задать вопрос: а где же Иисус был все это время, чем занимался, что делал?

По его бледным губам скользнула слабая улыбка.

— Да никто и не задает такие вопросы. Человеку вообще несвойственно думать. Ему достаточно верить, так ему комфортнее. А Ватикан всего лишь первым собрал все старые рукописи и хранит их в своей сокровищнице, никого к ним не подпускает... Но ты понял, зачем я тебе это рассказал?

Я с неохотой кивнул.

— Да. Иисус показан уже тем, кем он стал. И его слова о раскаявшейся блуднице потому так действуют на всех нас, что сказаны с великой болью и раскаянием. Они искренни до последнего вздоха!.. Вы правы, святой отец. Никто не должен знать, кем и каким Иисус был во время своих скитаний и поисков смысла жизни. И через что прошел.

Он вздохнул тяжело, в груди у него захрипело, он закрыл глаза и с минуту отдыхал, восстанавливая сердцебиение.

— Это одна из причин, — сказал он тихо, — хоть и не единственная, почему принят вердикт о непогрешимости папы. Только он один может толковать Священное Писание.

Я кивнул было, но что-то толкнуло в груди, я сказал осторожно:

— Не слишком ли? Папа все-таки человек... хоть и наместник Бога на земле.

Он покачал головой.

— Сын мой, папа не принимает решения единолично даже насчет, какие тапочки одеть в спальне! Коллегия кардиналов, богословов и профессоров права тщательнейшим образом изучают любой, даже самый мелкий вопрос и лишь потом подают папе рекомендации, что сказать и как поступить.

— Прекрасно, — сказал я, — так что я могу спать спокойно. Потому что...

Я умолк, он переспросил настороженно:

— Что?

— Отец Дитрих, — сказал я, — могу я говорить откровенно? Если вдруг возникнет, чего я почти не допускаю, различное истолкование Святого Писания...

— Различного с чем?

— С моим пониманием, — ответил я со смирением, что паче гордыни, — то я считаю, что я все-таки больше обязан слушаться Господа Бога, чем папу.

Он отшатнулся.

— Сын мой! Это дорога к ереси!

— Или к реформации, — ответил я мягко, — мы ведь хотим видеть Церковь постоянно действующей? И не только такой, как во времена первых апостолов, но и сегодня действующей... и даже в будущем А для этого она должна не отставать, а идти по возможности впереди.

Он качал головой.

— Это дорога к ереси, — повторил он строже. — Будьте осторожнее с такими заявлениями.

Он благословил меня, я принял со всем смирением, подписал бумагу на освобождение монастырей от всех повинностей, он кивнул и отправился к выходу, оставив за собой последнее слово.

Я сцепил челюсти и помотал головой, словно вдруг сильно разболелись зубы. Неужели меня настолько заносит, что могу потерять и отца Дитриха? Или слишком забегаю вперед? Но когда Лютер прибил на дверь своей церкви знаменитые тезисы, было уже поздно. И вскоре ругательное слово «лютеране» перестало быть ругательным, как и «гугеноты» или «протестанты».

Но все равно, как ни хочется рулить всем, я не повторю ошибки Генриха VIII, который объявил себя главой Церкви, а тем более базилевсов и всяких царей, при которых Церкви фактически вообще не было, а только пышные декорации и разодетые в золото статисты.

Вера необходима человеку, и он должен верить свято и непоколебимо. Но если хочет стать папой или хотя бы кардиналом, он должен уметь сомневаться. Король сомневаться просто обязан, чтобы не потерять перспективы заметить возможность изменений раньше, чем увидят другие короли или, хуже всего, его оппоненты.

Я остановился, в груди уже не тяжесть, напротив — пустота. И скверное ощущение, что на этот раз неправ уже по-крупному.

Пообедал я в обществе ближайших друзей, сэр Растер выглядит настолько грустным, что я клятвенно пообещал буквально в ближайшие дни великие подвиги, битвы, сражения и ржание коней.

На обратном пути, проходя один из залов, заметил в просторной нише нашего лорда Уильяма Мейкписа, великого знатока придворного этикета, он помовал дланью перед лицом Жерара де Брюса, а тот повторял, как молодой попугай:

— Благодарю вас... благодарю вас... весьма благодарю...

Уильям Мейкпис поморщился, сказал нравоучительно:

— Нет-нет, это сухо и недостойно галантного рыцаря. Вы должны сказать «Тысяча благодарностей!» или «Отныне я ваш покорный слуга» с надлежащим выражением лица. Теперь поклонитесь... нет-нет, вы не мясник, подражающий благородному человеку! Это нужно сделать грациозно, а шляпу, когда распрямляетесь, на несколько секунд прижать к сердцу и при этом смотреть в глаза тому, с кем раскланиваетесь, и лишь затем надеть на голову, иначе будете выглядеть провинциалом...

Я остановился, понаблюдал, сказал строго:

— Сэр Уильям, вы отважного героя, прославленного в битвах при Долине Красных Мечей и Зеленых Шкилетов, превращаете в придворного шаркуна?

Он воскликнул шокировано:

— Ваша светлость!

— Разве не так?

— Ваша светлость, но человек с достойными манерами всегда выглядит лучше, чем человек грубый и невежественный!

— Бесспорно, — согласился я, — но герои выше этикета. Барон Жерар де Брюс — один из таких людей.

Сэр Мейкпис смолчал и поклонился, как и Жерар де Брюс, но я понял по взгляду барона, что теперь у меня не будет более преданного человека, чем этот некогда верный барону Пусе служака и мой злобный противник.

На любую магию, продолжала разматываться мысль, находится контрмагия, и если в простом мире любой в первую очередь старается приобрести меч или кинжал, вообще оружие, то кто касается магии, предпочитает сперва обезопаситься с головы до ног, так как неизвестно, от кого ждать и чего.

Потому вот так взять и выявить шпионов, посланных откуда-то или же просто перекупленных, практически невозможно, разве что случайно подслушаешь их

разговор или же заподозренного подвергнешь долгим жесточайшим пыткам, когда даже силы магии слабеют и перестают гасить боль.

Значит, нужно к охране привлекать и всяких-разных чернокнижников, что-то я о них совсем забыл с этими государственными заботами.

Сэр Жерар вошел тихо, посмотрел, как я вымеряю циркулем нечто на карте, кашлянул, не дождавшись моей реакции.

— Сэр Жерар, — сказал я.

— Ваша светлость, — произнес он чопорно, — был человек от Его Величества короля Кейдана.

Я удивился:

— Что, посол?..

— Послов посылают к легитимным правителям, — произнес он без выражения, но мне показалось, что с укором, — к вам же прибыл высокопоставленный гонец со всеми полномочиями доверенного посла, но... не посол.

Я поморщился.

— Ладно, это неважно. Я думал, что барон Фортескью сам привезет ответ.

— Возможно, — произнес он осторожно, — барон Фортескью еще не успел к тому времени добраться до резиденции Его Величества.

Я нетерпеливо отмахнулся.

— Зови!

Он сказал замедленно и строго:

— Ваша светлость, я бы рекомендовал вам сесть вот в это кресло и накинуть мантию... Позвольте, помогу. Все-таки правила никто не отменял, а вам же один овощ, как вы любите выражаться загадочно и куртуазно...

Он теснил меня к массивному креслу с высокой спинкой, одновременно самолично вытащил откуда-то пурпурную мантию, что-то совал в руки, а когда за-

кончил, отошел на два шага и, склонив голову набок, полюбовался, хотя и весьма критически.

Кресло с красной спинкой и красным сиденьем, я весь в красном бархате, даже на голове красная шапочка, окаймленная высоким заборчиком из золота, обычная корона герцога, такие же и у королей, только зубчиков побольше.

На груди толстая золотая цепь, ее оттягивает некое массивное произведение тоже из золота и с бриллиантами, до сих пор не рассмотрел, что на меня вешают.

— Вот теперь можно, — решил он.

В комнату вошел немолодой вельможа с щеками на плечах, розовый и ухоженный, но с поджарым телом, явно затянут в корсет, вон глаза лезут на лоб, и дышит тяжело, неловко поклонился.

— Лорд Иоганн Фридрих Гербарт, — объявил сэра Жерар, — доверенное лицо Его Величества короля Кейдана.

Сэр Гербарт коротко улыбнулся, услышав, что короля Кейдана и здесь именуют Его Величеством, но промолчал, смотрит внимательно и выжидающе.

— Сэр Гербарт, — приветствовал его я.

— Ваша светлость, — произнес он.

— Что привело вас в наши края? — поинтересовался я.

— Его Величество король Сен-Мари Кейдан, — ответил он, — прислал меня к вам с письмом, ваша светлость. Велено отдать лично в ваши руки.

— Хорошо, — ответил я.

Он вытащил из-за пазухи свернутый пакет и протянул мне, от больших сургучных потеков с оттисками королевской печати почти не видно бумаги, а ленточками перевязано вдоль и поперек.

— Благодарю, — сказал я. — Вы наверняка знаете, что в нем? Скажите своими словами, так быстрее получите ответ.

Он поколебался, ответил, опустив глаза в пол:

— Его Величество предлагает вам покинуть пределы Сен-Мари. За это он обещает не преследовать вас, как и ваших людей. Кстати, если кто останется и принесет ему клятву верности, к ним не будут применяться репрессии... хотя, конечно, захваченные земли придется вернуть прежним владельцам.

Глава 14

В моей груди появилось злое жжение, будто туда насыпали перца, я перевел дыхание, но воздуха не хватает, жадно хватил его раскрытым ртом. В черепе начали стучать молоточки.

— Значит, — проговорил я хриплым от ярости голосом, — Кейдан готов меня пощадить...

— Совершенно верно, ваша светлость. Он готов проявить неслыханную доброту и милосердие...

— Что он задумал? — потребовал я. — Или он сумасшедший?

— Его величество в полном уме и здравии, — заверил гонец с предельным достоинством. — И полностью отвечает за свои слова.

— Но тогда... что?

Он поклонился.

— Если вы соблаговолите дать письменный ответ, я тотчас же отвезу его в Ундерленды.

Я прошипел:

— Ответ?.. Будет ему ответ! Сокрушительный. Завтра утром получите пакет, а пока набирайтесь сил для долгой дороги.

Он наклонил голову.

— Спасибо, ваша светлость.

Сэр Жерар, который все наверняка слышит, появился в тот же момент и услужливо открыл дверь. Сэр

Гербарт с достоинством переступил порог, двигаясь медленно и величаво, бесстрашный гад, а когда дверь за ним захлопнулась, я в ярости ударил кулаком по столу.

— Почему?.. Что у него за спиной? Какие тузы в рукаве?

Сэр Жерар смотрел на меня молча и с печалью в глазах.

— Ваша светлость...

— Что еще?

— Вполне возможно, — произнес он очень осторожно, — пока вы были в Гандерсгейме, Его Величество постарался укрепить свои позиции в Геннегау.

Я фыркнул:

— Но не настолько же!.. Ладно, буду думать.

Он исчез, я продолжил морщить лоб над картами, перебегая взглядом с побережья Гандерсгейма до островов, что-то тревожит, мы своим вторжением на двух огромных кораблях могли нарушить нечто важное. Архипелаг слишком близко, вдруг островные государства на время забудут о распрях и обратят свои алчные взоры на континент? А тут еще этот дурак из Ундерлендов с нелепым... даже нелепейшим требованием!

Сэр Жерар вошел по обыкновению неслышно, к счастью, дверь у меня не за спиной, иначе бы всякий раз вздрагивал, издали поклонился.

— Его светлость Отто фон Шёнхаузен, посол короля Гиллеберда.

— Зови, — велел я. — Он что, герцог?

— Да, ваша светлость.

Лорд Шёнхаузен вошел уверенно, твердо по-солдатски ставя сапоги на роскошный ковер, спина прямая и взгляд немигающий, только в трех шагах от меня остановился и самую малость склонил голову.

— Сэр Отто, — радушно обратился к нему я. — Рад вас видеть. Пожалуйста, берите любое кресло и сяди-

тесь, как и где вам удобнее. Мы с королем Гиллебердом давние знакомые, виделись не раз, я одно время даже числился в женихах его дочери, но, увы, другому повезло больше... так что разговор у нас пойдет без формальностей.

Он улыбнулся, твердой рукой взял кресло за спинку и придвинул его ближе к столу.

— Я рад, — ответил он голосом воина, — что без формальностей.

На столе среди карт уже высится кувшин с коньяком, а бумаги свернулись в трубки, освобождая место для кубков, я сам налил в два и один подал послу.

— Отведайте, в северных королевствах такого чуда не встретите.

Он сделал глоток, я видел, как глаза полезли на лоб, лицо побагровело, но сумел заставить себя проглотить и не закашляться, а через минуту просипел сдавленным голосом:

— В самом деле прекрасное вино... Как вы его готовите?

— Это наше южное солнце, — сказал я небрежно, — оно дает силу здешнему винограду... Сэр Отто, меня несколько беспокоит возросшая активность воинских приготовлений Его Величества возле границ моей Армландии. Я очень хотел бы, чтобы вы развеяли мое беспокойство.

Он уже пришел в себя, через силу улыбнулся:

— Я получил последние инструкции от моего короля.

— И в чем они заключаются?

— Он хотел бы заключить с вашей светлостью новый прочный союз.

Я вскинул брови.

— Но разве у нас не прочный союз? Мне Его Величество Гиллеберд даже даровал земли непосредственно рядом с границей Армландии.

Он наклонил голову.

— Да-да, я знаю. Насколько мне известно, в тех землях все спокойно, на них никто не посягает. Король следит, чтобы вашим правам не было никаких обид и утеснений от соседних лордов.

Я сказал бодрым голосом:

— Прекрасно! А зачем новый договор?

Он прямо взглянул мне в глаза:

— Ваша светлость, вы продолжаете расширять свои владения здесь, за Хребтом. У вас такое сказочное побережье океана, это просто недостижимая мечта для нас, северян. Его Величество Гиллеберд уверен, что вам незачем возвращаться на север...

От его слов повеяло угрозой.

— Но Армландия, — произнес я, — это моя земля. Я — гроссграф!

Он покачал головой, все так же неотрывно глядя мне в лицо.

— Да, но вы фактически оставили ее. Там уже разгораются волнения, смута. Лорды начинают борьбу за власть...

— Начинают?

— Готовятся, — поправил себя он. — Но уже были отдельные стычки. Кроме того, усиленно закупается оружие, гарнизоны увеличены втрое, некоторые лорды уже мобилизуют простых крестьян и спешно обучают их держать в руках копья.

Я сказал сдавленным голосом:

— Это нехорошо. Но какое отношение это имеет к нашему договору?

— Прямое, — произнес он. — Его Величество король Гиллеберд берется утихомирить мятежников, а за этот благородный поступок вы уступите ему часть земель на севере. Совсем немного, ваша светлость, для короля больше нужен жест, чем сами земли. Зато мятежники притихнут по всей Армландии, ибо король изъявит го-

товность оккупировать ее всю, если бунтовщики продолжают бросать вызов вашей власти, сэр Ричард.

Сердце мое начало колотиться чаще и тревожнее, я криво усмехнулся.

— Его Величество намерен таким образом упрочить в Армландии именно мою власть?

— Конечно, — воскликнул он. — Мятеж против власти отвратителен! Мой король бросит на его подавление свои войска, ресурсы, повысит налоги, но бунты затихнут. А за эту услугу вы уступите всего лишь пятую часть Армландии...

Я ахнул:

— Пятую?

— Да, там очень неудобные для вас земли... неудобные для обороны. Болота, реки, совершенно нет дорог. Король избавит вас от головной боли, сэр Ричард.

— И будет возиться с нею сам?

Он примирительно улыбнулся.

— Те земли труднодоступны лишь со стороны остальной части Армландии. Но не со стороны королевства Турнедо. Более того, добавлю уже от себя... когда те земли войдут в состав Турнедо, то между нами и Армландией установится естественная граница в виде широкой реки и заболоченной земли. Весьма труднопроходимая граница. Что очень удобно для обеих сторон.

Череп мой раскалывался от вихря противоречивых мыслей, наконец я проговорил с трудом:

— Вы застали меня врасплох, ваша светлость... Я не могу ответить вот так сразу, хотя и понимаю справедливость доводов Его Величества Гиллеберда, который всегда отличался острым и прагматичным умом. Я хотел бы побывать в Армландии и лично поговорить с лордами приграничных земель... прежде чем... вы понимаете...

Он кивнул.

— Вы будете неприятно удивлены, ваша светлость, но практически все лорды северной части Армландии готовы принять покровительство моего короля. Как вы знаете, у нас твердая власть, народ богатеет, ремесла процветают, к лордам относятся уважительно, и никаких бунтов и мятежей!

— Завидую вашему королю, — сказал я искренне, и он эту искренность ощутил. — У меня здесь то и дело заговоры. Но я прибуду в самое ближайшее время, сэра Шёнхаузен. Уверяю вас, мы сможем с Его Величеством найти общий язык и договориться на некой общей основе.

Едва за ним закрылась дверь, я ударил в ярости кулаком с такой силой, что расшиб пальцы. Боль не отрезвила, в глазах красная пелена, из горла звериное рычание, я сипел, стонал, выл и хрипел, как осатаневший пес на крепкой цепи.

Вот что имел в виду Кейдан! А теперь я сказал, что срочно поеду улаживать приграничный спор с королем Гиллебердом, а для этого нужно покинуть Сен-Мари, проехать всю Армландию и встретиться на границе для переговоров...

И получится, что я покинул Сен-Мари, как и потребовал Кейдан!

Но если Гиллеберд не явится? Все козыри на его стороне, может потребовать, чтобы я прибыл в его столицу, а там буду в его власти, с пленником вести переговоры ах как удобно!

— Какие же сволочи, — проревел я в ярости, — сговорились, легитимные сволочи?.. Король королю против узурпатора?..

Сэр Жерар заглянул обеспокоенно.

— Ваша светлость?

Я крикнул:

— Созвать Совет! Живо!

Пришли сэр Растер, барон Альбрехт, сэр Жерар, барон Эйц, граф Готар, еще несколько видных лордов, с чьим мнением принято считаться, временно заменяют графа Ришара и других деятелей, сейчас усмиряющих Гандерсгейм.

Барон Альбрехт сказал раздраженным тоном:

— Что тут решать? Все короли хотели бы восставить Кейдана на престоле, так как это задевает их интересы. Дескать, никто и никогда не смеет посягать на власть легитимного короля! Надо думать, как не позволить им это сделать.

— Я не первый свергатель на свете, — возразил я. — Как-то другим это удастся?

Сэр Растер громыхнул так, что все невольно пригнулись:

— Пока Кейдан жив, заговоры неизбежны.

Барон Альбрехт сказал зло:

— У них получится не больше, чем уже получилось!

— Дай-то Господь, — буркнул сэр Растер. — Ваша светлость, нужно с этим как-то кончать.

Я поинтересовался яростно:

— Как?

Растер выкатил глаза, что за глупый вопрос, за него ответил негромко и терпеливо барон Альбрехт:

— Ваша светлость, кровавая борьба за трон — привычное дело. Но вам удалось сместить короля Кейдана без длительной гражданской войны, когда гибнут сотни тысяч людей, села и города горят, страна пустеет, и только вороны жиреют на трупах...

— Разве я его сместил?

— Сместили, — сказал он настойчиво. — Пусть это еще и не признано вслух, но все понимают, что Кейдан фактически уже не король. К тому же вы не просто за-

хватили власть... у вас есть право не только меча, но и справедливости. Народ снова повернут в сторону Церкви, вы объединили королевство, торговцы ходят как в Брабант, так и в Ундерленды... а тут еще и Гандерстейм практически наш!

— И что?

Он запнулся, но на него смотрят все, и он выпрямился с достоинством.

— Полагаю, — произнес он ясным, как чистый прозрачный лед, голосом, — король Кейдан должен умереть. Бывший король.

— За что?

Он посмотрел на меня в удивлении.

— Вы сами сказали, ваша светлость... Как не справившийся с управлением такой большой страной, позволивший отколоться богатейшим провинциям Брабанту и Ундерлендам, отступивший под натиском варваров...

Я вздохнул, покачал головой.

— К сожалению, об этом законе Господа, о котором я сказал, никто еще не знает... Хотя, конечно, можно инспирировать его принятие, сформулировать, снабдить доводами и отослать в Рим папе. Там соберется конклав кардиналов, долго будут обсуждать, передадут коллегиям богословов, что немедленно сцепятся в драке за уточнение каждой буковки... Да, такой закон будет принят. Лет через сто-двести. Рим никогда не спешит, но нам какое-то решение необходимо уже сейчас.

Сэр Растер рубанул:

— А какое еще решение? Напасть и убить в бою! Пусть падет как мужчина — с мечом в руке. Все-таки король, таких казнить негоже...

Я смолчал, всяких людовиков и генрихов еще как казнили, но тогда, правда, буянила чернь, даже женщин совали под гильотину только за то, что аристократки,

но мы должны быть в белом, даже если и в коричневом. Растер прав, негоже вести себя, как пьяная толпа разбушевавшейся дряни.

— Благородно, — признал я. — Мы постараемся, сэр Растер, поступить благородно. Хотя постараемся не забывать и о государственных интересах.

Растер довольно кивнул, только барон Альбрехт глянул остро, понимает, что благородство и государственные интересы почти никогда и нигде не пересекаются.

— Ваша светлость, — сказал он негромко, но с таким натиском, что все умолкли и начали прислушиваться. — Схватили еще четверых сторонников Кейдана, что намеревались тайно проникнуть в ваши покои и убить узурпатора.

— Новые? — переспросил я.

Он кивнул:

— Боюсь, даже не связанные с теми молодыми и горячими справедливцами.

— Черт, — сказал я в раздражении, перекрестился, даже сам не заметив автоматичности несвойственного мне жеста, — что это их как прорвало?

— Надеялись, — предположил барон Эйц, — что наладится само... а теперь не дождалось и взялись творить справедливость.

— Я велел отвести сразу в пыточную, — сообщил Альбрехт, — вдруг да не одни, надо выявить всех, но есть нечто общее с теми, кто попался раньше.

— Что? — спросил я настороженно.

— Эти дураки тоже, — ответил он, — готовы пожертвовать своими жизнями. О пути отступления даже не подумали. Ну не могут такие вот хорошие да честные держать в уме сразу две задачи: выполнить и уйти живыми. Они уверены, что, убив тирана, сразу спасут мир и восстановят справедливость.

Глава 15

Бобик долго не хотел уходить, делал вид, что не слышит, пробежался по кабинету и понюхал стол, стул, даже гобелены на стенах осмотрел, а когда я прикрикнул, пошел к двери, но там, полагая, что уже не смотрю в его сторону, тихонечко на согнутых лапах проскользнул вдоль стены и лег, затаившись за вторым массивным столом.

Я раздраженно просматривал бумаги, то и дело правил написанное: что за дурь приносят на подпись, нельзя же так коряво, почему не писать просто, прям юристы какие-то доморощенные, составлено так, чтоб никто не понял, что там написано, и уважал за умность...

Сэр Жерар, чувствуя мою растущую злость, старался вообще не появляться, а бумаги оказывались передо мной как будто из ниоткуда, настолько заходит неслышно и передвигается, не потревожив даже воздуха.

Предостерегающий холодок прокатился у меня по спине, когда я откинулся на спинку кресла и прикидывал, как укрепить те две башни на входе в бухту еще и еще. Судя по тому, что увидел на островах, все же могут прорваться, собрав ударный кулак в сотню мелких кораблей. Сто собак загрызут и слона, не только льва, а мы, закладывая две охранные башни, недооценивали силы, что имеются на островах в непосредственной близости.

Холодок исчез, как только я снова наклонился к столу, но через минуту вернулся и стал еще ощутимее. Ощущение странное, словно надвигается ледник, подминая под себя королевство, его еще не видят зверьки, пасущиеся в кустах, но ледящий холод уже пронизывает воздух...

Я остался в той же позе, только зыркнул пару раз по сторонам, однако в кабинете пусто, тихо, даже пламя

свечей не колыхнется... разве что странно вытянулись кончики, но это, видимо, примеси в воске...

Сердце стукнуло тревожно, ощущение странное, словно некто огромный приближается уверенно и неспешно, его еще нет в кабинете, нет даже во дворце, однако...

Я перешел на тепловое и тщательно огляделся, затем в запаховом, голова кружится, абсолютно ничего, наконец, с усилием вогнал себя в то странное состояние, когда могу увидеть и тех исчезников, что укрылись под самой мощной защитой...

Череп затрещал, острая боль стегнула в виски и начала нарастать, растекаться по костям, добравшись и до нижней челюсти, где мучительно заныли зубы, однако ничего, нигде ничего...

Я поднялся, лучше выйти отсюда на люди, сделал шаг и уперся в незримую стену. Тело застыло, затем злая боль пронеслась по нервам, я хрипло взвыл...

...вспыхнул огонь, охватил меня с головы до ног. Я рванулся изо всех сил, однако я словно превратился в простоявшее на солнце все лето сухое дерево, пламя охватило с ликующей радостью, загорелась одежда, больно жжет кожу...

В ушах стук крови, я слышал свой тихий вой, но слышу явно только я, тело стонет от боли, кожа пошла огромными волдырями, я слышал жуткий запах горящего мяса.

В комнате за моей спиной что-то грохнуло, отчетливо слышу тяжелые удары, мощное дыхание, будто шумно дышит кит, снова удары, зверский рык...

Рука дернулась, я ощутил, что могу шевелиться, тело кричит от дикой боли, кожа то вздувается новыми волдырями, то становится ровной, хоть и обугленной, иногда появляются участки восстановленной кожи, затем снова дикая жгучая боль и волдыри...

Я упал, тело сотрясают судороги, но увидел, как Бобик зажал в пасти пустое пространство и свирепо

рвет его, царапает когтями, его самого подбрасывает под самый потолок, но не отпускает, а перехватывает челюстями все дальше, словно подбирается к неведомой глотке.

Я переполз к столу, нетвердыми пальцами нащупал арбалет. Дикая боль скрутила тело, с огромным трудом выстрелил лежа, затем поднялся, взвел тетиву и выстрелил еще раз, целясь в пустое пространство под Адским Псом.

Раздался страшный рев, так мог бы закричать разрушаемый волнами живой утес. Бобик резко опустился, но не коснулся пола, а все в том же зависшем в пространстве положении рвал нечто, пасть его и вся морда окрасилась зеленой кровью.

Вбежал сэр Жерар, ахнул, бросился ко мне.

— Ваша светлость!

— Назад, — велел я хрипло.

Он отступил, послушный приказу, я взвел тетиву и, поставив на последнее деление, выстрелил еще раз. Сэр Жерар, бледный как смерть, смотрел остановившимися глазами, как зависший в воздухе Бобик медленно опустился на пол, поднял жуткую морду и страшно взвыл.

Я тупо посмотрел на арбалет, никогда еще не ставил тетиву на последний пропил, даже с первого жертву разносило на мелкие брызги, а сейчас болты словно просто исчезли.

Сэр Жерар медленно сдвинулся с места, я часто дышал, на полу черная копоть, зеленые потеки, а я в обгорелых лохмотьях, почти голый, посреди комнаты.

Бобик не стал подходить ко мне, его трясет, как и меня, в пурпурных глазах безумие, пасть все еще оскалена, из горла идет грозное рычание...

— Ваша светлость, — произнес сэр Жерар дрожащим голосом. — Вы как, в порядке?

Я огрызнулся:

— Не видно? Конечно, в полном!.. Сейчас петь буду. Бобик, иди ко мне, моя птичка... Я тебя очень люблю, и какая же я скотина, что уже начал забывать о тебе, моя чистая и невинная лапушка... За что ты меня только и любишь, такого вот бессердечного...

Сэр Жерар покосился, как я ласкаю и треплю по холке страшного пса, сказал напряженным голосом:

— Кто бы это ни был, у него невероятная сила... Сэр Торрекс снабдил всех, охраняющих дворец, самыми мощными амулетами. Никто не должен был проникнуть незримо.

— Где-то нашлась, — ответил я. — Сэр Жерар, распорядитесь насчет новой одежды.

Он оглядел меня придирчиво.

— Но вы... как? Ожоги остались?

— Нет, — ответил я, не моргнув глазом. — Это были магические ожоги. Бесследные.

Он не стал указывать, что от бесследных одежда не сгорает, исчез на миг, а вернулся уже с ворохом одежды.

— Полагаю, — сказал он в ответ на мой вопросительный взгляд, — слуг звать не стоит. Покушение лучше сохранить в тайне. Пусть ваше правление хотя бы кажется несокрушимым.

Я посмотрел на него косо.

— А вам оно кажется неустойчивым?

— Как и вам, — ответил он. — В Сен-Мари все еще король — Кейдан. А мы — оккупационная армия.

— Это «все еще» продлится недолго, — ответил я.

— Хорошо бы, — пробормотал он. — Кстати, надо и цепь новую... Прежняя вся почему-то расплавилась. Вон на полу кляксы прилипшего золота... Надо же, какой этот жар магический...

Я поцеловал Бобика в нос.

— Прости, дружище, я был неправ. Будь со мной всегда, когда тебе самому вздумается!.. Ты умнее меня в этих делах.

Сэр Жерар хмыкнул:

— Вообще-то он мог бы и королевством поруководить иногда... я имею в виду, наделает меньше ошибок. Позвольте, застегну вот здесь... а это нужно зашнуровать. Надо же, такая толстая кожа, а сгорела, как сухая солома. И металлические пряжки... господа, от них ничего не осталось!

— Да?

Я скосил глаза. Паркетные плиты из мореного дуба испещрены мелкими и крупными оспинами, словно над этим местом пролился метеоритный дождь. Запах горелого мяса все еще лезет в ноздри, сэр Жерар старается не показывать виду, что догадывается, откуда они, ароматы горящего дерева слышны слабее, но пока что сюда никого пускать не стоит, пока все не проветрится.

За дверью раздался топот, ворвался барон Эйц, за ним двое из стражей, рослые и подтянутые парни в железе, тут же уставились на меня, а барон вскрикнул:

— Ваша светлость!

— Барон, — ответил я.

Он сказал быстро:

— Амулеты показали, что во дворце что-то случилось. Я на всякий случай бросился сразу сюда...

— Да, — ответил я успокаивающим голосом, — было проникновение. Но уже все кончилось. Кстати, распорядитесь, чтобы постелили ковер, надо все это... прикрыть от посторонних глаз. Эту зеленую гадость собрать и отдать алхимикам, вдруг да поймут, кому принадлежало.

Он побледнел.

— Кто здесь был?

— Погиб, — ответил я зло, — не оставив ни следа, ни даже трупа. Просто растворился в воздухе.

— Постелить ковер, — повторил Эйц, — хорошо. Что еще?

— Ваша светлость, — сказал сэр Жерар, — неделю тому вы велели их убрать...

— Через пару дней уберешь, — пояснил я. — Не терплю этих пылесборников.

— Будет сделано, ваша светлость. Что изволите предпринять по поводу самого покушения?

Я сказал зло:

— А что я могу? Вот сейчас?.. Это не те молодые дураки. Здесь совсем другой почерк, а исполнитель совсем другого класса.

Он перекрестился, достаточно редкий для него жест, вспоминает о Боге даже реже, чем я сам. Двое стражей старательно соскребывали с пола быстро высыхающую зеленую слизь, по знаку Эйца унесли ее бегом.

— Ваша светлость, — сказал он, — без сомнения, вас спасло Божественное вмешательство.

— Божья воля? — переспросил сэр Жерар педантично.

— Конечно, а как же... — ответил входящий барон Альбрехт. — Господь только и думает, как бы еще спасти его светлость, что лезет во все дыры и сует голову во все петли.

— Да, Господь его любит.

— Но странною любовью, — пробормотал я.

Альбрехт странно посмотрел на сэра Торрекса, на меня, отвернулся, пробормотал:

— Но кто бы это мог быть, кто бы мог...

— Король Кейдан?

Альбрехт подумал, кивнул.

— Да, конечно, в первую очередь подозрение падает на него. Даже если не он лично прислал, то сработано в его интересах... Можно только удивляться, что так долго медлил. Видимо, не мог опомниться от внезапной потери королевства...

— Да и часть верных ему людей теперь служит вам.

— Или сожжена на кострах.

— Тогда... император?

— А ему зачем? Хотя если сейчас сэр Ричард ему не соперник, то в будущем... а император на то и есть император, умеет и должен уметь прикидывать варианты, как могут пойти дела...

— Какие могут быть варианты?

Барон Эйц сказал мрачно:

— А у меня есть и другие данные. К сожалению, все косвенные. Некоторые нити ведут в сторону человека, который пока был вне нашего внимания.

— Кого?

— Сэр Ричард, вы уже забыли, как некогда была предпринята попытка свергнуть вас и посадить на трон более подходящего, как они полагали? Помните, Джонатан Меерлинг, герцог Ворквикширский?

Я ответил сухо:

— Его вина была доказана, он был казнен. И что?

— Его титул перешел к его брату Сулливану, который дрался с вашей светлостью и.... гм... в поединке отстоял право на свои земли и автономность от вашей власти.

Я поморщился, никто не любит вспоминать поражения, а лорд Сулливан как раз сумел побить меня в открытом и честном бою.

— Точно к нему?

— Дайте еще пару дней, — попросил барон. — Я сложу все камешки в одну кучку. И посмотрю, какое имя получится.

— Торопитесь, сэр Торрекс, — попросил я. — Сейчас время работает на них.

Умолчать о новом покушении не удалось, слишком многие из стражей, оснащенных амулетами, ощутили присутствие чужой враждебной силы, потому барон Эйц, как начальник стражи, через пару часов вышел к придворным и торжественно объявил:

— Его светлость изволил знать, что сегодня на него будет совершенно покушение! Знал также, когда и где. В нужный час надел под камзол кольчугу. Кинжалы заговорщиков поцарапали ему кожу, но его светлость здоров и ревностно выполняет свои обязанности!

Сэр Жерар добавил:

— Преступники схвачены, допрошены и казнены. Прочие виновные будут арестованы и предстанут перед судом.

Вечером того же дня барон Эйц явился ко мне, огляделся, спросил, понизив голос:

— Здесь никого?

Я пожал плечами:

— Кроме вас и Господа Бога... никого...

Он на мгновение поднял взгляд к небу.

— А-а, ну он не в счет.

— Что-то узнать удалось?

— Да.

Глава 16

Граф Готар с великим наслаждением пил ледяную воду, довольно побряхтывал. Оруженосец покосился на своего господина, сказал доброжелательно:

— Ваша милость, нельзя вот так после горячего сразу холодное. Мой сосед своим свиньям дал после горячего пошла холодной воды, так у них сразу зубы полетели...

— У свиней? — переспросил Готар с угрозой в голосе.

Оруженосец не заметил или не захотел заметить, кивнул:

— Да, у всего стада. А у него были такие породистые свиньи...

Готар медленно обвел взглядом воинов, жадно пьющих ледяную воду источника.

— Что, породистее наших лордов?

Оруженосец уловил недовольство в голосе графа, поспешно поклонился.

— Ваша милость, среди животных тоже есть лорды, а есть простолюдины. Вот, лев, например, лорд...

— А свинья?

Оруженосец замялся с ответом:

— Ну, смотря какие... У вас на щите свинья...

— Не свинья, а кабан! Вепрь лютый.

— Вот-вот, я и говорю, что свинья свинье рознь. Вы вот истинно кабан, вепрь лютый, так что зубы поберегите.

С дерева посыпались сучья. Одетый в зеленый камзол и зеленые штаны молодой воин высунул голову из-за веток и торопливо подавал нам условные знаки.

— Отлично, — прошептал Готар с горящими глазами. — Как вы точно рассчитали, ваша светлость!.. Все по местам!

— Это не я, — сказал я, — это так... природа все расположила и подготовила. Бог все учел еще при сотворении мира!

Донесся лай собак, приближающийся конский топот. Я замер, вслушиваясь, на дальнем конце широкой поляны с треском распахнулись кусты, выметнулся хрипящий красавец олень с ветвистыми рогами.

Этот не успел одолеть и трети пространства, как следом на огромном злобном коне, черном и страшном, выпрыгнул человек, тоже огромный и грозный.

Измученный погоней олень сделал еще три прыжка, всадник прыгнул с бешено скачущего коня на убегающее животное, свалился вместе с ним на землю. Ошеломленный олень только яростно бил по воздуху копытами, а Сулливан выхватил нож и, зажав голову локтевым захватом, мощным рывком перехватил ему горло.

Кровь ударила сильной струей, забрызгала землю и зеленую траву, но на герцога не попало ни капли,

умелый охотник, видно сразу, и не первому оленю перехватывает горло.

Следом за хозяином на поляну выметнулся на буланом коне приземистый молодой воин, по одежде — оруженосец. Удерживая взволнованного коня, крикнул:

— Если мне позволено будет заметить, ваша светлость... замечательный удар!

Сулливан перевел дыхание, поднялся и, вытерев лезвие ножа, сунул в ножны.

— Позволено, — ответил он.

На поляну, ломая кусты, выехали остальные охотники, окружили добычу, начали слезать, осматривать оленя, мерить рога, с чем-то сравнивать, посыпались шуточки.

Я наложил стрелу на тетиву, прошептал негромко:

— Начали!

Моя стрела сорвалась с тетивы, но едва я успел ухватить вторую, как воздух наполнился свистом от стремительного полета длинных гладких прутьев со стальными клювами. Оруженосец Сулливана дернулся от сильного удара, стрела пробила ему шею и высунулась с другой стороны.

Охотники падали, вскрикивали, хватались за оружие, но половина погибла сразу, из некоторых торчат по две-три стрелы, рыцари рухнули, кто где стоял, сраженные болтами из арбалетов, хотя на них и нет стальных доспехов, просто рыцарей принято бить именно стальными болтами.

Сулливан схватился за меч, пригнулся и бешено оглядывался, как загнанный волк, глаза горят, а зубы оскалены.

— Кто здесь? — прокричал он грозно. — Кто посмел?

Я поднялся и сделал пару шагов вперед.

— Я посмел, — ответил я. — Что посеешь, то и пожнешь, сэр Сулливан. Вы защитили право на независимость своих земель и замка, почему вам этого показалось мало?.. Зачем вам еще и мой трон?

Он прорычал:

— Этот трон принадлежит Его Величеству королю Кейдану!

— Уже нет, — ответил я. — Уже нет.

Он оглядел меня оценивающе, губы искривились в хищной усмешке.

— Я готов снова сойтись с вами в поединке, — сообщил он.

— Да? — спросил я. — Тогда вы были в другом статусе, более благородном. А сейчас... Вы арестованы, герцог Сулливан.

— На каком основании? — потребовал он.

— Заговор, — ответил я, — и подготовка к мятежу. Вы можете говорить или хранить молчание, но все, что скажете, может быть использовано против вас и, конечно же, будет использовано!

— Что? — переспросил он.

— Если не бросите оружие, — объяснил я понятным языком, — и не сдадитесь, вас с огромным удовольствием убьют арбалетчики. С огромным!

Он быстро зыркнул по сторонам. Арбалетчики по знаку барона Альбрехта поднялись и взяли его на прицел. Он заметно побледнел, некоторое время колебался, затем швырнул меч на землю.

— Вы не сможете меня осудить, — сказал он дерзко. — Все лорды будут на моей стороне!

— Посмотрим, — ответил я. — Связать ему руки! Покрепче.

Барон Альбрехт остался сопровождать пленника, несколько лучников остались шарить среди убитых спутников герцога, там никого нет ниже барона, не только золотые монеты в поясах, но и множество драгоценностей на одежде.

Сэр Растер укоряющее вздыхал, все не так, как положено, надо бы красивую схватку, а так просто и неинтересно перебили все окружение герцога, хотя,

конечно, его родня теперь приутихнет, майордом снова показал, чтобы у него не попляшешь под окнами.

Я свистнул:

— Бобик! Возвращаемся.

Адский Пес выпустил из пасти задушенного свиненка, подпрыгнул на всех четырех и с готовностью ринулся из леса. Я вскочил на арбогастра, деревья с легким шелестом замелькали по обе стороны.

Остальные прибыли в Геннегау через час, я успел поработать и пообедать, а когда пленника привели в пределы королевского сада, я вышел навстречу, злой и собранный.

— Барон Альбрехт, — сказал я громко, — вы проведете судебное разбирательство. Строго, справедливо и нелицеприятно.

Он поклонился.

— Да, ваша светлость.

— Помните, — сказал я, — майордом, маркграф, эрцгергог... это не что-то там сбоку да еще с бантиком. За мной наблюдают слишком многие.

Он угрюмо кивнул.

— От этого никуда не деться.

— И судят обо мне, — закончил я, — по моим поступкам, а не по красивому платью и этой золотой цепи. Действуйте!

Он кивнул, стражи по его кивку ухватили герцога и потащили в подземную тюрьму.

Барон Эйц остановил их там на пороге, в руках зашелестел разворачиваемый из трубочки лист бумаги с печатями.

— Лорд Сулливан, — сказал он жестко, — вот приказ о вашем аресте. Вы будете препровождены в Башню Смерти, откуда сможете наблюдать за казнью своих сообщников, что уже сознались.

Суд собрали на другой день, Сулливан довольно дерзко заявлял, что он действует в интересах Его Величества короля Кейдана, но если Его Величество не торопится вернуть себе трон королевства, то он, герцог Сулливан, единственный достойный претендент. Он молчал, пока его занимал Кейдан, но когда явился наглый захватчик и король вынужден был бежать в удаленную область, его сердце не выдержало этого надругательства над королевством.

Я сказал сэру Альбрехту уязвленно:

— Его сердце выдерживало, пока в Сен-Мари стояла наша армия!

— Сговорчивое сердце патриота, — согласился он. — Открыло рот, только когда войска ушли в Гандерсгейм.

Я поднялся, спросил очень вежливо:

— Сэр Сулливан, какова ваша программа?

Он гордо вскинул голову.

— Что?

— Какова ваша программа? — повторил я.

Он спросил надменно:

— А что это еще такое?

Я сказал терпеливо:

— Что вы собирались делать, когда захватите власть?

— Не захвачу, — отпарировал он, — а верну законному владельцу!

— Понятно-понятно, — сказал я, — вернете законному владельцу. То есть себе. Что собирались делать дальше?

Он надменно огляделся, расправил плечи, словно на них уже лежит королевская мантия со всеми регалиями, а на голове корона.

— Как что? Вознаградить сторонников, раздать им земли.

— А потом?

— Что «потом»? Восстановить справедливость, я же сказал!.. Отобратить у вас трон — разве этого мало?

В зале мертвая тишина, все напряженно следят за словесным поединком, и, как мне кажется, большинство тоже, как и герцог, не понимают сути моих вопросов.

— Мало, — сказал я, — если речь о королевстве, а не о своем кармане. По большому счету подданным все равно, кто на троне, лишь бы их жизнь была счастлива. Но изменилась бы их жизнь к лучшему, если бы вам удалось свергнуть нашу узурпаторскую власть и установить свою?.. Понизились бы налоги?.. Облегчилась бы жизнь? Ощутили бы монахи поддержку власти?.. Уменьшилось бы количество разбойников и стали бы наконец свободными от них дороги?

Он смотрел гордо и непонимающе, типичный герой, который свергает несправедливо захватившего трон и восстанавливает законные права какого-то незаконно-рожденного дурака, всю жизнь прожившего в лесу и умеющего только забавляться с козами.

Я выждал с минуту, потом повысил голос:

— Прошу запомнить всех, а у кого слабая память — записать! Отныне всякий претендующий на власть, должен иметь ясную и четкую программу того, что он сделает после ее захвата. Народ не должен идти слепо за каким-то обманщиком, он должен видеть то, что обещано, и понимать, как это будет сделано. А желающие просто захватить трон... это просто разбойники, какими бы высокими словами о законности ни прикрывались. Потому я обвиняю герцога Сулливана в злом умысле, обмане народонаселения и желании развязать в королевстве кровопролитную гражданскую войну.

Суд удалился на совещание, я не стал ждать, все равно приговор принесут мне на подпись, вышел из зала суда, а у выхода уже ждут сэр Жерар и барон Альбрехт.

— Ваша светлость, — сказал сэр Жерар озабоченно, — у нас неприятности!

— Ну как же без них? — спросил я устало. — Давайте, добивайте. Нет, погодите, суд что-то слишком быстро вернулся... То ли дело предельно ясное, то ли Сулливана решили оправдать...

Лорд Чарльз Фуланд, председательствующий, поднялся во главе стола, Рюккерт и Лотце, что были судьями еще при Кейдане, продолжали сидеть и перебирать бумаги с показаниями схваченных ранее, а Фуланд провозгласил громко:

— Герцог Сулливан, вас проташат через весь город к месту вашей казни. Там вас повесят и опустят, пока будете еще живы... и так будет трижды. Затем вашу мошонку отрежут и выташат внутренности, после чего тут же сожгут на ваших глазах. Вам отрубят руки, ноги, голову. Тело разрубят на четыре части, после чего их разместят в местах, которые предусмотрены законом.

Холод прошел по моему телу, но не ушел в пол, а остался тяжелой массой в груди. Мелькнула мысль: отменить бы разом все, однако... ничего нельзя разом, даже черепашня постепенность встречает яростное сопротивление и несимметричные ответы. Эта казнь только мне кажется чудовишной, а так здесь это обыденность, она санкционирована и применяется во всех христианских странах и узаконена во всех процессуальных процедурах.

Сэр Жерар сказал с хмурым удовлетворением:

— Все точно по закону!.. Вы чем-то недовольны, ваша светлость?

— Очень много лишних действий, — буркнул я. — Отсечения головы было бы достаточно. А то какое-то смакование: постепенное удушение, отрезание мошонки, потрошение, четвертование... а потом еще развозить окровавленные куски тела по городам?

— Но, ваша светлость, за такое ужасающее преступление и наказание должно быть адекватным!.. За государственную измену предусмотрена именно такая казнь!

Я подумал, сказал хмуро:

— Тогда уж просто сажать на кол.

— Простите, ваша светлость?

— Что, — удивился я, — это незнакомо?

Он ответил растерянно:

— Н-нет...

— Дикари, — процедил я, — не чувствуется влияния просвещенного Востока... Это же так просто и эффективно! И даже эффектно. Кроме того, на одном акре, знаете, сколько можно поставить кольев? Толпа ревет от восторга. М-да, придется ввести. Помню детские воспоминания... в моем срединном, гораздо более цивилизованном, кстати... преступников сажали на колья. Даже не только преступников, но и противников... но мы будем гуманными и не станем так поступать... разве что с самыми отъявленными.

Барон Альбрехт сказал осторожно:

— А как отличить самых отъявленных преступников от просто отъявленных?

— На кого укажу, — пояснил я, — тот и отъявленный. Пся крев, да велика ли разница? На палю этих гадов, на палю!.. Все, иди.

Барон посмотрел пристально и покачал головой, упрекая за неуместный юмор, а сэр Жерар ушел, от обалдения отвесив целых два поклона, а я подумал, что в самом деле стоит ввести этот более прогрессивный метод. «На палю» — так кричала польская шляхта всякий раз, когда удавалось захватить в плен казаков, а то и даже встречая парламентаров. Казаков сажали тысячами, ликование дворянства было неописуемым. Правда, казаки отвечали тем же, хотя по простоте своей и в гораздо меньших размерах, предпочитая просто зарубить противника.

Так что сделаем еще шаг от варварства к просвещению: изощренное потрошение и четвертование заменим простым сажанием на кол. И без поперечного колышка, который не дает проткнуть человека быстро, а задерживает агонию. И применять только в государственных интересах, потому что власть толкает людей на дикие и подлейшие поступки. К примеру, отвратительнейший пример подал Петр Первый, когда любовника своей сосланной в монастырь жены майора Глебова посадил на кол в тридцатиградусный мороз на Красной площади, а чтоб не замерз слишком быстро, на него одели шубу, шапку и теплые сапоги, так что майор дико кричал в страшных муках на радость толпы пятнадцать часов, но когда Петр приблизился, чтобы с радостью садиста полюбоваться на умирающего, тот обругал его последними словами и плюнул в наглую толстую морду. Умер майор только на следующий день, а Петр Первый это пятно с себя никогда не смывает, так что надо быть очень осторожным и в личных целях никогда-никогда, оппозиция все заметит.

Император Тиберий, правивший Римом незадолго до рождения Христа, заявлял, что смерть — слишком мягкое наказание для осужденного, потому даже в цивилизованных странах казнь делают как можно более мучительной и долгой, тут поперек течения не поперешь...

Однако, думаю, один-два часа мучений на колу достаточно. Иначе люди устанут, притерпятся, впечатление будет смазано. Хотя, конечно, булочники, водоносы и уличные торговцы сладостей будут недовольны, но всем не угодишь.

Можно бы сожжение, вон персидский царь Дарий сжег собственную мать, так что сожжение имеет давнюю историю. Ведьм, к примеру, редко сжигали поодиночке, обычно десятками, а бывали периоды, когда их сжигали за сезоны по несколько тысяч в одном районе.

Но этот красивый и праздничный обряд монополизировала для себя наша гуманная и милосердная Церковь, не желающая видеть пролитую кровь...

Единственное, что могу сделать в этом направлении, — это не отменять казни, а сделать жизнь в Сен-Мари и Армландии такой, чтобы у людей не было необходимости убивать и грабить, устраивать перевороты. Конечно, преступники все же будут, не все же разбойничают из-за нищеты, есть и любители острых ощущений, но их окажется на порядок меньше, а то и на два.

А потом... потом казни сделаем настолько незрелищными, что народ перестанет возмущаться, если они перестанут быть публичными. Хотя, конечно, это будет еще очень-очень не скоро.

Я вздрогнул, когда барон взял меня настойчиво за локоть.

— Ваша светлость, а теперь пора очнуться от сладкого смакования справедливости мести, вон как ваши блудливые глазки бегают, и вернуться к сегодняшним делам.

— Давайте, — сказал я вяло.

Он огляделся беспокойно по сторонам.

— Лучше бы вернуться в зал.

— Хорошо, — согласился я без энтузиазма. — Что-то как-то все не так...

Глава 17

В малом зале я привычно сел во главе стола, справа барон Альбрехт и барон Эйц, граф Готар, неизменный сэра Растер, сэра Жерар, по другую сторону весьма удивленный приглашением барон де Брюс, а также командиры, которых граф Ришар прислал с ним мне на помощь из Гандерстейма.

Конечно, и наиболее влиятельные лорды Сен-Мари, как герцог Фуланд, сэр Фридрих Рюккерт, лорд Рудольф Герман Лотце и другие, присутствуют с важными и торжественными лицами, а еще и великий инквизитор отец Дитрих, его я тоже ввел в члены высшего Совета.

Леди Хорнегильда, королева турнира, сидит не рядом, это я учел, а за дальним столом рядом с сэром Кристофом Шлоссером, армландским лордом. Только она и улыбается постоянно, хорошо, пусть украшает, а нам тут и без украшений тошно.

— Кейдан готовится нанести удар, — докладывал барон Альбрехт, — усиленно собирает сторонников.

— Сведения точные?

— Перепроверенные, — заверил он и добавил чуть мягче: — Я бы тоже хотел, чтобы это оказалось неправдой.

Я буркнул недружелюбно:

— Что еще?

Сэр Фридрих Рюккерт сказал упавшим голосом:

— Алхимики докладывают, что в исследовании состава, переданного вашей светлостью, столкнулись с огромными трудностями и пока не знают, как их преодолеть...

— Эх...

— Сильные дожди, — доложил сэр Рудольф Лотце, — размыли участок вашей новой дороги, что строят от Тоннеля... из Тоннеля и до самого Геннегау. Той самой, что вы зовете железной...

Я слушал-слушал, как они перечисляют проблемы, наконец спросил устало:

— А хорошие новости есть?

Они переглянулись, барон Альбрехт сказал бодро:

— Есть, если считать таковой, что созрел новый заговор против вашей светлости!

Я посмотрел на него со злостью.

— И что в нем хорошего?

Он сказал с удовлетворением:

— Удалось узнать имена заговорщиков буквально сразу.

— Кто?

— Главой избрали некоего графа Бокарда Эйхсфельдского, отпрыска знатнейшего рода, еще более знатного и древнего, чем у самого Кейдана...

Я порылся в памяти, пробормотал:

— Граф Константин Бокард Эйхсфельдский, владетельный сеньор Казенхельма, барон Утрерда, лорд Итлингии... он?

Барон Альбрехт удивленно покачал головой:

— Все-то вы знаете, ваша светлость... Чего я тут делаю? Нате вам раскаленный прут и сами тыкайте в ребра этим недоумкам, что и прятаться не научились...

— Погодите, — сказал я в недоумении, — но граф Бокард сейчас в Гендерстейме! Ему поручено принять управление строительными работами в городе Убарлоу, оно же и королевство. Поставить ворота, заделать бреши в стенах, а если будет необходимость — поднять повыше. Я обещал подать это как повышение по службе!

— Кем поручено?

— Мною.

— Это в самом деле повышение?

— Он сильно провинился, — сказал я, — и наделал крупных ошибок. Да еще и не выполнял прямые приказы. Но я не сторонник жестких мер, не стал его позорить...

Барон кивнул, в голосе прозвучало удовлетворение:

— Тогда понятно. Он не поехал в тот ваш Убарлоу, а сразу отправился сюда, в столицу. А с дороги послал вперед гонца, сообщил местным заговорщикам, что он в бешенстве, оскорблен и приложит все силы, чтобы помочь им сбросить наглого мерзавца... это вас, сэр, если вдруг не поняли, с нагло захваченного кресла...

Я сказал тяжелым голосом:

— Заговорщиков взять. Немедля! Кто воспротивится — убить на месте. Кто скажет грубое слово или посмотрит дерзко — убить. Остальных в тюрьму. Судебную процедуру упростим...

— Это как? — спросил сэра Растер с удовлетворением. — До нуля?

Я отмахнулся.

— Они нас все еще зовут оккупационной армией? Ну вот, поступим, как оккупанты на захваченных землях. Каждый полевой командир вправе в условиях военного времени вершить суд и расправу. Без адвокатов. Все! Все свободны.

Они торопливо разошлись, я вышел из зала злой, как кобра. В голове тысячи вариантов, как выкрутиться, однако ни один не сработает, я увяз в войне и реформах. Понимал же, что это самый удобный момент ударить в спину, но все же надеялся, что не ударят... Не потому, что такой уж дурак, нет, как можно, я же умный, однако хотелось верить, что ничто мне не помешает, вот и верил, как дурак...

Сэра Жерара на месте не оказалось, только его помощник сидит на корточках и укладывает в большой ящик свернутые в трубочки грамоты.

— Где Кристиан Фридрих? — спросил я.

Он ответил с торопливым поклоном:

— Уехал на охоту, ваша светлость...

Я молча выругался, но придушил ярость, спросил холодно и ровно:

— Тогда позовите сэра Тревора Томаса.

Он поклонился еще ниже, страхась моего гнева.

— Он осматривает поле для предстоящего рыцарского турнира, ваша светлость.

— Черт, — прорычал я, — какого предстоящего?

Он ответил пугливо:

— Но, ваша светлость, всегда в это время года...

Я сказал зло:

— Ладно, кто на месте из ведомства феодальных и лендированных земель?

Он подумал, сказал осторожно:

— Разве что сэра Фридрих фон Хартенберг...

— А это кто? Я о нем не слышал!

— Это отпрыск знатнейшего рода, ваша светлость.

Он в родстве с герцогом Фуландом, герцогом Вирландом Зальским, графом Устурийским, который владеет огромными землями на севере страны, а также троюродный племянник лорда Нагемского, который единственный потомок легендарного короля Синий Клык, приведшего легионы в эти земли...

— Хорошо-хорошо! — прервал я нетерпеливо. — Посмотрим, что знает об этом деле он.

Мы проходили мимо замерших у стены стражей, я кивком подозвал ближайшего, тот вытянулся до хруста костей.

— Ваша светлость!

— Беги, — велел я, — и приведи ко мне этого сэра Фридриха... который еще и фон Хартенберг. В мои покои!

Бобик бросился мне навстречу и ухитрился лизнуть в лицо, я почесал ему за ушами, признался виновато, что Зайчика совсем забыли, надо сходить проведать, он же не только средство передвижения, но и хороший верный друг...

Сэр Жерар заглянул в кабинет:

— Звали, ваша милость?

Я сказал в злом нетерпении:

— Почему не доставили фон Хартенберга?

Он развел руками.

— Не понимаю... Я узнал о вашем повелении и сам посылал за ним дважды.

Я вскочил.

— Ждите здесь. Я посмотрю, не случилось ли чего.

— Не беспокойтесь, — воскликнул сэра Жерар, — Он сейчас будет...

— Ничего, — сказал я, — не могу сидеть, меня разорвет в клочья, если остановлюсь...

По коридору я почти пробежал, стражи вытянулись и замерли, когда я ворвался в комнату, которую отвели под отдел распределения и управления землями королевства.

Спиной ко мне богато одетый вельможа, по спине я узнал молодого Хартенберга, прижал к стене молоденькую служанку, та повизгивает, а он азартно шарит у нее под платьем.

Гнев ударил в мою мудрую голову, перед глазами моментально встала кровавая пелена.

— Сэр Фридрих!.. — проревел я страшным голосом. — Вам передали мой приказ явиться немедленно?

Он оглянулся, широкая улыбка появилась на его лице.

— А, сэра Ричард... да, передали. Сейчас приду, просто чуть задержался, вы же понимаете, какой соблазн...

Я быстро шагнул вперед, одной рукой схватил за шиворот, отрывая от женщины, другой с такой яростью ударил в лицо, что хрустнули хрящи носа. Он откинул голову, едва не падая, я зверски всадил кулак в солнечное сплетение и вышиб весь воздух.

Женщина испуганно вскрикнула. Вельможа сполз по стене, я с силой ударил несколько раз ногами. Дикая злоба трясла меня так, что я едва сам разобрал свои клокочущие слова:

— Ах ты... ничтожество!.. Если я велел... ты должен... ты должен!.. Отпрыск? В родстве с герцогами и графами? Наследник?.. Потомок?.. Да ты у меня с сегодняшнего дня сортиры будешь чистить! Языком, сволочь!

Он корчился на полу весь в крови, кашлял, выплевывая зубы, стонал. Я повернулся и быстро вышел, чувствуя, что еще чуть, и убью это заносчивое и крайне родовитое ничтожество.

Отец Дитрих дает наставления двум священникам, я пошел к ним так нацеленно, словно снесу все на пути, инквизитор взмахом руки отослал их, а на меня взглянули его встревоженные глаза.

— Сын мой, на тебе лица нет...

— Святой отец, — сказал я горько, — во мне растет тьма!.. Я все чаще срываюсь и лютую, я знаю, что неправ, но не могу остановиться, я готов убить за малейший проступок...

Он тяжело вздохнул и перекрестил мою склоненную голову.

— Господь милостив...

— Господь велел уживаться, — возразил я покаянно, — потому что только уживание создало цивилизацию! Кто не уживался, того изгоняли, как видим на примере Каина. Вне общества человек дичает, что с Каином и случилось...

— Ты понимаешь верно, сын мой.

— Но я что-то слишком уж злой!

— Ты просто нетерпеливый, — ответил он со вздохом. — По молодости. Хочешь все и сразу. Все мы так...

— Но я не сельский кузнец, который чуть что — сразу в морду!

Он слушал сумрачно, вздыхал, плечи его сгорбились, весь показался меньше ростом.

— Сын мой, — проговорил он тяжелым голосом, — сын мой... Я вижу в тебе рост и... очередное преодоление. Каждый человек уникален, да... но есть и общее для всех нас, хотя мало кто это признает. Каждый считает себя центром мира и полагает особенным. И его переживания, дескать, особенные... Увы, это не так. Господь всем нам посылает одинаковые испытания по мере взросления, хотя разные по тяжести. Ты очень силен, вот и ноша твоя тяжела!

Я воззрелся несколько удивленно:

— Хотите сказать, что и другие... через такое проходят?

Он кивнул.

— Да. Но только если человек слаб и ничтожен, то и преодолевать ему почти нечего. Трудности Господь посылает только тем, на кого рассчитывает!

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как грудная клетка за последние часы впервые расширилась на полную мощь, даже застывшие на одном месте ребра болезненно хрустнули.

— Спасибо, святой отец.

Он снова перекрестил меня.

— Не за что, сын мой. Все в тебе! Ты ничем не обделен. Но... пользуйся правильно.

Я благодарно поцеловал ему руку, хотя он и ничего не сказал, как мне поступать, зато сказал, что я должен... поступать, а не политкорректно шелкать хлебалом.

Я стараюсь вести гуманную политику, ну, соответственно веку, однако политкорректность хороша только с теми, кто это понимает. Та сволочь не поняла, что если у меня есть сила, то ничто не остановит меня, чтобы ею пользоваться.

Да и каким идиотом нужно быть, чтобы самому связывать себе руки?

Я — не свяжу.

Надо только не забывать, что я не просто «ваша светлость», я — полевой командир, прошедший по колону в крови через поля сражений. И, если понадобится, буду рубить головы без всякого чистоплюйства и оттопыривания мизинцев.

Глава 18

Потомки видят только результат, они не знают или не хотят знать о методах, а если им кто-то и скажет, просто отмахнутся. До вечера я послал бригаду строи-

телей на ремонт размытой дороги с указанием разобрататься заодно и насчет отводных канав. Если не были сделаны, арестовать виновных и доставить в столицу. Алхимикам прикомандировал в помощь группу из соседнего отдела, фон Хартенберга уволил из канцелярии с запретом появляться при дворе и вообще в столице, а придуманный мною же девиз «Турниры — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!» трансформировал в «Работа над бумагами — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!».

Мелькнула мысль, что в Тарасконе нужно вывесить огромный плакат: «Постройка флота — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!», разумеется, каждого сен-маринца, будь он армландцем или фоссанцем.

К ночи решил, что в этот раз отосплюсь, не до порханий птеродактилем, чувствую всем нутром, что с каждым днем все идет труднее и труднее, все труднее, и ничего не могу сделать...

В комнате разлился радостный свет, сердце забилося чаще, я огляделся по сторонам, в центре комнаты коротко вспыхнул чистый огонь и трансформировался в сэра Сатану.

— А-а-а, — протянул я, — это намек, что вы остаетесь все таким же излучающим свет ангелом, сэр Люцифер? И что простому человеку не отличить по внешним признакам, кто за Бога, а кто против?..

Он вздохнул устало, в глазах проступил отчетливый укор.

— Вы не простой, сами знаете.

— Вид у вас усталый, — определил я. — Вот самое удобное кресло, располагайтесь. Хотите выпить?

— Только не вашего ужасного рома, — ответил он слабым голосом. — Но вы его создали не для благородных людей, верно?

— В точку, — сказал я. — Вообще-то все крепкие напитки не для благородных...

Он тяжело опустился за стол и с интересом наблюдал, как посреди столешницы медленно сформировывается большая бутылка шампанского из зеленого стекла.

— Перрье Жуэ Блан де Блан, — сказал я, несколько рисуясь, — самое знаменитое игристое в мире.

— Ну-ну, проверим...

Я разлил по кубкам, посетовал, что не прозрачное стекло, не видно всю красоту играющего напитка, когда серебристые пузырьки эффектно рвутся к поверхности.

Он отпил медленно, вслушался в ощущения, сделал глоток уже больше, довольно улыбнулся.

— Вы правы, его слава заслуженна.

— А создал монах-бенедиктианец, — сказал я с укором, — служитель Господа. Пьер Периньон, заведовал винным погребом и, бедняга, поплатился. Его изобретение выстрелило ему пробкой в глаз... Говорят, дьявол подшутил.

Он сказал с ленцой:

— Ну, монахи всякое придумывали на мой счет. Не уверен, что Господь одобряет даже это прекрасное вино. Может быть, это как раз он так подшутил странно.

Я смолчал, смакуя вино. Он прав, где-то в это время Бертольд Шварц, монах-францисканец, изобретает порох, что сделает войны ужаснее и кровавее, а разрушения, им творимые, катастрофическими. Но сама же Церковь и запретит использование пороха как изобретение дьявола.

— Позвольте, — сказал я, — налью еще...

— Благодарю. Не представляете, сэр Ричард, как мне приятно с вами общаться!.. Вы, наверное, иногда недоумеваете, почему это я вдруг появился, пообщался и... все!.. Разговор как бы ни о чем, никакого продолжения, а потом фр-р-р-р, улетел, аки воробей. Другие люди тут же либо впадают в панику, начинают трястись и читать молитвы либо торопливо вступают в торг, предлагая свои мелкие и никому не нужные души за земные

блага... Третью по большому счету нет вовсе. Потому, повторяюсь, с вами так уютно.

Я проговорил мирно:

— Не льстите себе, ваше сиятельство. Я все равно вам не верю. И вот сейчас, когда душа моя зело уязвлена стала, смотрю на вас и умствую весьма, хотя никогда этого занятия не любил...

Он сказал с вежливой улыбкой:

— Тогда, может быть... еще по вину и затем по бабам?

Я отмахнулся.

— Бросьте, вы же не всерьез?

Он кивнул.

— Конечно. Если бы я предложил вам сейчас самых роскошных женщин мира и самое лучшее вино... ну, понятно, вы не просто отказались бы, но и сделали бы это в весьма резкой форме. И весьма для меня обидной. Дескать, сейчас у вас радость выше...

— Ну что вы, сэр Сатана, — сказал я, — я же теперь Его Светлость, я слежу за тем, что говорю даже во сне. Я бы отказался вежливо. Очень вежливо...

— ...что выглядело бы еще более оскорбительно? — спросил он. — А почему умствуете обо мне, а не, скажем, о кораблях?

— От кораблей уже тошнит, — признался я. — Над другим вопросом голову ломаю, когда вас вижу. Над богословским. Даже не вопросом, а проблемой.

— Надо же, — произнес он, не меняя тона. — Над проблемой!.. Можно еще вина? Спасибо.

— Представьте себе, над проблемой.

— И в чем ее глубина?

Я тяжело вздохнул.

— Вот никак не пойму... если все делается по воле Господа, по Его вселенскому плану, то, возможно, и вы тоже выполняете какую-то очень важную и нужную роль, которую Он вам поручил?

Он отшатнулся.

— Ничего Он мне не поручал!

— Мне тоже, — вздохнул я. — Но вот чувствую, хоть убейте, всем нутром чувствую, что выполняю Его волю! А я такая свинья, еще не отвык бунтарить, я же молодая еще свинья, потому не хочу выполнять даже Его волю!.. Хочу жить и работать по своей, но в то же время желал бы, чтобы мои действия в чем-то и как-то совпадали с Его генеральной линией. А если и буду колебаться и рыпаться, то тоже чтобы вместе с Его замыслом...

Он поморщился.

— Ну тогда какая вам разница, выполняете Его волю или идете сами тем же путем?.. Я вот точно не выполняю Его волю! Я восстал против нее!.. Я взбунтовался!.. Я оторнул Его!..

— А вдруг, — сказал я, — это такая хитрая... нет, мудрая политика? Чтобы мы, даже бунтуя, делали то, что Он замыслил?..

Он вовсе скривился, на лице проступило сильнейшее отвращение.

— Знаете ли, сэр Ричард... Меня называют Отцом Лжи, но если честно, то лжи я научился от вас, людей. Первыми начали врать Адам и Ева... ну, сперва отрицали, что срывали тот плод с дерева, который все дураки почему-то именуют яблоком, потом вообще врили на каждом шагу. Для нас, ангелов, это вообще было что-то особое, новое, непостижимое, никто вообще не мог понять, как это можно говорить неправду. Я вообще горел на медленном огне, говоря фигурально, все-таки ангелы несгораемы, но никак не мог заставить себя соврать хоть в малости. Это бесило и злило, жалкий мелкий человечек, существо из мокрой глины, может то, что не могу я?.. И, скажу с гордостью, первым все-таки сумел переломить свою натуру и выйти на более высокий уровень, когда можно солгать, глядя прямо в глаза, — я. Многие ангелы до сих не умеют лгать. Я не

говорю про тех, что шли с Михаилом, но даже те, кто со мной.

— Здорово...

— А человек, — сказал он с кривой улыбкой, — все больше усвершенствовал ложь, облагораживал ее, придавал ей оттенок благородства и даже изящества. Появилась большая «ложь во спасение», мелкие разновидности вроде той, что людям надо говорить приятное, и неважно, что на самом деле вы о них думаете...

— Женщинам комплименты, — подсказал я.

Он кивнул.

— Вот-вот, это тоже ложь, но ее вывели из тени, теперь она как бы обязательное свойство хорошо воспитанного человека. В то время как простолудин может говорить правду...

— Как ангелы, — сказал я. — Воистину Господь сказал, блаженны нищие, им все по фигу. Ангелы, дураки и юродивые одинаково чисты и безгрешны.

— Оставшиеся верными Господу ангелы, — уточнил он. — А те, в которых вы заронили сомнения... хотя это приписывается мне, те уже не блаженны, ибо не дураки и не юродивые.

— Сэр Сатана, — сказал я, — а что вы посоветуете насчет покорения архипелага?

— Чтобы выслушать и поступить наоборот? — спросил он с хитрой улыбкой. — Но, зная это, могу посоветовать идти в правильную сторону, чтобы вы пошли в обратную. Но вы, зная, что могу так поступить, сразу пойдете в ту, которую я посоветовал. Но если это я посоветовал, просчитав ваши расчеты? В общем, повторяется история с моим советом взять королевскую корону немедленно. Но я, как ваш друг, кем бы вы меня ни считали, буду деликатнейшим образом что-то советовать или хотя бы предлагать варианты... Вы не против?

— Против информированности? — удивился я. — Что вы, совсем напротив? Кто не хочет умереть от жа-

жды, должен пить из всех стаканов. Для государя не имеет значения, откуда важные сообщения... лишь бы не ложные.

Он кивком позволил налить ему еще, с удовольствием смотрел, как золотистая пена элегантно поднимается, создает ажурную шапку, превращает ее в шляпку гриба и нависает нежнейшей бахромой по краям кубка.

— Монах, говорите? — перепросил он задумчиво. — Стоит пожертвовать глазом ради создания такого чуда. Я бы вообще назвал это шампанское не по имени какой-то чахлой Шампани, а по имени монаха...

— Лучшее шампанское носит имя «Дом Периньон», — ответил я. — Видимо, Господь не так уж строг... или понимает, что мы не можем быть такими же чистыми, как он. Все-таки в каждом из нас семя первородного Змея, а выдавить его из себя не так просто, нужно время. Потому да, я уже послал в Ундерленды посла.

— К королю? — спросил он.

— К Кейдану, — возразил я. — Королем я его уже не считаю.

Он спросил с интересом:

— А что насчет герцога Готфрида?

— Вы же знаете, — сказал я зло, — не можете не знать! Приятно поковырять гвоздем в моей ране?..

— Ну что вы, дорогой друг...

— Герцог не желает даже рассматривать такую возможность. Потому вам к нему не подступиться, верно? А я вот более прагматик. Я могу пойти на сделку с совестью. В каких-то пределах.

Он помолчал, произнес почти с сочувствием:

— Когда-то у вас был шанс стать императором. Помню, как сейчас, очень уж удачная ситуация там сложилась...

Я поежился, вспомнив, в чем состоял экзамен.

— Не знаю, но мне кажется, тогда я был юн и ах-ах как благороден, что значит — дурак, а сейчас доста-

точно подл, что в переводе на обычный язык значит — практичен, умен и умею уживаться в обществе.

Он поморщился.

— Ну, зачем вы так... нехорошо. Есть и другие слова, корректные. Хотя в чем-то правы, для короля необходима беспринципность. Я бы даже сказал, крайняя беспринципность! Ибо в его королевстве всякие люди, верно? Он должен быть королем для всех, не так ли?

— И для преступников? — спросил я.

— Преступников следует, — произнес он, — истреблять. Но если начнете истреблять беспринципных, рискуете оказаться в пустыне. Беспринципными оказываются время от времени все люди. Одни постоянно, другие редко, кто-то совсем редко... В зависимости от стойкости перед обстоятельствами.

Он засмеялся, наслаждаясь моим замешательством.

— И что, — спросил я, — принципиальных совсем нет?

— Почему же, — ответил он спокойно, — их немало. Но, как вы сами уже поняли, не они рулят миром. Потому вы, как бы это сказать помягче и деликатнее, сказали «а», говорите и «бэ».

Я спросил настороженно:

— Что вы имеете в виду?

— Ваш пассаж, — сказал он, — насчет того, что и я выполняю какое-то тайное задание Господа Бога.

— А что, не так? — спросил я. — Это вполне может быть. Неисповедимы пути Господа. Он выше нас, как мы выше и умнее муравья.

Он покачал головой.

— Не понимаете или притворяетесь?

— Не понимаю.

Он сказал медленно:

— Вы уже поняли, что прав я. И вам очень хочется наконец-то это признать. Однако вы не можете это сделать то ли в силу упрямства, то ли в силу остатков

убеждений. И вот вы придумали, что на самом деле мы с Богом идем в одной упряжке, и если вы примете мою сторону, то вы с виду как бы против Господа, но на самом деле будете выполнять Его тайную волю, как выполняю ее я, сам того по дурости не ведая.

Я сказал смущенно:

— Я не это имел в виду... вообще-то.

Он поднялся, на темном лице ярко сверкнули в широкой дружелюбной улыбке ослепительно-белые зубы.

— Да? А я понял так... вы и сами понимаете, втайне от себя самого.

Он элегантно поклонился, моментально исчез, в комнате сразу потемнело, свечи не в состоянии дать этот чистый радостный свет, что носят в себе ангелы, верные небесному сюзерены или взбунтовавшиеся.

Голова разогрелась, будто сижу на морозе мордой слишком близко к костру. И кожу щиплет, и лоб накаляется, как чугунок на огне. А что, если он не просто меня уел, а сказал правду? А я просто из трусости и нежелания признать, что не туда пошел, упряплюсь, как осел на рынке?

Что, если в самом деле, незаметно для самого себя, подвожу почву, чтобы... ну... больше сотрудничать с Сатаной? С ним это проще и приятнее, у него свобода, равенство и братство, можно все, а у Господа строгие установки, туда не ходи, этого не делай, а подпрыгнешь — попытка удрать по воздуху...

Понятно же, что большинство, наконец-то вырвавшись из-под власти родителей, не захочет над собой ничьей другой власти, и плевало это никогда не взрослеющее большинство на все моральные установки, за исполнением которых строго следили дедушка с бабушкой, а также папа с мамой, а у богатых — еще и гувернантки или гувернеры.

Потому большинство становится атеистами, но не от убеждений, а от лени и нежелания думать над чем-то

еще, кроме как о жене соседа. Таким и Бог, и Сатана одинаково безразличны, но когда безразличны... выигрывает все-таки Сатана.

По улицам несли большой крест с грубо вырезанной фигурой распятого Христа, монахи хором читали воскресную, а толпа народа, постоянно крестясь, повторяла за ними отдельные слова, что удавалось запомнить.

Затем крест внесли в королевский сад, трижды обогнули с ним дворец, с тем же монотонным пением вышли. Услышав их голоса, я выскочил на балкон, чуть было не прикрикнул, чтоб не шумели, потом сообразил, что это входит в подготовительный ритуал коронации.

Барон Альбрехт, как наиболее цепкий и хваткий, взял в свои руки управление сложным процессом, составил список, кто должен присутствовать при торжественном моменте коронования сэра Ричарда, кто должен что нести: кто скипетр, а кто хвост длинной мантии, кто где встанет и что скажет.

Я чувствовал тоскливое раздражение, вообще не люблю ритуалы, раньше посмеивался, но сейчас все слишком серьезно, и от этого многое зависит, потому должен все принимать смиренно, это потом развернусь и озверю, вкусив абсолютной или почти абсолютной власти...

Альбрехт составил длинный список необходимого, я с облегчением видел, как время от времени вычеркивает, то ли как сделанное, то ли как то, без чего обойтись можно.

С этим списком он и подошел ко мне, очень деловой и собранный.

— Осталось получить согласие половины лордов, — сообщил он довольно, — но с этим у вашей светлости проблем не будет, пусть только пикнут... затем вы

должны облачиться в доспехи Первого Короля и в них принести клятву верности идеалам королевства, держа правую руку на мече, а левую на сердце...

— Нет проблем, — сказал я, — а что за доспехи? Чем-то особенные?

— Ничем, — ответил герцог Фуланд почтительно, — кроме великой древности.

— Древность освящает, — согласился я. — Хорошо, давайте эти доспехи! Примерим.

Они переглянулись, герцог довольно кивнул, барон сказал почтительно:

— Тогда, ваша светлость, проследуем в королевский арсенал. И, надеюсь, скоро буду обращаться к вам, как вы заслуживаете больше: «ваше величество»...

Я буркнул:

— Барон, не язвите. Вы будете обращаться ко мне всегда, как и сейчас можете, по имени. Это относится ко всем моим друзьям и старым соратникам.

Он ехидно улыбался, уел, а церемониймейстер, чувствуя важность момента, самолично вел всю нашу группу по залам и переходам, потом мы шли через подземный ход, наконец оказались в той отдельно стоящей башне, вход в которую охраняется особенно тщательно.

— Королевский арсенал, — провозгласил герцог Фуланд торжественно. Он подобрался и стал еще строже и недоступнее. — Здесь фамильное оружие...

За моей спиной слышался восторженный шепот, я осматривался с подобающим выражением лица, что значит — без всякого выражения, я сам по себе король, уже хозяин всего этого склада, а не случайно попавший сюда пастушонок.

Кроме развешанного по стенам оружия, в углах стоят массивные рыцарские статуи. Доспехи умело одеты на вытесанные из дерева фигуры, впечатление такое, что старинные рыцари наблюдают за пришельцами и готовы вышвырнуть нас, как дворовых собак.

Герцог с удовольствием прошелся вдоль стены, кое-что педантично поправил, повернулся к барону Альбрехту.

— Можно, — произнес он.

Барон повернулся ко мне, учтиво поклонился.

— Ваша светлость, встаньте вот здесь и растопырьте руки в привычном для вас жесте, дескать, что вы из-под меня хотите?

Я буркнул:

— Не грубите, барон. Вы же благородный человек, а выражаетесь, как плотник какой-то, которому молот уронили на ногу.

Но руки я растопырил, с полдюжины помощников начали снимать с одной из статуй части доспехов и надевать на меня, сцеплять с другими, где умело вкладывая выступы в пазы, где скрепляя крепкими ремнями.

Я терпел, хотя тяжесть начала пригибать к земле. Стальные доспехи в два пальца толщиной, шлем вообще как пивной котел, для глаз щелочка узкая, будто у меня совсем уж свинячьи глазки...

Когда закончили, я ощутил, будто несу на себе все грехи мира. Чарльз Фуланд оглядел меня с удовольствием.

— Отлично, — произнес он. — Осталось только на коня, а оттуда принести присягу.

Барон сказал мне весело:

— Ваша светлость, вам там слышно?.. Прошу на выход.

Я двинулся в обратный путь, еле переставляя ноги. К счастью, вскоре вышли во двор, конюхи вывели арбогастра. А Бобик ликующе прыгал вокруг и старался понять, что за игру затеяли эти взрослые и такие бесконечно мудрые существа.

Я чувствовал, что не только вскочить, но и влезть не смогу, невольно огляделся в поисках седального камня. Герцог понял и вежливо указал наверх.

Навес крыльца продолжен двумя толстыми балками, оттуда уже спускают приспособление из толстых веревок. Понятно, я должен вдеть руки вот в эти петли, а крюком меня зацепят за металлический пояс, поднимут, потом вон те трое дюжих молодцов повернут ту балку, похожую на стрелу подъемного крана... кстати, это и есть его прадедушка, вот откуда это приспособление перешло в строительную технику...

Герцог сказал почтительно:

— Ваша светлость, прошу вас слегка приподнять руки... надо завести веревки...

Я проговорил раздраженно:

— Сэр Чарльз, что-то здесь не то.

Он переспросил:

— Что? Что вы говорите, ваша светлость?

Голос его звучал глухо, а мой вообще весь оставался в этом колоколе, одетом на голову. Я с трудом поднял руки и, натужившись, снял с головы шлем, чувствуя, что держу в руках походный котел на отряд из двадцати человек.

На меня уставились в недоумении как герцог и барон, так и с полсотни придворных, что выбежали посмотреть на церемонию.

— Традиция, — сказал я громко, — хороша! Традиции нужно чтить! Я рад, что мой народ всегда с готовностью готов раздвинуть ноги навстречу традиции. Следовать традиции — значит отдавать свои голоса самой загадочной партии — партии наших предков, что есть хорошо и мудро, да, ага, я люблю править таким народом. Потому я, выказывая еще большее уважение традиции, велю эти славные доспехи поставить на самом видном и почетном месте в королевском дворце! А стража при смене караула пусть отдает им честь. А еще пусть дети приносят раз в год цветы и возлагают у подножья. Подножье — это где задние ноги.

Обалдевшие, они молча снимали с меня толстые плиты железа, по структуре больше похожего на чугуны, даже на чунгун.

Я вздыхал с облегчением, а когда убрали последнюю, просто возликовал — до чего же жизнь, оказывается, хороша! И всего-то надо сперва влезть в тесную нору, а потом вылезти.

Глава 19

Все-таки во мне разные личности: ночью спал, как бревно, даже снились сочные женские задницы, голова неустанно прорабатывала варианты коронации себя любимого и планы перестройки королевства, чтобы все пели и плясали, сердце рвалось капитанобладить под всеми парусами под флагом Веселого Роджера, а трусливая селезенка строила вокруг дворца неприступные стены.

С утра я созвал Тайный Совет, на этот раз в нем присутствуют все командиры отрядов, которых граф Ришард вернул в Геннегау, некоторых я сразу приспособил к работе, объяснив, что работа с бумагами дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

Тягостное предчувствие беды охватило с того момента, как выбрался из постели, и чем больше расправлял плечи и смотрел соколом, тем сильнее нарастало это недоброе ощущение приближения чего-то очень нехорошего.

Лорды и командиры молча заняли места за столом, все серьезные и молчаливые, то ли передалось мое настроение, то ли сами замечают признаки надвигающейся грозы.

— Мы не только друзья, — сказал я, — но и, что важнее, единомышленники. У нас одна цель, одна воля, одно стремление — принести в это погрязшее в грехе

королевство Слово Божье. Мы это сделали, но темные силы не унимаются! Вы знаете, в честном поединке они бессильны, зато начались подлые заговоры и бесчестные покушения на жизнь сюзерена.

Барон Альбрехт на правах самого близкого ко мне человека, не считая нахмурившегося сэра Растера, уточнил:

— Ваша светлость, Кейдан готовится нанести удар, собирает сторонников. Нужно его опередить.

— Нанести контрудар! — громыхнул сэр Растер. — Дайте мне отряд, я сегодня же отправлюсь в Ундерленды...

За дверью послышался шум. В дверь заглянул Фердинанд Лассаль, помощник сэра Жерара.

— Ваша светлость, — сказал он торопливо, — простите... Прибыл гонец.

— Впусти, — ответил я машинально.

В комнату не вошел, а вбежал гонец. Усталый, запыленный и с такими отчаянными глазами, что у меня сердце оборвалось и упало в бездну.

— Лорды, — сказал я повелительно, но упавшим голосом.

Барон Альбрехт поднялся первым, отвесил церемонный поклон.

— Ваша светлость...

За ним начали вставать остальные, слышались приглушенные шелестящие голоса, полные сочувствия и поддержки:

— Ваша светлость...

— Ваша светлость...

Едва за ними закрылась дверь, я с трудом выдержал паузу и повернулся к гонцу:

— Что?

Он преклонил правое колено.

— Ваша светлость, недобрые вести из Гандерсгейма.

Я чувствовал охватывающий меня с ног до головы липкий страх.

— Говори!

— Граф Ришарг передал это послание.

Он протянул свернутый в тугой рулон лист бумаги, весь перевязанный красными лентами, а сверху все скреплено зловеще-красными сургучными печатями с обширными потеками.

Я ухватил торопливо, но пересилил себя и спросил:

— Ты воин? Вижу по тебе. Скажи своими словами, что там стряслось?

Он поклонился.

— Ваша светлость, — произнес он тихо, но таким отчаянным голосом, что у меня резко заболело сердце, — мы уже прижали варваров к морю! Оставалось либо добить, либо сбросить в океанские воды... но неожиданно на горизонте появились сотни кораблей! Не таких огромных, как у адмирала Ордоньеса, даже совсем мелких, но зато их было столько, что просто воды не стало видно! И на каждом — воины. Десант они высадили по всему побережью Гандерсгейма! Перехватить всех мы не успевали, пришлось отступить, чтобы нас не взяли в кольцо...

Я спросил пересохшими губами:

— Насколько... сильно?

Он заверил торопливо:

— Потери? Нет-нет, ваша светлость, отступили организованно. Они нас не возьмут, почти все города и королевства в наших руках. По вашему очень мудрому повелению там везде с первого же дня строили ворота и наращивали стены! Только теперь все поняли, насколько далеко вы смотрите в будущее!.. Варварам и пиратам нас не взять, ваша светлость, как вы и предусмотрели. Но граф Ришарг решил сперва перегруппировать войска, прежде чем ударить по новому противнику...

— Разумно, — произнес я тяжелым голосом. — Оставайся здесь, я велю принести еды. Никуда не выходи, ни с кем не говори. Не стоит, чтобы друзья печалились, а враги ликовали... Я составлю ответ, сразу же повезешь обратно.

— Слушаюсь, ваша светлость.

В соседней комнате, что тоже мой кабинет, вскрыл печати, засыпав багровыми осколками сургуча поверхность стола, жадно впился взглядом в размашистый почерк графа Ришара.

Он сообщал то же самое, только скупо и не столь драматично. Варваров преследовала, как он написал, только небольшая часть войска, остальные находились в крепостях и заканчивали их обустройство для надежной защиты. Вторжение с кораблей явилось неожиданностью, но в одном месте даже удалось опрокинуть пиратов и сжечь их корабли, но численный перевес заставил отступить в города-крепости. Пиратам их не взять, у них нет ни катапульт, ни даже лестниц. А пока наделают, стены защитники поднимут еще выше, а лучники уже сейчас расстреливают всех, кто рискует приближаться.

Ришар писал о том, что видел, он уверен, что пираты пришли на помощь варварам, с которыми у них кровное родство, но я успел повидать больше, прекрасно знаю, вторжение направлено не на защиту Гандерсгейма от нас, чужаков. Гандерсгейм уже давно и для пиратов стал чужим.

Сэр Жерар явился по моему зову с бароном Альбрехтом, как я и велел, по моему нетерпеливому жесту сели за стол и смотрели на меня молча и с сочувствием.

— Пока обсудим с вами, — объяснил я. — Уточним кое-что, а то на Совете начнется сумятица.

— Но что случилось? — спросил сэр Жерар.

— Вторжение в Гандерсгейм, — сообщил я. — Пираты!.. Но не на помощь варварам, как полагает граф Ри-

шар. Помните, корабли Ордоньеса столкнулись с ними в море и потопили два десятка?..

Сэр Жерар кивнул.

— Да, все знают.

— Недавно была вторая попытка, — сообщил я, — когда полсотни кораблей пытались прорваться в бухту. Часть потопили сторожевые башни, а проникших в залив уничтожила только что прибывшая «Богиня Морей». Потопленные корабли оказались перегружены войсками для вторжения.

— Ого, — сказал сэр Жерар пораженно, — на экипажи не надеялись?

Барон Альбрехт предположил:

— Боялись, что силами экипажей не успеют разрушить все строящиеся корабли, сжечь верфь и разрушить постройки на берегу.

— Верно, — согласился я. — В конце концов пираты наконец поняли, что прямая атака с моря либо ничего не даст, либо будет стоить очень дорого...

Сэр Жерар слушал внимательно, барон Альбрехт сказал негромко:

— Значит, решили зайти с другой стороны?

— Именно, — сказал я. — Но высаживаться на берег недалеко от Тараскона рискованно, там множество народу, много войска, могут дать отпор, теперь понятно?

Сэр Жерар еще смотрел непонимающе, но барон сказал уверенно:

— Гораздо умнее высадиться в Гандерсгейме, который хоть и далеко, зато там родственник народ, некогда переселившийся с островов... Соединившись с ним и перегруппировавшись в могучее войско, можно сделать победный марш на Сен-Мари, где ударить по Тараскону с тыла. Так в самом деле могли бы камня на камне не оставить от сторожевых башен, от порта. Так?

— Точно, — подтвердил я. — Они не учли только, что мы, как новые власти Сен-Мари, сами предприня-

ли попытку покорить Гандерсгейм! И почти закончили завоевание. Так что союзников там найти можно, но трудно. В их руках сейчас только часть берега, Гандерсгейм все еще наш. Из крепостей нас не выбить.

— Но войско там увязло, — сказал наконец сэр Жерар до жути трезвым голосом. — Что-то мне очень не нравится все это. Как-то странно совпало с этой серией покушений, заговоров...

Барон буркнул:

— Случайность. Где сторонники Кейдана, а где пираты!

— Да я знаю, но все равно как-то тревожно.

Я расстелил на столе карту и повел по ней пальцем.

— Вот смотрите. Островные варвары намеревались совместно с гандерсгеймскими продвинуться по крайней мере до Тараскона. Там бухта, ради которой они готовы пожертвовать десятками кораблей и тысячами жизней, там строится такой страшный для них флот больших кораблей!

— Хороший план, — одобрил барон, — простой, но верный. Ударить с тыла гораздо проще, чем пытаться с моря прорваться в бухту. Зайти с тыла и спокойно сжечь все строящиеся корабли. А может быть, и захватить секреты изготовления таких гигантов.

Сэр Жерар уточнил:

— Как мы помним, в прошлый раз варвары из Гандерсгейма почти дошли до Тараскона.

— Почти, — согласился я, — а совместные силы могли бы захватить королевство полностью. К тому же башни с гарпунами и катапультами защищают бухту только с моря, а со стороны города бухта и верфь беззащитны.

— Что делать, ваша светлость? — спросил сэр Жерар.

— Срочно набрать молодых мужчин из простолоудинов! — распорядился я. — Создать из нее дисципли-

нированное войско! Вызвать из Гандерсгейма барона Максимилиана фон Брандерсгерта, я передаю ему в командование набор и обучение солдат. Они все-таки могут попытаться высадить большой десант как здесь, так и правее или левее Тараскона. Нам нужно боеспособное войско, способное защитить новорожденный флот и с суши.

В дверь заглянул барон Эйц, он уже и сам начинает помогать заморенному работой и обязанностями сэру Жерару.

— Ваша светлость... — произнес он тревожным, как мне показалось, голосом, — гонец из Армландии!

Холод коснулся моего спинного хребта, а сердце болезненно заныло. Я заставил губы раздвинуться в улыбке.

— Из моей драгоценной и любимой Армландии?.. Давай его сюда.

Он отступил от открытой двери, махнул рукой.

— Сэр Иоганн!.. Его светлость готов вас принять.

Через порог переступил средних лет мужчина, худой и жилистый, с узким лицом и острыми глазами. Без доспехов, только мелкочаеистая кольчуга, кожаные брюки и высокие сапоги с золотыми шпорами, гонец не простого звания, что-то особо важное.

Он преклонил колено, не сводя с меня сурового взгляда.

— Ваша светлость.

— Сэр Иоганн, — сказал я.

Он поднялся и произнес четким голосом:

— Спешная весть, ваша светлость.

Удерживая на лице улыбку, я произнес легко:

— Какие новости из любезной моей сердцу Армландии? Говорите, это сэр Жерар и барон Альбрехт — доверенные люди.

Он произнес так же четко, не отрывая от меня испытующего взгляда:

— Вашей светлости надлежит знать, что войска короля Гиллеберда перешли границу и вторглись на территорию Армландии!

Сэр Жерар охнул, барона перекосило так, словно скрутила судорога, а я смотрел молча и с неподвижным лицом, в черепахе пусто, только одна тоскливая мысль мечется и стучится в стенки, не видя выхода: все потеряно, все потеряно...

— Как это случилось? — спросил я перехваченным горлом.

Он сказал зло:

— Он готовился давно! У него были готовы карты, все заранее роздано командирам отрядов. Те сразу прошли в глубь наших земель, где и закрепились в очень удобном месте. К ним не подступить ни с одной стороны, а со спины вырыли гигантский ров.

— Значит, — спросил я, — наступление прервано?

Он покачал головой.

— Вряд ли. Туда все время подходят войска из Турнедо.

— В каком направлении могут двинуться?

Он посмотрел исподлобья, мне показалось, что хочет выругаться за глупый вопрос.

— В любом, ваша светлость. В замках не осталось больших гарнизонов. Три четверти рыцарей, если не больше, ушли с вами в Сен-Мари. Укрепления продержатся недолго. Гиллеберду достаточно начать атаку на любой замок с двух сторон, у защитников просто не хватит людей, чтобы охранять стены по всему периметру!

— Кто-то уже сдался? — спросил я.

Гонец смотрел прямо и бесстрашно.

— Никто не сдался, ваша светлость. Но уже трое пограничных лордов согласились принять защиту короля Гиллеберда в обмен на добавочные вольности. Еще пятеро колеблются, торгуются. Если и они примут ус-

ловия короля Турнедо, ничто не помешает его войскам идти в глубь Армландии.

Сэра Жерара, похоже, испугал мой вид, он сказал торопливо:

— Ваша светлость, это еще не разгром! Хотя, конечно, король Гиллеберд — великий политик и умелый стратег. Он всегда умел ждать.

— Еще бы, — проговорил барон Альбрехт непривычно для него тяжелым голосом, — удачнее времени не выбрать. И само наступление ведет хирургически точно и умело.

Он отвел от меня взгляд, чтобы не сказать, что я, редкостный дурак, оголил Армландию, которую клялся защищать. Более того, даже сейчас ничего не могу сделать! Войско завязло в Гандерсгейме, ни одного человека не могу оттуда снять, тем более что там проклятый десант с моря...

В голове зашумело, весь мир застлала серая мгла. Мне показалось, что теряю сознание, и с ужасом понял, что удар оказался тяжелее, чем если бы просто обухом в лоб.

Как сквозь вату донесся обеспокоенный голос сэра Жерара:

— Что с ним? Ваша светлость, попейте водицы...

Я, все еще в полубессознательном состоянии, покачал головой.

— Возьмите сэра Иогана, накормите. Я буду думать... Не может быть, чтобы не отыскалось выхода. Не может такого быть...

В глазах все еще серая мгла, но я слышал шорох и топот ног, когда они осторожно оставляли потерпевшего сокрушительное поражение лорда наедине с его мыслями.

Я сжал голову ладонями, перед глазами постепенно мелькающие светлые мушки разрослись в пятна, слились воедино, я все в том же кабинете, но теперь ни-

когда не буду чувствовать себя в нем так беспечно, как раньше.

Тоска такая, что броситься бы в бой и красиво погибнуть, но и это не получится, все равно потом демократы все обосрут и обгадят. Вон отчаянное желание моего тезки, короля Ричарда II, броситься в бой и либо победить, либо погибнуть они в духе своих подлых и трусливых душ истолковали как желание убежать с поля боя. А ведь Ричард, не найдя коня, пешим ринулся в бой, чтобы отыскать и убить последнего из Ричмондов. Он его отыскал, но уже был настолько изранен, что в поединке пал от его руки.

Но, увы, все плебеи уверены, что король был трус и хотел бежать так отчаянно, что предлагал за коня полцарства. Еще бы, они именно так бы и поступили! Кстати, почему полцарства? Ах да, из той дури, где одному дураку другой дурак предлагает руку царской дуры-дочери и полцарства в придачу...

Я ощутил, что мой мозг, стараясь увильнуть от осознания катастрофы, привычно подсовывает моменты, где все дураки, а я такой умный, все понимаю, и хотя та умность в придуманном мире, но там так комфортно, что не нужны даже наркотики или дурманящее вино...

И вдруг заметил, что в кресле напротив в свободной позе расположилась леди Бабетта, очень серьезная, хотя все такая же ослепительно красивая и сочная.

Взгляд ее прекрасных глаз полон сочувствия, но, когда увидела, что я пришел в себя, заговорила ровным и позванивающим, как клинок остро отточенного меча, голосом:

— Сэр Ричард... у меня в руках указ Его Императорского Величества.

Я насторожился, никогда ее голос не был еще так сух, спросил, в свою очередь, сдержанно:

— Да? Что-то в последнее время Его Императорское Величество весьма благосклонен ко мне.

— Сама удивляюсь, — ответила она легко, но все так же без улыбки. — Чем-то вы его заинтересовали.

— Что за указ?

Она помедлила с ответом, ее глаза рассматривали меня испытующе.

— Очень серьезный, сэра Ричард. Очень. И от того, как вы поведете себя, будет зависеть очень многое. Вы даже не представляете, насколько.

— Ну-ну, — сказал я, хотя от ее легкого голоса повеяло холодом. Не смертельным, но достаточно колючим, чтобы я подобрался и спросил уже другим тоном: — И что же?

Она протянула мне свернутый в трубку и запечатанный магическими печатями лист, которые может сломать только тот, кому предназначено.

— Читайте.

— Вы знаете, — уличил я, — о чем там. Скажите своими словами. Без пышных титулов, что занимают половину текста, а то и больше, без предисловий...

Она кивнула, все так же не сводя с меня пристального взгляда.

— Как скажете, сэра Ричард. Еще раз предупреждаю, отнеситесь к написанному со всем вниманием, которого вам частенько недостает. И уважением, которого вы вообще ни к кому не испытываете. Император хорошо знает ваши планы.

Я спросил резко:

— Какие именно?

Она ответила уклончиво, но не опустила взгляд:

— Пока речь о желании ваших северных лордов посадить вас на королевский трон Сен-Мари. Да и вашем тоже. Я уже сообщала вам, сэра Ричард, о неудовольствии Его Императорского Величества такими опасными стремлениями. Сейчас же Герман Третий, будучи убежденным сторонником легитимной власти, запрещает вам принимать их предложение.

Я пробормотал:

— Ого!.. Даже запрещает? Сперва пряники, титулы, а теперь вот наконец-то и плеть?

Она позволила краешкам губ сымитировать подобие улыбки.

— Пряник тоже есть. В случае послушания воле Его Императорского Величества вы получаете титул фюрста с соответствующими регалиями и знаками отличия. Это легитимно и будет признано всеми государями.

Я приподнял иронически бровь.

— Всего лишь фюрста? Мне казалось, эрцгерцог выше...

Она покачала головой.

— Вы же знаете, в разное время и в разных странах старшинство нарушается в силу местных условий и особенностей. Иногда нарушается весьма сильно. В этих краях фюрст почти равен эрбпринцу, что значительно выше герцога и эрцгерцога. В давние времена фюрсты стояли в иерархии правления сразу после короля, если вы этого раньше не знали... Или знали? К сословию фюрстов относятся эрцгерцоги, герцоги, ландграфы, маркграфы, пфальцграфы, а также, что для вас особенно важно, архиепископы и епископы. Ну, как духовные фюрсты.

Я смотрел на нее пристально, быстро прогоняя в уме разные варианты. До этого момента Бабетта ни разу не касалась щекотливой темы моих взаимоотношений с Церковью. Как будто ее и не существовало. Да и сейчас упомянула лишь для того, чтобы бросить песчинку на нужную чашу весов.

— Эрцгерцоги, — сказал я, — герцоги, ландграфы, маркграфы, пфальцграфы... Это все прошлое. Ну ладно, эрцгерцог — настоящее. Я все равно не понял, почему титул фюрста предпочтительнее?

— Эрцгерцог, — ответила она, — это титул, который могут дать и могут забрать. А фюрст... у фюрстов свои владения, их обычно именуют княжеством, хотя это не

совсем точно, но сейчас это неважно. В каждом княжестве есть только один фюрст, его дети носят титулы принцев...

Я порылся в памяти, уточнил:

— Это если в независимых княжествах. А в зависимых всего лишь графья.

— Сэр Ричард, — сказала она торжественно, — император выдаст все бумаги на владение вами независимым княжеством! В том смысле независимым, что даже император не волен будет его отнять. Это будет засвидетельствовано его подписью и печатью. В присутствии свидетелей.

Фюрст, мелькнуло у меня в голове, высший аристократический титул Священной Римской империи. Выше его только король и император. Однако со времен Священной Римской много воды утекло, система титулования и соподчинения все усложнялась, к тому же приходилось как-то вписывать в уже сложившуюся таблицу родовую знать присоединенных земель, у которых своя иерархия, процесс долгий и сложный, так что фюрст уже не совсем то, что было во времена Карла Великого... или Оттона, это неважно.

— Будет признано всеми государями, — повторил я с неприязнью. — Это как?

— Именно так, — пояснила она. — Всеми.

— Какими всеми?.. — переспросил я. — Херлуфом Сильвервудом в Вестландии?.. Королями на Южном континенте, которым до меня нет дела, как и мне до них?

Она произнесла строго, совсем не по-бабетьи:

— Сэр Ричард, это значит, что вас признают фюрстом со всеми его полномочиями, привилегиями и правами государи как на Юге, так и на северном континенте... где влияние императора гораздо сильнее, чем вы склонны в своей чистой наивности думать.

От ее чеканных слов веяло холодом, но глаза говорили, что выдает мне больше, чем должна, этого гово-

ритель не уполномочивали, сама и по своей воле приоткрывает некоторые тайны... И сколько тут правды и где начинается ложь, не смогла бы сказать, наверное, даже другая женщина.

Я долго смотрел в ее лицо, сейчас непроницаемое, просто передает, что ей велели, ничего от себя... или почти ничего, ровный и спокойный взгляд, хотя замечаю в нем напряжение и нечто еще... неужели неуверенность?

Знает ли, что я прижат к стене, сейчас и самому не до трона, в доме пожар, не знаю, за что хвататься? Или, кто знает, может быть влияние императора в самом деле настолько велико, что это он, не давая скинуть Кейдана, устроил вторжение Гиллеберда? А то и пиратов? Нет, это совсем уж дико...

— Хорошо, — ответил я. — Мне надо подумать. Как вы понимаете, да, нужно. Я благодарю Его Императорское Величество за такое щедрое предложение. Надеюсь, Его Императорское Величество оценит мою готовность...

Она спросила медленно, но таким голосом, что я отчетливо услышал угрозу:

— Обещаете всего лишь подумать?

Я вздохнул, нечего трепыхаться, она прекрасно видит, насколько я прижат, почти расплюсчен по стене.

— Принимаю, — ответил я хриплым голосом. — И благодарю Его Императорское Величество за доверие и столь... значимый титул.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	83
Глава 9	92
Глава 10	99
Глава 11	110
Глава 12	121
Глава 13	128
Глава 14	137
Глава 15	146
Глава 16	155

ЧАСТЬ II

Глава 1	167
Глава 2	177
Глава 3	186
Глава 4	193
Глава 5	200
Глава 6	212
Глава 7	219
Глава 8	228

Глава 9	235
Глава 10	244
Глава 11	253
Глава 12	261
Глава 13	271
Глава 14	278
Глава 15	287
Глава 16	294
Глава 17	309

ЧАСТЬ III

Глава 1	315
Глава 2	325
Глава 3	331
Глава 4	338
Глава 5	345
Глава 6	351
Глава 7	361
Глава 8	368
Глава 9	376
Глава 10	382
Глава 11	390
Глава 12	398
Глава 13	408
Глава 14	417
Глава 15	426
Глава 16	433
Глава 17	443
Глава 18	450
Глава 19	463

Литературно-художественное издание
БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ФЮРСТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Григорьев*
Корректор *Л. Фильцер*

В оформлении переплета
использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 10.03.2011. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 65 000 экз. Заказ № 5146.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-48909-1

9 785699 489091 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н,
г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kancc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-86-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый южный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.**

ISBN 978-5-699-48909-1

9 785699 489091 >

Фич@ру

Длинные Руки —

фюрст

